

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

3 2044 021 941 687

p Slav 475.65

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Р. Слав. 475.65 (1900)

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

«Во тѣхъ невѣжества». (Очеркъ изъ недавняго прошлаго). Д. В. Федорова	9
II. Осень жизни. Стихотвореніе А. В. Круглова	14
III. Гигіена и ея значеніе въ жизни человѣка. (Къ вопросу о необходимости введенія гигиены въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Д. П. Райскаго.	45
IV. Мечта. Стихотвореніе Ѳ. Сологуба.	64
V. Несчастливая находка. Разсказъ К. Максимова.	66
VI. Францъ фонъ-Зикингенъ. (Страницка изъ исторіи Великой реформаціи). Б.	89
VII. Разочарованіе. Стихотвореніе Г. Арищенни	107
VIII. Пionерки. (Романъ въ трехъ частяхъ, Марсея Превó).	108
IX. Овидій. Стихотвореніе С. Минцлова	205
X. Провинціальная жизнь. X.	206
XI. Жигейскій маскарадъ. Стихотвореніе К.	229
XII. Поздняя исповѣдь. Романъ Лео Гильдека. (Съ нѣмцаго).	231
XIII. Кошмаръ. Стихотвореніе Н. Т.	297
IV. Какъ издаются якобы «русскія» газеты? А. П. Липранди.	298
XV. Гумбертъ I, король Италіи. (Съ портретомъ)	305

(См. на оборотѣ).

№ 8 „Наблюдателя“ вышелъ 15 августа 1900 года.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

№ 8. АВГУСТЪ.

Редакція и Главная Контора помѣщаются въ Ямской улицѣ, № д. 24—9
(близъ Владимірской церкви).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1900.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

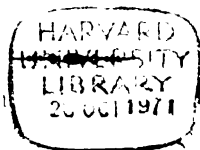
△
P Slav 475.65 (1900)
ε

**Въ главной Конторѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“
продаются:**

- 1) **Указатель статей, напечатанныхъ въ журналь за 12 лѣтъ (по фамиліямъ авторовъ) съ 1882 г. по 1894-й годъ. Цѣна: безъ перес. 25 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 35 коп.**
- 2) **Двадцать одинъ годъ существованія журнала: „Народная Школа“. (Историческій очеркъ. Цѣна безъ перес. 30 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 40 к.**
- 3) **Отдѣльные портреты А. П. Пятковскаго (на плотной бумагѣ). Цѣна за экз. безъ перес. 50 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 60 к.**
- 4) **Отдѣльные портреты В. П. Безобразова и А. И. Герцена продаются по той же цѣнѣ.**

Печатается и въ непродолжительномъ времени выдать въ свѣтъ историческій этюдъ А. П. Пятковскаго:

Императоръ Александръ III; его внутренняя и внѣшняя политика. (Съ портретомъ).

APHP

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА, НА 1900 Г., НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

|| XIX 1900 || „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ || XIX 1900 ||

Выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемъ и форматъ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступивъ въ 19-й годъ своего существованія, журналъ будетъ издаваться въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. «НАБЛЮДАТЕЛЬ», прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, приютившихся подъ одною обложкою, но проникнутъ и связанъ общностью одного определеннаго міросозерцанія ¹⁾. Общее же направленіе нашего журнала, — насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики, — мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-национальнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли за *прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни* — въ сторону свѣта, правды, нравственнаго развитія и

¹⁾ «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ), былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

экономическаго благосостоянія, съ сохраненіемъ, притомъ, коренныхъ основъ нашего національнаго быта и характера. Безъ внимательнаго изученія этого быта, безъ любви и уваженія къ своему народу немислимъ никакой устойчивый прогрессъ, а возможно только легкомысленное заимствованіе изчужа неприложимыхъ къ намъ политическихъ и соціальныхъ доктринъ.

При этомъ мы отходили одинаково далеко, съ одной стороны, отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «охранительной» прессы, охраняющей едва ли не одни плоды татарскаго нашествія, а съ другой — отъ буржуазнаго «либерализма», весьма дружнаго съ еврействомъ и даже находящагося у него на полномъ содержаніи. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно вычеркнули всякія жидовскія симпатіи, которыя сначала протискались въ нашу прессу подъ флагомъ «религіозной терпимости» (благодаря нашему полному невѣжеству относительно настоящаго—*антигосударственнаго* и *антисоціальнаго*—смысла талмудическаго ученія), а теперь поддерживаются въ ней либо давленіемъ еврейскаго капитала, либо грубымъ политическимъ шантажемъ и застрачиваніемъ, — о чемъ мы уже не разъ, съ доказательствами въ рукахъ, говорили въ **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»**.

Въ вышедшихъ книгахъ журнала за 1899 г. (№№ 1—12) напечатаны: 1) **«Ближніе и дальніе»**, романъ въ 3-хъ частяхъ, *В. Е. Чешихина*; 2) **«Въ семьѣ Востоковыхъ»**, романъ *А. Мартынова* (изъ быта духовенства); 3) **«Чужая душа—потемки»**, повѣсть *Н. Ѳ. Бажина*; 4) **«Желѣзный канцлеръ древняго Египта»**, романъ въ 2-хъ частяхъ, *В. И. Крыжановской*; 5) **«Въ провинціи»**, романъ въ 2-хъ частяхъ (изъ военнаго быта), *В. Югова*; 6) **«Вблизи Кровавыхъ камней»**, повѣсть *К. М. Длусскаго*; 7) **«Голодное сердце»**, повѣсть *С. Лаврентьевой*; 8) **«По теченію»**, повѣсть *Брешко-Брешковскаго*; 9) **«Изъ моего прошлаго»**, *А. П. Пятковскаго*; 10) **«О недобросовѣстности въ повседневныхъ правовыхъ отношеніяхъ»**, проф. *Д. И. Азаревича*; 11) **«Патріотизмъ и космополитизмъ»**, *Его же*; 12) **«Въ дѣбряхъ Полѣсья»**, *А. П. Дипранди*; 13) **«Болѣзненность и смертность русскаго народа»**, *Д. П. Райскаго*; 14) **«Законъ и кассационное рѣшеніе»**, *А. О. Дукмасова*; 15) **«Употребленіе евреями христіанской крови при религіозныхъ обрядахъ»**, *И. Ядринопольскаго*; 16) **«Нѣ-**

сколько словъ о національномъ воспитаніи русскаго юношества», *Е. Пашина*; 17) «Тернистый путь» (изъ записокъ школьнаго учителя), *Н—ва*; 18) «Очерки Средней Азіи», *Н. фонъ-Гука*; 19) «Къ вопросу объ интеллигентномъ пролетаріатѣ», *Его же*; 20) «Государственный актъ первостепенной важности», *Ө. П. Еленева*; 21) «Еврейство и либерализмъ», *Е. Орловскаго*; 22) «Прогулка по античному міру», *И.*; 23) «Эпопеи Гамерлинга», *В. Е. Чешихина*; 24) «Забайкалье въ сельско-хозяйственномъ и экономическомъ отношеніи», *Д. П. Райскаго*; 25) «По Уралу, среди башкиръ», *С. Г. Рыбакова*; 26) «Наши судебные порядки передъ лицомъ присяжнаго застѣдателя», *Д. Орлова*; 27) «Гдѣ спасеніе?» (изъ Привислянъя), *Г. Ц—ва*; 28) «Объ условіяхъ торговли виноградными винами въ Россіи», *Я. Л.*; 29) «Каналь между Москвою и Волгою», *В. Крылова*; 30) Стихотворенія: *Л. Афанасьева, Г. Арищенки, К. Бальмонта, гр. П. Д. Бутурлина, К. В. Иванова, А. В. Круглова, А. Мейснера, Ш. Петровскаго, Д. Ратгауза, И. Толмачева, Л. Н. Трефолева* и др.; 31) Переводные романы: «Разбитая жизнь», *Джероламо Роветты* (съ итал.); «Расплата», *Эрнеста Рэмина* (съ нѣмецк.); «Актриса», *Поля Буржэ* (съ франц.); «Ревность матери», *Роды Браутоуз* (съ англ.) и пр.; 32) Фельетоны *Ефима Простосердова* и князя *Тенерифскаго*; 33) «Въ пріютѣ музъ» (письмо изъ Веймара, съ рисунками) *В. Баскина*; 34) Провинціальная жизнь, *Х*; 35) Отголоски (корреспонденція «Наблюдателя»); «Аудіенція» (очеркъ изъ жизни судебного міра), *В. Е. Бѣлинскаго*; 37) «Монаршее милосердіе и правомѣрное его отправленіе», *В. Рудакова*; 38) «По закону», рассказъ *Д. В. Оедорова*; 39) «Мой пріятель Фрицъ», рассказъ *Л. П.*; 40) «Борьба сербскаго народа съ его врагами», *Серба* и пр.

Кромѣ того, въ «Наблюдателѣ», въ послѣдніе годы, принимали участіе: *А. В. Амфитеатровъ*, проф. *Ө. В. Благовидовъ*, *А. А. Виницкая*, *Н. Х. Вессель*, *В. А. Волжинъ*, *И. А. Говитеттеръ*, *И. П. Корниловъ*, *А. Михайловъ*, *Вас. И. Немировичъ-Данченко*, *С. С. Орлицкій*, *Н. М. Соколовъ*, *С. Ө. Шарановъ*, *И. И. Ясинскій* и мн. др.

Въ текстѣ журнала за 1899 г. помѣщены портреты: ст. секр. *Ө. П. Корнилова*, члена госуд. сов. *М. Н. Галкина-Врасскаго*,

М. Е. Салтыкова, Н. Н. Брусницына (основателя «Дома Призрѣнія въ Спб.), *А. П. Пятковского* (къ 40-лѣтію литературной дѣятельности), *В. П. Безобразова* (академика и сенатора, сотрудничавшаго въ «Наблюдатель» въ 1884—1889 г.г.) и др. рисунки.

Отдѣльные портреты *А. П. Пятковского* продаются въ Главной Конторѣ по 50 к. экз., съ пер.—60 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ. На полгода. На три мѣс.

Съ доставкою въ С.-Петербургъ и съ пересылкою •			
въ другія мѣста Россіи.	12 руб.	6 руб.	3 руб.
» пересылкою за границу.	14 »	7 »	4 »

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра журнала (гербовый сборъ не включается въ уступку). При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается. Гг. служащимъ—разрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка съ разрочкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной Конторѣ Редакціи (Ямская ул., № д. 24/9), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 40), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ отдѣленіи конторы «Нов. Времени»; въ Одессѣ—въ книжн. магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ Кіевѣ—въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Литова и Идзиковскаго; въ Харьковѣ и Саратовѣ—въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени»; въ Казани—въ книжн. магазинѣ Дубровиной. Редакція *отвѣчаетъ только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.*

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Петербургъ, Редакція «Наблюдателя». Телефонъ № 2237.

Редакторъ-издатель А. П. Пятковскій.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ:

„ГЛАСНОСТЬ“

Программа «ГЛАСНОСТИ» обнимает собой нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Политика внутренняя. Передовыя статьи по вопросам общественной жизни, городского, земскаго и сельскаго самоуправления. Дѣятельность частныхъ обществъ. 3) Отдѣлы: литературно-художественный (беллетристика во всѣхъ ея видахъ), критическій, научный (по всѣмъ отраслямъ знанія), судебно-юридическій (съ печатаніемъ процессовъ и обсужденіемъ судебныхъ рѣшеній), военный, церковный, торгово-промышленный, финансовый, экономическій, сельско-хозяйственный, театральны; обзорніе искусствъ. 4) Политика внѣшняя. Передовыя статьи. Телеграммы внѣшнія; доставляемыя агентствами, и свои собственныя. 5) Хроника внутренней и заграничной жизни. Событія дня. Русскія и иностранныя корреспонденціи. Внутреннія телеграммы. Письма въ редакцію и стороннія сообщенія. 6) Фельетоны изъ общественной и литературной жизни. Дневникъ печати и библиографія. 7) Биржа. Курсовая таблица. 8) Смѣсь. Разныя извѣстія. Справочныя свѣдѣнія. 9) Иллюстраціи. 10) Объявленія.

Кромѣ текущихъ извѣстій и передовыхъ статей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики и нашей внутренней жизни, въ газетѣ, въ 1897 и 1898 г.г., печатались постоянно: «Парижскія письма», «Съ береговъ Темзы», «Петербургскіе наброски», «Московскія замѣтки», «Вопросы дня», «Замѣтки встати», «Отголоски» и пр. Отдѣламъ:

«Дневникъ печати» и «Наши внутреннія дѣла» придано было особенное развитіе, такъ что они представляли полный обзоръ всѣхъ выдающихся мѣстной прессы и всѣхъ крупнѣйшихъ событій провинціальной жизни. Въ текстѣ были помѣщены портреты: бывшаго военнаго министра гр. *Д. А. Милютина*, бывшаго министра нар. просвѣщенія гр. *И. Д. Делянова*, ст.-секретаря *И. Н. Дурново*, и бывшаго редактора «Новороссійскаго Телеграфа» *М. П. Озмидова*.

По обстоятельствамъ, отъ Редакціи не зависящимъ, *возобновленіе газеты отлагалось*. (Эти обстоятельства выяснены въ январьской и ноябрьской книгахъ «Наблюдателя» 1899 г. въ отдѣлѣ «Фонографа»). Въ настоящее время ходатайство редакціи уважено и, при возобновленіи «Гласности», подписная цѣна на нее будетъ назначена въ нижеслѣдующемъ размѣрѣ:

На годъ. На 6 мѣс. На 3 мѣс. На 1 мѣс.

Съ доставкою въ С.-Петербургъ

и съ перес. иногороднымъ . . . 7 р. — к. 4 р. — к. 2 р. 50 к. 1 р. — к.

Съ пересылкою за границу . . . 15 » — » 8 » — » 4 » — » 2 » — »

Программа газеты сохранится въ прежнемъ объемѣ.

О времени возобновленія «Гласности» будетъ объявлено особо.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

„ВО ТЬМѢ НЕВѢЖЕСТВА“

— (Очеркъ изъ недавняго прошлаго).

I.

Старшій учитель муратовскаго земскаго училища, Андрей Николаевичъ Петрушевичъ, проснулся въ одно ясное октябрьское утро раньше обыкновеннаго и находился, повидимому, въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія школьнаго сторожа Степана, который зналъ по опыту, что если учитель, вставъ съ постели, не принимается за чаепитіе, а начинаетъ шагать изъ угла въ уголь, попыхивая папирсой,—то надо уже держать ухо востро; главное же — предупредить «школярей», чтобы они не раздражали еще больше Андрея Николаевича своимъ шумомъ.

Поставивъ на столъ самоваръ и чайный приборъ, состоявшій изъ маленькаго чайника съ надбитымъ носомъ, жестяной чайницы, закрытой кускомъ толстой сѣрой бумаги, изъ сахарницы, служившей прежде хранилищемъ табаку, одного стакана съ блюдцемъ и мѣдной ложечкой, носившей на себѣ нѣкогда серебряное одѣяніе,—сторожъ принялся съ особенной методичностью заваривать чай. Окончивъ эту операцію, старикъ собрался было уже идти въ классы, чтобы усмирить расходившихся тамъ дѣтей и посмотреть, въ порядкѣ ли школьныя доски и есть ли при нихъ мѣлъ. Въ этотъ самый моментъ Петрушевичъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— А что, Степанъ, не знаешь, всталъ ли Сергѣй Ивановичъ?

— Кажись, что еще не вставали, а, впрочемъ, навѣрное не знаю... Прикажете пойти посмотреть?

— Ступай, да скажи, чтобы предѣ началомъ занятій онъ зашелъ ко мнѣ на минуту...

— Слушаю, Андрей Николаевичъ, — скороговоркой отвѣтилъ сторожъ, направляясь быстрой походкой къ двери.

Сергѣй Ивановичъ Бунчуковъ считался младшимъ учителемъ муратовской школы и былъ назначенъ сюда года два тому назадъ, тотчасъ же по окончаніи курса въ той самой учительской семинаріи, гдѣ воспитывался и Петрушевичъ.

Между обоими педагогами существовали самыя дружескія отношенія, хотя характеры молодыхъ людей значительно отличались одинъ отъ другаго. Двадцатипятилѣтній Бунчуковъ смотрѣлъ на вещи съ болѣе практической точки зрѣнія и заранѣе объявилъ своему коллегѣ, что если только жизнь народнаго учителя не измѣнится въ матеріальномъ отношеніи къ лучшему, то долѣе шести обязательныхъ лѣтъ онъ ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ тянуть эту тяжелую лямку и, при первой возможности, перейдетъ на болѣе выгодную службу. Въ противоположность своему сотоварищу, Петрушевичъ, не смотря на свои тридцать два года, оставался чистѣйшимъ идеалистомъ. Окончивъ курсъ еще въ то время, когда въ нашихъ учительскихъ семинаріяхъ было свѣжо воспоминаніе о «свѣтломъ праздникѣ» русской народной школы семидесятыхъ годовъ, и находясь подъ обаяніемъ великихъ завѣтовъ нашихъ лучшихъ педагоговъ, — Андрей Николаевичъ уже десять лѣтъ съ неутомимымъ усердіемъ трудился надъ просвѣщеніемъ «темной массы», заслуживъ отъ народа рѣдкое довѣріе и любовь. Однако, въ послѣднее время, вскорѣ по открытіи въ Муратовкѣ церковно-приходской школы, на пути нашего просвѣтителя стали все чаще и чаще попадаться совершенно непредвидѣнныя препятствія и разнообразныя «тернія», съ которыми учителю приходилось, такъ или иначе, считаться. О. Стефанъ, мѣстный священникъ и начальникъ новаго училища, употреблялъ всѣ мѣры, чтобы унижить авторитетъ Петрушевича и убѣдить крестьянъ въ преимуществахъ церковно-приходской школы. Сначала политика ревностнаго пастыря не имѣла почти никакого успѣха, но затѣмъ число учениковъ Андрея Николаевича стало постепенно рѣдѣть. Правда, дѣти

съ величайшей неохотой разставались со своимъ любимымъ учителемъ и его интереснымъ преподаваніемъ, но такъ какъ въ глазахъ крестьянъ церковная школа сообщала своимъ питомцамъ много свѣдѣній изъ области «божественнаго», то ученикамъ нечего было и помышлять о какомъ бы то ни было протестѣ. Съ глухой болью въ сердцѣ выслушивалъ неоднократно Петрушевичъ сообщенія о томъ, къ какимъ первобытнымъ методамъ преподаванія обращался учитель церковно-приходской школы г. Духовидовъ, племянникъ о. Стефана.

Исключенный изъ втораго класса духовнаго училища за полную неспособность къ пониманію умозрительныхъ истинъ, этотъ молодой человекъ около пяти лѣтъ билъ баклуши, живя изъ милости у сердобольнаго дядюшки и лишь изрѣдка помогая ему кое въ чемъ по хозяйству. Духовидову исполнилось уже двадцать лѣтъ, когда послѣдовало со стороны высшаго епархіальнаго начальства распоряженіе о немедленномъ и притомъ обязательномъ открытіи въ с. Муратовкѣ церковно-приходскаго училища. Такъ какъ для найма преподавателя въ эту школу особыхъ суммъ не было ассигновано, то о. Стефанъ, недолго думая, посвятилъ въ санъ педагога своего праздношатающагося племянника, который, не обладая даже необходимымъ въ этомъ дѣлѣ терпѣніемъ, на первыхъ же порахъ обратился къ помощи пинковъ, щипковъ и дранья за уши «распущенныхъ» въ земской школѣ учениковъ. Не смотря на это, родители посѣщающихъ духовное училище дѣтей ничуть не сердились на строгаго преподавателя, слушая изъ устъ учениковъ такія фразы, какъ «начало премудрости—страхъ Божій» или—«корень ученія горекъ, но плоды его сладки». Когда же, спустя нѣкоторое время, ученики церковно-приходской школы стали появляться въ качествѣ чтецовъ и пѣвцовъ на клиросѣ, то крестьяне еще съ большимъ недовѣріемъ начали относиться къ земскому училищу, хотя отлично видѣли, что его ученики стояли гораздо выше во многихъ отношеніяхъ, будучи примѣрными хозяевами и добрыми членами общества. Достоинно было замѣчанія еще то обстоятельство, что съ уменьшеніемъ дѣтей въ земской школѣ и расширеніемъ дѣятельности церковно-приходскаго училища штундизмъ, существовавшій прежде лишь на хуторахъ, среди мѣщанъ-десятинщиковъ, появился теперь и среди крестьянъ с. Муратовки; этому не могло по-

мѣшать даже то, что о. Стефанъ, пользуясь прерогативами своей власти, употреблялъ всѣ зависящія отъ него административно-полицейскія мѣры для уничтоженія среди своей паствы «зловредныхъ плевель»...

II.

Андрей Николаевичъ уже умылся, одѣлся и сидѣлъ за чаемъ, когда къ нему вошелъ его товарищъ, средняго роста и крѣпкаго сложенія молодой человѣкъ, одѣтый въ темно-сѣрую пиджачную пару съ претензiей на «последнюю моду».

— Ну, что, «Бунчукъ»,—обратился къ нему, привѣтливо улыбаясь, старшiй учитель,—хорошо ли почивалось? Вы, кажется, вернулись вчера довольно поздно отъ фельдшера? Что это васъ могло задержать такъ долго?

— Да ничего особеннаго: спорили, читали новыя газеты, которыя, по случаю воскресенья, привезъ старшина изъ Петропавловки...

— Былъ еще кто нибудь у Петра Тимофеевича?

— Никого. Ожидали врача; онъ обѣщалъ, проездомъ изъ усадьбы Чеботаревыхъ, завернуть на часокъ, да, вѣроятно, винтъ задержалъ его тамъ на всю ночь...

— А на меня опять хандра насѣла; положительно руки валяются...

— Да я, какъ только вошелъ, уже замѣтилъ, что мой collega не въ своей тарелкѣ... Навѣрное вчера ваша охота на зайцевъ оказалась совсѣмъ неудачной, а?

— О, нѣтъ,—здѣсь были причины посерьезнѣе неудачной охоты...

— Въ чемъ же дѣло?

— А вотъ садитесь-ка, друже, за столъ да составьте мнѣ компанiю по части уничтоженія кипятку,—произнесъ Петрушевичъ, вытирая полотенцемъ стаканъ.

Бунчуковъ сѣлъ и, закуривъ папиросу, принялъ позу внимательнаго слушателя.

— Видите ли, Бунчуковъ,—началъ старшiй учитель,—мнѣ пришлось быть вчера свидѣтелемъ такого возмутительнаго факта, который еще лишнiй разъ прекрасно доказалъ мнѣ,

что весь мой десятилѣтній трудъ на поприщѣ народнаго образованія мало-по-малу превращается въ ничто...

— Ну, ужъ вы слишкомъ пессимистически смотрите на вещи,—прервалъ Андрея Николаевича его слушатель.

— Ничуть не бывало. Вчерашній случай окончательно убѣдилъ меня въ томъ, что я и вы, при настоящихъ условіяхъ, напоминаемъ собою извѣстнаго испанскаго рыцаря, который во время оно боролся съ вѣтранными мельницами...

— Положимъ, оно отчасти и такъ,—замѣтилъ Бунчуковъ,—но только зачѣмъ же все это принимать слишкомъ близко къ сердцу: исторія вѣдь дѣлается сама собою, и всему придетъ свой чередъ...

— Хорошо вамъ такъ говорить, коли вы совершенно хладнокровно относитесь къ такому великому и святому дѣлу, какъ воспитаніе русскаго народа,—загорячился Петрушевичъ, вскочивъ со стула и принявшись шагать по комнатѣ. — Вы, вонъ, и на продѣлки Духовидова смотрите сквозь пальцы, а у меня сердце кровью обливается, когда я слышу, какъ этотъ недоросль-бурсакъ глумится надъ дѣтьми и коверкаетъ ихъ юныя, непорочныя души!..

— Оставимъ это, Андрей Николаевичъ; расскажите лучше, что такое вчера случилось съ вами,—остановилъ взволнованнаго педагога Бунчуковъ.

Петрушевичъ усѣлся снова на мѣсто и, глотнувъ нѣсколько разъ чаю, заговорилъ:

— Дѣло вотъ въ чемъ. Возвращаюсь я часовъ около трехъ пополудни съ охоты и вижу: на плотинѣ нашего пруда,—того, знаете, который подлѣ балабухинскихъ мельницъ,—толпится народъ, а въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега стоитъ, по шею въ водѣ, какой-то человѣкъ. До слуха моего явственно доносятся не то угрожающіе, не то торжествующіе голоса... Ужъ не утонулъ ли кто нибудь?—мелькнула у меня мысль... Подхожу ближе. Толпа, увидя меня, стихла. — Здравствуйте!—обратился я къ мужичкамъ.—Что это за оказія произошла здѣсь у васъ? — Крестьяне отвѣтили на мое привѣтствіе и разомъ загалдѣли, услышавъ мой вопросъ. Разумѣется, я рѣшительно ничего не могъ понять въ этомъ шумѣ и гамѣ, изъ котораго изрѣдка выдѣлялись слова: «подлый штундъ», «убить мало», «смутьянъ»! и т. д.—Постойте, люди

добрые, — закричалъ я мужикамъ, — пусть говоритъ ктонибудь одинъ, а не то мнѣ и до ночи не понять васъ... — Мужики умолкли и ко мнѣ подошелъ муратовскій староста Авдѣй. — «Тутотка, Андрей Николаичъ, — началъ онъ, — вышла вотъ какая пришта: наши ребята, Петька да Пантюшка Ермаковы, ѣдучи вчера ночью съ лошадьми на луга, подглядѣли, что у Алексѣя Сивакова собрались какіе-то хуторскіе мѣщане и вмѣстѣ съ хозяиномъ давай распѣвать штундовые псалмы, а потомъ начали снимать со стѣны святыя образа и колоть ихъ на щепы. Какъ увидали эдакое грѣховодство Петька съ Пантюшкой, то сею минутой прибѣгли ко мнѣ и рассказали все досконально. Ну, извѣстно, — мое дѣло начальническое, вспомнилъ я тутъ, что и о. Стефанъ намедни наказывалъ мнѣ: «ты, говоритъ, Авдѣй, смотри въ оба, чтобы у тебя на селѣ не было такого паскудства... на хуторахъ еще туда-сюда, пусть хороваются, — все равно они больше къ приходу о. Варсонофія принадлежать; но въ Муратовкѣ чтобы — ни-ни; знаешь, худая трава изъ поля вонь!».. Вспомнилъ я это, да на утро взялъ нѣсколько человѣкъ понятыхъ и съ ними — шастъ въ избу къ Сивакову... Такъ и такъ, молъ, сватъ разлюбезный, говорю ему: подавай-ка сюда свои псалмы, а не то я съ тобою вотъ какъ раздѣлаюсь!.. Онъ было туда и сюда: — знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Тутъ я ему и говорю: А образа куда дѣвалъ? Какъ услышалъ это Алексѣй, такъ и присмирѣлъ сейчасъ, словно кто ротъ завязалъ ему, но, немного погодя, почувствовался и давай меня костить на чемъ свѣтъ; а въ концѣ концовъ началъ кричать чуть не на всю улицу: — «Всѣ вы, говоритъ, во тьмѣ ходите и нѣтъ между вами ни одного человѣка, который позналъ бы свѣтъ истины!» — А, такъ ты вотъ какой, голубчикъ, — говорю ему. — Хорошо же, я съ тобою раздѣлаюсь иначе... Ребята, — крикнулъ я десятскимъ, — скрутите-ка этому молодцу руки и сей ментъ тащите его къ о. Стефану! — Тѣ мигомъ навалились на раба божія, связали ему руки и потащили... Сиваковъ ничего, — не отбивается, а только, знай себѣ, отчитываетъ десятскихъ штундовыми псалмами. Вывели это его на улицу, а онъ вдругъ какъ кинется въ сторону да прамѣхонько въ садъ дяди Никандра... Мы всѣ за нимъ; туда, сюда, — какъ въ воду канулъ! Такъ бы и сгинулъ гдѣнибудь, еслибъ мой Ванятка не услѣдилъ за нимъ. Прибѣгаетъ это

мальчонка ко мнѣ, даже запыхался, и говорить: «Знаешь, тятка, а штундовый у тетки Аксины въ хлѣву спрятался». — Не можетъ быть! — «Право слово», — отвѣчаетъ Ванятка. — Въ такомъ разѣ вали, ребята, за мною! — говорю я, и пустился почти бѣгомъ къ избѣ Аксины. Являемся туда, а Сиваковъ почуялъ, знать, наше приближеніе и, недолго думая, выскочилъ въ дверь и пустился во всю прыть въ поле. Около мельницъ чуть было мы не задержали его, да онъ опять ловко увернулся отъ насъ и побѣжалъ прямехонько къ пруду. Мы, разумѣется, за нимъ; тутъ-то Алешка и чебурахнулся въ воду... Народъ такъ и оторопѣлъ: всѣ подумали, что новоявленный штундъ рѣшилъ такимъ манеромъ на самоубийство, потому, по ихнему, въ этомъ будто бы нѣтъ никакого грѣха... Смотримъ, — онъ забрался по самую шею въ ставокъ (прудъ) и — сидитъ... Стали это мы вызывать на берегъ Алешку всякими способами, а онъ, замѣсто отвѣта, бормочетъ свои псалмы... Ребята зачали было бросать въ него камнями и собирались сами лѣзть въ воду, да вотъ вы подошли»...

Петрушевичъ остановился и, вынувъ изъ портсигара папиросу, сталъ молча раскуривать ее.

— Чтѣ же дальше было? — обратился къ нему Бунчукъ.

— Дальше было то, что я чуть не плюнулъ въ глупую рожу старосты, — до такой степени взволновала меня эта ужасная травля живаго человѣка. Однако, въ-время сдержался и, отвернувшись отъ Авдѣя, подошелъ ближе къ пруду. Алешка по прежнему стоялъ по шею въ водѣ во всей «аммуниціи», но безъ шапки: должно быть, потерялъ гдѣ нибудь во время преслѣдованія... Его длинные съ просѣдью волосы были всклокочены, глаза дико блуждали по сторонамъ и нижняя челюсть замѣтно вздрагивала... Въ этотъ моментъ, вся фигура Алексѣя напоминала мнѣ затравленнаго волка, окруженнаго со всѣхъ сторонъ собаками и охотниками... — Сиваковъ, — обратился я къ нему, — что же это вы не выходите изъ воды? Не съѣдятъ же васъ мужички православные? — Алексѣй посмотрѣлъ на меня какимъ-то страннымъ взглядомъ и произнесъ скороговоркой слѣдующее изреченіе: «Блаженни вы есте, егда поносятъ вамъ, и ижденуть, и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжуще, Мене ради»... — Господи, подумалъ я: — до чего только можетъ довести

человѣка мракъ невѣжества! Съ одной стороны, плодомъ его является ни на чемъ не основанная ярость, доходящая до желанія растерзать своего же честнаго, трудолюбиваго односельчанина, а съ другой—самый непроходимый фанатизмъ, также лишенный всякой разумной подкладки...—Староста,—адресуюсь я повелительно къ Авдѣю:—оставьте Сивакова въ покоѣ; все равно, вѣдь, онъ никуда не убѣжитъ изъ деревни и въ концѣ концовъ возвратится таки къ себѣ домой; вы же лучше сдѣлаете, если отправитесь сейчасъ же къ о. Стефану и сообщите ему о переходѣ Алексѣя въ штундизмъ; а ужъ тамъ священникъ самъ знаетъ, какъ поступить съ подобнымъ преступникомъ. «А не бросить ли намъ его, братцы, и впрямь тутотка?»—полувопросительно обратился староста къ толпѣ. — «Вѣстимо, лучше бросить, а не то еще въ какую нибудь исторію влѣзешь изъ-за этого идола!»—загалдѣли мужики, двинувшись вслѣдъ за мною въ село... Нѣсколько подростковъ все таки не могли отказать себѣ въ удовольствіи «запустить» еще хоть по одному камню въ «анаемскаго» штунда... Я хотѣлъ рассказать тебѣ эту исторію еще вчера, но ты поздно пришелъ домой; меня же одолѣвала усталость,—заклучилъ свое повѣствованіе Петрушевичъ.

— Да,—произнесъ послѣ нѣкотораго молчанія Бунчуковъ,—дѣло наше, дѣйствительно, оказывается изъ рукъ вонъ плохо; тутъ съ программой заурядной одноклассной школы рѣшительно ничего не подѣлаешь, хоть изъ кожи лѣзь вонъ; особенно возмущаетъ меня то обстоятельство, что приходится выпускать изъ школы 10—12 лѣтнихъ мальчугановъ; по неволѣ у каждаго изъ нихъ чрезъ два-три года рѣшительно ничего не остается въ головѣ; держать же дѣтей долѣе въ училищѣ, какъ вы предполагаете,—совершенно неммыслимо, такъ какъ любой изъ подобныхъ учениковъ является уже въ семьѣ работникомъ... Вотъ развѣ повторительными занятіями попробовать закрѣплять и пополнять школьное образованіе?

— Ну, нѣтъ,—прервалъ вдругъ Бунчукова Андрей Николаевичъ,—послѣ прошлогодней неудачи у меня и руки не поднимаются къ этому дѣлу...

— Да, да, вы правы,—упавшимъ голосомъ произнесъ младшій учитель:—«трудно прати противу рожна», да и — «на-сильно милъ никогда не будешь», гласить пословица... А вы,

Андрей Николаевичъ, не заводили объ этомъ новаго разговора съ инспекторомъ?—спросилъ Бунчуковъ.

— Какъ не заводить, — заводилъ!

— Ну, и что же онъ?

— Да то же самое: «предложеніе ваше было, — говоритъ, — вполнѣ хорошее; лично я ничего не имѣлъ да и сейчасъ не имѣю противъ него; но все таки, знаете, преждевременно оно, обождать надо»...

— Эхма! — произнесъ, махнувъ рукою, Сергій Ивановичъ. — Однако, пора, кажется, приступать уже и къ занятіямъ? — при-
совокупилъ онъ.

— Да, да, — заторопился Петрушевичъ, — мы тутъ заговорились, а время не ждетъ; вотъ ужъ и восемь часовъ... Эй, Степанъ, звони! — крикнулъ онъ, выглядывая въ сѣни.

Вслѣдъ за этимъ, въ коридорѣ и на школьномъ дворѣ слышался рѣзкій звукъ колокольчика, и дѣтвора съ шумомъ и гамомъ гурьбой повалила въ классъ, толкая и опрокидывая другъ дружку...

III.

Пріѣхавъ въ Муратовку и видя, что курса одноклассной школы еще далеко недостаточно для развитія въ народѣ правильного пониманія окружающей жизни, Петрушевичъ употребилъ всѣ мѣры, чтобы открыть въ селѣ двухклассное министерское училище съ ремесленными классами; когда же въ концѣ концовъ это оказалось невозможнымъ, то онъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи вечернихъ повторительныхъ занятій съ учениками, окончившими школьный курсъ, а также и съ болѣе взрослымъ населеніемъ Муратовки... Послѣ длинной переписки, начальство согласилось исполнить просьбу учителя, но только пожелало сначала видѣть ту программу, которой онъ предполагалъ придерживаться. Петрушевичъ съ жаромъ принялся за работу. Дня черезъ два, программа вечернихъ повторительныхъ занятій была уже отослана инспектору. Конечно, въ ней находилась и подробная отечественная географія съ указаніемъ на экономическое положеніе нѣкоторыхъ областей, и всеобщая исторія, и гигиена съ анатоміей, и естествознаніе въ размѣрѣ, необходимомъ для сельскаго ховяина,

и даже элементарное законовѣдѣніе, имѣющее цѣлью познакомиться крестьянъ, хотя отчасти, съ характеромъ и формами русскаго судоустройства и судопроизводства, а также съ организаціей нашего земскаго самоуправленія. Программа, вообще, была, составлена такъ толково и цѣлесообразно, что даже о. Стефанъ, видя въ ней исторію русской церкви, богослуженіе и духовное пѣніе, отнесся вполне сочувственно къ замыслу учителя. Оставалось только ждать утвержденія программы начальствомъ, въ чемъ не могло быть уже ни малѣйшаго сомнѣнія. Петрушевичъ, какъ говорится, былъ на седьмомъ небѣ, заранѣе представляя себѣ, съ какою быстротою пойдетъ теперь духовное развитіе муратовцевъ, и какъ они уразумѣютъ, наконецъ, что только та школа полезна для мужика, которая дѣлаетъ его лучше въ нравственномъ отношеніи и облегчаетъ ему существованіе, научая вполне сознательно относиться къ явленіямъ природы и фактамъ общественной жизни.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ Андрей Николаевичъ ревностно приготовлялся къ «лекціямъ», зная, что ему придется имѣть дѣло уже не съ дѣтьми, а по большей части со взрослымъ населеніемъ деревни. Онъ даже успѣшилъ посвятить въ свою тайну нѣкоторыхъ изъ крестьянъ, окончившихъ муратовскую школу лѣтъ десять - пятнадцать тому назадъ; при этомъ Петрушевичъ увидѣлъ, что не только они, но даже болѣе пожилые отцы семействъ и старики ожидали съ нетерпѣніемъ начала интересныхъ занятій, которыя должны были, между прочимъ, доказать народу практическую пользу школы.

— Надо полагать, Андрей Николаевичъ, вы намъ поразскажете тогда и про городъ Переселенскъ, и про рѣчку Мардарью?—спрашивалъ учителя одинъ.

— Вѣстимо, расскажу,—отвѣчалъ, улыбаясь, учитель.

— А мнѣ хотѣлось знать, какимъ бы это манеромъ поточнѣе вымѣрить тотъ клинъ, что наши старички на дняхъ въ аренду лавочнику Вавилѣ отдали?—обращался другой.

— И объ этомъ поговоримъ,—успокаивалъ спрашивавшаго Петрушевичъ.

Находились среди любопытствующихъ и такіе мужички, которымъ хотѣлось разузнать о лѣченіи домашняго скота, о лучшей обработкѣ земли, о срокахъ подачи прошеній, о житьѣ-

быть въ заморскихъ странахъ, — словомъ, обо всемъ томъ, что такъ или иначе касается крестьянскаго быта. Андрей Николаевичъ всѣмъ давалъ обѣщаніе разъяснить непонятное и дать требуемые отвѣты, какъ только будутъ разрѣшены вечернія занятія...

Наконецъ, въ одно холодное и ненастное ноябрьское утро, къ муратовской школѣ подѣхалъ земскій разсылный и вручилъ сторожу Степану большой казенный пакетъ съ печатью мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ. Сторожъ тотчасъ же передалъ бумагу Петрушевичу, который въ это время занимался въ классѣ, но, услышавъ звукъ почтового колокольчика, поспѣшилъ выйти на крыльцо своей квартиры... Увидя въ рукахъ Степана официальный конвертъ, Андрей Николаевичъ уже издали догадался, отъ кого это посланіе. Дрожащими отъ волненія руками сломалъ онъ печать и, вынувъ изъ пакета инспекторское сообщеніе, принялся быстро пробѣгать его содержаніе. При чтеніи первыхъ же строкъ, лицо Петрушевича покрылось смертельною блѣдностью... Инспекторъ писалъ ему слѣдующее:

«Съ полученіемъ сего, предлагаю вамъ немедленно приступить къ вечернимъ занятіямъ согласно представленной вами программѣ, исключивъ, однако, изъ нея анатомію, гигиену, всеобщую исторію и законовѣдѣніе, такъ какъ г. директоръ народныхъ училищъ находитъ несвоевременнымъ распространеніе подобныхъ знаній среди крестьянъ; это тѣмъ болѣе небезопасно, что почти такая же программа была уже недавно предложена на усмотрѣніе высшаго начальства и не была одобрена. Занятія должны происходить въ присутствіи мѣстнаго священника»...

Итакъ, въ концѣ концовъ, ему оставалась программа той же одноклассной школы... Самая же существенная часть ея, изъ-за чего онъ и затѣялъ вечернія занятія, была выброшена безжалостнымъ образомъ за бортъ! Мало того, надъ нимъ, старшимъ учителемъ земской школы, будетъ постоянно стоять цензоръ, съ которымъ, въ виду открытія церковно-приходскаго училища, отношенія Петрушевича становились день ото дня все хуже и хуже... Какъ бы то ни было, но волей-неволей приходилось исполнять предписаніе начальства и приступать къ повторительнымъ вечернимъ занятіямъ...

Въ первый же вечеръ, въ школу собралось болѣе ста душъ народу, жаждавшаго услышать отъ своихъ просвѣтителей дѣйствительно «новое слово». Каково же было удивленіе слушателей, когда они увидѣли, что учитель сталъ бесѣдовать съ ними и читать о такихъ предметахъ, о какихъ всегда говорили съ учениками старшаго класса; а «батюшка» принялся экзаменовать крестьянъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, причемъ не ограничился однѣми молитвами, но задавалъ вопросы и по исторіи народа израильскаго. Благодаря такому обороту дѣла, число слушателей стало съ каждымъ днемъ уменьшаться и, спустя мѣсяцъ, ихъ осталось уже не болѣе десяти человекъ, да и тѣ стали являться въ училище лишь тогда, когда не бывало строгихъ экзаменовъ по закону божію... Такимъ образомъ, всѣ надежды Андрея Николаевича разлетѣлись прахомъ. Изрѣдка послѣ этого кое-кто изъ бывшихъ «слушателей» навѣдывался къ учителю съ просьбой дать какую нибудь книжонку для чтенія. Къ сожалѣнію, Петрушевичъ не всегда могъ хотя отчасти удовлетворять эту духовную жажду народа, такъ какъ вся его школьная библіотека состояла всего-на-всего изъ нѣсколькихъ десятковъ тощихъ книжонокъ, между которыми большинство отличалось духовнымъ содержаніемъ...

IV.

Въ классѣ занятія шли своимъ чередомъ. Андрей Николаевичъ воился съ двумя старшими отдѣленіями, а Бунчуковъ находился въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ помѣщались ученики младшаго отдѣленія, или такъ называемые «звуквики». Дѣло приближалось уже къ «большой перемѣнѣ», когда классная дверь быстро распахнулась и на порогъ ея появился бѣлобрысый мальчуганъ лѣтъ четырнадцати въ длинномъ, очевидно съ отцовскаго плеча, армякѣ и большихъ изорванныхъ сапогахъ. Не глядя на учителя и товарищей, онъ сталъ поспѣшно пробираться къ задней скамьѣ старшаго отдѣленія, прикрывая лицо овчинной шапкой.

— А что это ты, Зубковъ, такъ опоздалъ сегодня въ классъ?—обратился къ нему Петрушевичъ.

— Занятъ былъ, Андрей Николаевичъ:—лошадей водилъ на водопой, а потомъ конюшню чистилъ,—отвѣчалъ, потупивъ голову, мальчуганъ.

— Развѣ некому было замѣнить тебя?

— Вѣстимо, некому.

— Гдѣ же былъ твой отецъ?

— Отецъ... да отецъ ходилъ къ ворожбиту (знахарю), — нетвердымъ голосомъ произнесъ Зубковъ.

— Къ какому это ворожбиту? Откуда онъ вдѣсь взялся, а?—спросилъ изумленный и встревоженный подобнымъ сообщеніемъ учитель.

— О, да ворожбиту живеть у насъ въ деревнѣ больше недѣли!—послышались отозвуду дѣтскіе голоса.

— У кого же онъ квартируетъ теперь?

— У кузнеца Бойкова,—отвѣчалъ Зубковъ.

— А я слышалъ,—заговорилъ первый ученикъ старшаго отдѣленія, Кучеренко,—что будто бы кузнецъ отвелъ для ворожбита лучшую горницу, въ которой никто изъ хозяевъ не долженъ ложиться ночью... Намеднись кузнецова жена рассказывала у насъ, что иной разъ слышно, какъ онъ съ кѣмъ-то по ночамъ разговариваетъ... Я ужъ и бабушку Степаниду распрашивалъ, съ кѣмъ это знахаръ ночью толкуеть да еще такъ громко, что слышно во дворѣ?...

— Что же тебѣ отвѣтила бабушка?—прервалъ рассказчика учитель.

— Бабушка посмотрѣла на меня злыми глазами и говоритъ:—Извѣстно съ кѣмъ,—съ нечистымъ, прости Господи!

— А мнѣ рассказывали,—заговорилъ въ свою очередь ученикъ Мирошкинъ,—что будто бы этотъ знахаръ таковъ чудно клохчетъ по ночамъ, а разъ какъ-то нашли его на землѣ безъ всякаго чувствія; сначала думали, что онъ пьянъ, да опосля разобрали, что на него нашло...

— Какъ это «нашло»?—спросилъ Петрушевичъ, начинавшій уже догадываться, въ чемъ дѣло.

— Да такъ, какъ это часто бываетъ съ Малазьинимъ Оедькой: возьметъ его невидимая сила да ни съ того, ни съ сего хватъ о земь, а потомъ давай ломать и скрючивать, индо страшно становится глядѣть на него несчастнаго...

— Зачѣмъ же твой отецъ ходилъ сегодня къ этому колдуну?—обратился къ Зубкову учитель, видя, что подобныхъ рассказовъ ему не переслушать до самаго вечера.

— А чтобъ узнать, гдѣ спрятаны тѣ буланья лошади,

которыхъ у насъ украли еще весною прошлаго года. Люди и баютъ, что знахарь до точности превзошелъ всѣ воровскіе фокусы и сразу угадываетъ, гдѣ надо искать пропажу...

— Ну, и что же,—многіе вернули своихъ лошадей?—спросилъ Андрей Николаевичъ, смотря на часы.

— Вернуть не вернули, а только онъ имъ поразказалъ все, какъ на ладони,—гдѣ и у кого найти уворованныхъ лошадей...

— А не пробовалъ ли кто нибудь изъ мужичковъ съѣздить и провѣрить слова знахаря?..—продолжалъ свои расспросы учитель.

— Нѣкоторые изъ нашихъ мужиковъ поѣхали уже разыскивать своихъ лошадей, да только врядъ ли они скоро вернутся домой...

— Почему же такъ?

— А потому, что имъ придется сдѣлать по 300—400 верстъ въ оба конца; такой путь на нашихъ лошаденкахъ и въ недѣлю не сдѣлаешь объ это время,—закончилъ, тряхнувъ волосами, Зубковъ.

Пока шли эти разговоры, урокъ окончился и за дверью раздавался звонъ колокольчика, возвѣщавшій наступленіе большой перемѣны. По знаку учителя, дѣти гурьбой повалили изъ класса.

Встрѣтившись въ сѣняхъ съ Бунчуковымъ, Андрей Николаевичъ произнесъ: — Еще довольно интересную новость я только что узналъ отъ учениковъ.

— Какую новость?

— Да все насчетъ того, какъ быстро идетъ у насъ развитіе народа при нынѣшнихъ программахъ... Сейчас Зубковъ сообщилъ, что въ Муратовкѣ объявился какой-то колдунъ, къ которому народъ валомъ валить...

— О, я это уже давно знаю да все какъ-то упускалъ изъ виду поговорить съ вами о знахарѣ, поселившемся на квартирѣ у кузнеца,—прервалъ старшаго учителя Бунчуковъ.

— И вы, быть можетъ, встрѣчались съ этимъ проходимцемъ гдѣ нибудь?—спросилъ Петрушевичъ.

— Не только встрѣчался, но даже и разговаривалъ.

— Чтò же вы замѣтили въ немъ?

— Да ничего особеннаго, кромѣ чистопробнаго плутовства. По вѣшному виду, этотъ колдунъ напоминаетъ обычныхъ

странниковъ-богомольцевъ или собирателей «на погорѣлое», которыхъ зачастую приходится встрѣчать по селамъ и деревнямъ, а также на дорогахъ...

— Какъ же это мнѣ до сихъ поръ никто изъ мужиковъ не сообщил ничего о находящемся въ Муратовѣ колдунѣ?—задалъ самому себѣ вопросъ Андрей Николаевичъ.

— А по весьма простой причинѣ,—отвѣтилъ Бунчуковъ, бросивъ на полъ остатокъ папиросы и старательно растирая ее сапогомъ: — очевидно, знахарь самъ позаботился своевременно о томъ, чтобы крестьяне не очень-то распространялись предъ мѣстною интеллигенціей о его пребываніи въ Муратовкѣ. Это обстоятельство еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, что нашъ колдунъ принадлежитъ къ числу патентованныхъ мошенниковъ, что, впрочемъ, хорошо видно послѣ перваго знакомства съ нимъ...

— Изъ чего же это вы заключаете?—спросилъ Петрушевичъ.

— Да изъ того, что онъ, благодаря своей чисто дьявольской способности читать на лицѣ каждаго мужика его мысли, окончательно завладѣлъ здѣшнимъ народомъ; этому немало способствуетъ еще и выраженіе его глазъ съ какимъ-то лихорадочнымъ огнемъ...

— По всей вѣроятности, это результатъ нервной болѣзни, которой подверженъ колдунъ?

— Того же мнѣнія и здѣшній фельдшеръ; онъ даже увѣрялъ меня вчера, что у знахаря непременно бываютъ припадки эпилепсіи...

— И, знаешь, нашъ «эскулапъ» не ошибся: дѣти сейчасъ сообщали мнѣ, что подобные припадки бываютъ съ колдуномъ и въ это-то время его «мнѣтъ и ломаетъ»...

— Такъ вотъ эта-то болѣзнь и придала ему нѣкотораго рода ореолъ таинственности, надѣливъ колдуна аскетической блѣдностью и пронизательно-горящими глазами.

— А знаете ли что, Бунчуковъ? Я сегодня же послѣ уроковъ пойду къ этому проходимцу и въ присутствіи всѣхъ его слушателей вступлю съ нимъ въ преніе,—заявилъ вдругъ Андрей Николаевичъ.

— Это для чего же?

— Какъ для чего? да просто для того, чтобы показать народу, какъ колдунъ надуваетъ всѣхъ.

— Ну, врядъ ли вамъ удастся достигнуть чего либо въ этомъ отношеніи,—замѣтилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Почему же вы такъ думаете?—спросилъ Петрушевичъ.

— Во-первыхъ, потому, что колдунъ будетъ держать себя при васъ крайне осторожно, а, во-вторыхъ, и народъ-то слишкомъ ужъ вѣрить въ него, да не только простой народъ, но и наша мѣстная «аристократія» начинаетъ склоняться на сторону этого афериста.

— Какая аристократія?

— Да всѣ наши сельскія и волостныя власти, не исключая даже урядника съ женою и псаломщика, а вчера вечеромъ къ нему заходила и матушка съ діаконицей. Конечно, это было сдѣлано «инкогнито».

— Вотъ такъ штука! — воскликнулъ крайне удивленный Андрей Николаевичъ.—Послѣ этого недостаетъ еще, чтобы и самъ о. Стефанъ сдѣлалъ визитъ колдуну, а затѣмъ и мы съ вами, не такъ ли, а?

— Про о. Стефана могу сказать, что онъ смотритъ на всю эту исторію какъ-то сквозь пальцы и еще не такъ давно сообщилъ мнѣ слѣдующее: «хотя, говорить, христіанамъ и не подобаетъ имѣть дѣло съ чародѣями, но все таки это для нихъ гораздо лучше, чѣмъ ходить на собранія къ штундистамъ»...

— Тьфу, прости, Господи! — прервалъ своего помощника Петрушевичъ, махнувъ какъ-то безнадежно рукою.—И принесла же его сюда нелегкая... А вы, Сергѣй Ивановичъ, не сказали священнику, что такое довѣріе народа къ знахарю является великимъ позоромъ для насъ, просвѣтителей?

— Какъ не сказать? говорилъ!—отвѣтилъ Бунчуковъ, смотря на висѣвшіе подлѣ дверей стѣнные часы.

— Чтò же о. Стефанъ отвѣтилъ на это?

— Да что? Онъ мнѣ преспокойно заявляетъ:—эта блажь пройдетъ у нихъ сама собою, какъ только они увидятъ въ послѣдствіи, что въ словахъ колдуна не было ни малѣйшей правды.—Но вѣдь пока еще до этого дойдетъ дѣло, — мужичкамъ немало придется повзддержаться на того же самого колдуна,—возразилъ я пастырю.—Что жъ?—отвѣтилъ мнѣ съ тонкой усмѣшкой о Стефанъ:—на то вѣдь и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ.

— Хорошо «просвѣтитель»—нечего сказать! — произнесъ

со вздохомъ Петрушевичъ:—съ такими взглядами на крестьянина, и образованіе его далеко не уйдетъ...

— Да оно и безъ того не двигается съ мѣста, прервалъ старшаго учителя Бунчуковъ. — На дняхъ какъ-то захожу къ нашему старостѣ и вижу слѣдующую картину: стоитъ его восьмилѣтняя дѣвочка въ углу на колѣняхъ и, заливаясь горячими слезами, читаетъ что-то по книжкѣ. Дѣвочка, какъ я знаю, посѣщаетъ церковно-приходскую школу. — За что это вы, Авдѣй Парамоновичъ наказали свою дочь?—спрашиваю отца. — Да какъ же?—говоритъ—задали ей въ школѣ махонькій урокъ, а она и до сихъ поръ не можетъ рассказать мнѣ его безъ книжки...—А развѣ онъ заданъ ей, чтобы учить наизусть?—Вѣстимо, наизусть, — отвѣчаетъ староста, бросая презрительный взглядъ на дочь, которая продолжала шептать что-то, смотря въ книгу. Я подошелъ къ дѣвочкѣ и поинтересовался узнать, какой ей заданъ урокъ. Мнѣ заранѣе казалось, что я увижу одно изъ обычныхъ дѣтскихъ стихотвореній, но каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что восьмилѣтній ребенокъ заучивалъ на память отрывокъ изъ «Притчъ царя Соломона». Въ началѣ этого отрывка находились слѣдующія выраженія: «Иди ко мравію, о, лѣннive, и поревнуй, видѣвъ пути его и буди онаго мудрѣйшій»... Дѣвочка, очевидно, не только не понимала ни одного слова изъ прочитаннаго, но съ великимъ трудомъ разбирала эти замысловатыя фразы. Господи, подумалъ я: это ли не изувѣрство? Это ли не глумленіе надъ самыми элементарными педагогическими истинами, завѣщанными намъ Ушинскимъ? Какъ они не поймутъ того, что безъ извѣстной подготовки и лаптя не сплетьшь; что безъ необходимаго метода нельзя даже научить собаку стойку дѣлать, а учить и воспитывать народъ можно, по ихъ мнѣнію, безъ всякой подготовки, безъ всякаго умѣнья...

— Мало того, — прервалъ Бунчукова взволнованный не меньше его Петрушевичъ: — они полагаютъ, что дѣломъ народнаго образованія можетъ заниматься чуть ли не всякій пьяница-писарь и неудачникъ... Это меня болѣе всего возмущаетъ, и я бы огненными буквами велѣлъ написать надъ дверью каждой школы великія слова того же незабвеннаго педагога: «Преступникъ, убійца тотъ, кто берется за воспитаніе, не зная его»...

— Перестанемъ, однако, горячиться по поводу этого нескончаемаго и теперь въ особенности трудно разрѣшимаго вопроса, — замѣтилъ успокоившійся уже Бунчуковъ. — Не забывайте, Андрей Николаевичъ, что у насъ пока заботятся лишь о распространеніи въ народѣ простой грамотности; о поднятіи же умственнаго и нравственнаго уровня темной массы приходится слышать только одни теоретическія разсужденія въ печати. Благодаря этому обстоятельству, земскія и министерскія школы еле влачатъ свое существованіе, и всевозможнаго рода школы грамотности растутъ, какъ грибы...—Тутъ Петрушевичъ не выдержалъ и горячо заговорилъ опять:

— А народъ, не смотря на это, продолжаетъ чуть ли не поклоняться колдунамъ, вѣрить въ оборотней и домовыхъ, устраиваетъ холерные бунты и т. д.; начальство же и общество винять во всемъ этомъ народную школу, которая не съумѣла-де до сихъ поръ образовать, какъ слѣдуетъ, православнаго мужичка...

— Ну, ужъ это-то обвиненіе лишено всякихъ основаній,— замѣтилъ Бунчуковъ,—если наша школа давала незавидные результаты четверть вѣка тому назадъ, когда разумная педагогія пользовалась у насъ всѣми правами гражданства и когда на встрѣчу ей шла лучшая часть русскаго общества, — то теперь, при разныхъ ограниченіяхъ и конкуренціи, ей нечего и думать о достиженіи цѣли, завѣщанной нашими лучшими педагогами.

— Въ томъ-то и бѣда, дружище; а при такихъ условіяхъ по неволѣ руки опустятся у каждаго мало-мальски дѣльнаго учителя,—произнесъ упавшимъ голосомъ Петрушевичъ.—Вонъ изъ числа моихъ товарищей, окончившихъ семинарію, только одинъ я и удержался до сихъ поръ на своемъ мѣстѣ; прочіе всѣ перешли въ другія вѣдомства...

— По всей вѣроятности, и мнѣ придется послѣдовать скоро ихъ примѣру, — сказалъ Бунчуковъ, поднимаясь со стула, — надо будетъ хоть въ «монополіи» гдѣ нибудь пристроиться...

— И хорошо сдѣлаете, голубчикъ, потому что здѣсь ни нравственнаго удовлетворенія, ни матеріальнаго обезпеченія не достигнете... А я все таки пойду сегодня побесѣдовать съ колдуномъ: слишкомъ ужъ онъ заинтересовалъ и возмутилъ меня.

— Какъ хотите, но я бы не совѣтовалъ вамъ этого дѣлать, — заключилъ Бунчуковъ: — все равно, вѣдь, ничего дѣльнаго изъ вашей бесѣды не выдетъ.

— Посмотримъ, — произнесъ увѣреннымъ тономъ Андрей Николаевичъ. Въ эту минуту, въ коридорѣ раздался звукъ колокольчика, возвѣщавшій окончаніе большой перемены, и учителя поспѣшили въ классъ.

V.

Отдохнувъ немного послѣ обѣда, Петрушевичъ одѣлся, взявъ въ руки большую суковатую палку и отправился вдоль улицы къ избѣ кузнеца. Такъ какъ Бойковъ жилъ на противоположномъ концѣ Мураговки, то Андрею Николаевичу пришлось пройти черезъ все село, растянувшееся длинной лентой по берегу рѣчки Журавлевки. Не смотря на рабочій день, подлѣ общественнаго кабака толпилось немало народу, очевидно, несовсѣмъ еще опаматовавшагося послѣ вчерашняго угощенья, состоявшагося по случаю выбора новаго старшины. Поровнявшись съ питейнымъ домомъ, учитель хотѣлъ было спросить находившагося здѣсь сотскаго Пахома, живетъ ли еще у кузнеца знахарь, но счелъ за лучшее промолчать.

— Андрей Николаевичъ, Андрей Николаевичъ! — послышался вдругъ позади него голосъ кого-то изъ подвыпившихъ мужичковъ.

Петрушевичъ оглянулся и въ окликнушемъ его лицѣ узналъ Антона Безпалаго, принимавшаго дѣятельное участіе въ преслѣдованіи «штунда». — Куда это васъ Богъ несетъ? — охрипшимъ голосомъ спрашивалъ Антонъ учителя.

— Иду гулять, — отвѣтилъ уклончиво Петрушевичъ, продолжая путь.

— Что жъ? это очень пользительно; мы тоже вотъ гуляемъ, только наше гулянье будетъ поинтереснѣе вашего, — замѣтилъ крестьянинъ, вознамѣрившійся, какъ видно, пообстоятельнѣе побесѣдовать съ учителемъ. Андрей Николаевичъ остановился и спросилъ Антона:

— Какъ же ваше дѣло со штундистомъ?

— Пока сдали его на руки о. Стефану; а если и послѣ

этого онъ не покается, то вдругорядъ мы ему спуску не дадимъ.

— Вѣрно, вѣрно, Антоша! — закричали другіе мужики, стоявшіе ближе другихъ къ учителю.—Потому, какъ и въ писаніяхъ сказано: «плевалы огнемъ пожигаются»...—Петрушевичъ не слушалъ дальнѣйшихъ разглагольствованій въ этомъ родѣ и пошелъ дальше. Мрачныя мысли наполнили голову молодого человѣка. Сколько уже разъ приходилось ему быть свидѣтелемъ того печальнаго явленія, какъ сельскія общества, вступая сначала въ яростную борьбу съ возникающимъ среди нихъ сектантствомъ, заражались въ концѣ концовъ тѣмъ же самымъ ядомъ, не будучи въ состояніи, по причинѣ своего невѣжества, доказать кому слѣдуетъ всю неосновательность и бесполезность новаго вѣроученія. Та же участь могла постигнуть въ недалекомъ будущемъ и Муратовку... «А жаль, очень жаль,—думалъ учитель:—при иныхъ обстоятельствахъ и правильной постановкѣ начальнаго образованія, изъ этихъ же самыхъ крестьянъ могъ бы выйти весьма разумный, энергичный и предприимчивый народъ».

Еще издали Петрушевичъ могъ замѣтить, что подлѣ избы Бойкова толпилось много народу, между которымъ преобладающимъ элементомъ оказывались бабы и дѣвки. Подойдя ближе, учитель поздоровался съ ними и спросилъ:

— Что это вы собрались здѣсь?—Бабы замаялись и, закрываясь руками, стали какъ-то странно хихикать.

— А ты, Матрена, не скажешь ли мнѣ, что тутъ такое случилось у кузнеца?—обратился Андрей Николаевичъ къ молодой, которая жила ближе другихъ къ училищу.

— Ничего не случилось, — отвѣчала она, — а только мы собрались сюда, чтобы намъ ворожбитъ погадалъ. Сказываютъ,—очень ужъ онъ большой мастеръ по этимъ дѣламъ.

— Онъ и теперь въ избѣ?

— Есть, есть, да только, говорятъ, очень занятъ сейчасъ: разгадываетъ что-то мужикамъ,—заговорили разомъ бабы.

Петрушевичъ направился въ дверь избы. Въ сѣняхъ и внутри горницы была настоящая давка, хотя присутствовавшій здѣсь народъ хранилъ глубокое молчаніе и лишь изрѣдка можно было услышать тихій шопотъ. Очевидно, къ знахарю входили, соблюдая строгую очередь. Пробравшись между изумленно огля-

дывавшими его мужиками и бабами, Андрей Николаевичъ остановился въ переднихъ рядахъ, откуда можно было хорошо слѣдить за ходомъ особаго рода «священнодѣйствія». Низкій ростъ учителя давалъ ему возможность укрываться отъ взоровъ колдуна, который въ данный моментъ бесѣдовалъ о чемъ-то съ высокимъ, рыжимъ мужикомъ лѣтъ сорока пяти. До слуха Петрушевича долетѣлъ слѣдующій вопросъ, адресованный со стороны знахаря въ мужику:

— Былъ ли ты, рабъ божій Николай, въ нынѣшнемъ году у исповѣди и св. причастія?

— Былъ,—робко отвѣтилъ крестьянинъ, отирая потъ, катившійся съ лица крупными каплями.

— А вѣришь ли тому, что я съ помощью божьей даю отвѣты на предлагаемые мнѣ вопросы?

— Вѣрю.

— Становись же теперь на колѣни, цѣлуй св. евангеліе и говори, въ чемъ твоя просьба.

При этихъ словахъ, мужикъ послушно опустился на полъ и даже положилъ передъ неподвижно сидѣвшимъ знахаремъ земной поклонъ...

— Вишь ты,—послышался среди присутствующихъ тихій разговоръ,—какъ у него все по божественному дѣлается... Гдѣ жь тутъ нечистая сила, какъ же она помогаетъ ворожбиту?..— «Какая жь тамъ нечисть, коли человекъ безъ св. креста и евангелія шагу не дѣлаетъ, слова не молвить!»—съ сердцемъ произнесъ дѣдъ Онисимъ, пользовавшійся среди муратовцевъ авторитетомъ лица, глубоко изучившаго псалтырь и Четы-Миней.

Последнія замѣчанія крестьянъ окончательно взбудоражили учителя, и онъ, быстро пробравшись черезъ толпу, очутился предъ самымъ носомъ знахаря, который, казалось, нисколько не былъ удивленъ внезапнымъ появленіемъ въ избѣ интеллигентнаго лица; напротивъ, онъ совершенно спокойно осмотрѣлъ нашего педагога, въ нѣсколько секундъ, съ ногъ до головы, и затѣмъ скромно опустилъ долу свои пронизательныя очи. Тутъ-то Андрей Николаевичъ и на самомъ дѣлѣ убѣдился, что передъ нимъ находится не заурядный деревенскій знахарь, а плутъ самой высшей пробы, съ которымъ надо было держать себя весьма осторожно, чтобы не оскандалиться предъ лицомъ многочисленной толпы.

— Вы знаете, кто я таковъ?—обратился Петрушевичъ къ прорицателю, оставшемуся въ прежнемъ положеніи.

— Знаю: вы—здѣшній учитель,—отвѣтилъ какимъ-то металлическимъ голосомъ колдунъ.

— Если вы это знали, то почему же не потрудились встать при моемъ входѣ и не отвѣтили на мое привѣтствіе? — нѣсколько рѣзко спросилъ Андрей Николаевичъ.

— Я близорукъ, г. учитель, и только теперь замѣтилъ васъ,—произнесъ тѣмъ же тономъ знахарь, приподнимаясь, какъ бы не хотя, съ лавки и задавая въ свою очередь вопросъ:

— Что же вамъ отъ меня надо?

— Прежде всего, мнѣ бы хотѣлось знать: кто вамъ далъ право морочить православный людъ своимъ глупымъ гаданьемъ?

— Никто изъ «князей міра сего» не давалъ мнѣ такого права,—отвѣтилъ смиреннымъ голосомъ знахарь,—но я получилъ эту силу отъ Господа нашего, сущаго на небесахъ...

— Какимъ же это образомъ?—спросилъ учитель, еле сдерживая улыбку.

— Мнѣ было особое видѣніе въ пустынѣ, среди ночнаго мрака, и голосъ Вышняго повелѣлъ мнѣ и научилъ вѣщать глаголы вѣчной истины...

При этихъ словахъ, колдунъ сталъ бросать вопросительныя взгляды на присутствующихъ, словно требуя отъ народа объясненія по поводу возникшаго инцидента. Въ толпѣ послышался глухой ропотъ, вызванный, очевидно, непрошеннымъ вмѣшательствомъ Петрушевича въ «доброе» дѣло ворожбита. Учитель тотчасъ же смекнулъ это и рѣшилъ дѣйствовать энергичнѣе.

— Вы, слѣдовательно, отгадываете будущее и неизвѣстное вамъ прошедшее съ помощью Бога?—спросилъ онъ колдуна.

— Да.

— А знаете ли вы хорошо смыслъ св. евангелія, которое лежитъ сейчасъ предъ вами, и вѣруете ли въ Иисуса Христа?

— Знаю и вѣрую,—отвѣчалъ несовсѣмъ твердымъ голосомъ знахарь.

— Въ такомъ случаѣ прочтите сейчасъ же символъ православной вѣры...

— Это для чего же?—спросилъ окончательно опѣшившій прорицатель.

— А для того,—заговорилъ громкимъ голосомъ Петрушевичъ,—чтобы всѣ присутствующіе здѣсь мужички хорошо видѣли всю ложь и мерзость вашихъ поступковъ!..

Колдунъ безпомощно озирался по сторонамъ.

— Читайте же!—повторилъ учитель, смотря прямо въ глаза колдуну.

— Неужели вы думаете, что я и на самомъ дѣлѣ не знаю символа вѣры?—спросилъ знахарь.

— Не только думаю, но даже убѣжденъ въ этомъ,—отвѣчалъ Петрушевичъ.

Народъ съ крайнимъ интересомъ слѣдилъ за этой сценой, сохраняя глубочайшее молчаніе и все таки не особенно пріязненно поглядывая на учителя. «Ворожитбу» волей-неволей пришлось исполнить требованіе своего противника-экзаменатора. Откашлявшись и обративъ глаза къ потолку, знахарь началъ вполголоса читать молитву, но съ первыхъ же словъ запутался, что вызвало среди крестьянъ сначала подавленный, а затѣмъ и громкій смѣхъ. Петрушевичъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и, обратившись къ народу, произнесъ:

— Теперь вы, добрые люди, хорошо видите, что этотъ человѣкъ—самый наглый обманщикъ, и что онъ не имѣетъ никакого права прикрываться именемъ Божьимъ, если не знаетъ даже символа православной вѣры... Эй, сотскій, — обратился учитель къ находившемуся тутъ же въ толпѣ представителю полицейской власти,—позовите нѣсколько человѣкъ десятскихъ и тотчасъ же препроводите этого проходимца въ кордегардію, а завтра—въ становую квартиру!..

Послѣ незначительной заминки, сотскій отправился за десятскими, и чрезъ нѣсколько минутъ колдуна торжественно повели къ сельскому правленію. Дорогою онъ читалъ громко тексты изъ священнаго писанія и по временамъ обращался къ сопровождавшимъ его крестьянамъ со словами упрека:

— Грѣхъ, великій грѣхъ за меня будетъ вамъ, православные! Развѣ я худое что сдѣлалъ вамъ? За что же влечете меня въ узилище?

Мужички съ сотскимъ во главѣ угрюмо молчали, двигаясь

медленными шагами по сторонамъ знахаря. Присутствовавшія при этомъ бабы съ бѣльшимъ сочувствіемъ отнеслись къ постигнутой колдуна судьбѣ; онѣ даже слишкомъ громко выражали свое неодобреніе поступку сотскаго и десятскихъ, требуя немедленнаго освобожденія арестанта. До слуха Андрея Николаевича долетѣло нѣсколько далеко нелестныхъ эпитетовъ и по его адресу. Бабы, между прочимъ, выкрикивали:

— Лучше бы дать по шеѣ этому тонконогому учителяшкѣ да выгнать изъ избы, чѣмъ такъ-то глумиться надъ праведнымъ человѣкомъ!

— Это вы вѣрно, родимыя!—прошамкала беззубая баба-повитуха. — Чтѣ ему носъ-то совать въ крестьянскія дѣла? Смотрѣль бы за своимъ дѣломъ да не баловалъ бы мальчишекъ, а то они у него на глазахъ чуть не на головахъ ходятъ.

Слушая эти восклицанія, Петрушевичъ свернулъ въ первый переулочекъ и быстро зашагалъ по направленію къ школѣ. На душѣ его, вмѣсто чувства удовлетворенія по поводу дѣла колдуна, образовался какой-то скверный осадокъ, причиною чего была глухая ненависть — не то къ мужикамъ, не то къ тѣмъ лицамъ, которыя задерживали правильное умственное развитіе русскаго народа. Кромѣ того, въ головѣ учителя начинало мало-по-малу складываться убѣжденіе въ томъ, что онъ погорячился и поступилъ слишкомъ ужъ по полицейски. Петрушевичъ отлично понималъ, что хотя сотскій и десятскіе исполнили его приказаніе, однако, въ душѣ каждый изъ нихъ оставался все таки на сторонѣ знахаря.

Вернувшись домой, Андрей Николаевичъ тотчасъ же разсказалъ обо всемъ Бунчукову, который, выслушавъ повѣствованіе Петрушевича, замѣтилъ:

— А знаете, коллега,—эта исторія обойдется не дешево вамъ...

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ удивленный Андрей Николаевичъ.

— Потому, что здѣсь, выражаясь юридическимъ языкомъ, усматривается прежде всего «превышеніе власти», вызвавшее противъ васъ нѣкоторое озлобленіе со стороны народа; а затѣмъ не думаю, чтобы и о. Стефанъ отвесилъ одобрительно къ вашему вторженію въ подлежащую его вѣдѣнію область религіозно-нравственныхъ вопросовъ.

— Э, какое мнѣ дѣло до всего этого!—съ насильственнымъ смѣхомъ и презрительнымъ выраженіемъ на лицѣ проговорилъ Петрушевичъ. — Не могу же я спокойно смотрѣть на такіе возмутительные факты, разъ начальство призвало меня на постъ народнаго просвѣтителя...

— Такъ-то оно такъ, Андрей Николаевичъ,—продолжалъ Бунчуковъ, — да только не надо забывать и одной мудрой русской пословицы: «плетью обуха не перешибешь»...

— А вотъ поживемъ, увидимъ, — неувѣреннымъ голосомъ прервалъ своего помощника Петрушевичъ...

Явившіеся на слѣдующее утро въ школу ученики заявили, что колдуна отправили въ станovou квартиру...

VI.

— Слышали, небось, какую овацію устроили сегодня муратовцы арестованному вами знахарю?—встрѣтилъ вопросомъ Бунчуковъ своего товарища послѣ перваго урока въ тотъ же день.

— Ничего не знаю; объяснитесь, пожалуйста!—обратился къ нему изумленный Андрей Николаевичъ.

— Какъ же! почти вся деревня провожала своего духовидца далеко за околицу, а бабы и дѣвки такъ рѣвмя-рѣвѣли... Того и гляди, какъ бы вамъ не пришлось еще давать объясненія касательно столкновенія съ этимъ колдуномъ...

Вмѣсто отвѣта, Петрушевичъ плюнулъ и, махнувъ безнадежно рукою, ушелъ въ свою комнату.

Предсказаніе Бунчукова сбылось почти съ буквальною точностью.

Спустя дня два, Андрей Николаевичъ, дѣйствительно, получилъ отъ становаго пристава письмо, заключавшее въ себѣ просьбу пріѣхать къ нему «по весьма важному дѣлу».

— Неужели мнѣ и на самомъ дѣлѣ придется давать какія нибудь объясненія по поводу ареста колдуна? — обратился полувопросительно Петрушевичъ къ сидѣвшему у него въ комнатѣ Сергѣю Ивановичу.

— Несомнѣнно, такъ какъ наше дѣло—учить, просвѣщать и вообще воздѣйствовать на темную массу словами убѣж-

денія, но не насиліємъ, а тѣмъ болѣе—не полицейскими мѣрами, къ каковымъ обратились вы въ данномъ случаѣ.

— Да, не надо было горячиться,—замѣтилъ Андрей Николаевичъ, шагая по комнатѣ:—все равно, вѣдь, эти идиоты остались при своемъ мнѣніи... Однако, что бы тамъ ни было, а надо сейчасъ же послѣ занятій ѣхать къ нашему почтеннѣйшему Вячеславу Сигизмундовичу...

Резиденція становаго пристава находилась верстахъ въ двадцати отъ Муратовки въ мѣстечкѣ Лопушкахъ. Найдя туда попутчика, Петрушевичъ попросилъ его подвезти себя къ приставу, обѣщавъ за это мужику полтинникъ. Было уже около четырехъ часовъ пополудни, когда наши путешественники выѣхали изъ села и направились по дорогѣ въ Лопушки. Благодаря слишкомъ холмистой мѣстности, Андрею Николаевичу пришлось очутиться передъ домомъ пристава только въ девять часовъ вечера. Вячеславъ Сигизмундовичъ встрѣтилъ Андрея Николаевича крайне радушно и, послѣ первыхъ словъ пріивѣтствія, воскликнулъ:

— Батюшка, голубчикъ! Что это вы тамъ натворили съ какимъ-то знахаремъ?

— Ничего особеннаго, — отвѣтилъ спокойнымъ голосомъ Петрушевичъ, усаживаясь на предложенный ему хозяиномъ стулъ.

— Какъ ничего? А за что же вы арестовали человѣка, у котораго всѣ узаконенные документы на лицо и который никакого проступка, предусмотрѣннаго «уложеніемъ», не совершилъ?

— Такъ по вашему тотъ наглый обманъ, которому подвергался при этомъ православный народъ, не преступленіе?..

— Гмъ! отчасти вы правы; но только надо прежде доказать, что это дѣйствительно былъ обманъ,—замѣтилъ съ разстановкой приставъ.

— То есть, какъ же это доказать? — спросилъ крайне удивленный Петрушевичъ.

— Да такъ, чтобы всякій могъ убѣдиться въ томъ, что вашъ колдунъ и на самомъ дѣлѣ шарлатанъ, а не ясновидящій какой; вѣдь такіа лица встрѣчаются теперь, говорятъ, и среди заправскихъ ученыхъ, а вы, Андрей Николаевичъ, сейчасъ—этапнымъ порядкомъ... Нехорошо, нехорошо, молодой человѣкъ!..

— Вячеславъ Сигизмундовичъ, Господь съ вами, что вы говорите! — воскликнулъ Петрушевичъ. — Или этотъ проходимецъ умудрился и васъ обойти?

— Пойдите, пойдите, Андрей Николаевичъ, не слишкомъ-то горячитесь и не спѣшите со своими заключеніями: у меня, вѣдь, факты на лицо.

— Какіе же это факты?

— А вотъ слушайте: во-первыхъ, доставившіе ко мнѣ колдуна конвойные Христомъ-Богомъ клялись, что онъ сообщилъ имъ дорогою такія вещи, про которыя ему рѣшительно ничего не могло быть извѣстно отъ постороннихъ лицъ; такъ, напримеръ, одному онъ сказалъ, что минувшею ночью его свинья принесла шестерыхъ поросятъ да тутъ же и съѣла ихъ; а другому сообщилъ, что третьяго дня у него пропали изъ конюшни новыя возжи и еще кое-какая сбруя...

— Допустимъ, что это и справедливо, — произнесъ учитель, — но вѣдь вы совершенно упускаете изъ виду, что сами конвойные могли разговаривать другъ съ другомъ о своихъ домашнихъ дѣлахъ, находясь на незначительномъ разстояніи отъ стѣнъ кордегардіи; а у эпилептиковъ, къ которымъ несомнѣнно принадлежитъ и нашъ колдунъ, органъ слуха развитъ до невѣроятной степени...

— Помилуйте, Андрей Николаевичъ, — прервалъ учителя становой приставъ: — да этотъ артистъ сообщилъ и мнѣ такія вещи изъ моей прошлой жизни, о которыхъ никогда никто не зналъ да и не могъ узнать...

— Но все таки эти факты, въ моментъ ихъ возникновенія, были же кому нибудь извѣстны, кромѣ васъ? — спросилъ Петрушевичъ.

— Положимъ, что такъ; но тѣхъ свидѣтелей уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Вотъ почему знахарь, напомнивъ о давно минувшемъ и одному мнѣ извѣстномъ обстоятельстве, окончательно сбиль меня съ толку; послѣ этого я, говоря откровенно, рѣшительно не знаю, что дѣлать съ арестованнымъ колдуномъ?..

— Однако, Вячеславъ Сигизмундовичъ, вы и сами, какъ я полагаю, отлично убѣждены въ томъ, что очутившійся въ вашихъ рукахъ субъектъ представляетъ собою типъ настоящаго мошенника, а, быть можетъ, онъ и какой нибудь преступникъ, скрывающійся отъ рукъ правосудія...

— Ну, нѣтъ,—я далека от подобной мысли; скорѣе я склоненъ предположить, что въ данномъ случаѣ намъ приходится имѣть дѣло съ однимъ изъ тѣхъ ясновидящихъ, существованіе которыхъ, повторяю, не отрицаютъ даже и нѣкоторые изъ вашихъ патентованныхъ ученыхъ...

— Это вы, вѣроятно, слышали что нибудь о медиумахъ, Вячеславъ Сигизмундовичъ; но подобныя вещи относятся уже къ области спиритизма, не имѣющаго ничего общаго съ шарлатанствомъ деревенскихъ духовидцевъ-прорицателей...

— Пусть будетъ по вашему,—согласился приставъ,—но въ концѣ концовъ нельзя таки не сознаться, что извѣстный датскій принцъ былъ отчасти правъ, сказавши когда-то: «На свѣтѣ много есть такого, что и не снилось нашимъ мудрецамъ»... Однако, бросимъ-ка мы этотъ пустой разговоръ и пойдемъ пить чай!—закончилъ вдругъ приставъ, направляясь со своимъ гостемъ въ сосѣднюю комнату...

Домой вернулся Петрушевичъ на другой день утромъ, едва не опоздавъ къ началу классовъ.

— Ну, что, какъ дѣла? — обратился къ нему съ улыбкой Бунчуковъ.

— Да такія дѣла, что мнѣ совѣстно даже говорить о нихъ,—отвѣчалъ Андрей Николаевичъ, бросая шляпу и пальто на кровать и опускаясь на стулъ.

— Навѣрное попали въ полицейскій протоколъ?—продолжалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Ну, это было бы еще вполне естественно; но дѣло въ томъ, что, какъ оказалось, и нашъ приставъ недалеко ушелъ отъ муратовцевъ въ отношеніи умственнаго развитія...

— Я это и раньше зналъ, — прервалъ Петрушевича его помощникъ,—но всегда былъ далека от мысли, что онъ способенъ увѣровать въ какого нибудь колдуна...

— Въ томъ-то и бѣда, что вышло какъ разъ наоборотъ: почтенный Вячеславъ Сигизмундовичъ не только не призналъ этого афериста за мошенника, но даже сравнилъ его со знаменитыми гипнотизѣрами, и высказалъ почти явную склонность къ тому, чтобы освободить арестованнаго колдуна...

— Можно ли послѣ этого удивляться суевѣрью нашихъ мужиковъ?—произнесъ Бунчуковъ.

— Совершенно согласенъ съ вами; но изъ этого все таки не

слѣдуетъ, чтобы мы спокойно смотрѣли на такія возмутительныя явленія, — взволнованнымъ голосомъ заговорилъ Андрей Николаевичъ.

— Что же мы можемъ сдѣлать для устраненія подобнаго зла?

— Какъ что? Бороться съ нимъ всѣми зависящими отъ насъ средствами.

— Ну, въ этомъ отношеніи нашей школьной программы далеко не достаточно; что же касается размножаемыхъ простыхъ школъ грамотности, то онѣ, кромѣ вреда, рѣшительно ничего не принесутъ русскому народу, такъ какъ окончательно подорвутъ въ немъ вѣру въ истинное значеніе первоначальнаго образованія и парализуютъ въ крестьянинѣ всякое стремленіе къ дальнѣйшему саморазвитію...

Петрушевичъ ничего не возразилъ на послѣднія слова Бунчукова...

Встрѣтившись черезъ нѣсколько дней послѣ этого съ сельскимъ старостой, Андрей Николаевичъ узналъ отъ него, что становой приставъ не только освободилъ колдуна, но даже разрѣшилъ ему «практиковать» въ сосѣднемъ селѣ Перекатиловкѣ, куда снова стали отовсюду стекаться люди, желающіе послушать знахаря.

— А ваши муратовцы забыли ужъ о немъ? — спросилъ учитель.

— Какое тамъ забыли! Вонъ нѣкоторые изъ нихъ и сейчасъ собираются къ нему въ Перекатиловку.

— Зачѣмъ же они снова обращаются къ этому колдуну, коли и прежнія-то предсказанія его относительно уворованныхъ лошадей не оправдались?

— Что жъ, что они не оправдались,—этому была своя причина,—замѣтилъ убѣжденнымъ тономъ староста.

— Какая же такая причина?

— Да такая, что колдунъ ушелъ отъ насъ, разсердившись на всѣхъ мужиковъ.

— Значить, они теперь идутъ къ нему съ повинной головой, что ли?—спросилъ, улыбаясь, учитель.

— А хоть бы и такъ, что жъ въ этомъ дурнаго?—проговорилъ недовольнымъ голосомъ староста.

Услышавъ это, Петрушевичъ только махнулъ рукою и пошелъ далѣе.

VII.

Послѣ инцидента со штундистомъ и знахаремъ, и безъ того незавидныя отношенія, существовавшія между о. Стефаномъ и Андреемъ Николаевичемъ, стали замѣтно ухудшаться. Не смотря на все миролюбіе Петрушевича, священникъ держалъ себя въ отношеніи учителя крайне непріязненно, продолжая по прежнему подрывать авторитетъ земской школы; окончательный же разрывъ между ними произошелъ по слѣдующему поводу.

До открытія въ Муратовкѣ церковно-приходской школы, священникъ хотъ изрѣдка посѣщалъ уроки закона божія въ земскомъ училищѣ; если же по какимъ либо причинамъ онъ не могъ этого дѣлать, то обязанности его принималъ на себя учитель; въ школьномъ же журналѣ дѣлалась отмѣтка, что урокъ закона божія былъ данъ священникомъ; а тотъ, по окончаніи учебнаго года, получалъ изъ земской управы свое жалованье полностью. Все это продѣлывалось, конечно, благодаря товарищескимъ отношеніямъ обоихъ преподавателей, и общій ходъ школьныхъ занятій отъ такого порядка вещей нисколько не страдалъ. Совершенно иначе пошло дѣло съ преподаваніемъ закона божія съ тѣхъ поръ, какъ въ Муратовкѣ появилась церковно-приходская школа. Тутъ уже о. Стефану, вслѣдствіе увеличенія педагогическихъ обязанностей, пришлось еще рѣже посѣщать земское училище; Петрушевичъ, однако, по старому продолжалъ играть роль законоучителя; но когда вдругъ появился указъ святѣйшаго синода о томъ, чтобы народные учителя, въ случаѣ отсутствія священника на урокѣ закона божія, объясняли въ школьномъ журналѣ причины подобныхъ неявокъ, — тогда уже поневолѣ приходилось говорить правду. При первомъ удобномъ случаѣ, Андрей Николаевичъ спросилъ священника:

— А чтѣ вы скажете, о. Стефанъ, теперь относительно преподаванія закона божія въ земской школѣ?

— Это послѣ указа-то?

— Да, да; кромѣ того, я и самъ уже давно собираюсь переговорить съ вами серьезно объ этомъ предметѣ, такъ

какъ мнѣ рѣшительно невозможно заниматься преподаваніемъ закона божія въ обоихъ классахъ.

— Но прежде вы находили это возможнымъ,— замѣтилъ о. Стефанъ.

— Прежде было другое дѣло, да и вы чаще заглядывали къ намъ; а теперь подобная роль оказывается не только обременительной, но даже, какъ вы знаете, и небезопасной для меня.

— Положимъ, это такъ; однако, войдите же и въ мое положеніе, Андрей Николаевичъ: вѣдь, какъ никакъ, а на моихъ плечахъ лежитъ теперь тоже цѣлая школа...

— А мнѣ-то какое дѣло до этого?— рѣзко прервалъ священника Петрушевичъ: — вы законоучитель и, слѣдовательно, обязаны исправно посѣщать свои уроки и въ земской школѣ!

— Въ такомъ случаѣ пусть ваши ученики являются ко мнѣ въ церковно-приходскую школу по средамъ и пятницамъ въ послѣобѣденное время,— отвѣчалъ о. Стефанъ.

— Но это будетъ слишкомъ ужъ накладно для дѣтей, которыя и безъ того до трехъ часовъ пополудни принуждены сидѣть въ тѣсномъ классномъ помѣщеніи; наконецъ, изъ этого можетъ выйти у насъ немало всякихъ недоразумѣній.

— Ну, какъ вамъ угодно, Андрей Николаевичъ, а я чаще не могу бывать въ вашей школѣ, — произнесъ священникъ, поднимаясь съ мѣста и прощаясь съ учителемъ...

Въ концѣ концовъ, Петрушевичу пришлось таки согласиться на посѣщеніе его учениками церковно-приходской школы, хотя о. Стефанъ, при болѣе покладливомъ характерѣ, могъ бы свободно являться на уроки закона божія въ земскомъ училищѣ, такъ какъ для этого у него было вполне достаточно свободнаго времени. Къ сожалѣнію, предсказанія Андрея Николаевича относительно неудобства передвиженія учениковъ изъ одной школы въ другую начали постепенно оправдываться; ближайшимъ поводомъ къ этому послужила прежде всего существовавшая и раньше разнь между дѣтьми того и другаго училища. При первомъ появленіи учениковъ Петрушевича въ церковно-приходской школѣ, они были встрѣчены градомъ камней и самыхъ ужасныхъ насмѣшекъ. Послѣ каждой такой стычки, на «полѣ сраженія» оставалось нѣсколько

человѣкъ съ испаряпанными лицами, подбитыми глазами и т. д. Весьма естественно, что подобный порядокъ вещей не особенно нравился родителямъ учениковъ; заправили же церковно-приходской школы счумѣли повернуть дѣло такъ, что крестьяне обвинили во всѣхъ неурядицахъ Андрея Николаевича, питавшаго якобы ненависть не только къ о. Стефану, но и къ его школѣ. Однимъ словомъ, началась обычная въ такихъ случаяхъ исторія, послѣдствія которой отразились прежде всего крайне вредно на успѣхахъ дѣтей по предмету закона божія въ земскомъ училищѣ; это было тѣмъ болѣе непріятно, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ученики Петрушевича не оставляли желать ничего лучшаго и могли бы легко удостоиться полученія свидѣтельствъ объ окончаніи установленнаго курса. Когда крестьяне узнали, что всѣ ученики старшей группы земской школы остаются еще на годъ въ учебномъ заведеніи, то опять обвинили только Петрушевича. Такимъ образомъ, авторитетъ свѣтской школы въ с. Муратовкѣ былъ окончательно подорванъ и поднять его на прежнюю высоту уже рѣшительно не было возможности.

Какъ-то въ одинъ жаркій іюльскій вечеръ Петрушевичъ, возвращаясь съ охоты, подошелъ къ стоявшему въ полуверстѣ отъ Муратовки колодцу, чтобы утолить свою жажду. Къ несчастью, подлѣ колодезнаго «журавля» не оказалось обычнаго ведра, вслѣдствіе чего учителю пришлось ожидать когонибудь изъ деревенскихъ обывателей, являющихся сюда за водою. Усѣвшись на лежавшій тутъ же большой булыжникъ, Андрей Николаевичъ принялся смотрѣть по направленію села, насвистывая какую-то мелодію. Солнце уже давно скрылось за отдаленнымъ горизонтомъ, и душная, тихая лѣтняя ночь медленно опускалась на изсохшую грудь матери-земли. Въ воздухѣ стояла почти невозмутимая тишина; изрѣдка только со стороны Муратовки доносилось запоздалое мычаніе скота, загоняемаго по дворамъ, да стукъ и скрипъ крестьянской тележки, возвращавшейся съ поля. Надъ всей долиной, среди которой раскинулось село, разстилалась густая дымка пыли, поднятой около часу тому назадъ деревенскимъ стадомъ... Такъ какъ большинство сельскихъ жителей находилось въ полѣ по случаю страдной поры, то Петрушевичу долго пришлось сидѣть подлѣ колодца въ ожиданіи когонибудь съ ведромъ.

Начинало уже совсѣмъ темнѣть. Учитель, наконецъ, поднялся и хотѣлъ было продолжать свой путь, какъ вдругъ до его слуха долетѣлъ топотъ лошади. Всматриваясь пристально въ окружающій мракъ, Андрей Николаевичъ увидѣлъ, что къ колодцу подѣвзжаетъ верхомъ на лошади крестьянскій мальчуганъ, въ которомъ Петрушевичъ тотчасъ же узналъ ученика своей школы, Алексѣя Михайлюка.

— Здравствуйте, Андрей Николаевичъ!—бойко закричалъ подростокъ, соскакивая съ лошади и направляясь съ ведромъ въ рукѣ къ колодцу.—Али пить крѣпко захотѣли? — продолжалъ онъ, разматывая веревку.—Да, да—жажда положительно замучила меня; пожалуйста, голубчикъ, поскорѣ зачерпни водицы холодненькой,—отвѣтилъ учитель.

— А вотъ я сей ментъ; только ужъ вы подержите мою лошадку, а то подлые комары да слѣпни не дадутъ покою бѣдной скотинкѣ...

Мигомъ вытащивъ ведро воды, Алексѣй подалъ его учителю, говоря: «кушайте на здоровье». Утоливъ жажду и освѣживъ холодной водою свое пылающее лицо, Петрушевичъ спросилъ мальчугана:

— Ну, что, Алексѣй, будешь опять ходить ко мнѣ въ училище или нѣтъ?—Михайлюкъ помолчалъ нѣсколько секундъ, поправилъ на головѣ дырявую шляпчонку и произнесъ нетвердымъ голосомъ:

— Надо полагать, что нѣтъ, Андрей Николаевичъ...

— Почему же это такъ?

— Да потому, что тятка хочетъ отдать меня въ церковную школу.

— Неужели?

— Вѣрное слово,—хочетъ отдать.

— А ты охотно идешь туда?

— Это къ часословцамъ-то?—спросилъ Алексѣй съ гримасой.

— Кого это ты называешь часословцами?

— Да мы такъ называемъ школярей приходскаго училища, — отвѣтилъ Михайлюкъ, не глядя на учителя, который всегда строго наказывалъ учениковъ за употребленіе прозвищъ.

— Слѣдовательно, ты несовсѣмъ охотно идешь въ церковно-приходскую школу?—повторилъ послѣ непродолжительнаго молчанія Петрушевичъ.

— Вѣстимо, не хочу; да ничего съ отцомъ не подѣлаешь.

— Почему же твой отецъ не хочетъ посылать тебя въ земскую школу?

Алешка опустил голову и ничего не отвѣтилъ на вопросъ учителя.

— Ты не бойся, говори откровенно все, что знаешь,— обратился къ мальчику Андрей Николаевичъ.

— Видите ли, — заговорилъ Алексѣй, почесывая затылокъ: — отцу кто-то сказалъ, что въ земскомъ училищѣ совсѣмъ не учать божественному, и что будто бы вы... что будто бы вы...

— Ну, ну, что такое я? — спросилъ Петрушевичъ, видя замѣшательство мальчугана.

— Что будто бы вы заступаетесь за штундовъ,— закончила уже скороговоркой Михайлюкъ.

— Вотъ оно въ чемъ дѣло! — протянулъ учитель, стараясь улыбнуться. — А какъ ты, Алексѣй, думаешь: правда это или нѣтъ? Слышалъ ты когданибудь въ классѣ отъ меня хоть одно слово о штундистахъ?

— Никогда! — твердымъ голосомъ отвѣтилъ Михайлюкъ.

— А говорилъ ты своему отцу, что все это неправда?

— Говорить-то — говорилъ, да онъ вѣрить не хочетъ; анадьсь какъ крикнетъ: «ничего ты, такой, сякой, не понимаешь въ этихъ дѣлахъ: мнѣ, говорить, люди постарше и поумнѣ тебя сказывали, что вашъ учитель любить больше штундовъ, чѣмъ православныхъ христіанъ»...

Съ этими словами Алешка вскочилъ на лошадь и, пожелавъ своему учителю спокойной ночи, поѣхалъ по дорогѣ, ведущей въ поле.

Петрушевичъ поправилъ висѣвшее у него за плечами ружье и тоже запагалъ по дорогѣ къ селу. Для него стало теперь совершенно ясно, что земской школѣ придется уступить свое мѣсто въ Муратовкѣ церковно-приходскому училищу.

Сидя на другой день за чаемъ вмѣстѣ съ Бунчуковымъ, Андрей Николаевичъ долго молчалъ и, наконецъ, проговорилъ рѣшительнымъ тономъ:

— А знаете, Сергѣй Ивановичъ,— я завтра же подаю въ отставку.

— Это меня нисколько не удивляетъ,— спокойно отвѣтилъ

Бунчуковъ:—я думалъ, что вы бросите учительство тотчасъ же послѣ экзаменовъ.

— Почему же? — спросилъ озадаченный хладнокровіемъ своего помощника Петрушевичъ.

— Да потому, что, благодаря стараніямъ о. Стефана и его клеветовъ, здѣшніе крестьяне скоро совсѣмъ перестанутъ посылать своихъ дѣтей къ намъ въ школу.

— Въ этомъ я теперь окончательно убѣдился,—произнесъ печально Андрей Николаевичъ.

О встрѣчѣ съ Алешкой онъ ничего не сказалъ Бунчукову

— Куда же вы думаете поступить теперь на службу?

— Куда? Этотъ вопросъ еще пока не рѣшенъ мною; однако, если не удастся попасть въ акцизные или въ—скій банкъ, то думаю сдѣлаться членомъ какой нибудь южнорусской земледѣльческой артели; я вѣдь крестьянинъ, а потому мнѣ легко будетъ достигнуть этого.

— Отъ души желаю вамъ успѣха, Андрей Николаевичъ!—искренно проговорилъ Бунчуковъ, прощаясь съ товарищемъ.

Осенью того же года муратовцы подали въ земство приговоръ о закрытіи земскаго училища, мотивируя свое желаніе тѣмъ, что для нихъ вполне достаточно и одной церковно-приходской школы...

Д. Федоровъ.

Осень жизни.

Чтобъ на душѣ свѣтлѣе стало,
Мы ищемъ къ истинѣ приграсъ,
Хотимъ, чтобъ солнце въ ночь сіяло,
Чтобъ кто нибудь да тѣшилъ насъ.

А помнишь дни: мы не ходили
За шумной радостью къ другимъ:
Въ ту пору мы богаты были
Весельемъ собственнымъ своимъ.

А. Кругловъ.

ГИГИЕНА И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА.

(Къ вопросу о необходимости введенія гигиены въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній).

«Я нисколько не сомнѣваюсь, что между вами, г.г. слушатели, нѣтъ ни одного, который бы не зналъ, что Капитолій въ Римѣ спасенъ гоготаніемъ гусей, и въ то же время, конечно, никто между вами,—за исключеніемъ развѣ врачей,— не знаетъ состава гусиного яйца, да и вообще очень многіе изъ дѣльныхъ учителей вовсе не знали бы, что птицы несутъ яйца, еслибы объ этомъ не упоминалъ Плиній».

Карль Беръ.

I.

Въ настоящее время русское общество серьезно озабочено вопросомъ о реформѣ нашей средней школы. Недостатки ея достаточно сознаются не только учащимися и ихъ родителями, но и тѣмъ вѣдомствомъ, которое стоитъ во главѣ нашего учебнаго дѣла.

Сущность предполагаемой реформы сводится къ немногимъ пока пунктамъ: во-1-хъ, предполагается выбросить изъ курса гимназій все, что безъ всякой пользы для ученика загромождаетъ его память и затрудняетъ ученіе; во-2-хъ, ослабить преподаваніе древнихъ языковъ и отнести ихъ на старшіе классы; въ 3-хъ, расширить преподаваніе отечественнаго языка, отечественной исторіи и литературы, и, въ 4-хъ, наконецъ, ввести въ гимназическій курсъ преподаваніе естественныхъ наукъ. Вотъ и все, о чемъ мечтаетъ пока русское общество.

Но есть еще и другой циклъ предметовъ, который совсѣмъ не входитъ въ курсъ нашей средней школы. Мы говоримъ о законовѣдѣніи и гигиенѣ. Наши педагоги забываютъ, что «мы учимся не для школы, а для жизни». Поэтому все, что можетъ быть необходимо въ жизни, намъ должна дать школа, должна всему насъ на-

учить. Неужели можно назвать образованнымъ человѣкомъ того, кто не имѣетъ элементарныхъ свѣдѣній по законовѣдѣнью, по гигиенѣ, не знаетъ о значеніи въ жизни закона, о необходимости ознакомленія съ окружающей природой и собственнымъ организмомъ. Нынѣшняя учащаяся молодежь, воспитанная на «классикахъ», мало знакома съ окружающимъ міромъ и со всѣмъ тѣмъ, что въ немъ совершается. Строеніе нашего организма, его функціи и отправленія положительно незнакомы громаднѣйшему большинству нашей учащейся молодежи. Въ вопросахъ, касающихся нашего здоровья, и образованный, и необразованный человѣкъ одинаково невѣжественны.

Средняя школа должна восполнить этотъ недостатокъ и дать молодому поколѣнію необходимыя для жизни знанія; она должна познакомить юношу со всѣми вопросами, касающимися нашего организма и сохраненія нашего здоровья. Вопросъ о введеніи гигиены въ кругъ предметовъ средней школы настойчиво стучится въ двери. Что такое гигиена и чему она можетъ насъ научить? Гигиена—не новая отрасль медицинской науки; она стара, какъ и самый міръ; слѣды ея мы находимъ не только у грековъ, у которыхъ она была извѣстна подъ именемъ Гигиен, одной изъ дочерей Эскулапа, олицетворившей собою идею о сохраненіи здоровья, какъ милостиваго дара боговъ, но и у древнихъ египтянъ и евреевъ. Правда, у древнихъ народовъ она существовала не какъ наука, а только въ видѣ или предписаній религіи, или основъ гражданскаго благосостоянія. Моисей и Магометъ хотѣли освятить ее религіею: отсюда, какъ у евреевъ, такъ и у магометанъ, возникли: регламентація чистоты тѣла и чистоты жилищъ, воспрещеніе извѣстнаго рода пищи въ извѣстныя времена года. Блюстителями предписаній гигиены,—разъ она освящена религіею,—по необходимости, должны были явиться священники. Законы Ликурга имѣли цѣлю создать здоровыхъ и крѣпкихъ гражданъ-воиновъ; поэтому у спартанцевъ право на существованіе имѣлъ только здоровый, мускулистый ребенокъ; слабые же умерщвлялись. Въ древнемъ мірѣ гигиена имѣла въ виду чисто государственныя цѣли. Упражняя юношей въ борьбѣ и бѣганьѣ, развивая ихъ физическія силы, государство заботилось преимущественно о томъ, чтобы приготовить хорошихъ воиновъ, сильныхъ защитниковъ отечества. Поэтому и не удивительно, что древній міръ хвастался своими атлетами, людьми силы, воли и энергіи. Первая попытка научной разработки гигиеническихъ вопросовъ принадлежитъ Гиппократу. Онъ первый старался показать влияніе на человѣка воздуха, воды и мѣстности. Римъ пошелъ далѣе: у него, въ интересахъ общественнаго здоровья, появились сточныя каналы, водопроводы, осушка и дренажъ болотъ. Слѣдовательно,

гигіена не отличается молодостью и ея предписанія—не новость. А, между тѣмъ, сколько такихъ не новыхъ, а старыхъ, избытыхъ вопросовъ находится въ пренебреженіи у нашей публики! И положительно можно сказать, что говорить и напоминать обществу объ этихъ старыхъ, но вѣчно новыхъ вопросахъ—не только не лишнее, но прямо необходимо. Иногда вещи игнорируются только потому, что онѣ стары, просты и всѣ прислушались къ нимъ.

Что же такое гигиена? Всѣ опредѣленія сводятся къ тому, что гигиена есть наука о поддержаніи и сохраненіи здоровья, или наука, изучающая причины болѣзней. Но ни то, ни другое опредѣленіе не вѣрны. Обыкновенное опредѣленіе гигиены, состоящее въ томъ, что она есть искусство сохранять здоровье, невѣрно потому, что гигиена есть болѣе, чѣмъ искусство: она стремится увеличить и улучшить, а не только предохранить здоровье. Она изучаетъ условія для наиболѣе полезной дѣятельности человѣка, опредѣляетъ обстоятельства благопріятныя или неблагопріятныя для труда. Въ болѣе обширномъ смыслѣ, гигиена охватываетъ изслѣдованіе тѣхъ условій, которыя вліяютъ на воспроизведеніе вида, на развитіе, ростъ и упадокъ отдѣльныхъ особей, цѣлыхъ націй и расъ. Мало того, она касается всѣхъ сторонъ нашей жизни: дыханія, умственной и физической дѣятельности, наблюдаетъ отношенія роста, вѣса, зрѣнія, окружности груди, ёмкости легкихъ. Для всѣхъ этихъ отправленій нашего организма гигиена имѣетъ громадное значеніе. Если мы дышемъ испорченнымъ воздухомъ, ѣдимъ испорченную пищу, мало заботимся о физическомъ развитіи своего тѣла, то все это дурно отражается на нашемъ организмѣ. Гигиена изслѣдуетъ всѣ явленія, которыя могутъ сдѣлать человѣка больнымъ и могутъ поддержать его здоровье. Всѣ пришли къ тому заключенію, что культура есть лучший рычагъ для здоровья и что низкое состояніе культуры народа имѣетъ громадное вліяніе на медленность приращенія народа. Насколько высоко слѣдуетъ цѣнить вліяніе культуры на уменьшеніе смертности, примѣръ тому приводитъ Петтенкоферъ. Церковныя книги Лондона даютъ намъ драгоцѣнный матеріалъ. Онѣ показываютъ, что тамъ умерло:

съ 1681 по 1690 г.	по 42 чел.	изъ 1,000
» 1746 » 1755 » »	35 » »	»
» 1846 » 1855 » »	25 » »	»

Теперь же въ Англіи умираетъ только 20—21 человѣкъ изъ тысячи. Отсюда видно, что уменьшеніе смертности населенія зависитъ отъ ббльшаго или меньшаго культурнаго развитія, отъ большей чистоты и отъ разумной жизни народа.

Цѣль гигиены—изучить всѣ тѣ вліянія, которыя обусловливаютъ или содѣйствуютъ появленію недомоганія, болѣзней, смерти, порока или преступленія. Все это вопросы, которые касаются не только жизни отдѣльнаго индивидуума, но и цѣлаго общества. Короче, цѣль гигиены—сохраненіе жизни и здоровья людей. Здоровьемъ, силою и крѣпостью отдѣльнаго индивидуума обусловливается не только здоровье цѣлаго народа, но и благо всей страны. Цѣль, какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлой націи,—это прожить какъ можно долѣе и счастливѣе. Долголѣтіе націи обусловливается долголѣтіемъ отдѣльной личности. Гигиена и имѣетъ въ виду исключительно народное здоровье, а потому она прежде всего заботится о сохраненіи здоровья, а потомъ уже о лѣченіи болѣзней. Она смотритъ на народное здоровье, какъ на представителя государственной силы и какъ на предметъ народнаго хозяйства и благосостоянія. Хозяйство и здоровье находятся въ полной зависимости другъ отъ друга. Вліяніе климата на хозяйство, на ростъ и силу населенія представляетъ богатый матеріалъ для изслѣдованія.

Сила и богатство каждой націи зависятъ не столько отъ накопленія капитала, сколько отъ здоровья, силы, дѣятельности и продуктивности отдѣльныхъ индивидуумовъ. Каждый народъ, если хочетъ имѣть будущее, хочетъ быть великимъ, сильнымъ и богатымъ, долженъ заботиться не только о томъ, чтобы онъ самъ былъ здоровымъ и крѣпкимъ, но и о своемъ потомствѣ, чтобы и оно было также крѣпкимъ и сильнымъ. Болѣзненное, хилое потомство не устоитъ въ борьбѣ за существованіе, которую ему, рано или поздно, придется вести съ сосѣдами. «Мы всѣ,—говоритъ Петтенкоферъ,—поступаемъ, какъ расточительный наслѣдникъ богатыхъ родителей. Не зная настоящей цѣны здоровью, полученному по наслѣдству, мы издерживаемъ его безъ разчета, не заботясь о будущемъ. Тогда только оцѣниваешь это богатство, и является стремленіе сохранить его, когда здоровые превращаются въ больныхъ». Мы должны твердо помнить, что общественное здравіе составляетъ богатство и могущество страны. Здоровье каждаго отдѣльнаго индивидуума составляетъ капиталъ, а потому защита здоровья должна основываться на тѣхъ же законодательныхъ началахъ, которыя охраняютъ право собственности. Бѣольшая часть человѣчества, однако, неохотно жертвуетъ настоящимъ своимъ комфортомъ ради возможнаго будущаго блага. Не только массы не цѣнятъ и не могутъ понять того, что издержки и трудъ, необходимыя для улучшенія гигиеническихъ условій, скоро окупаются, но и болѣе интеллигентные слои относятся къ требованіямъ гигиены съ холоднымъ участіемъ, признавая ихъ пользу лишь въ принципѣ, а не на практикѣ. Масса

не понимаетъ и не можетъ понять, что затрата подобнаго рода есть лучшее помѣщеніе капитала.

Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ того, до какой степени невѣжество и беззаботное отношеніе къ дѣлу уничтожаютъ пользу всѣхъ успѣховъ знанія относительно методовъ предупрежденія болѣзней, мы имѣемъ на томъ фактѣ, что оспа все еще продолжаетъ являться въ формѣ мѣстныхъ эпидемій. А, между тѣмъ, эта болѣзнь можетъ быть легко и навѣрняка предотвращена, и она не должна бы болѣе появляться въ спискахъ смертности. Но это, конечно, возможно при томъ условіи, если вакцинація и ревакцинація каждой отдѣльной личности будутъ обставлены въ гигиеническомъ отношеніи болѣе или менѣе удовлетворительно. Безвозвратно минули тѣ блаженные времена, когда думали, что болѣзнь посылается особымъ провидѣніемъ или что она является местию оскорбленнаго божества. Мнѣніе это устарѣло, отжило свой вѣкъ. Но мы и до сихъ поръ забываемъ, что каждая болѣзнь является слѣдствіемъ той или другой причины, и какъ слѣдствіе, такъ и причина не могутъ быть относимы къ совершенно различнымъ классамъ явленій. Они должны непременно принадлежать къ одному и тому же классу, зависѣть другъ отъ друга и обуславливаться другъ другомъ. Конечно, гигиена безсилна дать какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлой націи, полное личное и общественное благополучіе, но нѣтъ сомнѣнія, что, благодаря ей, средняя продолжительность человѣческой жизни можетъ быть значительно увеличена, и что физическія силы человѣка могутъ быть доведены до болѣе значительныхъ размѣровъ.

Въ средніе вѣка врачи заботились болѣе о здоровьи отдѣльныхъ лицъ, объ ихъ благѣ, чѣмъ о здоровьи цѣлаго народа; поэтому до половины XIX столѣтія гигиена, какъ общественная наука, не существовала. Она была похоронена. Только въ минуты страшныхъ катастрофъ, разражавшихся надъ человѣчествомъ въ видѣ всевозможныхъ эпидемій, гигиена поднимала свою поникшую голову и возрождалась; только въ такія грозныя минуты человѣчество вспоминало о ней; но это было не болѣе, какъ минутной вспышкой. Проходила катастрофа,—общество и врачи успокаивались, голосъ гигиены опять замолкалъ впредь до новой катастрофы. Такъ продолжалось дѣло до первой половины нынѣшняго столѣтія. И только страшная холера 30-хъ и 40-хъ годовъ и крымская война вновь призвали гигиену къ жизни.

Съ того момента начинается новый поворотъ въ медицинѣ: врачи теперь поняли, что прежняя забота о здоровьи и долголѣтіи отдѣльныхъ личностей совершенно недостаточна въ борьбѣ съ общественными бѣдствіями, и что здоровье и благополучіе отдѣльныхъ

личностей не спасетъ націи ни отъ эпидемій, ни отъ вырожденія. Нужна забота объ общественномъ здоровьѣ и благѣ; нужна борьба съ общими причинами, производящими болѣзни. Этотъ моментъ смѣло можно назвать поворотнымъ въ исторіи гигиены. Теперь только обратили вниманіе на изученіе условій, способствующихъ заболѣванію и смертности населенія. Теперь только поняли, что необходимо выяснитъ, чѣмъ человѣкъ у насъ хвораетъ и отчего онъ умираетъ.

Крупные успѣхи естествознанія и медицины, труды Либиха, Вирхова, Клода-Бернара, Пастѣра и мног. др.—сильно выдвинули впередъ гигиену, какъ общественную науку, и значительно способствовали ея развитію и популяризаціи среди общества. Труды этихъ ученыхъ гигиена теперь выводится изъ области мечтаній и гаданій, сбрасываетъ съ себя суевѣрные оковы, старательно наложенныя на нее, какъ самимъ обществомъ, такъ и врачами, дѣлается наукою экспериментальною и занимаетъ почетное и видное мѣсто среди медицинскихъ, общественныхъ и техническихъ наукъ. Она все болѣе и болѣе входитъ въ свои права, все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ почетное мѣсто среди другихъ отраслей человѣческаго знанія. Съ требованіями гигиены теперь приходится считаться не однимъ только врачамъ, но и другимъ общественнымъ дѣятелямъ, техникамъ и архитекторамъ.

Нарушенія физиологической нормы существованія человѣка, противъ которыхъ направлены усилія гигиены, могутъ быть приведены къ слѣдующимъ двумъ простѣйшимъ типамъ: во-1-хъ, это есть смерть, если она наступаетъ ранѣе неизбежнаго физиологическаго предѣла старости; во-2-хъ, вся совокупность явленій и страданій, называемыхъ болѣзнями; кромѣ того, сюда же относятся: малый ростъ, слабость силъ, слабое зрѣніе и проч. Ежегодно среди общества теряются тысячи жизней, которыя могли бы быть спасены; у громадной массы разстраивается здоровье, является физическая слабость. Какъ со смертью, такъ и съ болѣзнями приходится считаться, терять много умственныхъ и нравственныхъ силъ, денежныхъ средствъ. Но несравненно легче и гораздо дешевле предупредить болѣзнь, нежели потомъ ужъ лѣчить ее. Лучшіе, добросовѣстные врачи откровенно признаютъ, что всѣ медицинскія системы, всѣ улучшенные способы лѣченія, при всемъ ихъ громадномъ разнообразіи, не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на смертность. Лѣчите людей какими угодно средствами и методами или вовсе ничѣмъ не лѣчите, — смертность и въ томъ, и въ другомъ случаѣ почти одинакова. Хотя это кажется невѣроятнымъ, ужаснымъ, но это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Знаменитый Н. И. Пиро-

говъ, въ своемъ классическомъ сочиненіи: «Начала военной полевой хирургіи», говорить, что онъ «убѣжденъ въ томъ, что всѣ наши врачебныя средства и пособія едва колеблютъ общую цифру смертности».

Замѣчательно, что смерть и заболѣваемость, къ немалому нашему удивленію, проявляются съ поражающею умъ и воображеніе правильностью,—при равенствѣ, конечно, производящихъ условій,—съ замѣчательнымъ однообразіемъ. Смертность населенія, при постоянствѣ и однообразіи условій, замѣчательно однообразна и повторяется изъ года въ годъ съ поразительною правильностью, такъ что для статистики, которая въ подобныхъ случаяхъ является лучшимъ показателемъ того, насколько извѣстное общество приняло тѣ или другія мѣры для поддержанія своего здоровья, положительно не составляетъ никакого труда опредѣлить, даже съ болѣею или меньшею вѣроятностью предсказать, — зная санитарное состояніе даннаго общества,—количество заболѣваній и смертныхъ случаевъ за извѣстный періодъ времени. Подобное опредѣленіе статистика можетъ сдѣлать при томъ только условіи, если въ смертности и заболѣваемости населенія обнаруживается извѣстная правильность, которая даетъ намъ возможность изъ цѣлаго ряда наблюденій за извѣстный періодъ времени сдѣлать тѣ или другія обобщенія, доискиваться причинъ отклоненій и возможности вліять на нихъ соответствующими мѣрами. Статистикъ, имѣя въ своемъ распоряженіи множество данныхъ смертности и заболѣваемости за цѣлый рядъ лѣтъ, можетъ предсказать съ извѣстною вѣроятностью, какое число умершихъ и какое количество заболѣваній можетъ быть за ближайшій годъ, если, конечно, въ условіяхъ смертности и заболѣваній не произойдетъ какихъ либо рѣзкихъ измѣненій въ ту или другую сторону. Подобная возможность предсказанія есть лучшее доказательство того, что явленія смертности и заболѣваемости находятся въ извѣстной зависимости отъ опредѣленныхъ причинъ, дѣйствующихъ съ извѣстною точностью и правильностью.

Эстерленъ въ своей медицинской статистикѣ установилъ, что изъ 1,000 жителей умираетъ ежегодно:

въ Норвегіи	19,3
» Швеціи	21,4
» Даніи	22,2
» Англіи	22,3
» Франціи	23,9
» Бельгіи	24,9
» Баваріи	28,8
» Саксоніи	29,3

въ Пруссiи	29,5
» Австрiи	33,6
» Россiи	34,8

Болезни и смертность находятся между собою въ известной зависимости, и всякій смертный случай предполагает большое число больныхъ, а средняя интенсивность всѣхъ болѣзней, вмѣстѣ ваятыхъ, опредѣляетъ число больныхъ. Известный профессоръ Петтенкоферъ, въ публичной лекціи о цѣнности здоровья для города, приводитъ медицинскую топографію Мюнхена, по сочиненію д-ра Видмера. Послѣдній разбираетъ численное отношеніе между смертными случаями и заболѣваніями во всѣхъ больницахъ и пріютахъ города, чтобы получить мѣрило, сколько дней бываютъ люди больны до выздоровленія или смерти. Среднее число, выведенное изъ большаго ряда годовъ, показываетъ, что изъ 34 человекъ умираетъ одинъ больной и лѣжится онъ 18,5 дней. Въ той же лекціи Петтенкоферъ говоритъ, что, по мнѣнію статистиковъ, въ теченіе 365 дней человекъ бываетъ боленъ 20 дней, т. е. около 5% времени.

Нужно смотрѣть на человека, какъ на рабочую силу: со всякимъ умирающимъ убываетъ работникъ. Потеря работника есть потеря капитала не только для семьи, изъ которой выбылъ работникъ, но и для государства. Но какъ и во сколько оцѣнить жизнь человека? Нѣтъ сомнѣній, что жизнь человѣческую мы можемъ оцѣнить только приблизительно и притомъ съ экономической точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія тѣхъ нравственныхъ страданій и мученій, которыя испытываютъ родственники и близкіе умершаго. Послѣднія не поддаются арифметическому исчисленію. Возьмемъ, для примѣра, жизнь простаго рабочаго и постараясь, хоть до нѣкоторой степени, опредѣлить стоимость его жизни и смерти. При настоящихъ цѣнахъ на рабочія руки, стоимость работъ простаго человека можно опредѣлить приблизительно въ 100 руб. въ годъ. Капиталь приноситъ 4%, слѣдовательно каждый человекъ, какъ рабочая единица, является капиталомъ, равнымъ 2,500 р. Если рабочій заболѣваетъ, а потомъ умираетъ, то такое явленіе наноситъ финансовый ущербъ въ 2,500 р. не только семейству умершаго, но обществу и государству. Отсюда выводъ простой: чѣмъ больше умираетъ людей, тѣмъ болѣе страдаетъ государство.

Во многихъ англійскихъ и германскихъ городахъ было найдено, что улучшенія въ дѣлѣ водоснабженія и правильнаго удаленія нечистотъ и помоевъ изъ городовъ сопровождались замѣтнымъ уменьшеніемъ смертности населенія. Такъ, изъ 1,000 человекъ населенія ежегодно умирало:

	До оводоро- тельныхъ ра- ботъ.	Послѣ нихъ:
въ Ланкастерѣ	28	22
» Вартингѣ	25	15
» Салисбюри	27	20
» Данцигѣ	36	28

Еслибы у насъ смертность понизилась съ 34 человекъ на 25 изъ 1,000,—мы не говоримъ уже о 20, какъ напр. въ Норвегіи или въ Англіи,—то мы сэкономили бы ежегодно сотни тысячъ человѣческихъ жертвъ, которыя представляли бы изъ себя громаднѣйшій капиталъ въ сотни милліоновъ рублей.

Приложеніе требованій гигиены къ жизни всегда требуетъ коренныхъ измѣненій общественности и быта и, кромѣ того, всегда же требуетъ болѣе или менѣе существенныхъ денежныхъ затратъ. Поэтому нельзя не упомянуть, что не разъ уже раздавались голоса, направленные противъ гигиены и ея требованій. И голоса эти раздавались не только изъ неразвитой, грубой и необразованной массы, но изъ интеллигентнаго общества и даже отъ людей науки. У насъ, даже въ интеллигентныхъ классахъ, гигиена мало обращаетъ на себя вниманія; замѣчается полнѣйшее незнаніе условій здоровья, сбереженія и ухода за организмомъ. Мы еще деньги цѣнимъ дороже здоровья и жизни, и не хотимъ согласиться, что источникъ милліоновъ—народное здоровье.

Мы привыкли видѣть источникъ богатства и счастья въ *деньгахъ*, а не *въ самомъ населеніи*, въ крѣпости его организма, въ силѣ и устойчивости его умственныхъ и нравственныхъ свойствъ; а потому, къ стыду нашему, милліоны у насъ стоятъ на первомъ планѣ, а здоровье—на второмъ. Но тамъ, гдѣ идетъ дѣло о здоровьѣ цѣлаго народа, тамъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо денежныхъ сбереженіяхъ, о какихъ либо урѣзкахъ. Милліоны, затраченные на сохраненіе, поддержаніе и укрѣпленіе народнаго организма, окупятся сторицею сохраненіемъ тысячъ человѣческихъ жертвъ отъ преждевременной смерти. Финансовыя жертвы, принесенныя на алтарь народнаго здравія, крайне ничтожны. И если мы толкуемъ объ нихъ, боимся принести ихъ, то исключительно по нашему невѣжеству, прямо—по недоразумѣнію. Но гигиена имѣетъ въ виду не одну только физическую сторону человекъ, но и умственную, и нравственную. Съ физическимъ здоровьемъ людей тѣсно связано и ихъ нравственное совершенствованіе. Повидимому, что можетъ быть общаго между физическою чистотою и опрятностью съ одной стороны, съ умственнымъ и нравственнымъ совершен-

ствованіемъ — съ другою. А, между тѣмъ, факта нельзя отрицать; нельзя не видѣть, что, съ улучшеніемъ гигиеническихъ условій жизни рабочаго класса, умственное и нравственное развитіе его повышается, смягчаются нравы, уменьшаются невѣжество и суевѣріе. Нашъ рабочій привыкъ къ грязи, къ тѣснотѣ, которыя кажутся ему настолько естественными и даже необходимыми, что онъ и не думаетъ измѣнить ихъ къ лучшему. При подобныхъ дурныхъ гигиеническихъ условіяхъ, уровень нравственности рабочаго не повышается, а понижается. И, только съ улучшеніемъ гигиеническихъ условій его жилища, обстановка и нравственность начинаютъ повышаться: вмѣсто кабака и трактира, онъ ищетъ другихъ развлеченій, болѣе осмысленныхъ, болѣе пріятныхъ и благородныхъ. Забота объ улучшеніи гигиеническихъ условій жизни рабочаго класса всецѣло лежитъ на обязанности не только ихъ хозяевъ, но и общества, и государства.

Гигіена заботится о томъ, чтобы, насколько возможно, лучше удовлетворить всѣмъ естественнымъ потребностямъ человѣческаго организма. Общественная гигиена должна основываться на правилахъ утилитаризма; она должна доказать обществу, что исполненіе ея требованій и предписаній ведетъ къ увеличенію удовольствій и выгодъ; поэтому она имѣетъ право требовать, чтобы каждый членъ общества принесть на общую пользу часть своихъ удобствъ, прінявъ на себя часть матеріальныхъ издержекъ. Общій принципъ, на которомъ основывается санитарное законодательство, состоитъ въ томъ, что *каждый членъ общества имѣетъ право на защиту какъ своего здоровья, такъ своей свободы и собственности*; но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и онъ самъ не нарушалъ правъ другихъ членовъ общества. Правила гигиены должны быть обязательны для всѣхъ, мало того—даже священны, какъ обязательны и священны нравственные правила и предписанія. Человѣкъ, не желающій подчиняться требованіямъ гигиены, приноситъ вредъ не только самому себѣ, но и всему обществу, среди котораго живетъ. Его неряшливость легко можетъ послужить источникомъ распространенія заразныхъ болѣзней. Извѣстный проф. Эрисманъ говоритъ, что опрятность есть въ то же время и лучшее дезинфицирующее средство, и отъ него, во всякомъ случаѣ, можно ожидать большаго успѣха въ дѣлѣ прекращенія эпидемій, нежели отъ все еще употребительныхъ окуриваній благовонными или дурно пахучими снадобьями, о которыхъ можно съ увѣренностью сказать, что они нисколько не уменьшаютъ живучести заразныхъ веществъ.

Дѣятельность человѣка обусловливается: во-1-хъ, вліяніемъ внѣшней среды, т. е. естественными агентами природы, каковыми являются

воздухъ, вода и почва; а, во-2-хъ, условіями общественной жизни, многосторонне измѣняющими эти агенты. Слѣдовательно, въ составъ гигиены входитъ изученіе различныхъ вредныхъ вліяній, происходящихъ отъ дѣйствія агентовъ природы—воздуха, воды и почвы,—а также отъ среды и дѣятельности человѣка.

Поэтому и гигиена можетъ быть разсматриваема въ 2-хъ отдѣлахъ. Въ первомъ отдѣлѣ, въ гигиенѣ общей, человѣкъ разсматривается, какъ изолированная единица; но, кромѣ того, сюда же входятъ: атмосфера, ея физическія и химическія свойства, климатъ и погода, и притомъ разсматривается все это въ связи съ вліяніемъ на человѣка, съ указаніемъ благоприятныхъ и вредныхъ для него дѣйствій атмосферы и ея элементовъ. Ранѣе, съ подобной же точки зрѣнія, разсматриваются: почва, вода, питаніе и одежда. Въ гигиенѣ частной или общественной человѣкъ разсматривается, какъ существо, поставленное въ ряду ему подобныхъ.

II.

Общественныя гигиеническія учрежденія и мѣропріятія принадлежать къ числу самыхъ дѣйствительныхъ средствъ проведенія въ жизнь требованій гигиены. Сюда относятся общественныя водопроводы, мощеніе улицъ, устройство садовъ, рынковъ, больницъ и пр. Само собою понятно, что единичная личность не въ состояніи принять на себя всѣхъ необходимыхъ санитарныхъ мѣропріятій; тутъ нужны общественныя усилія, нужна помощь государства. Личная гигиена должна обратиться въ привычку каждаго, богатаго и бѣднаго человѣка, а общественная должна лежать на обязанности государства.

Итакъ, идеалы гигиены сводятся къ тому, чтобы *смерть являлась естественнымъ удѣломъ старости*, а люди всѣхъ возрастовъ не знали бы страданій и тягостей болѣзней, притомъ совершенствовались бы свою организацію, развивали бы всѣ способности духа и тѣла. Ближайшія же задачи гигиены, по мнѣнію проф. Доброславина,—это «изученіе законовъ прочнаго физиологическаго равновѣсія въ организмѣ, при различныхъ условіяхъ общественной дѣятельности, и изученіе наиболѣе выгодныхъ условій сохраненія и развитія производительныхъ силъ организма». Отсюда понятно, насколько почетны и заслуживаютъ уваженія общества требованія гигиены. Она ставитъ своей задачей устранить изъ жизни человѣка различныя вредныя условія, уменьшить количество смертныхъ случаевъ и заболѣваній, и увеличить сумму человѣческаго счастья. Она стремится, чтобы не было слѣпыхъ, глухихъ, горбатыхъ, увѣчныхъ,

сумашедших; стремится вырастить, воспитать человека крѣпкаго, сильнаго духомъ и тѣломъ. Но это еще не все: она стремится облагородить человека, улучшить его инстинкты. Правда, гигиена еще не совершенна; предписанія ея часто бываютъ ошибочны, но это не должно насъ смущать. И другія науки ошибаются, но этихъ ошибокъ никто не ставитъ имъ въ вину. Безъ ошибокъ не было бы и прогресса.

Нѣкоторые думаютъ, что гигиена должна быть только частью медицины, а не отдѣльною наукою, но это мнѣніе ошибочно: медицина имѣетъ въ виду индивидуальную помощь, гигиена же даетъ свои предписанія и совѣты общинѣ, цѣлому государству. Громаднѣйшее большинство нашей публики смотритъ на предписанія гигиены, на ея разумныя требованія и правила, какъ на вздоръ, какъ на пустяки, не заслуживающіе никакого вниманія. Голосъ врача, который вздумалъ бы посоветовать больному обратить особенное вниманіе на нарушеніе гигиеническихъ условій, остался бы пустымъ звукомъ. Вольной не только не обратилъ бы на эти совѣты вниманія, но даже остался бы въ претензіи: «я, дескать, пригласилъ доктора не затѣмъ, чтобы выслушивать гигиеническія наставленія и предписанія, которыя я самъ прекрасно понимаю (большинство нашей публики положительно увѣрено, что отлично понимаетъ предписанія гигиены), а затѣмъ, чтобы лѣчиться». Врачъ, молча прописывающій микстуры, порошки, пилюли, будетъ пользоваться большимъ авторитетомъ въ глазахъ больного и его родственниковъ, чѣмъ врачъ, вздумавшій толковать о гигиенѣ у постели больного. А, между тѣмъ, теперь настало время, когда лучшіе и добросовѣстнѣйшіе представители медицины, какъ науки, видятъ все спасеніе человечества лишь въ гигиенѣ въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Медицина возлагаетъ надежду на эту отрасль медицины, которая разовьетъ и укрѣпитъ здоровье человечества.

Но полное развитіе гигиены, всестороннее примѣненіе ея правилъ и опредѣленій — нужно согласиться — дѣло далеко не легкое. Общество наше еще не понимаетъ ея значенія и смотритъ на нее, какъ на второстепенное дѣло: даже нѣкоторые врачи смѣшиваютъ ее съ другими отраслями медицины и удѣляютъ ей чуть не послѣднее мѣсто въ своихъ медицинскихъ системахъ. Поэтому всякое разумное стремленіе гигиены наталкивается на такія непреодолимыя преграды, что полнѣйшее осуществленіе ея надеждъ является пока *primum desiderium*. Мы уже сказали, что задачи гигиены велики и обширны, и исполненіе ея правилъ и предписаній довольно трудно. Но это не должно насъ пугать: вѣдь гигиена даетъ вѣрнѣйшіе и удовлетворительные отвѣты на всѣ вопросы, касающіеся всей нашей

частной и общественной жизни; она заботится о сохраненіи здоровья какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ и цѣлаго народа; печется о продолженіи его рода, объ усовершенствованіи и физическомъ развитіи его поколѣній, объ уменьшеніи эпидемій, болѣзней и смертности. Повторяемъ, задачи гигиены колоссальны и почетны. Гигиена — это наука о томъ, какъ слѣдуетъ, разумно и цѣлесообразно, жить на бѣломъ свѣтѣ. «Главный принципъ ея заключается въ томъ, — какъ говорить одинъ писатель, — чтобы каждый органъ нашего тѣла получалъ соответствующую пищу, совершалъ бы соответствующее отправленіе и соразмѣрнымъ упражненіемъ достигалъ бы дальнѣйшаго развитія и совершенствованія». Условіе этого принципа — уловить и установить норму нашихъ физиологическихъ потребностей, строго помня, что каждое нарушеніе, всякое насилваніе этой нормы не можетъ пройти безнаказанно, становясь источникомъ большаго или меньшаго ряда физическихъ и нравственныхъ страданій, и влечетъ за собою послѣдствія, подчасъ непоправимыя. Такъ, мы знаемъ, насколько человѣческое существованіе зависитъ отъ количественнаго и качественного состава пищи. Мы знаемъ, что въ борьбѣ за существованіе человѣка весь вопросъ сводится на пищу. Мы знаемъ, что для питанія организма, для образованія крови существуетъ особый, довольно сложный пищеварительный аппаратъ. Мы должны доставлять въ этотъ аппаратъ опредѣленное количество пищи, — во-первыхъ, для того чтобы пища подверглась въ немъ такимъ химическимъ измѣненіямъ, которыя превращаютъ ее въ кровь и вырабатываютъ изъ нея матеріалъ, годный для питанія всего организма; а, во-вторыхъ, этимъ самымъ доставляется работа аппарату: аппаратъ развивается и совершенствуется, приспособляется ко всѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя неминуемо встрѣтятся его въ жизни. Или, лучше сказать, условія жизни приспособляютъ себѣ пищеварительный аппаратъ. Вотъ тутъ-то и происходитъ борьба. Если условія жизни успѣютъ приспособить организмъ, если вашъ пищеварительный аппаратъ выдержитъ съ ними борьбу, — вы просуществоуете долго и просуществоуете въ добромъ здоровьѣ; въ противномъ же случаѣ вы падете жертвой борьбы. У васъ родился ребенокъ. Теченіемъ вѣковъ и естественнымъ подборомъ организациа его унаслѣдовала потребность питаться человѣческимъ молокомъ, и даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ пищеварительный аппаратъ долженъ выдержать нѣкоторую борьбу съ этимъ новымъ, невѣдомымъ дотошъ, условіемъ жизни. Но вотъ, вмѣсто материнскаго молока, въ силу разныхъ обстоятельствъ, вы начинаете кормить его — то коровьимъ молокомъ, подчасъ и прокислымъ, изъ рожка или соски, то хлѣбными крошками, картофелемъ и т. д. Условія

измѣнились, стали сложнѣе, борьба запутаннѣе, опаснѣе, побѣда сомнительнѣе; наступает критическій моментъ: пищеварительный аппаратъ не въ силахъ выносить эту работу и несоотвѣтствующую ему пищу, онъ извергаетъ все въ него вводимое, его рветъ и слабитъ, и въ большинствѣ случаевъ ребенокъ умираетъ; оттого и замѣчается такая страшная смертность на дѣтяхъ въ первые дни ихъ слабого существованія, особенно въ непредѣльныхъ дебряхъ нашего обширнаго отечества.

Вопросъ о пищѣ (въ борьбѣ за существованіе первую роль играетъ пища), вопросъ о чистомъ воздухѣ (теперь положительно доказано, что всѣ народныя эпидеміи: тифъ, холера, диссентерія, корь, оспа, скарлатина и коклюшъ имѣютъ своимъ источникомъ дурной воздухъ), вопросъ объ ассенизаціи и дезинфекціи городовъ и сель (утверждаютъ не безъ основанія, что о цивилизаціи народа легче всего можно судить по его умѣнью удалять нечистоты изъ своего мѣстопробыванія); все это—насущные вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ упорно работаютъ медицина и врачи-гигиенисты. Здоровая пища, чистый воздухъ—неизсякаемый источникъ нашего физическаго благосостоянія. Извѣстный гигиенистъ Карлъ Рекламъ основательно говоритъ, что «въ дурномъ воздухѣ заключается настоящая причина вырожденія человѣческой расы»; что «дурной воздухъ—злѣйшій врагъ человѣческаго рода». Нужно сознаться, къ стыду нашему, что устройство нашихъ жилищъ, распланировка нашихъ городовъ и сель, наша одежда, — все это сдѣлано, какъ нарочно, противъ первѣйшихъ правилъ и предписаній гигиены.

Воздухъ нашихъ городовъ, нашихъ жилищъ частныхъ и общественныхныхъ,—начиная съ лачуги бѣдняка и кончая барскими палатами,—страшно дурной и убійственный воздухъ. Но есть еще худшій воздухъ—это воздухъ нашихъ тѣсныхъ и переполненныхъ учебныхъ заведеній, нашихъ канцелярій и конторъ. Воздухъ фабрикъ положительно ужасенъ: онъ переполненъ угольной пылью или частицами соли, парами азотной, сѣрной и соляной кислотъ, или испареніями ртути, свинца, хлора, брома. Всѣ эти, переполненные учащимися, учебныя заведенія, биткомъ набитыя конторы и разныя учрежденія, удушливыя фабрики, даютъ полнѣйшій просторъ для величайшаго бича человѣческаго рода, выхватывающаго тысячами жертвы, не щадящаго ни возраста, ни пола, ни состоянія, ни положенія. Этотъ страшный бичъ — чахотка, благодаря непониманію требованій и предписаній гигиены, благодаря непростительной небрежности въ вопросахъ, касающихся охраненія нашего здоровья,—пробирается всюду и вездѣ находитъ себѣ жертвъ.

Человѣчество преспокойно продолжаетъ не обращать вниманія

на антигигиеническое и санитарное состояніе окружающей нас обстановки и съ не менѣе спокойною совѣстью, съ удивительнымъ равнодушіемъ умираеть сотнями тысячъ... А, между тѣмъ, въ рукахъ нашихъ имѣются радикальныя средства для доведенія болѣзненности и смертности до *minimum'a* и для продленія человѣческой жизни до *maximum'a*. Но не вина медицины, не вина докторовъ, что болѣзненность и смертность царять среди человѣчества и милліоны преждевременно сходятъ въ могилу, не доживши до старости. Голось гигиены еще мало раздается среди него, и общество не привыкло прислушиваться къ его звукамъ.

«Не подлежитъ уже сомнѣнію, что гигиенѣ принадлежитъ будущее человѣчества»,—нѣсколько восторженно выразился одинъ ученый. И, дѣйствительно, въ настоящее время не только между специалистами, но и среди просто образованныхъ людей все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что собственно лѣчебная медицина (терапия) вполнѣ бессильна противъ большинства болѣзней. Всѣ хроническія заболѣванія, все то, что собственно разрушаетъ жизнь человѣка и сводитъ его въ могилу, — все это почти недоступно для лѣчебной медицины. Хроническія болѣзни легкихъ и сердца, заболѣванія желудка, кишекъ, печени, почекъ,—все, чѣмъ преимущественно и поражается современное человѣчество, почти недоступно для радикальнаго излѣченія. Лучшее, чего можно достигнуть въ такихъ случаяхъ, — это временно приостановить болѣзненный процессъ и не дать ему развиваться. Врачъ стоитъ тутъ у постели больного «благороднымъ свидѣтелемъ» и знаетъ, что ему приходится бороться съ непобѣдимымъ врагомъ.

Но если лѣченіе вполнѣ развившихся болѣзней дѣйствуетъ очень плохо, то что же нужно дѣлать, чтобы избавиться отъ болѣзней? Современная медицина, въ своихъ поискахъ за лучшими способами лѣченія человѣчества отъ недуговъ и болѣзней, остановилась на причинномъ,—если позволено будетъ такъ выразиться,—способѣ врачеванія. Чтобы устранить болѣзнь и излѣчить больного, современная медицина напрягаетъ всѣ свои усилія на то, чтобы отыскать *причину*, вызвавшую болѣзнь, породившую тотъ или другой недугъ,—и устранить эту причину. Конечно, это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Отысканіе причинъ и устраненіе ихъ — дѣло не легкое и крайне сложное. Часто причины найдены и, не смотря на всѣ наши старанія и упорную борьбу съ ними, онѣ продолжаютъ существовать и дѣйствовать. Пока причина не устранена, пока медицина не можетъ воздѣйствовать на нее, всѣ старанія врачей останутся безплодными; болѣзнь не пройдетъ, и самое большее, чего можно добиться,—это устраненія того или другаго припадка, симптома, осо-

бенно беспокоящаго больного. Другими словами, возможно только временное, частное облегченіе.

Но если часто нельзя устранить причину, то остается одно—попытаться предупредить болѣзнь. Современная медицина склоняется все болѣе и болѣе къ тому, чтобы поставить организмъ въ такія условія, чтобы болѣзнь не могла развиваться; создать обстановку, благоприятствующую здоровью. Современная медицина старается не говорить: «вотъ какое нужно лѣкарство, чтобы вылѣчить болѣзнь», а совѣтуетъ: «*вотъ что нужно дѣлать, чтобы не получить ея, предупредить ея появленіе*». Современная медицина направила свое вниманіе на выясненіе условій общественнаго и частнаго здоровья. Въ этомъ и состоитъ главная задача гигиены. Эта наука имѣетъ громадное значеніе въ сферѣ охраненія и поддержанія человѣческаго здоровья. Безспорно ей принадлежитъ ближайшее будущее. Значеніе ея громадно и въ настоящее время, но, къ сожалѣнію, она еще не пользуется достаточнымъ вниманіемъ ни со стороны многихъ врачей, ни со стороны публики. Ея правила рѣдко примѣняются къ жизни, ея предписанія игнорируются, къ ея требованіямъ мало прислушиваются. Виновата въ данномъ случаѣ не гигиена, а скорѣе наше невѣжество относительно всего того, что касается нашего здоровья. Мы начинаемъ заботиться о своемъ здоровьѣ только тогда, когда оно уже подорвано, когда болѣзнь развилаь и нашла себѣ въ нашемъ организмѣ благоприятную среду; до этого же времени мы менѣе всего думаемъ о сохраненіи нашего здоровья. Съ гигиеной наше общество еще мало знакомо и мало ей вѣритъ, мало придаетъ значенія ея предписаніямъ и правиламъ, а—главное—не думаетъ, что исполненіе ея совѣтовъ и предписаній можетъ имѣть такія важныя и печальныя послѣдствія.

Гигиена не предписываетъ законовъ; она только даетъ совѣты. Она знаетъ, что ей приходится бороться и съ социальными порядками общества, и съ укоренившимися вкусами, привычками и потребностями, и даже съ модой, царящей въ данный моментъ въ обществѣ. Задачи ея широки и разнообразны, ибо она вѣдаетъ и человѣческую обстановку, и человѣческую жизнь и дѣятельность. На ея обязанности лежитъ предупреждать заболѣванія,—прекращая ихъ въ зародышѣ, изслѣдуя всѣ причины и вліянія, которыя могутъ сдѣлать человѣка больнымъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ современной медицинѣ совершился коренной переворотъ, имѣющій высокое значеніе: на мѣсто попеченія о больномъ человѣкѣ на первый планъ выступаетъ забота о здоровомъ. По словамъ одного изъ величайшихъ русскихъ докторовъ (Пирогова) «истинный прогрессъ медицинской

науки заключается въ гигиенѣ. *Будущее принадлежитъ медицинѣ предохранительной. Эта наука, идя рука объ руку съ государственною, принесетъ несомнѣнную пользу человечеству.* Эти золотыя слова великаго учителя должны быть выгравированы на мраморѣ и прибиты на фронтоны каждаго медицинскаго учрежденія, выпускающаго изъ своихъ стѣнъ врачей, — чтобы они могли взять ихъ девизомъ для своей практической дѣятельности. Эти же драгоценныя слова должны красоваться и на фронтоны нашей средней школы, чтобы каждый юноша, ежедневно видя эту надпись, памятовалъ бы о томъ, что здоровье, какъ его личное, такъ и всего народа, находится всецѣло въ рукахъ гигиены.

Мы убѣждены, что степень заболѣванія и смертности человечества совершается въ силу существующихъ условій соціального быта, что условія эти могутъ видоизмѣняться до безконечности въ хорошую и дурную сторону, и явленія, отъ нихъ зависящія, — т. е. заболѣваемость и смертность, — непременно измѣнятся. Мы твердо убѣждены, что болѣзненность и смертность людей до извѣтнаго предѣла держатся въ ихъ собственныхъ рукахъ, въ ихъ непосредственной власти и въ несомнѣнной отъ нихъ зависимости. «Мы хотѣли убѣдить, — говоритъ докторъ Португаловъ, — и убѣдить съ полнѣйшей вѣрой въ нашу правоту, что не *карательная медицина*, какого бы совершенства она ни достигла, спасаетъ человечество отъ пожирающаго его зла, а лишь *предупредительная*, состоящая въ улучшеніи соціального быта. Чѣмъ инымъ прикажете объяснить такіе факты, что Россія и Норвегія, — почти при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, — имѣютъ совершенно различную смертность? Чѣмъ инымъ прикажете объяснить, какъ не лучшимъ состояніемъ соціального быта, что въ *Норвегійи умираетъ одинъ на 53, а въ Россіи одинъ на 29?* И, по мѣрѣ того какъ предупредительная медицина или соціальная гигиена будетъ входить въ свои права и распространять свою силу; по мѣрѣ того, какъ будетъ возрастать ея вліяніе, значеніе, а — главное — примѣненіе въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, — по мѣрѣ всего этого, карательная медицина будетъ ослабѣвать и все болѣе и болѣе становиться ненужной и бесполезной».

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ еще разъ привести мнѣніе Португалова о значеніи гигиены для жизни человѣка. Рекомендую «Популярную гигиену» профессора К. Реклама, нашъ почтенный врачъ такъ говорить о ней: «Книга эта научитъ нашего читателя многому хорошему. Она научитъ его, когда онъ долженъ встать и что онъ, вставши, прежде всего долженъ сдѣлать. Она научитъ его, какъ онъ долженъ одѣться и что носить въ разное время года в

при различных обстоятельствах; она научить его, что и какъ кушать и въ какое время дня, чтобъ онъ зналъ, что ему полезно и что вредно для его здоровья и нормальнаго труда; она научить его, чѣмъ и какъ заниматься въ теченіе дня, когда и какъ отдыхать, когда ложиться спать, какъ поставить свою кровать (извините, читатели, мы убѣждены, что вы и этого не знаете), какую устроить постель, чѣмъ прикрываться, что читать на сонъ грядущій. Она научить его, какую себѣ выбрать квартиру или какъ устроить домъ, какъ его отапливать и чѣмъ освѣщать, какъ поддерживать въ немъ чистоту воздуха, — эту ничѣмъ незамѣнимую пищу легкихъ; какія предпочитать общественныя увеселенія, какой выбрать родъ службы, въ какомъ возрастѣ жениться. Читательницу она научить (если эта хорошая книга, паче чаянія, попадетъ въ руки какой нибудь провинціальной читательницы), въ какомъ возрастѣ выйти замужъ, и даже научить, какого выбрать жениха. Смѣемъ увѣрить читателя и читательницу, что истиннѣе въ этихъ случаяхъ — глушійшая штука и не ведетъ къ добру, а рациональныя знанія одни способны руководить человѣкомъ для устройства своего семейнаго счастья. Эта книга научить нашего читателя и читательницу, какъ вести себя въ первое время брачной жизни и во все послѣдующее время; какъ свить гнѣздо будущему птенцу, какой костюмъ ему приготовить, какія принадлежности запасти для его индивидуальной жизни. Эта книга научить нашу читательницу, что она сама должна кормить своего ребенка и какъ надеждащимъ образомъ къ этому подготовиться. Она научить нашихъ читателей, какъ воспитывать своихъ дѣтей, какія игрушки имъ давать, когда приступить къ грамотѣ, какія предпочесть знанія, какъ подавать имъ примѣръ нравственности и въ какое заведеніе отдать ихъ, къ какому роду жизни ихъ приготовить. Книга эта научить читателей, къ кому и когда обратиться въ случаѣ болѣзни, какого выбрать врача, кому довѣрить свое здоровье и сердечныя страданія. Книга эта даетъ наставленія, какъ себя держать въ дорогѣ, куда предпринимать путешествія и какое для этого нужно платье, чѣмъ заниматься въ дорогѣ, какія занимательныя и интересныя сочиненія выбрать для того, чтобы путешествіе не было пустою тратой времени, а было бы употреблено съ пользой».

Мы просимъ читателя замѣнить слово «книга» словомъ «гигіена», и тогда будетъ вполне понятна та роль гигиены въ жизни человека, о которой мы все время говорили.

Да, молодое наше поколѣніе, прежде чѣмъ вступить въ жизнь, должно быть вооружено не однѣми только «гуманитарными» или

«реальными» науками, (понимая «реальныя» науки по программѣ среднихъ и высшихъ школъ), но и съ основами гигиены и медицины, помня, что этимъ наукамъ, въ кругу другихъ наукъ, должно принадлежать если не первое, то отнюдь и не послѣднее мѣсто.

Д. Райскій.

Мечта.

Подъ нѣжными волнами
Полночной темноты,
Далекими огнями
Колеблются мечты;—
И снится мнѣ, что снова
Цвѣтеть любовь моя,
Что счастья земнаго
Опять желаю я.
Но пѣсню не бужу я
Красавицу мою,
И жажду поцѣлуя
Томительно таю.

Обвѣянный прохладой
Въ нѣмомъ ея саду,
За низкою оградой
Тихонько я иду.
Глухихъ ищю тропинокъ,
Гдѣ травы проросли,
Чтобъ жалобы песчинокъ
До милой не дошли.
Движенья замедляю
И пѣсни не пою,
Но сердцемъ призываю
Желанную мою...

И, сердцемъ сердце чуя,
Она выходитъ въ садъ,—
Глаза ея, тоскуя,
Во тьму за мнѣ глядятъ.
Въ ночи ея бессонной

Внезапныя мечты,—
Въ косѣ незаплетенной
Запутались цвѣты.
Мнѣ снится: передъ нею
Безмолвно я стою,
Обнять ее не смѣю,
Таю любовь мою.

Ө. Сологубъ.

НЕСЧАСТЛИВАЯ НАХОДКА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Не смотря на то, что часъ театрального сѣзда уже давно прошелъ, на Невскомъ проспектѣ происходило усиленное движеніе экипажей. По накатанной морозной дорогѣ, залитой электрическимъ свѣтомъ, мчались во весь опоръ всевозможные экипажи: съ обыкновенными и электрическими фонарями, одиночки и извозчики; звонки конки и грѣмкіе голоса кучеро́въ предупреждали пѣшеходовъ, переходившихъ дорогу, о грозящей имъ опасности—очутиться подъ ногами лошадей; «морозной пылью серебрились» бровные воротники сѣдоковъ и шапки кучеро́въ. Ярко освѣщенные зеркальныя окна магазиновъ блестяли показнымъ товаромъ; по тротуарамъ двигалась сплошная толпа разнообразнаго люда—картина слишкомъ знакомая петербуржцу, на которую онъ смотритъ привычнымъ, холоднымъ окомъ. Описывать Невскій проспектъ—это значитъ повторять тысячу разъ уже описанное съ неподражаемымъ искусствомъ.

— Ну, ужъ и сутолока на Невскомъ,—говоритъ низенькій, добродушный старичокъ, кутаясь въ шубу съ заиндевѣвшимъ воротникомъ. — Лѣтъ сорокъ тому назадъ — куда просторнѣе было!..

— Еще бы вы сказали: лѣтъ двѣсти тому назадъ!—улыбнулся его спутникъ, высокій старецъ въ енотовой шинели.

— Да, населеніе растеть, а городъ не расширяется.

— Зачѣмъ ему расширяться? Онъ и безъ того широкъ: натура у него широкая...

— Ну, ужъ извините: не шире же вашей, московской. Это вы напрасно его обличаете. Я всегда заступлюсь за Петер-

бургъ. «Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгій, стройный видъ»...

— Да, это—поэтический взглядъ. Чудесный взглядъ, что и говорить! Но творецъ Петербурга не похвалилъ бы его за скученность, еслибы вздумалъ проѣхаться на бронзовомъ конѣ по Невскому.

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ—и то сказать!

Въ числѣ шикарныхъ экипажей, трусилъ на своей клячѣ извозчикъ съ солиднымъ сѣдокомъ въ скунсовой шубѣ. По временамъ его кляча, подгоняемая кнутомъ, пускалась вскачь, тщетно стараясь опередить другіе экипажи. У одного изъ новыхъ домовъ-палаццо, представляющихъ архитектурный шедевръ, извозчикъ остановился. Сѣдокъ, съ краснымъ лицомъ и налитыми хмѣлемъ глазами, поспѣшно вылѣзъ изъ саней, сунулъ извознику въ руку двугривенный и скрылся за зеркальной дверью какого-то банка. Постоявъ съ минуту, извозчикъ дернулъ возжами и оживленно проговорилъ своему коню:

— Ну, трогай, бѣдоногій! Домой поѣдемъ. На хлѣбъ да на овесъ заработали. Будетъ съ насъ: всѣхъ сѣдоковъ, братъ, не перевозишь. Эво народу-то!

Извозчикъ былъ пожилой человекъ съ практическимъ выраженіемъ лица: «себѣ на умѣ», съ короткой рыжеватой бородкой. Никакихъ особенныхъ отличій отъ общаго типа столичныхъ извозчиковъ онъ не представлялъ: съ сѣдоками торговался, запрашивая вдвое; хитростью проникалъ въ мѣста, куда запрещался вѣздъ порожнимъ извозникамъ, для чего просилъ проходящихъ господъ «выручить» его — сѣсть въ сани, чтобы переѣхать преграду; зубасто перебранивался съ дворниками и швейцарами, гнавшими его отъ воротъ и подъѣздовъ; прекрасно зналъ планъ Петербурга, трактиры и увеселительныя мѣста. Вѣроятно, такого извозчика и имѣла въ виду Простакова, совѣтуя своему сыну не очень заниматься географіей, ибо были бы деньги, а извозчикъ довезетъ. Словомъ, онъ былъ опытный возница и не разъ съ гордостью возилъ даже генераловъ.

— Извозчикъ, въ «Трансвааль?» —рядить чуйка на Садовой.

— Сорокъ копѣекъ.

— Двугривенный.

— Пожалуйте.

— А на похороны генерала Жубера поспѣешь?

*

— Поспѣемъ: десять разъ домахнуть можно. Я бы самъ не отказался за упокой души...

Доѣхавъ до площади Александрійскаго театра, извозчикъ, улучивъ моментъ, ловко пересѣкъ Невскій и трусой поѣхалъ около театра, по Театральной улицѣ, потомъ по Чернышеву переулку, мимо Пяти угловъ, по Разъѣзжей, въ свою Лиговскую, по дорогѣ негромко напѣвая пѣсню:

Вдоль по Питерской,

По дороженькѣ...

Лиговская улица населена преимущественно извозчиками. Въ старину это была Ямская слобода. Когда не было желѣзныхъ дорогъ, въ ней колонизовались ямщики—народъ зажиточный, выродившійся, въ настоящее время, въ извозчиковъ. Ямщики составляли какъ бы отдѣльную касту, роднились только со своими и отличались красотой, дородностью и достаткомъ.

Извозчикъ вѣхалъ въ тѣсный мощный дворъ съ навѣсомъ и конюшнями, отпрѣгъ гнѣдка и сталъ снимать полость, которую всегда уносилъ въ квартиру. Вдругъ на днѣ саней, въ сѣнѣ, онъ, при свѣтѣ деревяннаго краснаго фонаря, съ закопѣлыми разбитыми стеклами, съ проволочной ручкой, увидѣлъ туго набитый бумажникъ. У него захолонуло сердце. Осмотрѣвшись кругомъ и убѣдясь, что никого кругомъ нѣтъ, онъ дрожащими отъ волненія руками раскрылъ бумажникъ. Бумажникъ былъ полонъ денегъ. Бумажки всѣ были радужныя — десять ровныхъ пачекъ. Моментально сунувъ находку за пазуху, извозчикъ точно замерзъ на мѣстѣ. Разсудокъ его не сразу получилъ способность соображать происходящее.

Придя мало-по-малу въ себя, извозчикъ взвалилъ на плечи полость, зеленой подкладкой вверхъ, взялъ въ руку фонарь и пошелъ въ хату. Войдя въ низкую, жарко натопленную квартиру, онъ бросилъ полость на нары и задулъ фонарь. Хата освѣщалась жестяной лампочкой, висѣвшей на стѣнѣ. На нарахъ, у самой печки, лежала кухарка.

— Что рано?—проснулась она.

— Что за рано? Хорошо тебѣ лежать у печки—тепло и не дуетъ—да спину грѣть! Попробовала бы день-то поѣздить по морозу,—какимъ-то не своимъ голосомъ отвѣтила извозчикъ, боясь выдать себя.

— Ужинать будешь?

— Нѣ, не буду.

Кухарка, довольная, что ей не надо трудиться и собирать ужинъ, снова задремала. Извозчикъ отперъ сундукъ, стоявшій подъ нарами, и, осторожно сунувъ въ него бумажникъ, снова заперъ сундукъ. Затѣмъ онъ машинально распоясался, снялъ полушубокъ, поставилъ валеные сапоги на печь и легъ на нары, плотно укутавшись полушубкомъ. Дыханіе его учащалось, умъ отказывался вѣрить въ происшествіе. Но оно было внѣ сомнѣнія: деньги лежали подъ нимъ въ сундукѣ. Фактъ былъ настолько реаленъ, что не внушалъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Отнынѣ онъ разбогатѣлъ точно въ сказкѣ, по щучьему велѣнію. Когда этотъ фактъ окончательно утвердился въ его сознаніи,— явился вопросъ: что дѣлать съ деньгами? «Да перво-на-перво отвезу ихъ въ деревню, спрячу въ надежномъ мѣстѣ, а тамъ видно будетъ! Завтра же, чуть свѣтъ, увезу. Тутъ оставлять боязно: неровень часъ—украдутъ ихъ или сгорятъ. А тамъ надежно»!.. На этой мысли остановился извозчикъ, но она далеко не успокоила его.

Между тѣмъ, пріѣзжали другъ за дружкой товарищи, ужинали, громко разговаривая о разныхъ уличныхъ происшествіяхъ, курили махорку; затѣмъ разувались, ставя валеные сапоги, обшитые кожей, въ печку и на печку, и ложились спать. Скоро извозчицья квартира огласилась храпомъ. Храпѣли извозчики во всю ивановскую, какъ могутъ храпѣть люди, намершіеся цѣлый день на улицѣ и, наконецъ, добравшіеся до теплой, невзыскательной постели. Такъ храпятъ только люди съ чистой совѣстью. Но не спалъ «счастливый» ихъ товарищъ, обдумывая свое небывалое происшествіе. Ночь казалась ему чересчуръ длинной. Онъ вставалъ нѣсколько разъ, зажигалъ спичку, смотрѣлъ на часы и снова ложился. Ему казались такими жалкими эти храпящіе товарищи съ ихъ повседневной ѣздой. Теперь у него пойдутъ дѣла другія! Надо только сдумать ихъ обдѣлать. Въ мечтахъ о будущемъ лежалъ извозчикъ съ открытыми глазами, и ночь казалась ему безконечной.

II.

Кузьма Селезневъ былъ пригородный крестьянинъ. Лѣто онъ работалъ въ деревнѣ, занимаясь хлѣбопашествомъ и кось-

бой, а на зиму прїѣзжалъ въ Петербургъ заниматься извозомъ. Промыселъ этотъ, помимо доходности, привлекателенъ для промышленниковъ съ внѣшней стороны: трактирная жизнь, духъ товарищества, попойки, веселые сѣдоки, не скупающіеся угощать и хорошо платить за извозчицьи услуги. Съ первопутка, устанавливающагося иногда рано, — съ октября, — а иногда и съ декабря до великаго поста, если не до пасхи, извозничаютъ эти зимніе пришлецы, — которыхъ постоянные, коренные петербургскіе извозчики иронически называютъ «желтоглазыми» и чинятъ имъ всевозможныя непрїятности, просто ради удали и издѣвательства надъ конкуррентами, — а затѣмъ вереницами тянутся въ деревни съ заработкомъ. Случается, — и даже нерѣдко, — они въ Питерѣ и оставляютъ заработанныя тяжелымъ трудомъ деньги. Трудъ этотъ усугубляется морозными зимами, причемъ согрѣвательнымъ средствомъ служитъ сивуха. Съ другой стороны, теплыя зимы, сопровождаемая распутицей, отражаются на лошадяхъ, надрывающихъ силы и падающихъ на улицѣ. Какъ бы то ни было, но Кузьма каждую зиму извозничалъ въ Петербургъ, много не пилъ и, въ продолженіе зимы, нѣсколько разъ посылалъ деньги семьѣ въ деревню. Характера онъ былъ устойчиваго, «баловству» не предавался и даже порицалъ тѣхъ, кто впадалъ въ столичныя соблазны.

Чѣмъ медленнѣе тянулась ночь, тѣмъ больше напрягались нервы нашего счастливаго извозчика, томившагося безсонницей и ожиданіемъ часа пробужденія. Наконецъ, первую встала кухарка, посмотрѣла, съ помощью зажженной лучины, на маленькіе, засиженные мухами и закоптѣлые, стѣнные часы съ розаномъ на циферблатѣ и, зѣвая, проговорила:

— Вставайте, шестой часъ!

Кузьма первый поднялся. Онъ только и ждалъ этого момента. За нимъ начали вставать товарищи, вынимая изъ печки валеные сапоги. Обувшись и вымывшись изъ глинянаго рукомойника, висѣвшаго на веревочкѣ у дверей, извозчики наскоро перекрестились и гурьбой направились въ чайную.

Темное морозное небо мерцало звѣздами; кое-гдѣ въ окнахъ вспыхивали ранніе огни; на улицахъ стояла тишина, какъ бы сторожившая покой ночи; гдѣ-то звонилъ колоколь. Кузьма шелъ за товарищами, погруженный въ думу. Думалъ онъ о томъ, что вотъ товарищи не знаютъ и не догадываются, какой

богачъ идетъ вслѣдъ за ними. И это хорошо, что они ничего не знаютъ. Узнай-ка они его тайну—что тогда будетъ? Тогда будетъ всему дѣлу крышка. Начнутъ приставать: одному дай, другому дай — всѣ деньги и раздашь; еще не хватить. Нѣтъ, никогда имъ этого не узнать! Нравственная сторона вопроса его не смущала. У «барина» еще осталось... Онъ не сомнѣвался, что деньги обронилъ въ саяхъ тотъ сѣдокъ, котораго онъ привезъ послѣднимъ къ банку.

Въ чайной было уже много народу; всѣ пили чай съ баранками и калачами, курили махорку. Заинтересованныя по краямъ, двери непрерывно отворялись при входѣ новыхъ посѣтителей, клубы пара вырывались изъ дверей, впуская въ то же время въ чайную струи морознаго воздуха. Надъ стойкой, за которой стоялъ пузатый черный мужикъ, въ малиновой вязаной рубашкѣ и въ жилетѣ съ серебряной цѣпочкой черезъ шею, коптила висячая лампа. Два молодыхъ, ловкихъ парня бѣгали съ чайниками на кухню, гдѣ кипѣли два мѣдныхъ котла, и обратно. Кузьма съ товарищемъ усѣлись за одинъ изъ столовъ у окна, надъ которымъ задыхалась въ клѣткѣ канарейка. Молодой извозчикъ съ обожженными морозомъ щеками взялъ газету и сталъ читать объявленія.

— У-те-рявъ зо-ло-той бра-слетъ,—прочелъ онъ вслухъ по складамъ.—Эво, счастливый, кто нашелъ!

— Невелико счастье—браслетъ,—отозвался Кузьма, желая этотъ вопросъ сдѣлать общей темой разговора, такъ какъ чайная служила извозникамъ клубомъ, гдѣ происходилъ обменъ мнѣній.—Находятъ и побольше.

— Кто?—спросилъ читавшій.

— Мало ли кто: есть такіе счастливые.

— Во, найти бы!—продолжалъ тотъ же молодой парень.

— Да что бы ты тогда сталъ дѣлать? — спросилъ рыжий извозчикъ въ разодранномъ на плечѣ полушубкѣ, не находившій времени зашить полушубокъ, но любившій въ чайной покалякать часокъ-другой. Звали его Тимофеемъ.

— Поѣхалъ бы въ деревню—лежать на печи да ѣсть пироги, а работа бы и на умъ не шла!

— Здѣсь, братъ, не растеряють,—разсуждалъ Тимофей.— Въ Москвѣ — иное дѣло: тамъ народъ побогаче здѣшняго и потерянный: мѣшками теряють деньги—въ газетахъ писали.

— Поѣдемъ въ Москву, дядя Тимофѣй?—шутить молодой извощикъ.—Авось тамъ разбогатѣемъ, а здѣсь, братъ, надежда плохая!

— А что будетъ за это?—любопытствовалъ Кузьма, поглощавшій чашку за чашкой чай съ лимономъ и съ медомъ, и чутко прислушивавшійся къ разговору.

— Что будетъ? Не ограбилъ, а нашель — счастье значить! — отвѣтилъ Тимофѣй.

Кузьма находилъ это заключеніе правильнымъ. Онъ все равно не измѣнилъ бы своего намѣренія: оно было твердо. Никакіе доводы не разубѣдили бы его въ противномъ. Онъ не безъ тревоги ждалъ, когда товарищи кончатъ чаепитіе и уѣдутъ въ работу, — чтобы вынуть деньги изъ сундука и отвезти ихъ въ деревню. Но разговоры оживлялись, рассказывались случаи извощичьей практики, характеризующіе разсѣянность сѣдоковъ, сообщались новости. Начало свѣтать. Извощики, рассчитавшись за чай, вышли опять гурьбой. Улицы оживлялись утренними прохожими: шли разнощики, торговцы, мастеровые...

Вернувшись къ себѣ во дворъ, извощики приступили къ чисткѣ и закладкѣ лошадей. Затѣмъ, одѣвшись въ свои хламиды, они поѣхали изъ воротъ, крестясь при выѣздѣ на улицу.

— Кузьма, что ты не запрягаешь лошадь?—спросилъ Тимофѣй, не успѣвшій справиться съ упряжкой. Онъ охотно просидѣлъ бы въ чайной еще два часа, обсуждая чужія дѣла и не обращая вниманія на разорванное плечо, на которое и напяливалъ синій кафтанъ, трещавшій по всѣмъ швамъ.

— Не поѣду сегодня. Домой надо съѣздить, — отвѣчалъ разсѣянно Кузьма.

— Зачѣмъ?

— По дѣламъ. Надо кое-что свезти ребятишкамъ на праздники.

— Дѣло. Зайди къ моей бабѣ, кланяйся. Послѣ праздниковъ, можетъ, пріѣду, а до праздниковъ не могу. На нихъ вся надежда.

— Ладно, ежели будетъ время — зайду. Своихъ дѣлѣвъ много.

— Когда пріѣдешь?

— Завтра утромъ. Чего тамъ дѣлать. Работать надо.

Тимофей уѣхалъ, а Кузьма вошелъ въ хату. Кухарка пошла за дровами. Моментъ былъ удобный. Кузьма открылъ сундукъ и, вынувъ бумажникъ, сунулъ его за пазуху.

— Матрена, попои лошадь къ вечеру, да засыпь овсеца на ночь,—сказалъ онъ, когда кухарка вернулась съ охапкой дровъ.

— А ты куда?

— Домой надо съѣздить. Свезти денегъ къ празднику.

— Много денегъ везешь женѣ?

— Страсть!

— Ишь ты накопилъ. Привези гостинецъ.

— Ладно. Не забудь лошадь.

По дорогѣ къ вокзалу, Кузьма купилъ подарковъ женѣ, матери и дѣтямъ, причемъ размѣнялъ сторублевую бумажку. Черезъ полчаса онъ уже сидѣлъ въ поѣздѣ. Ѣхать было недалеко. Два часа спустя, онъ высадился на станціи со старымъ деревяннымъ вокзаломъ, отъ котораго до деревни было меньше полверсты.

III.

Въ два ряда выстроившіеся, старые, обветшалые дома нѣкогда жилищныхъ обитателей, съ проулками и параллельными линиями избъ, представляли широкую столбовую дорогу. Это былъ старый московскій почтовый путь. Влѣво виднѣлся мостъ черезъ рѣчку, теперь занесенную снѣгомъ. За мостомъ виднѣлась бѣлая каменная церковь съ погостомъ, обнесеннымъ деревяннымъ рѣшетчатымъ заборомъ. Прямо, за избами, разстилалось широкое, снѣжное поле съ синѣющимъ лѣсомъ въ дали, куда шла прямая дорога, тянувшаяся версты на три на глазъ. Деревня эта—бывшая ямская слобода. До постройки желѣзной дороги она процвѣтала, но съ открытіемъ, въ сороковыхъ годахъ, пароваго движенія постепенно захудала. Теперь она жила воспоминаніями счастливаго прошлаго... Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ деревнѣ былъ кабакъ, закрытый сходомъ. Со введеніемъ «монополіи», открылась винная лавочка, стоящая внѣ компетенціи схода. Результатъ получился менѣе грубый, но не менѣе чреватый событіями отрицательнаго свойства, т. е. возобновилось пьянство и его спутники: распутство и воровство..

Кузьма шелъ проулками, направляясь на зады деревни, гдѣ одиноко стояла его старая изба. Неожиданный прїѣздъ главы дома взбудоражилъ семью. Слѣзла съ печи старуха-мать, плохо видѣвшая и слышавшая. Кузьма развернулъ и роздалъ подарки. Такихъ подарковъ онъ никогда не привозилъ.

— Чтѣ ты, Кузьма, раздобрился?—спрашивала жена, черная, словно копченая, женщина лѣтъ подь сорокъ, восторгаясь подарками.—Ужь не передь смертью ли? Видно, хорошо работалъ въ Питерѣ?

— Погоди, еще не то увидишь: это цвѣточки — ягодки впереди!

— Да что ты какія-то загадки говоришь? Въ умѣ ли ты?

— Отчего мнѣ быть не въ умѣ? Развѣ похоже на то?

— Да ужь больно ты невнятно болтаешь.

— Будетъ внятно.

— Обѣдать будешь? Я рѣдьки натру. Мы изъ четырехъ перемѣнъ не выходимъ: рѣдька триха, рѣдька ломтиха, рѣдька съ масломъ, да рѣдька такъ.

— Не хочу я вашего мужицкаго кушанья. Иди въ лавку, тащи семги, икры...

— Да ты не пьянъ?

— А ты поила?

— Въ буфетахъ-то много. Можетъ, дорѣгой...

— Угости, я выпью. Сходи за казенной. Нѣтъ, я самъ пойду. Ставь самоваръ. Будемъ пировать.

Кузьма взялъ шапку и вышелъ. Жена въ недоумѣніи поставила самоваръ. Для нея было ясно, что съ Кузьмой произошло что-то необыкновенное. Никогда онъ не прїѣзжалъ такимъ возбужденнымъ и веселымъ, никогда не привозилъ такихъ подарковъ, не говорилъ такихъ загадочныхъ рѣчей, не устраивалъ пировъ... Чтѣ же это значить? Скорѣй бы вывѣдать, узнать, а то ужь очень любопытно!

Изба Кузьмы не была красна ни углами, ни пирогами. Тесанья стѣны покосились и выпятились; печка закоптѣла и по угламъ обкрошилась; полъ ходилъ ходуномъ; два маленькихъ оконца, съ углами стеколъ, бросали въ избу уже смеркающійся декабрьскій свѣтъ. Холодно и убого глядѣла неприглядная обстановка.

Матрена—такъ звали жену Кузьмы—домоводственными каче-

ствами не отличалась, да и не изъ чего было отличаться— только бы день прошелъ. Печка топилась не каждый день, а смотря по надобности. Рѣдька, вчерашняя похлебка или волнушка составляли обычное продовольствіе семьи. Отличительной чертой характера Матрены, какъ и большинства бабъ, была склонность покалякать: встрѣтить на деревнѣ сосѣдку и просудачить часа-два, а тамъ хоть трава не расти. Да и дѣлать ей въ сущности было нечего. Чтò привезетъ Кузьма, то и проѣдалось съ надлежащей бережливостью. Бережливость Матрены заслуживала похвалы.

Старухѣ, матери Кузьмы, было подѣ восемьдесятъ лѣтъ. Она хорошо помнила время процвѣтанія деревни. Тò было до постройки желѣзной дороги. «Самъ царь-батюшка, Николай Павловичъ,—словоохотливо рассказывала она, если кто касался ея слабой струны: воспоминаній, — сколько разъ проѣзжалъ деревней на Москву. Однавъ мужики упали на колѣни:—«царь-батюшка, не строй чугунокки, не разорай насъ»!..—«Ладно»,— усмѣхнулся государь; а самъ взялъ да и выстроилъ ее, окаянную. Съ тѣхъ поръ и пошло наше разореніе»!.. Старуха всю зиму лежала на печи; только лѣтомъ выходила она на завазенку — погрѣться на солнышкѣ. «Подѣ старость жизнь въ тягость становится: не дожدهшься, когда Богъ по душу пошлетъ»,—говорила она, ожидая кончины. Матрена не тяготилась старухой, потому что та не мѣшала ей жить, какъ хотѣлось. Хлѣба Кузьмы ей не было жалко, да и много ли нужно старухѣ. Кузьма почиталъ мать и не торопился хоронить ее. «Кто родителей не почитаетъ, тотъ и отъ солнца прозябаетъ»!...—наставлялъ онъ своихъ дѣтей. Дѣтей у Кузьмы было двѣ дѣвочки-подростки, ведшія чисто-растительную жизнь.

Во время пира Кузьма горѣлъ нетерпѣніемъ посвятить Матрену въ свою тайну; Матрена же, съ своей стороны, испытывала крайнюю степень любопытства. Но дѣти были помѣхой. Поэтому Кузьма далъ имъ денегъ на гостинцы и послалъ въ лавочку, наказывая не торопиться домой, а побыть подольше на улицѣ. Когда дѣти ушли, Кузьма велѣлъ женѣ завѣсить окна, заперъ дверь, а затѣмъ, вынувъ изъ-за пазухи бумажникъ, развернулъ его передъ самымъ носомъ Матрены.

— Кузьма!—всплеснула руками жена.—Да откуда у тебя столько денегъ?

— Богъ далъ! Купецъ оставилъ въ саняхъ.

— Ой, батюшки, даже духъ захватило. Сколько ихъ тутъ— и не сосчитать.

— А вотъ посчитаемъ. Я самъ хорошенько не знаю.

Кузьма началъ считать, раскладывая деньги пачками на столъ.

— Десять пачекъ. Въ кажинной по десяти сотенныхъ— значить—десять тысячъ.

— Гдѣ жъ ты научился считать? Ты такихъ денегъ сроду и не видывалъ. Мнѣ бы ни въ жисть не сосчитать.

— Давай, сосчитаю еще столько.

— Что жъ ты будешь дѣлать съ ними?

— А вотъ спрячь въ подпольѣ и молчи. Полѣземъ вмѣстѣ. Никому не сказывай, какъ будто ихъ и нѣту. А тамъ видно будетъ. Въ городѣ держать боязно: не ровень часъ; ну, а здѣсь надежно.

— Страшно, Кузьма. Какъ бы не вышло чего?

— Чего не вышло?

— Да вѣдь деньги чужія?

— Мало ли чего?—не забывай. У него еще осталось...

— Грѣшно. На духу попу придется покаяться—постъ придетъ.

Кузьма на минуту задумался.

— Кто Богу не грѣшень? Во всемъ кайся, а объ этомъ помолчи.

— Охъ, грѣхи!—вдохнула старуха, ничего не слышавшая и не видѣвшая изъ бесѣды сына.—Спасибо на угощеніи, сынокъ. Полѣзу на печку. Ночуешь, Кузьма?

— Ночую, матушка. Полѣзай съ Богомъ!

Старуха полѣзла на печку, а Кузьма и Матрена спустились въ подполье, гдѣ и спрятали деньги въ яму подъ камень. Едва они вышли оттуда, въ избу вошелъ мужикъ съ козлиной бородкой. Худое лицо, длинные волосы, заплата на заплатѣ — все выдавало нужду-лиходѣйку, прочно свившую гнѣздо за его плечами.

— Съ пріѣздомъ, Кузьма Савельичъ!..—привѣтствовалъ гость хозяина.—Здорово ли поживаешь?

— Здорово, Софронъ! — отвѣчалъ Кузьма, стараясь быть радушнымъ.—Садись, гость будешь!

Софронъ сѣлъ. Кузьма налилъ ему водки.

— Со свиданіемъ!—выпилъ Софронъ, обтираясь полою полушубка.—Какъ дѣла, Кузьма Савельичъ?

— Ничего, не худы; пожаловаться нельзя. Какъ твои?

— А вотъ, какъ видишь: живу не прошу — безъ хлѣба не сижу, только подати платить нечѣмъ. А время подходитъ.

— Жалко тебя.

— Въ жалости-то мы не нуждаемся, а вотъ помочь въ нуждѣ никто не найдетъся.

— А много ли надо на подати-то?

— Да на худой конецъ—красненькую. Съ красненькой я бы обернулся. Есть недоимки—подождутъ.

— Я дамъ тебѣ десять цѣлковыхъ. Мужикъ ты хорошій.

— Я тебѣ въ ножки поклонюсь.

Кузьма досталъ десять рублей и подаль пріятно пораженному Софрону. Софронъ бухнулся ему въ ноги.

— Обрадовалъ ты меня, шуринъ; не ждалъ. Жена въ Питерѣ на мѣстѣ, а не шлетъ. Поѣхалъ бы въ извозъ — лошаденки нѣту. Какъ ни кинь—все клинь.

— Погоди, можетъ, въ городѣ дѣло будетъ у меня. Обѣщано мнѣ. Тебя въ прикащики возьму. Дѣло хорошее наклѣвывается.

— Давай Богъ. Богатѣй на нашу долю. Радъ стараться!

— Только ты не болтай до поры до времени.

— Зачѣмъ? Будь спокоенъ. Спасибо тебѣ — выручилъ меня.

— Не за что! Можетъ, и ты мнѣ когда пригодисься.

— Отчего же? ежели чтѣ—отработаю. Завсегда радъ.

Побесѣдовавъ недолго съ шуриномъ, Софронъ ушелъ, необычайно удивленный щедростью Кузьмы, его видомъ и гостепріимствомъ, недоумѣвая въ душѣ передъ такой перемѣной. Кузьма почевалъ дома и уѣхалъ рано утромъ, наказывая женѣ строго хранить тайну, скрытую подъ камнемъ въ подпольѣ.

IV.

Пріѣхавъ въ Питеръ, Кузьма прямо направился въ чайную. Онъ засталъ тамъ товарищей, среди которыхъ шелъ оживленный говоръ о томъ, что въ газетахъ есть публикація о по-

терѣ десяти тысячъ, по дорогѣ отъ Морской къ —скому банку. Нашедшему предлагалось законное вознагражденіе.

— Не ты ли, Кузьма, нашелъ да увезъ въ деревню?—шутить Тимофей, желая потѣшить товарищей.—Ишь калачъ съ медомъ ѣсть—это недаромъ!

Кузьма сдѣлалъ большіе глаза, но тотчасъ оправился.

— Да, найдешь!—равнодушно отвѣчалъ онъ.—Ктонибудь нашелъ, да намъ не скажетъ: на дѣлежку полѣземъ.

— А что бы ты, Кузьма, сталъ дѣлать съ такими деньгами?—спросилъ парень съ отмороженными щеками.

— Намъ съ тобой не найти, стало быть, и языкъ чесать нечего. Безъ денегъ-то лучше: спокойнѣе спать!

Въ душѣ Кузьма смущался словами Тимофея, попавшими въ цѣль: онъ былъ подозрителенъ и тревожился по пустякамъ. «Не подглядѣлъ ли Тимофей, не знаетъ ли тайны да скрываетъ до поры до времени? Надо его испытать хорошенечко»,—опасался Кузьма. Когда извозчики отпили чай и собрались уходить, Кузьма шепнулъ Тимофею:

— Пойдемъ, выпьемъ: я угощу.

— Съ какой радости?

— Да просто такъ, съ горя; съ женой поругался!

Они пошли вмѣстѣ въ трактиръ.

— Къ моей бабѣ заходилъ?—спросилъ Тимофей дорогой.

— Нѣтъ, а наказывалъ.

— Сколько денегъ свезъ? Красненькихъ двѣ?

— Побольше.

— Сколотилъ? А я нѣтъ. Жизнь тутъ очень дорога. Никакъ не удержишь денегъ-то. Ёдешь на зиму-то, какъ бы побольше нажить, анъ на повѣрку-то немного очищается. Народъ больно хорошъ: водку-то, какъ медвѣдь лапу, сосеть.

— Что говорить, только поддайся: вино-то сильнѣе насъ! — поддерживалъ разговоръ Кузьма и въ то же время думалъ: «ну, онъ ничего не знаетъ! Напрасно я беспокоился. Онъ просто пьяница и мотъ — деньгамъ переводъ. И бояться нечего»!..

Когда они, часа два спустя, возвращались изъ трактира, покачиваясь, молодой, толстощокій извозчикъ, съ затынутымъ шерстянымъ шарфомъ, — такъ что у него глаза готовы были выскочить изъ орбитъ,—стоялъ у тротуара. При видѣ хмѣль-

ныхъ собратьевъ, онъ осклабился во весь широкій ротъ, говоря:

— Загуляли наши желтоглазые.

— А тебя зависть беретъ?—остановился Кузьма.

— Обормоты!—смѣялся извозчикъ.—Въ деревнѣ гвоздемъ щи хлебають...

— Я тебя куплю и продамъ,—возражалъ Кузьма.

— Купилъ одинъ такой!—огрызнулся извозчикъ.—Купила не хватить. Ишь какой богачъ отыскался. Десять тысячъ нашель что ли?

Кузьма снова смутился, но, по обыкновенію, скоро оправился.

— Всякій дуракъ теперича знаетъ объ эфтой находкѣ,—сказалъ онъ Тимофею.—Поди сидить на козлахъ да думаетъ: «ежели бы и мнѣ найти!» Держи карманъ! Поищешь. А что будетъ тому, кто нашель?

— Въ Сибирь соплють—болѣ ничего.

— За что въ Сибирь? Вѣдь я никого не убилъ, не ограбилъ? Счастье, значить, приспѣло!

— А развѣ ты нашель?

— Не нашель, а къ примѣру, значить, говорю.

— Чужое присвоить—все одно, чтò украсть.

— Ну, вѣтъ, братъ, это ты врешь.

— Соври ты получше, а я лучше не умѣю. Охочь ты, я вижу, до находокъ, да не больно находчивъ, какъ и я. Безъ денегъ-то лучше: совѣсть покойнѣе. Мы вотъ придемъ домой—выспимся и опять за работу. Сколько заработаемъ, столько съ насъ и будетъ.

Кузьма задумался. Тимофей коснулся его больнаго мѣста—совѣсти. Она тотчасъ заговорила, но ненадолго. Деньги скоро взяли перевѣсъ надъ совѣстью. Кузьма соображалъ: «деньги все на свѣтѣ; счастье ѣдетъ въ каретѣ, а съ умомъ идутъ пѣшкомъ» и не колебался пользоваться выгодой такого положенія.

V.

Прошелъ благополучно январь — самый «злющій» мѣсяць для извозчиковъ: морозы и мятели свирѣпствуютъ въ этомъ мѣсяцѣ съ особенной силой. Кузьма уже привыкалъ къ мысли

сдѣлаться обладателемъ денегъ и по возможности осторожно пользовался ими. На масляной недѣлѣ онъ, однако, поддался общему разгулу. Блинная недѣля втянула его въ кутежъ. Онъ объѣдался блинами по трактирамъ: ѣлъ блины съ икрой, съ семгой, со снѣтками, запеченными въ блинахъ, и запивалъ ихъ пивомъ подъ звуки органа. Онъ входилъ во вкусъ привольнаго житья и чувствовалъ себя благодушно. Житье это быстро втягивало его, засасывало. Съ помощью хитрости и осторожности, онъ ловко отклонялъ подозрѣнія, какъ будто съ нимъ и не произошло ничего особеннаго.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней масляницы, вниманіе его привлекла одна изъ трактирныхъ женщинъ. Это была высокая, волоокая женщина, взглядъ которой насквозь пронизывалъ сердце Кузьмы. Она могла бы смѣло служить ваятелю моделью для Геры. Кузьмѣ, конечно, ничего не стоило угостить ее блинами и пивомъ. Бравурные звуки органа располагали ихъ къ интимности. «Гера» чистосердечно призналась, что жила на хорошихъ мѣстахъ; «по оговору» отсидѣла три мѣсяца въ тюрьмѣ за кражу и поневолѣ поселилась въ трактирѣ, потому что «никуда не берутъ».

— Что жъ? отъ суммы да отъ тюрьмы не отрекайся! — сочувствовалъ Кузьма. — Жалко тебя: баба молодая.

— Я дѣвица.

— Какъ зовуть-то?

— Василисой.

— Что жъ, можешь бросить эфту самую жизнь?

— Отчего же? Съ моимъ удовольствіемъ, очинно даже рада. Надоѣло.

— Хошь жить со мною? Чтобъ эфтого самаго гульбища въ заводѣ, значить, не было?

— Чего бы лучше.

Кузьма нанялъ для Василисы каморку, одѣлъ, обулъ ее. Но Василиса, къ несчастью, не обнаруживала качествъ кающейся Магдалины: ее влекла разгульная жизнь, въ которую она сильно втянулась. Кузьма это ясно видѣлъ, но не могъ, не въ силахъ былъ порвать связи съ нею. Вообще жизнь слагалась не такъ, какъ онъ думалъ. Эти неудачи обезкураживали его и убѣждали, что деньги далеко «не все творять на свѣтѣ»...

Матрена, съ тѣхъ поръ какъ Кузьма привезъ деньги и положилъ ихъ подъ камень въ подполье, стала сама не своя. Спокойствіе и равновѣсіе ея нарушилось. Она ежеминутно боялась, что вотъ Кузьма «попадется» и ей тогда не сдобровать вмѣстѣ съ нимъ. Пуще всего ее тревожило поведеніе Кузьмы: какъ онъ тамъ живетъ съ деньгами? Время отъ времени онъ пріѣзжалъ, бралъ денегъ и снова уѣзжалъ, даже ни одной ночи не ночуя дома. Онъ сдѣлался скрытнымъ, неразговорчивымъ, раздражительнымъ, грубымъ, точно жена стояла поперекъ дороги, мѣшала ему жить. Матрену тяготила тайна, которую навязалъ ей Кузьма. «Ну, что въ этихъ деньгахъ? лежать онѣ тамъ, подъ камнемъ — легче что ли стало? Ничуть не легче, а еще тяжелѣй. Всего бойся». По крайности, безъ нихъ было спокойно, ничего она не боялась. А теперь каждый часъ жди бѣды, ночей не спи. Сны нехорошіе снятся. Да провались онѣ, эти деньги! Матрена сгорала желаніемъ подѣлиться своей тайной съ другими, близкими ей по духу. Но она знала, что это значить. Скажи комунибудь одному—въ тотъ же день вся деревня узнаеть. И это стоило ей большой борьбы.

Между тѣмъ, до Матрены стали доходить слухи. Въ деревнѣ давно объ этомъ говорили, но она узнала позже всѣхъ,— что Кузьма провинился противъ заповѣди... Ничего невѣроятнаго въ этомъ слухѣ не было, но, во всякомъ случаѣ, она пожелала немедленно и лично убѣдиться въ этомъ. Она поѣхала въ Питеръ, разыскала мѣстопребываніе Василисы и вечеромъ внезапно вошла въ ея каморку. Кузьма былъ тамъ; онъ упивался пивомъ съ Василисой.

— Ахъ, ты, чугунный дьяволъ, безстыжіе твои глаза!— возмущалась Матрена, задыхаясь отъ гнѣва.—Такъ-то ты дѣлаешь?

— Чего ругаться пришла?—растерялся Кузьма, ѣрзая на мѣстѣ, какъ бы призывая Василису въ свидѣтели. — Какъ ты меня нашла?

— Ты думаешь, что одинъ знаешь сюды дорогу? Шила въ мѣшкѣ не утаишь!

— Ну, такъ что жъ такое? Какое тебѣ дѣло? У тебя есть деньги? Чего тебѣ надо? Безъ хлѣба не сидишь.

— Провались ты съ своими деньгами! Чтобъ имъ ни дна, ни покрывки!

— Садись лучше. Выпей вот стаканъ пива.

— Чтобъ я сѣла съ тобой, Иродомъ? Да съ чего ты это взялъ? За кого меня считаешь, на одну доску сядишь! По кривой дорогѣ идешь, смотри, не спотыкнись!

Матрена, задыхаясь, вышла. Она не помнила, какъ она шла по ярко освѣщеннымъ люднымъ городскимъ улицамъ, представлявшимъ противоположность тихой и темной деревнѣ, точно опьяненная происшедшимъ событіемъ. Глаза ея туманились слезой, губы дрожали. Большихъ усилій стоило ей воздержаться отъ слезъ на улицѣ. Но, придя на вокзалъ, гдѣ уже собирался народъ къ отходящему поѣзду, она сѣла въ уголь и дала волю слезамъ. Оскорбленные чувства матери, жены, женщины, бушевали въ ея сердцѣ. Какъ на причину горя, она смотрѣла на деньги. Не было ихъ — Кузьма былъ другимъ человѣкомъ. Стало быть—въ нихъ-то и все зло. Вся горечь, наполнявшая сердце Матрены, сосредоточилась на деньгахъ. «Вы мнѣ сдѣлали дурно, — думала она насчетъ мужа и Василисы,—такъ и я вамъ покажу себя. Будете вы меня помнить. Недолго вамъ красоваться. Погляжу я, что съ вами будетъ»!.. И, исполненная какой-то тайной рѣшимости, она взяла билетъ въ кассѣ и сѣла на поѣздъ.

Эта рѣшимость придавала ей бодрости и силы. Торопливо шагала она при лунномъ свѣтѣ по деревнѣ, спавшей глубокимъ сномъ. Не спали только деревенскія собаки, лаявшія на луну. Изба Матрены, полузанесенная снѣгомъ, не была заперта, не смотря на то, что въ ней было скрыто богатство. Дѣти спали; старуха ворочалась на печкѣ. Матрена зажгла лампочку, наложила въ печку хвороста и затопила печку; хворостъ задымился, затрещалъ. Когда онъ запылалъ яркимъ пламенемъ, Матрена въ экстазѣ спустилась въ подполье, откуда черезъ минуту вынесла всѣ деньги, спрятанныя подъ камнемъ и завернутыя въ грязную тряпку, и бросила ихъ въ огонь. Тряпка, а потомъ и деньги быстро запылали, освѣщая полубезумное лицо Матрены зловѣщимъ пламенемъ. Она энергично мѣшала деньги кочергой, словно боясь, что ей помѣшаютъ исполнить намѣреніе. Но все было тихо кругомъ. Только старуха прошептала: «охъ, грѣхи, грѣхи»; да дочка во снѣ проговорила: «мама»! При видѣ углей и доглѣвающего пепла денегъ, Матрена чувствовала себя такъ, какъ будто бы

она совершила великій подвигъ. И какъ люди, совершающіе подвиги, чувствуютъ послѣ нихъ изнеможеніе и потребность покоя, такъ и она, сразу потерявъ энергію, погасила огонь, оцупью добралась до постели и, совершенно обезсиленная, свалилась въ постель.

VI.

Внезапное накрытіе Матреной мѣстонахожденія Василисы, ея возбужденный видъ перетревожили Кузьму не на шутку. Какъ она узнала объ его образѣ жизни? Стало быть, о немъ знаютъ и говорятъ? Но это еще бѣда небольшая. Вотъ деньги— это главное. Какъ бы Матрена въ сердцахъ-то не проболталась, не выдала тайны. И чего взбѣленилась баба? Деньги у нея. Какого еще рожна ей надо? Другая бы на все глядѣла сквозь пальцы, а эта бѣсится! Однако, деньги выходятъ. Вонъ уже одной пачки въ тысячу рублей нѣтъ. И вышла незамѣтно. Такъ вѣдь и всѣ деньги выдутъ—не увидишь. Нужно что нибудь дѣлать. «Останусь на лѣто въ Питерѣ. Для начала заведу пару закладокъ. Софрона возьму въ работники, еще работника возьму. Все доходъ будетъ. Василиса будетъ за хозяйку, а отъ Матрены отдѣлаюсь деньгами. Мало ли такъ-то бываетъ. Не мы первые, не мы послѣдніе». Такъ мечталъ Кузьма о будущемъ, которое было, по его расчетамъ, вопросомъ времени.

— Ну, ужъ и баба у тебя!—говорила Василиса, по уходѣ Матрены.—Плохо учишь: потачку даешь. Если же она придетъ еще ругаться — я ее выпровожу. Она можетъ у себя дома распорядиться, а не у меня.

— Бѣлены объѣлась. Надо съѣздить, поговорить. Завтра же поѣду.

— Да скажи, чтобы она забыла сюды дорогу, непрощенная гостя. Не очень ее испужались!

— Пустяки, обойдется: перемелется мука будетъ,—успокаивалъ Кузьма, самъ не менѣе взволнованный.

Матрена встала на другой день вся разбитая, съ больной головой, съ сухими глазами. Блѣдная, точно сразу постарѣвшая лѣтъ на десять, дѣлала она машинально обычное дѣло.

Казалось, она теряет рассудокъ, и онъ держится у нея на волоскѣ. Вопель Кузьма. Она вздрогнула и вскрикнула.

— Чего пугаешься?—старался онъ говорить ласковѣе.— Аль провинилась въ чемъ? Давай, помиримся? По хорошему-то лучше. Будемъ дѣлать другъ другу худо—хуже и будетъ обоимъ. Снисхожденіе должна дѣлать. Не обобралъ я тебя, а тебѣ же принесъ поклажу: довѣряю, значить. Надежнѣе-то тебя нѣтъ! По эфтому самому ты должна беречь...

— Я сберегла: въ печку! — снова закипѣла гнѣвомъ Матрена.

— Какъ въ печку? Что ты говоришь?—опѣшилъ Кузьма, путаясь въ словахъ.

— Такъ и въ печку! Сожгла твои проклятыя деньги— вотъ и все. Нечистая сила въ нихъ...

— Дура-баба! ты шутки шутишь, аль пугаешь меня?

— Неча мнѣ пугать тебя, а только полно тебѣ безчинствовать: не все коту масляница.

— Съ ума спятила ты что ли?..

Не вѣря еще женѣ, Кузьма зажегъ лампочку и полѣзъ въ подполье. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вылѣзъ оттуда съ налитыми кровью глазами, съ посинѣвшими, дрожащими губами.

— Гдѣ деньги?—съ угрозою подступилъ онъ къ Матренѣ.

— Въ печкѣ,—упорно стояла она на своемъ, съ презрѣніемъ относясь къ его угрозамъ и силѣ.

Кузьма, желая убѣдиться въ ея словахъ, полѣзъ въ печку. Груда мелкаго пепла и случайно уцѣлѣвшій уголокъ сотенной бумажки убѣдилъ его въ правдивости словъ жены.

— Поживи-ка со своей шлюхой безъ денегъ. Она тебѣ хвостъ и покажетъ!—отводила сердце Матрена.

Кузьма съ яростью набросился на жену и сталъ душить ее за горло.

— Душегубъ!—могла только проговорить жена, лишенная возможности кричать.

Въ этотъ моментъ дверь подалась впередъ и на порогѣ ея выросла фигура Софрона. Софронъ былъ сильнѣе Кузьмы. Кузьма, собственно, силой не отличался; онъ былъ мужикъ съ лѣндой и скоро утомлялся, избѣгая всякихъ столкновеній. Поэтому былъ трусливъ.

— Шуринъ, что ты дѣлаешь? — остановился въ дверяхъ изумленный Софронъ.

Кузьма растерялся и отвернулся къ окошку, стыдась смотреть на шурина.

— Этого я отъ тебя не чаялъ! — продолжалъ Софронъ. — Хоть ты мнѣ и другъ, а не похваляю.

— Что тебѣ надо? — злобно взглянулъ на него Кузьма.

— Не хорошо ты дѣлаешь — вотъ что. Ишь ты по силамъ нашель супротивника.

— Свои собаки грызутся, чужая не приставай, — злобствовалъ Кузьма.

— Да ты по собачьи и дѣлаешь. Что вы деньги дѣлите что ли? Уѣзжай, провѣтрись — лучше будетъ, а не то я свяжу, да въ контору отведу. Это дѣло не шуточное.

Кузьма былъ послушенъ. Сдерживая сердце, онъ взялъ шапку и вышелъ. Софронъ пошелъ вслѣдъ за нимъ. Кузьма направился на вокзалъ, какъ разъ къ поѣзду, на которомъ и уѣхалъ. Софронъ вернулся къ Матренѣ.

— Что у васъ за дѣла такія стряслись? — спросилъ онъ.

— А слышаль, чай, какъ онъ жить сталъ? — отвѣчала Матрена.

— На какія деньги?

— А спрости его. Ну, вотъ стала говорить правду — растеряла дружбу. Спасибо, ты подоспѣлъ. Побудь у меня. Боюсь я одна съ ребятишками.

— Уѣхалъ. Проѣдется, отойдетъ сердце. Запрись и не бойся.

Матрена ни словомъ не обмолвилась о деньгахъ, которыя сожгла въ печкѣ.

VII.

Кузьма, по мѣрѣ приближенія къ Петербургу приходилъ въ себя. Онъ находился въ положеніи человѣка, покоящагося на обломкахъ разбитаго корабля, потерявшаго все свое богатство на днѣ моря. «Вотъ тебѣ и денежки, — думалъ онъ. — Провалились! Только-то и было. А сколько въ нихъ зла-то! Правда говорится: не пустишь душу въ адъ — не будешь богатъ».

— Что, привезь денегъ?—спросила Василиса, когда Кузьма, точно въ воду опущенный, вошелъ къ ней.—Что у тебя тамъ за банкъ: другіе въ деревню везутъ деньги, а ты — изъ деревни?

— Былъ банкъ да лопнулъ,—съ глубокимъ вздохомъ отвѣчала Кузьма.

— Что же случилось? Жена не даетъ что ли — такъ не можешь съ нею распорядиться?

— Чтò бы ни случилось, а денегъ болѣ нѣтъ—чисто!

Василиса задумалась.

— Дуракъ!—произнесла она.

— Вотъ и сталъ дуракъ. Съ деньгами-то былъ уменъ, а безъ денегъ сразу въ дураки попалъ.

— Доставай денегъ, гдѣ хочешь!

— Гдѣ я тебѣ возьму? Ограбить что ли?

— Да хоть ограбь, мнѣ все равно. Завезь въ темный закоулокъ, да и ограбилъ.

— Я такими дѣлами никогда не занимался, да и заниматься не намѣренъ. Поищи другаго, кто тебѣ это сдѣлаетъ. Я жилъ на чести, на чести и жить буду.

— Да что ты думаешь о себѣ? Смотрѣть что ли я буду на тебя, красавца? Мнѣ и другіе доставятъ удовольствія...

— Скатертью дорога. Уходи, откуда пришла; тамъ тебѣ настоящее мѣсто! А я къ женѣ поѣду.

Кузьма ушелъ отъ Василисы съ твердымъ, безповоротнымъ намѣреніемъ: больше къ ней не возвращаться. И онъ выдержалъ на этотъ разъ характеръ съ полнымъ успѣхомъ.

Настала весна; распустились всѣ дороги; зажурчали мирныя весеннія воды; дворники въ городѣ приступили къ сколкѣ льда съ мостовыхъ. Зимніе извозчики потянулись на возахъ, нагруженныхъ скарбомъ: легкой упряжью, сѣномъ, овсомъ, мукой, зерномъ для посѣва—всѣмъ, чѣмъ можно запастись для деревни на заработанныя въ городѣ деньги. Шли за своимъ обозомъ: Тимофей (рукавъ у него держался только на одной ниткѣ: жена, дескать, дома зашьетъ), молодой извозчикъ съ отмороженными багровыми щеками; шли и другіе извозчики. Забыта зима съ ея мятелями и морозами. Солнце пригрѣваетъ и дѣлаетъ проталины на поляхъ; грачи, со своими крыльями

вороненой стали, скачутъ на этихъ проталинахъ. Лошади, достаточно побѣгавшія по городу, чувствуютъ отдыхъ, устало таща вozy по почернѣвшей дорогѣ и ухабамъ, наполненнымъ талымъ снѣгомъ. Извозчики шли, группируясь вмѣстѣ и оживленно болтая, чему много способствовала сивуха, поглощаемая на перепутьяхъ, гдѣ дѣлались продолжительныя остановки.

Одинъ Кузьма плелся отдѣльно отъ товарищей въ концѣ обоза, умышленно отставая отъ него. Онъ шелъ съ понурой головой и былъ мраченъ, какъ человѣкъ, у котораго совѣсть нечиста.

— Что, братъ, невеселъ—буѣну голову повѣсилъ?—обратился къ нему Тимофей. — Аль не въ Питеръ ѣдешь, а къ сохѣ?

— Все одно! — неохотно отвѣчалъ Кузьма. — Съ умомъ вездѣ хорошо, а безъ ума вездѣ будетъ худо! Бѣсъ-то сильнѣе насъ: смущаетъ нашего брата немало. Сколько угодно. Только поддайся ему.

— Истинно ты говоришь. Меня онъ нонче обнѣводилъ. Подъ конецъ только малость поправился. Надо приниматься за дѣло. Медвѣдя водить невыгодно!

Кузьма шелъ въ деревню при исключительныхъ обстоятельствахъ. Ему было о чемъ подумать. Онъ давно раскаялся, призналъ себя во всемъ виновнымъ, приписывая все дѣло дьяволу, исконная задача котораго — «сомущать» людей. Но не могъ онъ простить себѣ насилья надъ женой. «Не случись тутъ Софронъ — чтѣ бы и было!» Какъ онъ будетъ теперь смотрѣть ему въ глаза? Стыдно будетъ и встрѣтиться. Бывало, Матрена встрѣчала его весной съ дѣтьми съ полнымъ радужіемъ; дѣтишки радовались и кричали на всю деревню: «Тятыка пріѣхалъ! Гостинцевъ привезъ: коврижекъ, баранокъ!» Какъ-то они теперь его встрѣтятъ? Чѣмъ ближе подѣзжалъ Кузьма къ деревнѣ, тѣмъ жгучѣе становился этотъ вопросъ. Ыхали, однако, долго, съ остановками и съ ночевкой. Пріѣхали уже на третье утро.

Подѣзжая къ дому, Кузьма увидѣлъ Матрену, которая вышла съ дѣтьми встрѣчать его. У Кузьмы взыграло сердце. «Неужели они встрѣчаютъ меня, душегуба?»—задалъ онъ себѣ вопросъ. Въ этомъ не было сомнѣнія.

— Матрена, что ты меня неласково встрѣчаешь? Словно

я провинился въ чемъ передъ тобой?—сказаль Кузьма упавшимъ голосомъ на дворѣ, распрягая лошадь, кивавшую головой и фыркавшую отъ удовольствія при видѣ знакомаго двора.

— Ни въ чемъ ты не провинился; чистъ молодець — ни коровъ, ни овецъ. Самъ знаешь! Для людей встрѣчаю — глаза отвожу: дѣти у насъ.

— А коли ты для людей это дѣлаешь, коли ты не отъ сердца—я уѣду сейчасъ же. Прощай!

— Куда ты уѣдешь? Бери хвостъ-отъ, да и поѣзжай! Нигуда ты не уѣдешь. Распрягай лошадь, да иди въ избу.

— Что я тамъ стану дѣлать? Холодно и тѣсно мнѣ будетъ!

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ...

— Прости, Христа ради! — поклонился Кузьма женѣ въ ноги.—Забудь, что было. Все это вѣдь деньги!

— А до что же?—прослезилась Матрена.

Поставивъ лошадь и давъ ей овса, Кузьма съ женой и ребятами пошелъ въ избу.

Онъ тотчасъ же принялся за работу; сдѣлался богомолень, сосредоточень и запретилъ Матренѣ вспоминать прошлое.

К. Максимовъ.

ФРАНЦЪ ФОНЪ - ЗИККИНГЕНЪ.

(Страничка изъ исторіи Великой реформаціи).

Не такъ давно въ Германіи вышло новое отдѣльное изданіе сочиненія, поставленнаго у насъ въ заглавіи. Это — драма конца 50-хъ годовъ. У насъ ее переводили раза два или три. Но, назвавъ ее, мы теперь рискуемъ услышать вопросъ:—«Зикингенъ? Да что это такое? Чья это драма?»

Дѣйствительно, авторъ ея — Лассаль — у насъ и прежде былъ извѣстенъ преимущественно съ другой стороны, какъ могучій агитаторъ - памфлетистъ, какъ авторъ жгучихъ рѣчей къ рабочимъ объ *идеѣ* ихъ сословія, о косвенныхъ налогахъ, о силѣ и правѣ, какъ первый вождь созданнаго имъ «рабочаго движенія» въ Германіи. Чисто научные труды его, отъ «Гераклита» до «Системы прибрѣтенныхъ правъ», пользовались уже гораздо меньшей извѣстностью. Попытка же его въ области изящной литературы оставалась у насъ и тогда почти совершенно неизвѣстной,—хотя для своего времени она была безусловно блестяща,—не смотря на все несоотвѣтствіе такого рода произведеній перу автора. Попытка эта и называлась:—«Францомъ фонъ-Зикингеномъ».

Въ настоящее время мало уже кто знаетъ слова и рѣчи автора «Идеи рабочаго сословія». Его извѣстность у насъ — почти номинальная. Только брошюра г. Чуйко да иногда дамскія «воспоминанія» и отрывки изъ его писемъ въ корреспонденціяхъ изъ Германіи—вотъ почти вся современная наша литература о Лассалѣ.

Тѣмъ болѣе забыть его «Зикингенъ»,—едва ли по заслугамъ.

Эпоха реформаціи у насъ обращаетъ на себя изрядное вниманіе не только историковъ, но и публики. А въ «Зикингенѣ» какъ разъ проявляется горячее увлеченіе ею автора драмы. И далеко не безынтересно, какъ именно онъ относился къ ней. *Духъ* реформаціи для него былъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ самый *фактъ* ея. Дѣйствительность, можно сказать, *сдавила* тѣ стремленія, которыя

были вызваны этимъ духомъ. «Фактъ» реформація—это переворотъ теологическій, «духъ» же рвался къ измѣненіямъ и въ другихъ областяхъ. Эпоха возрожденія, эпоха гуманистовъ, эпоха пробужденія критической мысли вообще—дала не одного только Лютера. Жажда объединенія Германіи, стремленіе прекратить усобицу князей и отчаянный грабежъ страны какъ ими, такъ и католическимъ духовенствомъ, а въ тоже время желаніе доставить представителямъ свободнаго земледѣлія извѣстное положеніе въ имперскомъ сеймѣ и освободить отъ страшнаго гнета всѣхъ крестьянъ или, вѣрнѣе, всѣхъ угнетенныхъ—все это выдвинуло: на одномъ концѣ—Зикингена, а на другомъ—вожаковъ «крестьянской войны». Но прежде чѣмъ движеніе успѣло организовать, эти вожди уже исчезли со сцены. Единая идея возстанія ступсевалась; получился отчаянный хаосъ отдѣльныхъ вспышекъ, заливаемыхъ потоками народной крови, и въ наступившей затѣмъ реакціи нѣмецкій народъ теряетъ, по выраженію одного сатирика, и свой здравый смыслъ, и свою исторію. Онъ перестаетъ быть даже націей. Потрясающіе моменты первой половины этого движенія и послужили Лассалю канвой для его драмы. Мы не найдемъ въ ней индивидуальныхъ личностей:—онѣ олицетворяютъ собой различные общественные элементы, боровшіеся въ культурно-историческую эпоху. Но это-то олицетвореніе и придаетъ имъ плоть и кровь; вопросы историческіе—вопросы жизни и смерти какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для цѣлыхъ обществъ.

Содержаніе трагедіи вкратцѣ слѣдующее. Духъ реформаціи уже охватываетъ Германію. Карлъ V только что взошелъ на германскій престолъ и колеблется перейти рѣшительно на ту или другую сторону. Но преслѣдованія этого духа со стороны духовенства начались. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ долженъ искать себѣ спасенія въ бѣгствѣ. И онъ является въ Эбербургъ,—замокъ Зикингена. Передъ приходомъ его, тамъ разыгрывается объясненіе между Вальтеромъ Слеромъ, секретаремъ Зикингена, и дочерью послѣдняго, а затѣмъ и съ самимъ Францомъ. Слеръ не можетъ позабыть, что Зикингенъ самъ могъ бы быть императоромъ, а онъ все влияніе свое отдалъ за Карла. Но Зикингенъ не хочетъ и думать объ этомъ. Появленіе Гуттена направляетъ мысль рыцаря болѣе интенсивно на современное положеніе вещей. Зикингенъ общается взволнованному Гуттену защиту и предлагаетъ ему считать Эбербургъ своимъ замкомъ. По поводу же разныхъ невзгодъ, сыплющихся на Германію, онъ предлагаетъ переговорить съ Карломъ.

Карлъ, дѣйствительно, обязанъ Зикингену,—быть можетъ, даже короной. Онъ отличаетъ его передъ всѣми рыцарями. Но это отли-

чіе возбуждаетъ негодованіе курфюрстовъ и епископовъ, а откровенныя рѣчи Зикингена при свиданіи и отказъ его отъ награды задѣваютъ самолюбіе Карла. Страстный призывъ Зикингена стать за реформацію лишь на мгновеніе трогаетъ Карла, но затѣмъ онъ холодно останавливаетъ Франца. Личныя выгоды перевѣшиваютъ чувства справедливости и долга, и оба расходятся, почувавъ другъ въ другѣ поклонниковъ разныхъ боговъ. Духовенство не теряетъ времени въ дальнѣйшемъ возбужденіи верховныхъ князей противъ Зикингена. Дикая фантазія папскаго легата о наступающемъ будущемъ, въ свою очередь, обрисовываетъ стремленія его сословія,— «чтобъ задушить тотъ умъ, который дерзко смѣлъ стать на собственные ноги»...

Горизонтъ заволакивается мрачными тучами; преслѣдованія гуманистовъ усиливаются. Гуттенъ въ отчаяніи. Онъ почти не знаетъ, что ему предпринять. Планъ возстанія манитъ его, но даже у него онъ не опредѣлился, хотя Гуттенъ уже кидается съ нимъ къ Зикингену. Послѣдній, однако, уже раньше обдумалъ все. Гуттенъ сначала думаетъ, что Зикингенъ отступаетъ отъ дѣла: онъ задумалъ лишь какой-то небольшой походъ на Трирь. Но на призывъ возстать за свободу вѣры Зикингенъ раскрываетъ свои карты. Одно завоеваніе этой свободы еще не дало бы ничего. По прихоти любаго князя, будетъ измѣняться вѣра въ его вассальныхъ земляхъ. А Римъ, какъ прежде, будетъ посылать своихъ легатовъ и истощать поборами страну, которую, какъ прежде, княжескія ссоры будутъ рвать на части. Цѣль же Зикингена—вернуть Германіи «величіе, свободу и могущество» и единствомъ всей страны сломить курфюрстовъ и князей.

Планъ Зикингена состоитъ въ томъ, чтобы, предравшись къ ссорѣ съ трирскимъ архіепископомъ-курфюрстомъ, взять Трирь и стать самому курфюрстомъ. «Тогда и я вѣдь буду изъ той же глины, изъ которой гнѣпятъ германскихъ императоровъ»...

«Но не тщеславье говорить во мнѣ:—

Мой планъ внушенъ страданьями народа».

Гуттенъ приходитъ въ необузданный восторгъ. Маленькая романтическая сцена его съ дочерью Зикингена, Маріей,—гдѣ они неожиданно объясняются другъ другу въ любви,—не мѣшаетъ Гуттену увѣхать сейчасъ же по предстоящему дѣлу. Подъ знамена Зикингена собирается масса рыцарей; заключенъ союзъ,—и борьба начинается.

Трирь—на волосокъ отъ гибели. Въ городѣ царитъ страшное недовольство народа на курфюрста и его рыцарей. Одна надежда—на помощь другихъ князей, съ которыми уже раньше былъ за-

ключень договоръ противъ Зикингена. Но даже пфальцграфъ Людвигъ, связанный прежде неразрывными узами съ Франпомъ, колеблется. Тогда посолье рассказываетъ ему замыслы Зикингена, — и Триръ получаетъ вдругъ сильную помощь. Союзные отряды, идущіе на подмогу Зикингену, или разбиваются, или совсѣмъ задерживаются. Штурмъ Трира не удается. А въ это время у зикингеновскаго посланнаго отбиваютъ пороховъ, и вдобавокъ онъ узнаетъ, что его «другъ», пфальцграфъ Людвигъ, двинулся на него самъ. Зикингень уходитъ изъ-подъ Трира и на зимнее время принужденъ распустить войска.

Но тутъ и начинается развязка. Союзные князья окружаютъ его самого въ одномъ изъ наиболѣе слабыхъ замковъ—Ландштуль. Помощи ни откуда нѣтъ. Даже у Зикингена начинаютъ подаваться силы, а тутъ еще боязнь за дочь, не пожелавшую оставить отца. Вопросъ: что дѣлать? мрачно встаетъ предъ Зикингеномъ. И слѣдующее затѣмъ объясненіе съ Вальтеромъ Слеромъ открываетъ ему глаза. «Чрезмѣрное благоразуміе его сгубило». Борясь за чистую идею, не надо было путать ее дипломатическими компромиссами. Лишь тотъ, кто идетъ подъ своимъ знаменемъ, — можетъ дойти до конца своего пути. Теперь приходится рассчитывать на случай. Вся суть въ свободѣ Зикингена. Попытка купить ее сдачей даже всѣхъ замковъ не удается. Слѣдуетъ вылазка.

Между тѣмъ, успѣхъ снова готовъ уже вернуться къ Зикингену. Народъ ждетъ его, какъ вождя своего движенія. Крестьяне-заговорщики сталкиваются съ Гуттеномъ, и ихъ главный агитаторъ Иосъ Фрицъ вмѣстѣ съ нимъ уже пробираются въ замокъ къ Зикингену.

Но ихъ обоюдныя желанія уже не могутъ исполниться. Зикингень смертельно раненъ во время вылазки и принесенъ снова въ замокъ, хотя штурмъ Ландштуля я отбитъ. Князья принимаютъ сдачу замка и самого Франца за свободу осажденнымъ, но для Зикингена и безъ того уже все кончено.

Гуттень является слишкомъ поздно. Зикингень умираетъ на его глазахъ. Мрачное пророчество Гуттена о будущемъ глухо отдается подъ сводами разрушеннаго замка.

... Съ героемъ этимъ гибнетъ здѣсь
Отечество, и всѣ тѣ пылкія надежды,
Которыми мы жили до сихъ поръ.
Своей лишившись силы въ немъ,—дворяне
Вновь перейдутъ на сторону князей
И раболѣпствовать предъ ними станутъ,
А горожане всѣ, замкнувшись

Въ кругъ личныхъ интересовъ и страстей,
 Умрутъ для цѣлаго. Великой цѣли
 Крестьяне лишь останутся вѣрны;
 Они подымутся, но, не встрѣчая
 Себѣ содѣйствія ни въ комъ, падутъ
 Безсильной жертвою кровавой бойни,
 И четвергованные трупы ихъ
 Собою германскую усѣютъ землю.
 Отниметъ побѣдитель у страны
 Остатки жалкіе ея свободы,
 И воцарится вѣковая ночь,
 Окутавъ мракомъ будущность отчины.

И лишь грядущее возьметъ себѣ завѣщанную месть.

Въ драмѣ, изложенной нами, яркими красками набросана та борьба, которая завязалась въ эпоху реформаціи, и въ которой на одной сторонѣ стали князья и духовенство съ Карломъ во главѣ, а на другой — реформаціонное рыцарство и крестьянство, рвавшееся изъ-подъ своего гнета. Мы не беремся здѣсь критиковать «Зикингена», такъ какъ новыхъ переводовъ его у насъ теперь нѣтъ. Но у насъ есть нѣчто, пожалуй, лучше обычной критики. Это собственное объясненіе автора «Зикингена», какъ по поводу появленія этой драмы, такъ и по поводу ея основной идеи. Передатей этого объясненія мы и займемся въ слѣдующей главѣ.

II.

Появленіе на свѣтъ «Франца фонъ-Зикингена» было большой неожиданностью даже для самого творца. «Какая изумленная фізіономія будетъ у тебя,—писалъ онъ автору «Капитала», посылая экземпляры «Франца» ему и его друзьямъ, Энгельсу и Фрейлиграду, — когда ты увидишь написанную мной драму, да еще въ стихахъ. Почти такая же, вѣроятно, какъ у самого меня, когда я додумался до этой идеи, или, точнѣе, когда эта идея овладѣла мной. Вся эта вещь явилась не какъ случайное, произвольное произведеніе, которое я создавалъ по своей волѣ, принуждая себя къ этому. Нѣтъ, скорѣе она создалась сама, подъ вліяніемъ какого-то внѣшняго принужденія, съ которымъ я никакъ не могъ даже бороться. Я, который и въ юношескіе годы не согрѣшилъ ни однимъ лирическимъ произведеніемъ,—я вдругъ поэтъ. Какъ отчаянно я хохоталъ надъ самимъ собой, когда мнѣ впервые пришла въ голову

такая мысль. Но противъ судьбы не пойдешь. Поэтому я лучше расскажу тебѣ, какъ все это случилось».

Авторъ «Зикингена» описываетъ затѣмъ, какъ онъ терзался при обработкѣ своего «Гераклита». «Развѣ это не преступно, не безчеловѣчно — теоретизировать спокойно въ то время (послѣ 1848—49 г.), когда пролито столько крови и столько злодѣяній вызываетъ объ отмщеніи. Развѣ это уже не жестокость судьбы?»

«Изъ этихъ занятій,—прибавляетъ авторъ «Труда и капитала»,— я исключалъ лишь политико-экономическія сочиненія, потому что они являются вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторой практикой. Но остальное теоретизированье было еще больше, особенно когда было видно, что изо всего этого нѣтъ никакой непосредственной пользы, и люди продолжаютъ жить также инертно, апатично, какъ еслибы всѣ наши прекраснѣйшія и величайшія произведенія никогда не писались и мысли не высказывались».

Бурная натура, конечно, не выдерживала. Создатель «Гераклита» вскакивалъ при такихъ мысляхъ изъ-за стола, швырялъ прочь перо и, сжимая кулаки, принимался яростно шагать по кабинету. Только черезъ полчаса, а иногда и больше, такой бѣготни онъ возвращалъ себѣ самообладаніе настолько, чтобы снова сѣсть въ кресло и снова подчинить свою мысль той страшной желѣзной сосредоточенности, какой требовало это произведеніе.

Однако, онъ едва ли покончилъ бы съ «Гераклитомъ», еслибы не схватился за искусственное средство успокоенія. Онъ рѣшилъ заниматься, въ видѣ отдыха, спеціальной работой, которая стояла бы въ нѣкоторой связи съ практическими интересами политики, но не сдѣлалась бы непосредственной практикой и не поглощала бы его совершенно. Поэтому, по ночамъ, онъ сталъ изучать средніе вѣка— эпоху реформации, которую разрабатывалъ и прежде, а въ особенности началъ штудировать сочиненія Гуттена.

«Жизнь и произведенія этого замѣчательнаго человѣка,—продолжаетъ авторъ *Erworbenen Rechte*,—охватили меня всецѣло. Однажды ночью я, потрясенный нѣкоторыми его письмами, взволнованно шагалъ изъ угла въ уголокъ по своей комнатѣ. За нѣсколько дней до этого, я какъ разъ прочиталъ какую-то до крайности жалкую современную драму. И тутъ создалась ассоціація идей. Я никогда, конечно, въ первый моментъ при ней не подумалъ бы о себѣ. Но я сказалъ себѣ... «Чортъ побори! еслибы хоть одинъ изъ этихъ людей, которые тратятъ свои силы на такую дрянь, спросилъ меня о тебѣ»!.. И тутъ я подумалъ, какъ предложилъ бы имъ Гуттена, но, тотчасъ сообразивъ, какой бы планъ драмы создали они, перешелъ отъ этого дѣятеля, — у котораго дѣло было все таки чисто

теоретическое,—къ Зикингену, какъ къ главному драматическому герою. Едва мелькнула эта мысль, — словно по наитію свыше, — создался предо мной весь планъ драмы, и въ этотъ же моментъ неодолимое побужденіе овладѣло мною. «Это долженъ исполнить ты»... И сколько я боялся этого,—столько же меня влекло къ тому».

Это объясненіе во второй половинѣ, безъ сомнѣнія, прикрашено. Гораздо болѣе, чѣмъ пассивная покорность интуиціи, характеру Лассалья соответствовала мысль: «Постой! Я покажу этимъ мальчишкамъ, какъ надо писать драмы». И «Францъ фонъ-Зикингенъ», дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стоитъ гораздо выше всѣхъ драматическихъ произведеній той эпохи.

Что же касается жажды — вмѣстѣ съ греческими древностями заняться и предметомъ, который стоялъ бы въ непосредственной связи съ насущными вопросами времени, — это, безъ сомнѣнія, вѣрно. Страстная потребность внимательства въ естественный ходъ вещей и вліянія на развитіе историческихъ событій—сказывалась тогда во всѣхъ письмахъ будущаго вождя германской рабочей партіи. Какъ долженъ былъ бы вліять въ этомъ смыслѣ на публику «Францъ фонъ-Зикингенъ», мы и постараемся здѣсь выяснитъ.

«Собственно, относительно главной, основной идеи этой трагедіи, — пишетъ Лассаль своему другу, — я для нѣкоторыхъ знакомыхъ, которые имѣютъ меньше отвлеченной практики, чѣмъ ты, написалъ небольшое объясненіе. Печатать его я не думаю. Однако, — разъ оно кончено, — не будетъ лишнимъ, если я и тебѣ предложу съ него копію. Ты, конечно, не нуждаешься въ разъясненіи основной идеи драмы. Но и для тебя все же будетъ интересно объясненіе, чтобы уже съ полной увѣренностью судить, что я хотѣлъ сдѣлать и что тебѣ предлагается, и насколько совпадаютъ намѣреніе и исполненіе. Прочитай это до или послѣ драмы, а потомъ, — будь другъ! — передай Фрейлиграту, для котораго маленькая экскурсія въ отвлеченную область, надѣюсь, не будетъ ужъ совсѣмъ безъ интересна (сначала Лассаль написалъ «черезчуръ обременительна», но потомъ поправилъ, какъ сказано выше).

Съ боку Лассаль приписалъ: «Чтобы ты не считалъ меня настолько педантичнымъ и глупымъ, что я представляю свидѣтельство негодности собственной трагедіи, словно она нуждается въ особомъ выводѣ правоученія—*fabula docet*», — я замѣчу, что побужденіе къ такому дополненію: это сдѣланный мнѣ однимъ пріателемъ упрекъ за мою точку зрѣнія. Упрекъ былъ къ тому же гегельянскій, что отразилось и на формѣ объясненія. Оно, какъ легко догадаешься, является возраженіемъ и въ моемъ спорѣ съ

тѣмъ яростнымъ знакомцемъ,—чтобы освѣтить вопросъ о нашихъ политическихъ дѣлахъ и о нашемъ отношеніи къ нимъ вообще. Въ печатномъ предисловіи, остающемся на общихъ фразахъ, я, естественно, не сказалъ ничего о главной—трагической—идеѣ, лежащей въ основѣ драмы и ея катастрофы,—о томъ глубокомъ диалектическомъ противорѣчьи, которое находится въ природѣ всѣхъ дѣйствій людей и поступковъ. Въ трагедіи оно ясно выступаетъ только въ пятомъ актѣ. Сила всѣхъ господствующихъ консервативныхъ классовъ постоянно заключается въ той прочно выработанной сознательности, съ какою они отстаиваютъ свои классовые интересы, и которая является оттого, что эти интересы уже существуютъ и господствуютъ въ обществѣ. Слабость всякой дѣйствительно активной критической мысли, желающей перейти въ практику, постоянно заключается въ недостаткѣ сознательности среди преданныхъ ей классовъ, идея которыхъ еще не достигла реализаціи, и въ связанной съ этимъ недостаточной организаціи средствъ, находящихся въ ихъ распоряженіи. Постоянно повторяющееся при этомъ диалектическое противорѣчіе резюмируется такъ. Сила дѣйствія критической мысли и обхваченныхъ ею людей заключается въ ихъ одушевленіи, убѣжденности, въ непосредственномъ довѣрїи къ идеѣ, къ ея силѣ, къ ея безконечности. Но одушевленіе, какъ непосредственная увѣренность во всемогущество идеи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ абстрактное пренебреженіе, игнорированіе конечныхъ конкретныхъ средствъ для практическаго осуществленія ея, а также и трудностей реальной путаницы дѣла. «Одушевленіе» должно, слѣдовательно, заняться этой реальной путаницей обстоятельствъ, неизбежной во всякомъ дѣлѣ, и операціями съ конечными средствами. Только отъ этого оно, повидимому, можетъ ждать конкретной—конечной—реализаціи своихъ цѣлей. Въ своихъ грѣзахъ о «цѣли» (что реализовать), оно иначе упуститъ изъ виду практическую сторону реализаціи (какъ реализовать) т. е. «средства».

Въ виду этого, торжествомъ блестящаго здраваго смысла и гениальной сообразительности со стороны практическихъ дѣателей критической мысли было бы повидимому то время, когда они стали бы считаться лишь съ данными конечными средствами, оставивъ въ туманѣ будущаго настоящую и послѣднюю цѣль движенія—и не только для другихъ, но даже для самихъ себя. Этимъ преднамѣреннымъ подтасовываніемъ картъ предъ господствующими классами и обращеніемъ этой подтасовки въ свою пользу они только и добились бы возможности организовать новыя силы, чтобы этой добытой уже «дѣйствительностью»—побѣдить потомъ саму дѣйствительность настоящаго.

Это безконечное реальное превосходство практиковъ и сказывается въ драмѣ въ третьемъ актѣ, гдѣ Зикингенъ мощно возвышается надъ простымъ теоретикомъ Гуттеномъ своими трезвыми, реальными взглядами и практической пронипательностью государственнаго генія. Но въ такомъ направленіи, въ такомъ стремленіи къ конечному и даже въ подчиненіи ему «одушевленіе», въ концѣ концовъ, вмѣсто того чтобы реализоваться самому, должно отказаться отъ своего основнаго принципа — безконечности идеи, и, обратившись къ ея противоположности, — конечному, какъ такому, въ уничтоженіи котораго именно и состоитъ все его назначеніе, — понятно, должно здѣсь потерять свою силу.

А между тѣмъ, дѣйствительно, разуму очень тяжело принять принципъ, что между отвлеченной идеей, которая составляетъ силу и оправданіе всякой «реализаціи критики», и конечнымъ разумомъ — нашимъ «здравымъ смысломъ» — заключается почти неразрѣшимое противорѣчіе. Большинство неудавшихся движеній — всякій безпристрастный историкъ согласится съ этимъ — разбились объ этотъ «смыслъ»; по крайней мѣрѣ, разбивались всѣ, которые опирались на него. Въ 1792 г. во Франціи это движеніе побѣждало самыя трудныя препятствія лишь потому, что такой «смыслъ» былъ убранъ въ сторону...

Въ этомъ заключается тайна власти всѣхъ крайнихъ мнѣній; здѣсь, наконецъ, кроется разгадка, почему инстинктъ массъ бываетъ въ такихъ случаяхъ вѣрнѣе взглядовъ образованныхъ людей. И въ чемъ для «разсудительнаго» человѣка нѣтъ никакого смысла — это и осуществляется. Именно недостатокъ выдержки въ массахъ, — хоть это и можетъ показаться парадоксомъ, — охраняетъ ихъ отъ пристрастія къ толченю воды въ ступѣ, отъ путь «разсудительныхъ» поступковъ...

Но въ сказанномъ, однако, лежитъ уже и дѣйствительное разрѣшеніе, и внутренняя необходимость указаннаго діалектическаго противорѣчія между безконечной цѣлью идеи и конечнымъ смысломъ средствъ. Во-первыхъ, — интересы господствующихъ классовъ, именно потому — какъ замѣчено выше, — что ихъ идея выработана и признана, въ дѣйствительности не могутъ быть обмануты. Люди могутъ заблуждаться, классы — никогда. Во-вторыхъ, — какъ тоже было сказано, — средства, какъ дѣло реальное, дѣло настоящаго, съ формальной стороны также, какъ съ внутренней, дѣйствительно, по необходимости отрицаютъ болѣе или менѣе свой принципъ, т. е. то, что составляетъ силу и оправданіе «практической критики», и обращаются къ принципу противниковъ. Но тогда они и теоретически уже становятся негодными — и ихъ самоосужденіе должно

теперь совершиться даже само собой. Цѣль,—какъ это прекрасно доказывалъ Гегель и признавалъ отчасти уже Аристотель, — только тогда достигается извѣстными средствами, когда *раньше сами средства всецѣло проникнуты сущностью этой цѣли*. Цѣль уже должна выражаться и осуществляться въ средствахъ. Последнія должны быть той же природы, что и цѣль, если только она можетъ быть достигнута ими, поэтому въ гегелевской логикѣ цѣль и осуществляется собственно не средствами, а скорѣе является въ средствахъ, какъ уже нѣчто реализованное въ нихъ. Поэтому всякая цѣль достигается только средствами, соответствующими ей, и потому же самому цѣль «практической критики» не можетъ быть достигнута дипломатическими компромиссами.

Въ-третьихъ,—говоря конкретно,—цѣли «практической критики» достигаются лишь массами и ихъ страстнымъ самопожертвованіемъ. Но эти массы, по причинѣ своей «грубости» и недостатка выдержки, не хотятъ и разговаривать о «средствахъ», интересуясь лишь самымъ концомъ всего, — цѣлью, непосредственно воспринимаемой ими. Всякій «грубый» умъ знаетъ только крайности: «да и нѣтъ», и не признаетъ компромиссовъ. Поэтому, можетъ случиться, что слишкомъ ужъ разсудительный мудрецъ, вмѣсто разсѣянія враговъ и усиденія рядовъ друзей, можетъ увидѣть предъ собой, благодаря своей тактикѣ, кучу непріятелей, а за собой—потерять послѣдняго друга. Тончайшій и благоразумнѣйшій политическій расчетъ обращается, въ дѣйствительности, въ величайшую глупость.

Впрочемъ, вполне естественно, что чѣмъ болѣе человѣкъ овладѣваетъ настоящимъ и сосредоточивается на немъ, тѣмъ легче онъ впадаетъ въ ошибки,—вслѣдствіе неподвижности или же гибкости своего ума,—отъ этого роковаго, якобы «конкретнаго» пониманія настоящаго. Поэтому, въ нѣкоторыхъ великихъ народныхъ движеніяхъ, абстрактные идеалисты достигали того, предъ чѣмъ должны были останавливаться остроумнѣйшіе дипломатическіе умы государственныхъ практиковъ, которые до французской революціи звались *hommes d'état* словно въ насмѣшку, именно за свое чрезмерное «благоразуміе»...

Эти дипломатическія хитрости тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ идеѣ, даже если онѣ не затрогиваютъ величія и энергіи дѣятеля, не дѣлаютъ его умѣреннымъ, и онъ, не забываетъ ни одного пункта своихъ стремленій, а хитритъ только при реализаціи ихъ,—все же являются *виной* практическаго дѣятеля. Вину составляютъ онѣ и для Франца Зикингена.

Но, быть можетъ, вина эта кроется въ ошибкахъ расчета, въ

умственномъ, а не нравственномъ заблужденіи? Тогда здѣсь можетъ быть нѣтъ и трагедіи?

На это можно отвѣтить троякимъ образомъ. Во-первыхъ,—развитіе глубочайшихъ интеллектуальныхъ конфликтовъ мысли, необходимыхъ сами по себѣ, а потому вѣчныхъ и неизбѣжныхъ, уже является глубокимъ трагическимъ мотивомъ. Это доказываютъ и античныя трагедіи, и самъ Аристотель. Во-вторыхъ,—эта интеллектуальная вина, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и моральной виной потому, что къ тому, кто хочетъ поставить свой собственный новый принципъ на мѣстѣ стараго, можетъ быть предъявлено требованіе—чтобы онъ, дѣйствительно, былъ проникнутъ всецѣло этимъ принципомъ. Иначе онъ просто будетъ нахаломъ. Въ-третьихъ—очевидно, что такая интеллектуальная вина будетъ моральной даже по преимуществу. Она вытекаетъ именно изъ недостатка вѣры въ извѣстную моральную идею, въ ея безконечное могущество, и изъ чрезмѣрной преданности слабымъ конкретнымъ средствамъ. Это уже недостатокъ непосредственной моральной убѣжденности, недостатокъ необходимой для дѣятеля прямоты и откровенности дѣйствій, нарушение цѣлостности типа, уклоненіе отъ своего принципа и подрывъ его.

Въ религиозныхъ войнахъ этого, большею частью, не было. Непосредственная убѣжденность вытекаетъ здѣсь прямо изъ вѣры во Всемогущаго Творца. Тамъ, гдѣ Зикингенъ хочетъ какою угодно цѣной избавиться отъ своей «разсудительности», не вступать ни въ какіе компромиссы съ существующими силами, не бояться невозможнаго и вступить въ непосредственныя сношенія съ массой,—тамъ онъ становится на точку, давшую такое мощное величіе его современнику Лютеру. У такихъ фанатиковъ эта сила часто дѣлаетъ возможнымъ не только невозможное, но даже и невообразимое. Въ этомъ также заключается драматически-захватывающее впечатлѣніе отъ такихъ фанатиковъ. Въ этой односторонности кроется ихъ могущество и сила, потому что всякая живая работа—односторонняя.

Поэтому и ошибка Зикингена, по преимуществу, будетъ моральной виной. Но она смягчается тѣмъ, что она въ то же время и интеллектуальная ошибка. Она происходитъ вслѣдствіе вѣчнаго, неизбежнаго столкновенія идей во всякія переходныя эпохи, а потому перестаетъ быть частной и случайной вѣрой и становится сама необходимымъ постояннымъ фактомъ. Ея внѣшняя неоспоримая правильность и внутренняя неточность трагически отражаются на судьбѣ героя и влекутъ его къ неизбѣжной гибели. И такъ бываетъ вѣчно. Именно такая «виновность»—моральная и, вмѣстѣ, интеллек-

*

туальная, основывающаяся на постоянномъ неизбѣжномъ конфликтѣ идей—и можетъ образовать самый сильный моментъ трагедіи.

Выражаясь опредѣленнѣе и яснѣе, дѣйствительной моральной виной является только интеллектуальная, и только та вина моральна—которая интеллектуальна. Моральная вина, въ отличіе отъ нравственнаго проступка,—который относится только къ отдѣльному субъекту и къ его внутреннему міру,—состоитъ въ осуществленіи и реализаціи объективной, *относительно* вѣрной точки зрѣнія, которая, однако, не господствуетъ надъ своей діалектической противоположностью. Въ силу этого, нарушается соотвѣтствіе въ области идей, также какъ и въ реальномъ мірѣ, и одностороннее въ теоріи—на практикѣ становится заслуживающимъ обвиненія.

Зикингенъ въ пятомъ актѣ пытается освободиться какъ отъ интеллектуальной, такъ и отъ нравственной вины, признавая ихъ и стараясь искупить. Онъ бросаетъ дипломатическія разсужденія и извороты, и кладетъ судьбу свою и своей родины на острие меча. Но теперь это уже поздно, и по идеѣ трагедіи *должно* быть поздно. Оскорбленные боги мстятъ, а еще хуже и тяжелѣе ихъ мстить діалектика—развитіе «оскорбляемыхъ» идей. Жизнь и исторія — жестокое подтвержденіе логики... даже слишкомъ жестокое.

Что Зикингенъ принужденъ теперь обстоятельствами подвергнуть и себя, и цѣлую страну (въ осадѣ своего замка и въ своей вылазкѣ) игрѣ случая, гдѣ онъ вовсе не имѣетъ уже за собой ни народа, ни его принципа, и гдѣ поэтому силы обѣихъ партій никогда не могли бы даже развернуться вполнѣ, а рѣшеніе сперва является лишь дѣломъ извѣстнаго момента; что этотъ дипломатъ и реалистъ, старательно избѣгавшій случайностей, попалъ именно въ ихъ путаницу, — въ этомъ, дѣйствительно, является жестокое возмездіе діалектики. вмѣсто открытаго обращенія къ основной идеѣ, вмѣсто одушевленія ея мощной силой, онъ *подмнилъ* эту историческую идею и національное дѣло какъ бы совершенно случайнымъ предпріятіемъ трирскаго похода, заботливо отдѣливъ отъ него общій смыслъ и значеніе. Такимъ образомъ, стараясь предусмотрѣть всѣ случайности, Зикингенъ самъ зоветъ случай. И когда расчетомъ за такую подтасовку является именно эта случайность, и мелочи уничтожаютъ приготовленный уже матеріалъ для новой работы, — тогда ему приходится принять рѣшеніе своей судьбы отъ совершенно непредусмотрѣнныхъ обстоятельствъ. Поэтому, онъ и гибнетъ не отъ подавляющей силы стараго порядка вещей, — въ чемъ не было бы никакого *трагическаго* исхода, а скорѣе была бы лишь *необходимая* гибель, еслибы не было такъ близко осуществле-

нѣ величайшей цѣли Зикингена, что достаточно ясно выставлено въ пятомъ актѣ:—Зикингенъ погибъ отъ собственныхъ ошибокъ.

Поэтому и Вальтеръ лишь въ пятомъ актѣ указываетъ ему на настоящую суть дѣла, а въ третьемъ еще не можетъ дойти до этого. Для ясности приведемъ здѣсь это мѣсто изъ пятаго акта (второе явленіе).

... Одни мальчишки осуждать
Послѣдствія, а не причину, могутъ.
Серьезное значеніе для насъ
Не шагъ отдѣльный, а весь путь имѣть,
И каждый шагъ зависить отъ того,
Какой мы путь избрали.

.
Вы думали князей въ обманъ ввести
Походомъ трирскимъ; думали: повѣрять
Они, что дѣло—въ ссорѣ лишь пустой
Между курфюрстомъ Рихардомъ и вами.
Но вамъ не удалось ихъ обмануть:
Они почуяли инстинктомъ вѣрнымъ
Врага на смерть всему сословью въ васъ;
Опасность общая ихъ всѣхъ связала,
Вы обманули лишь друзей—народъ.
Вотъ почему остались безъ поддержки
Вы въ этой распрѣ городовъ и селъ;
Вотъ почему, при первой неудачѣ,
Дворянство отшатнулось прочь отъ васъ.
Вы въ корнѣ, собственной рукой, подоѣкли
Всѣ ваши силы.

.
Не называйте случаемъ того,
Что слѣдствіемъ необходимымъ было.
Ну, не безумье ли—судьбу страны
Довѣрить случаю? Коль было рано,
То надо было терпѣливо ждать.
Но разъ уже борьбу вы завязали,—
На Карла нужно было вамъ возстать,
Возстать открыто, на знаменахъ начертавъ:
«Реформа свѣтской и духовной власти».
И въ силу правъ, во имя цѣли этой,
Могли вы императоромъ себя
Провозгласить тогда отважно, и дать волю

Движенію народа,—чѣмъ друзей
 Обманывать закрытою игрою,
 Тогда какъ карты всѣмъ врагамъ видны.
 Себя благоразуміемъ излишнимъ
 На край погибели вы привели.
 Великое вы совершить могли бы,—
 На маломъ вы оборвались.
 Народъ *своихъ* вѣдь узнаётъ
 По платью и оружію на аренѣ
 Исторіи, и маскарадъ тамъ—ни къ чему!
 Тамъ каждый долженъ быть *со знаменемъ своимъ*.
 Тогда лишь можетъ онъ въ борьбѣ великой
 Испробовать всю жизненность тѣхъ силъ,
 Которыя ему опорой служатъ...
 И устоитъ онъ или упадетъ,
 Онъ все свершить, на что способенъ только.

Еслибы Вальтеръ уже раньше сказалъ все это Зикингену, а тотъ остался бы при своемъ,—это было бы рѣзкимъ пятномъ или на величій его души, или,—что еще недопустимѣе,—на его нравственной энергіи. Этого онъ не могъ сдѣлать, не будучи нравственно и умственно ниже, чѣмъ онъ былъ. Но его интеллектуальная вина вовсе не дѣлается отъ этого *меньше*, хотя происходитъ изъ справедливаго отношенія къ дѣлу и вытекаетъ изъ существа его, и тѣмъ болѣе смягчается, что зритель или читатель до самаго пятаго акта находится постоянно на сторонѣ Зикингена. Нравственная вина его до самаго конца,—т. е. до выясненія ея,—совершенно безсознательна, и потому вдвойнѣ трагична, хотя имѣнно только она и подходитъ къ чистому характеру Зикингена. Еслибы она осталась послѣ разговора съ Вальтеромъ, она стала бы сознательной и унизила бы рыцаря.

Но слишкомъ уже поздно происходитъ этотъ разговоръ, который былъ бы нуженъ во время триумфа зикингеновскаго «благоразумія». И въ немъ Вальтеръ оказывается теперь настолько же сообразительнѣе и рѣшительнѣе Зикингена, насколько тотъ ранѣе былъ выше Гуттена. Слѣдующая затѣмъ сцена крѣстьянъ-заговорщиковъ является какъ бы хоромъ древнихъ или резонаторомъ идей, выставленныхъ Вальтеромъ.

Впрочемъ, въ дальнѣйшей сценѣ Зикингенъ снова становится со своимъ геройски отчаяннымъ подвигомъ выше теоретика Вальтера, и когда даже тотъ слабѣетъ, вида, что все рухнетъ, Зикин-

генъ въ одинъ моментъ старается осуществить спасительный—по взгляду Вальтера,—планъ.

Необходимо, чтобы именно Вальтеръ, а не Гуттенъ былъ на мѣстѣ этого совѣтчика. По основному характеру Гуттена, съ его лирическимъ тономъ, это мѣсто совершенно не годится для него. По отношенію къ нему, какъ къ критику-теоретику, Зикингенъ постоянно остается могучимъ, предвидящимъ почти всѣ политическія комбинаціи, реалистическимъ героемъ. Онъ предусматриваетъ все развитіе событій, которыя должны были послѣдовать изъ первоначальнаго завоеванія одной лишь религіозной свободы, тогда какъ Гуттенъ думалъ спасти ее прежде всего.

Еслибы, далѣе, именно Гуттенъ долженъ былъ дѣлать указанія Зикингену, онъ не имѣлъ бы никакихъ средствъ добиться своего, кромѣ одного лишь одушевленія. Но и здѣсь Зикингенъ не только не уступаетъ ему, но и далеко превосходитъ, когда въ третьемъ актѣ, въ своемъ бурномъ практическомъ пылу онъ оказывается уже давно рѣшившимся на дѣло и даже выработавшимъ планъ, между тѣмъ какъ Гуттенъ унываетъ и только ограничивается одними восклицаніями и жалобами.

Въ-третьихъ,—наконецъ, *простое* одушевленіе никогда даже не было бы у Зикингена лучшимъ и наиболѣе вѣрнымъ оружіемъ. Говоря о разрѣшеніи противорѣчія народныхъ движеній, мы показали уже, что это одушевленіе просто игнорируетъ конечныя средства и настолько же односторонне, какъ и преданность исключительно конечнымъ средствамъ. Если оно внутренне даже и справедливѣе, то все таки не можетъ выдвинуть впередъ дѣйствительныхъ внутреннихъ правъ своихъ и, развернувъ ихъ, подорвать противоположную точку зрѣнія. Оба наши дѣятеля только въ практикѣ уживаются вмѣстѣ, а въ абстракціи они — противоположны. Зикингенъ,—здѣсь былъ бы и выше, и сильнѣе Гуттена. Чтò могло бы стать еще выше и подчинить себѣ реалистическую точку зрѣнія Зикингена, это только еще болѣе реалистическая натура Вальтера, который почерпнулъ свои глубокіе взгляды и знаніе законовъ исторіи и народныхъ движеній изъ своего сѣдаго опыта. Только реалистическая мудрость и можетъ превзойти практическій разумъ и стать выше его.

Примиреніе читателя съ Зикингеномъ окончательно происходитъ отчасти вслѣдствіе того, что, — какъ было уже сказано, — позднѣйшее разрушеніе и нецѣлесообразность намѣреній Зикингена являются въ полной силѣ лишь въ пятомъ актѣ; отчасти же,—и по преимуществу, — мы миримся съ нимъ потому, что въ настоящее время въ Германіи поднята снова какъ разъ аналогич-

ная, но болѣе грандіозная борьба за тотъ національно-политическій идеаль, за который боролся и Зикингенъ и который старался погубить всѣми средствами, фигурирующими въ мрачномъ предсказаніи Гуттена...

«Я,—говорить въ заключеніи Лассаль,—не сдѣлалъ никакихъ преувеличеній къ выгодѣ культурно-исторической трагедіи, столь близкой по цѣлямъ и борьбѣ идей къ настоящему времени, и для достиженія того, чтобы сознание современнаго зрителя, не только какъ общечеловѣческое сознание, но и какъ сознание потрясеннаго свидѣтеля дѣла, примкнуло къ тому «хору», къ которому обращаются трагедіи и для котораго собственно страдаетъ герой.

«Современное міросозерцаніе, съ одной стороны, примиряетъ насъ съ развитіемъ трагедіи, а въ теперешнемъ возобновленіи борьбы виденъ высшій триумфъ героя и его цѣли. Съ другой стороны, это самосознаніе почерпаетъ изъ трагедіи утѣшеніе и успокоеніе въ тяжелой борьбѣ настоящаго времени, и ужь въ самомъ этомъ возобновленіи ея черезъ цѣлыхъ триста лѣтъ имѣется могучее доказательство вѣчности ея цѣли и высшее свидѣтельство ея неодолимой и побѣдоносной необходимости».

III.

Здѣсь можно было бы сказать многое по поводу, во-первыхъ,—справедливости теоріи, развитой авторомъ; во-вторыхъ,—проведенія ея въ драмѣ и отношенія къ этой исторической трагедіи самого Лассаля, а, въ третьихъ,—по поводу того: насколько и какъ Лассаль на своемъ собственномъ политическомъ поприщѣ уклонился отъ принциповъ, изложенныхъ имъ здѣсь. «Завинченный» въ своей теоріи борьбы классовъ и преклоняясь лишь предъ извѣстной реализаціей своей идеи рабочаго сословія, Лассаль знать не хотѣлъ никакихъ иныхъ путей. Крестьянскую войну въ Германіи онъ, поэтому, признавалъ впоследствии явленіемъ даже реакціоннымъ и тѣмъ болѣе отрицалъ путь виѣклассовой эволюціи общественныхъ формъ. Въ Зикингенѣ онъ, однако, противорѣчитъ даже себѣ, и къ крестьянскому движенію реформаціонной эпохи въ Германіи относится очень милостиво. Это ему, впрочемъ, было нужно для иллюстраціи вышайзложеннаго діалектическаго противорѣчія въ народныхъ движеніяхъ.

Но Лассаль не удерживается и на точкѣ зрѣнія этой теоріи съ ея выходомъ въ беззавѣтную преданность идеѣ безъ всякихъ разсужденій и дипломатическихъ изворотовъ, лишь затемняющихъ

ее. Излишне благоразумный, по его мнѣнію, Зикингенъ, въ пятомъ актѣ, дѣйствительно, погибаетъ, потому что ему пришлось подвергнуться всѣмъ случайностямъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Но та же случайность могла бы не только спасти его, но могла создать цѣлую новую трагедію — крушенія могущества Карла, а, быть можетъ, и дальше. Еще бы на одинъ день, хватило «благоразумія» у Зикингена, и обстоятельства измѣнились бы. Зикингенъ гибнетъ отъ собственныхъ ошибокъ, но почему онѣ неизбежны—этого мы вовсе не видимъ. Да еслибы это и было такъ, какой трагизмъ въ томъ, что неизбежно? Фатализмъ—такъ, но трагизмъ?! Вопреки Лассалю можно даже сказать, что гибель Зикингена произошла именно подъ давленіемъ страшной силы стараго порядка. Реформація повліяла на одни отношенія, а другія, противъ которыхъ протестовалъ Зикингенъ, оставались внѣ сферы ея вліянія. По теоріи самого же Лассаля, что можно было сдѣлать при самомъ бурномъ одушевленіи, разъ идея извѣстнаго сословія еще не развилась и не признана вполне. Анабаптистское возстаніе и Іоаннъ Лейденскій доказываютъ это лучше всего,—впрочемъ, съ точки зрѣнія самого Лассаля. Отрицая послѣ прогрессивный характеръ этого движенія, Лассаль былъ хоть послѣдователемъ. Здѣсь же у него одно противорѣчіе слѣдуетъ за другимъ. То одинъ Зикингенъ значитъ почти все для свободы и единства Германіи, то идея должна быть признана массами. То Зикингенъ лишь въ пятомъ актѣ узнаетъ, какъ бы ему нужно было дѣйствовать, то оказывается, что еще въ первомъ актѣ Вальтеръ говоритъ ему почти то же. Разница лишь во внѣшнихъ обстоятельствахъ того и другаго разговора...

Лучше же всего показываетъ прорѣхи въ теоріи діалектическаго противорѣчія народныхъ движеній послѣдующая практическая работа самого Лассаля, который одинъ создалъ партію (конечно, изъ имѣвшагося уже матеріала), но совсѣмъ не по своему рецепту. Первая же попытка примѣнить ее къ дѣлу (организація одного вооруженнаго возстанія въ какомъ-то городѣ) доказала ему несостоятельность его въ данномъ случаѣ. И вождь германскаго рабочаго движенія быстро пошелъ по пути компромиссовъ,—до сношенія съ Бисмаркомъ включительно... Правственно это или безправственно, случайно или намѣренно, выгодно для движенія или невыгодно, когда именно и гдѣ?—все это вопросы уже изъ другой области.

Мы ограничимся сказаннымъ, такъ какъ для подробностей было бы необходимо войти въ оцѣнку наиболѣе жгучихъ сочиненій Лассаля, наиболѣе рѣзкихъ его взглядовъ и наиболѣе интересной эпохи его критики. Пока это еще невозможно.

Но во всякомъ случаѣ, при всѣхъ своихъ крайностяхъ и недо-

статкахъ, вышеизложенные взгляды автора «Зикингена» небезынтересны для нашихъ читателей, хоть бы тѣмъ, что ярко обрисовываютъ бурный энергичный характеръ германскаго дѣятеля, всюду и всегда страстно искавшаго себѣ наиболѣе широкой работы, стремившагося дѣлать *все*, что только можно и даже невозможно, и всего себя отдававшаго своей идеѣ и своему дѣлу...

Б.

Разочарованіе.

Нѣтъ, счастья не жди, оставленный судьбою,
Покннутый людьми, безвольный и нѣмой.
Ты уступилъ другимъ любовь и жизнь безъ боя,—
Такъ пусть же для тебя замкнется міръ тюрьмой!

И жалости не жди: ты никому не нуженъ,
Среди живыхъ людей полуживой мертвецъ,
Сомнѣніемъ въ борьбѣ за жизнь обезоруженъ,
Ты ждешь, когда всему, всему придетъ конецъ.

Конецъ—комедіи, конецъ жестокой драмѣ,
Гдѣ ты игралъ одну навязанную роль,
Казался счастливымъ, молился въ чуждомъ храмѣ,
Подъ маскою стыда скрывая сердца боль.

Г. Арищенко.

П И О Н Е Р К И.

Романъ въ трехъ частяхъ, Марсея Превó.

Часть первая.

I.

Темный носъ парохода медленно прорѣзалъ желтыя воды рѣки, оставляя позади себя на лѣвомъ берегу, запачканныя сажей, бѣлыя зданія гринвичскаго госпиталя и окружающій его паркъ, наполовину пожелтѣвшій и обнаженный (время было осеннее). Поднимаясь вверхъ по Темзѣ, пароходъ повернулъ по изгибу рѣки и пошелъ тише. Изъ трубъ вылеталъ легкій паръ и тотчасъ же смѣшивался съ туманнымъ воздухомъ; шумъ колесъ утихъ; судно, словно инертная масса, несло къ городу.

Пассажиры высыпали изъ каютъ на палубу и силились угадать Лондонъ среди тускло-красноватыхъ силуэтовъ, потонувшихъ въ туманѣ. Пока виды были мрачны, неопредѣленны и некрасивы. Количество судовъ на рѣкѣ все болѣе и болѣе увеличивалось, — инья шли навстрѣчу Black Prince'у, инья обгоняли его. Нѣкоторые изъ пассажировъ, въ легкихъ костюмахъ, свѣжѣе, возвращались изъ экскурсій въ Рамсгетъ, Маргетъ или Дувръ; другіе, утомленные, закутанные, съ объемистымъ багажемъ, ѣхали издалека изъ Франціи; эти послѣдніе сѣли на Black Prince'а наканунѣ, въ Булони, и подверглись всѣмъ неприятностямъ переѣзда черезъ бурный проливъ. Впереди, у самыхъ перилъ, прижавшись другъ къ другу, стояли двѣ молодыя дѣвушки и пытливо вглядывались въ сѣрую мглу, за которой пряталась столица Англїи, — цѣль ихъ путешествія.

Онѣ были похожи другъ на друга, — при всемъ различіи роста, фигуры, цвѣта волосъ и глазъ; посторонній человѣкъ, взглянувъ въ нихъ, непременно съ увѣренностью сказалъ бы, что это сестры. И одѣты онѣ были одинаково: обѣ въ черныхъ креповыхъ платьяхъ, безъ всякихъ украшеній и претензій на элегантность и моду; костюмы, однако, не безобразили ихъ, а изящно облегали стройныя таліи; на плечи накинуты были пелериночки съ капюшонами и высокими воротниками; черныя фетровыя шляпы съ газовыми вуалями надѣты были на головы. Одна изъ нихъ, повыше ростомъ, казалась старшей и была совершенной брюнеткой, съ правильными, крупными чертами лица, съ гордымъ взглядомъ темныхъ глазъ, съ матовой кожей и черными блестящими волосами. Младшая, нѣсколько ниже ростомъ, тоньше и миньютюрнѣе, рядомъ съ сестрой казалась блондинкой со своими пушистыми вьющимися свѣтло-каштановыми волосами, со свѣтлыми, мечтательными глазами и хорошенькимъ, нѣжнымъ личикомъ. Художникъ скорѣе обратилъ бы вниманіе на строгую, благородную красоту старшей; но большинство пассажировъ Black Prince'а засматривалось на младшую.

Пристани, почти безъ перерыва, тянулись теперь по берегамъ Темзы: съ плоскихъ барокъ то и дѣло нагружали или разгружали бочки. Большія суда, неподвижныя на якоряхъ, выставляли свои носы на подобіе острыхъ скалъ, точно съ угрозой встрѣчая прибывшій пароходъ, медленно прокладывавшій себѣ путь впередъ. Миновалъ онъ бѣлое трехмачтовое судно внушительныхъ размѣровъ, со сложенными у бѣлыхъ рей парусами, покорно подвигавшееся вслѣдъ за буксирнымъ пароходомъ.

— Смотри, Фредерика, — сказала младшая изъ двухъ сестеръ: — это норвежецъ. Имя его — Ольда.

Но Фредерика, очевидно, думала о другомъ и не тотчасъ отозвалась.

— Ахъ, Лея! — произнесла она, наконецъ, вполголоса: — подумай, мы съ тобой однѣ... ѣдемъ въ эту невѣдомую столицу и веземъ лишь добрую волю да полную неопытность, какъ четырнадцать лѣтъ назадъ ѣхала сюда же Ромена Пирницъ. Быть можетъ, этотъ же самый пароходъ везъ и ее... Тѣ же ландшафты, то же небо, желтыя воды, суда, верфи, пристани...

Быть может, руки ея держались за то же мѣсто перилъ, за которое держатся теперь твои...

— Милая Пирница! Добрая, дорогая душа! — прошептала Лей, — навѣрно мысль ея не покидаетъ насъ со вчерашняго дня. Я словно ощущаю ея присутствіе около насъ... А ты?..

Буксирный пароходъ, съ которымъ поровнялся Black Prince, выпускалъ густые клубы чернаго дыма, отравлявшаго окрестный воздухъ. Нѣжное личико Лей сморщилось и она закашляла. Сестра заботливо взяла ее за руку:

— Не холодно ли тебѣ? Солнце садится; сыро. Пойдемъ лучше въ каюту...

— Ахъ, нѣтъ, что ты, Фэди? Останемся, прошу тебя! Я хочу смотрѣть.

Между тѣмъ, береговые виды мѣнялись. По обѣимъ сторонамъ, непрерывной линіей потянулись черные пакгаузы, на которыхъ громадными буквами написаны были имена; каждая пристань походила на маленькій оживленный портъ, съ прибоемъ цѣлой флотиліи. Масса парусныхъ судовъ со сложенными крыльями, широкихъ, плоскихъ барокъ густо толпилась направо и налево; Black Prince ловко и неторопливо лавировалъ между ними, поминутно рискуя зацѣпиться, но благополучно минуя всякую опасность. Туда и сюда проворно сновали по Темзѣ пароходики-омнибусы, грязно-зеленоватые, переполненные народомъ. Мимо Black-Prince'а, отдуваясь; пыхтя и вопя, грузно прошелъ пароходъ съ кучей пассажировъ на палубѣ.

А гѣрода все еще не видно; онъ скрывался за поворотомъ рѣки у Лимгауза; но уже пловучій городъ, пестрый и суетливый, давалъ себя чувствовать. Изъ-за береговыхъ зданій, отражающихся въ водѣ, виднѣлся другой рядъ мачтъ; каналы и рукава рѣки изображали настоящія водяныя улицы, ведущія въ верфи. Наконецъ, пароходъ обогнулъ Лимгаузъ — и показался Лондонъ. Не тотъ Лондонъ, который является желѣзнодорожнымъ пассажирамъ, пріѣхавшимъ съ курьерскимъ поѣздомъ изъ Чарингъ-Кросса, а Лондонъ — морское чудовище, пасть котораго разинута на воды, и дыханіе достигаетъ самыхъ отдаленныхъ концовъ міра. Что-то гигантское, угрюмое и мощное чуялось въ этой необъятной фабрикѣ, разросшейся въ столицу. Не предназначены ли всѣ эти мрачныя дома для

склада тюковъ и бочекъ? Всѣ однообразно покрыты слоємъ сажи, такъ что невозможно рѣшить, каковъ былъ первоначальный цвѣтъ ихъ строительнаго матерьяла; суда поддерживали это впечатлѣніе унынія, старости, изношенности отъ излишняго употребленія, преждевременной ветхости. Направо тянулись восточные кварталы, самые нищенскіе во всемъ городѣ и, конечно, самые многолюдные, — Лимгаузъ, Степней, Уайтчепель. Налѣво — Розергизъ и Бермондсей, жалкіе и опасные кварталы юго-востока. Темза прямой линіей дѣлила ихъ пополамъ; желтыя воды ея, взбаломученныя судами, потеряли нормальное теченіе и казались здѣсь стоячими, подбрасывая на мѣстѣ то старыя доски, то бумагу, то трупы мелкихъ животныхъ.

— Первое впечатлѣніе города невыгодное! — замѣтила Лея, прижимаясь къ сестрѣ.

Фредерика, болѣе смѣлая и энергичная, ободрительно пожала ей руку.

— Да, — сказала она, — не то ли же говорила и Пирницъ? Первое вступленіе въ Лондонъ производитъ впечатлѣніе тюрьмы, плѣна... Однако, она преодолѣла все это, побѣдила...

— Совсѣмъ не похоже на Парижъ! — пробормотала Лея.

Обѣ сестры были уроженки Парижа и покинули его только со вчерашняго дня; весьма естественно, что онѣ невольно сравнивали веселые и живописные берега Сены, оживленные виллами и парками, когда слѣдуешь вверхъ по теченію мимо Аньера и Отѣйля.

— Посмотри, вотъ это красиво, — сказала старшая.

Пронзительный свистокъ далъ знать о прибытіи въ портъ, за полмили до Сити. Широкая въ этомъ мѣстѣ рѣка была загромождена разнообразными судами, купеческими кораблями, легкими и огромными пароходами, изящными яхтами, пузатыми суднами съ товаромъ. Цѣлый лѣсъ мачтъ, парусовъ и трубъ всевозможныхъ калибровъ заслонялъ виды направо и налѣво; со всѣхъ концовъ свѣта стеклись сюда пловучія чудовища: изъ Индіи, изъ Египта, съ мыса Доброй Надежды, изъ Канады, изъ Америки, изъ Австраліи, и густой толпой стояли въ портѣ св. Екатерины, символизируя дѣятельныя сношенія Англій со всѣми народами земли. Тамъ, за судами и верфями, за Лимгаузомъ и Розергизомъ, можно было пред-

полагать могучую сѣть конторъ, пакгаузовъ, канатовъ, эскадръ и земель, составляющихъ великобританское королевство.

— Посмотри!—повторила Фредерика, указывая на Сити,— сердце Лондона, начавшее понемногу вырисовываться изъ красноватой мглы окрестнаго воздуха. Направо кончилась линия доковъ; на возвышенной набережной показался приземистый, массивный, зубчатый контуръ замка, башня котораго и есть знаменитый Тоуэръ, лондонская тюрьма. Далѣе появилась золотистая колонна монумента, а еще дальше, правѣе, куполь св. Павла.

Прямо напротивъ, прорѣзывая горизонтъ, тянулся гигантскій мостъ,—съ двумя быками въ формѣ стрѣльчатыхъ башенъ готической архитектуры,—новый, почти бѣлый среди окружающаго колорита сажи и дыма, служащій какъ бы преддверіемъ Сити.

Когда Black Prince дошелъ до этого моста, небольшое пространство его раздвинулось треугольникомъ, чтобы пропустить высокія трубы парохода; сообщеніе по мосту прекратилось на нѣсколько минутъ и у обоихъ краевъ столпились экипажи и пѣшеходы. Съ большими предосторожностями подвигался теперь пароходъ по узкому пространству между Тоуэръ-Бриджемъ и Лондонскимъ мостомъ, придерживаясь правой стороны, все ближе и ближе къ набережной. Фредерика и Лея различали уже лица людей, которые, облокотившись на парапетъ, слѣдили за причаливавшимъ пароходомъ. За этой стѣнной головъ и локтей, онѣ видѣли оживленное движеніе пѣшеходовъ, кэбовъ и омнибусовъ, которые тѣснымъ, непрерывнымъ потокомъ стремились двумя теченіями—съ моста и на мостъ.

Дома въ городѣ, экипажи, мужчины и женщины казались все тѣ же, чтò въ Парижѣ; отчего жъ, даже при поверхностномъ взглядѣ, чувствовалась такая громадная разница, даже бѣдшая, чѣмъ разница Парижа съ восточными столицами?

Въ шесть часовъ заскрипѣли канаты, привязывая Black Prince'a, ниже Лондонскаго моста, у Фрешъ-Варфскаго пакгауза. Шестъ часовъ—сумерки сентябрьскаго вечера, окутывавшаго мѣстность красноватымъ туманомъ. Фредерика и Лея продолжали стоять на палубѣ, на самомъ носу парохода, и вышли самыми послѣдними, желая по возможности избѣгнуть безцеремонной толкотни пассажировъ. Пристань, на которую

онѣ сошли, имѣла тотъ же видъ изношенности и грязной ветхости, какъ и все окружающее; она находилась у самаго моста и занимала узенькое пространство въ нѣсколько ярдовъ между водой и перилами набережной. Лея, первая, различила на деревянномъ понтонѣ фигурку въ зеленомъ платьѣ съ добродушнымъ розовымъ личикомъ, какъ у ребенка; большой пучокъ волосъ, цвѣта мочалки, скрученъ былъ низко у шеи и поддерживалъ шляпку, сидѣвшую совсѣмъ на затылкѣ и отличавшуюся плоскимъ старомоднымъ фасономъ.

— Смотри, Фэди, не она ли это? Не Эдита ли?

— Блондинка съ зонтикомъ?.. По всей вѣроятности... Ужасно похожа на Дэзи!

На пристани смѣшная фигурка приблизилась къ нимъ: спокойные голубые глаза внимательно осмотрѣли сестеръ, и голосъ съ англійскимъ акцентомъ произнесъ по французски:

— Mesdemoiselles Сюрье?.. Не такъ ли? Я Эдита Крагсъ, сестра Дэзи.

— О, mademoiselle Эдита, какъ вы добры, что встрѣтили насъ!

Не спѣша, методично и не выпуская изъ рукъ зонтика, Эдита поцѣловала путешественницъ.

— Какъ вы себя чувствуете? Хорошо ли ѣхали?

— Немного устали, — отвѣтила Фредерика: — плывемъ съ пяти часовъ утра.

— Да, вѣдь вы водой прямо изъ Франціи! Почему же не сѣли вы на поѣздъ въ Дуврѣ?

— Намъ хотѣлось вѣхаться по Темзѣ, — улыбнулась Фредерика: — это было у насъ въ родѣ примѣты... Одна особа, навѣрно извѣстная вамъ по имени, — мы ее особенно почитаемъ, — ѣхала въ первый разъ въ Лондонъ именно этою же дорогой.

— Ромена Пирницъ? — спросила Эдита.

— Да.

— Она была у насъ въ Лондонѣ, во Free College, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Я понимаю васъ. Ее нельзя знать и не полюбить. Какая душа! — При послѣднихъ словахъ, Эдита подо звала носильщика и указала ему на чемоданъ пріѣзжихъ дѣвушекъ: тотъ взвалилъ его на плечи и пошелъ въ сопровожденіи барышень, извилистымъ переулкомъ, до выхода изъ Фрешъ-Варфа, за которымъ начинался городъ. Тамъ стояло нѣсколько фіакровъ; на одинъ изъ нихъ положили чемоданъ.

— Нравится вамъ Лондонъ?—пресерьезно спросила Эдита сестерь.

Вопросъ этотъ, предложенный на маленькой грязной площадкѣ, подъ сѣрымъ непривѣтливымъ небомъ, былъ до того комиченъ, что сестры не могли удержаться отъ улыбки. Лея сказала:

— Въѣздъ по Темзѣ очень живописень.

— О,—возразила Эдита, немного смущенная откровенной улыбкой французенокъ:—я вѣдь не обращаю вниманія на красоту улицъ или домовъ. Я люблю Лондонъ, потому что тутъ множество мастерскихъ, людей, живущихъ физическимъ трудомъ, зарабатывающихъ руками да горбомъ свой насущный хлѣбъ, какъ вьючныя животныя, изнемогающихъ подъ тяжестями, черныхъ отъ фабричной копоти, дыма и угля, и все таки содер-жащихъ хоть впроголодь свои семьи. Вы сами увидите, сами узнаете... Будете окружены здѣсь нищими и убогими подобно Христу...

Лея и Фредерика переглянулись, изумленные проповѣдническимъ тономъ новой знакомой. Ни Ромена Пирницъ, посланницами которой онѣ являлись, ни другія женщины, отдавшія себя на служеніе альтруизму, не говорили такимъ апостольскимъ тономъ.

— Вотъ вамъ за трудъ,—сказала Эдита носильщику, подавая ему три пенса.—У насъ нѣтъ ни серебра, ни золота, какъ у учениковъ Спасителя. Но что есть, тѣмъ дѣлимся. Когда найдете свободную минутку и не слишкомъ будете утомлены, заходите на наше собраніе, въ институтъ рабочихъ, Вальворсъ-Родъ, 17. Найдете чѣмъ прохладиться и развлечься безъ грѣха. Вотъ программа...

Носильщикъ не засмѣялся и ничего не сказалъ, но взялъ афишку, сложилъ ее и опустилъ въ карманъ своей блузы; затѣмъ, тяжело ступая, удалился.

— Вы знаете этого человѣка?—спросила Фредерика.

— Въ первый разъ вижу его,—былъ отвѣтъ:—но доброе сѣмя надо сѣять вездѣ. Иное упадетъ на камни, иное—на дорогу; то, что упадетъ въ землю, принесетъ плодъ сторицею. Однако, мы, кажется, готовы, не такъ ли?

Голубые глаза серьезно и внимательно осмотрѣли привязанный чемоданъ и ручной багажъ путешественницъ.

— Все въ порядкѣ. Садитесь.

Она сказала кучеру какой-то адресъ въ Пикадилли и сѣла противъ сестеръ; фіакръ тронулся. Длинная улица тянулась параллельно Темзѣ, соединяя Меншень-Гоузъ съ Трафальгаръ-скверомъ; но прїѣзжія дѣвушки мало что могли различить, такъ какъ стемнѣло очень быстро и фонари уже зажглись. Имъ казалось, что онѣ ѣдутъ по Монмартрской улицѣ съ высокими, черными домами, что omnibusовъ больше, чѣмъ фіакровъ; проворные hansom-кабы сновали взадъ и впередъ. Вывѣски поражали необычайными размѣрами, яркостью и безвкусицей. Видъ кирпичныхъ домовъ, пропитанныхъ сажей, съ однообразными четырехугольниками подъемныхъ оконъ, не имѣлъ ничего общаго съ парижскими постройками, скромными или роскошными. Какого рода существа обитали за этими окнами? Чужестранное жилище, которое видишь въ первый разъ, полно таинственной загадочности, словно оно силится сохранить секретъ національнаго духа отъ любопытныхъ взглядовъ прохожаго. Между тѣмъ, Эдита, спокойнымъ голосомъ проповѣдницы, объясняла собесѣдницамъ, какое выбрано для нихъ помѣщеніе.

— Согласно инструкціямъ изъ Парижа, отъ сестры моей Дэзи, я искала для васъ комнату въ центрѣ Лондона. Но долго не находила ничего комфортабельнаго, не слишкомъ... expensive... когда madame Занцъ... вы знаете, директриса превосходнаго Free-College въ Кенсингтонъ-Родѣ?

— Знаемъ отъ Пирницъ...—сказала Фредерика.

— Ну, такъ вотъ madame Занцъ указала мнѣ большую хорошую комнату у порядочныхъ людей, гдѣ живутъ также ея знакомые, братъ съ сестрой,—финляндцы. Я посмотрѣла и наняла комнату на недѣлю. Если вамъ понравится, наймете помѣсячно. Полагаю, что и сосѣди придутся вамъ по вкусу: братъ—живописецъ, портретистъ и жанристъ; сестра—писательница, романистка. Очень порядочные люди... Разумѣется, если захотите, вамъ будутъ давать и обѣды.

Лея, дѣвушка съ воображеніемъ, сейчасъ представила себѣ двухъ старыхъ холостяковъ,—педантичныхъ отжившихъ чудакъ.

— Очень любезно съ вашей стороны взять на себя столько хлопотъ!—проговорила Фредерика.

— Которая изъ васъ,—спросила Эдита,—хочетъ работать у «Клариссъ и сыновья»?

— Я,—заявила Лея.

— Я тоже служу у них,—замѣтила Эдита,—но я не рисовальщица, у меня нѣтъ никакихъ къ этому способностей... Я надсмотрщица за гласировщиками. У васъ есть артистическій вкусъ,—по словамъ madame Занцъ,—и вамъ навѣрно понравятся эти мастерскія. Кажется, у васъ въ Парижѣ нѣтъ специальныхъ производствъ мебельныхъ матерій и обоевъ.

Всѣ эти объясненія говорились безразличнымъ тономъ, подавлявшимъ всякое желаніе выразить горячую благодарность или восторженную симпатію.

Между тѣмъ, кэбъ въѣхалъ на площадь, ярко освѣщенную электрическими шарами и газовыми рожками.

— Гдѣ мы?—освѣдомилась Фредерика.

— Въ Picadilly-Circus,—пояснила Эдита:—вонъ та кривая улица—Редженъ-Стритъ; напротивъ дорога въ Лейстеръ-сквэръ, французскій кварталъ: о, дурной, гадкій кварталъ!.. Но мы приближаемся къ цѣли.

Дѣйствительно, кэбъ обогнулъ церковь Сентъ-Джемса, проѣхалъ Джерминъ-Стритъ, повернулъ налѣво и остановился. Три барышни вышли; Фредерика и Лея жадно осматривались кругомъ... Улица Эиль-Три-Ярдъ въ сущности была глухимъ переулкомъ, съ узкими свѣтло-желтыми домами; № 3-ій имѣлъ два этажа, не считая самаго нижняго и окна безъ ставней, но съ маркизами изъ суроваго холста; напротивъ возвышалось строеніе, окруженное лѣсами и досчатыми коридорами.

Хозяйка мебелированнаго дома, худенькая особа въ черномъ чепцѣ, приняла путешественницъ строго-вѣжливо, но безъ радушія, и провела ихъ черезъ коридоръ въ предназначенную для нихъ комнату, просторную и съ порядочной обстановкой: двѣ желѣзныя кровати рядышкомъ, большой шкафъ краснаго дерева, кожаныя кресла, туалетъ, письменный столъ съ чернильницей. По обѣимъ сторонамъ камина горѣли газовые рожки.

— Удобно вамъ будетъ?—спросила Эдита Фредерику, въ то время какъ вносили ихъ вещи.

— Разумѣется,—воскликнула Лея.—Ахъ, тутъ нѣтъ оконъ!..

— Нѣтъ; потому и цѣна комнаты дешевая. Но,—Эдита указала на потолокъ, въ которомъ былъ четырехъугольный просвѣтъ,—сверху вы будете имѣть и притокъ свѣжаго воздуха, и освѣщеніе; даже ночью можете оставлять раму открытой.

Дверь была затворена; молодыя дѣвушки остались втроемъ Эдита продолжала:

— Если хотите, умойтесь и переоодѣньтесь, а затѣмъ сейчасъ же пойдѣте со мной въ Free-College. Не слишкомъ ли вы устали? Madame Занцъ желаетъ видѣть васъ сегодня же. У нея... лекція... чтеніе... (у васъ это называется во Франціи конференціей?) потомъ чай... Мы явимся къ чаю. Обойдетесь ли до тѣхъ поръ безъ ужина?

Француженки успокоили заботливую покровительницу, сказавъ, что онѣ вовсе не голодны, основательно закусивъ на пароходѣ передъ Лондономъ. Тщедушная сектантка усѣлась передъ письменнымъ столомъ и раскрыла библію, взятую съ каминна, а француженки принялись смывать съ себя дорожную пыль и копоть; затѣмъ вынули изъ чемодана два полутраурныхъ платья. Эдита, поглощенная чтеніемъ, не шевелилась и только тогда обернулась, когда услышала: «Мы готовы, mademoiselle!» Добрая дѣвушка внимательно осмотрѣла обѣихъ сестеръ и сокрушенно покачала головой.

— Что нибудь не нравится вамъ въ нашихъ костюмахъ?— спросила Лея.

— Нѣтъ, не то... Но вы обѣ слишкомъ хорошенькія и наряды вамъ такъ къ лицу. Тяжелъ тернистый путь Христовъ для такихъ, какъ вы... Жаль мнѣ васъ!..

Фредерика и Лея, возбужденныя путешествіемъ и новизной впечатлѣній, радостно шли по лондонскимъ улицамъ, въ сопровожденіи Эдиты. Эплъ-Три-Ярдъ, Джерминъ-Стритъ и Джонъ-Стритъ похожи были на унылыя, плохо освѣщенныя, улицы провинціального города: зато Picadilly-Circus горѣлъ огнями и недостатка въ движеніи тамъ не было. Здѣсь онѣ, всѣ три, сѣли въ омнибусъ и поѣхали въ Кенсингтонъ. Было уже безъ четверти восемь. По дорогѣ Эдита указывала имъ на предметы и зданія, рассмотреть которые не было возможности; но онѣ деликатно кивали головами, въ знакъ того, что видѣли и поняли.

— Гринъ-Паркъ... Гайдъ-Паркъ... А вотъ направо французское посольство.

На углу Элленъ-Стритъ онѣ въспомнили и въспомогли четверть мили до Free-College. Зданіе училища построено было изъ краснаго кирпича съ бѣлыми колоннами, въ обыкно-

венномъ англійскомъ стилѣ. Такъ какъ оно было новое, то не успѣло еще закоптѣть и производило пріятное впечатлѣніе чистоты и свѣжести. Фредерика, Лея и Эдита вошли въ подъѣздъ, а затѣмъ въ переднюю, гдѣ вѣшалки совсѣмъ исчезли подъ огромнымъ количествомъ верхняго платья и шляпъ; потомъ прошли пріемную, превращенную на этотъ день въ буфетъ, и достигли громадной залы въ два свѣта со сводами и расписными готическими окнами въ одномъ концѣ, какъ бываетъ у часовень. Здѣсь, въ данную минуту, кончалась конференція.

— Это, собственно говоря, столовая училища, — тихо пояснила Эдита своимъ спутницамъ, — здѣсь же происходятъ обыкновенныя чтенія: столы сдвигаются для эстрады, а скамейки — для аудиторіи. — Нарядная дама, — по наружности и акценту американка, — сидѣла за столомъ и кончала лекцію. Три молодые дѣвушки пріостановились и вслушались.

— Резюмирую! — говорила ораторша: — допустимъ, что между умственными способностями мужчины и женщины есть существенная разница. Но этотъ аргументъ вовсе не говоритъ въ пользу сепаративнаго воспитанія. Наоборотъ: совмѣстное обученіе обоихъ половъ напрашивается еще настойчивѣе, потому что чѣмъ болѣе различія между ними, тѣмъ настоятельнѣе потребность развиваться вмѣстѣ, взаимно совершенствоваться, вырабатывать и пріобрѣтать качества, которыя заглухнутъ при системѣ изолированія половъ... Если же, — какъ я склонна думать, — между умственными способностями мужчины и женщины нѣтъ существенной разницы...

— Это лекція на тему о совмѣстномъ воспитаніи мальчиковъ и дѣвочекъ, — шепнула Эдита своимъ спутницамъ, — какъ оно практикуется въ Америкѣ во многихъ заведеніяхъ, даже на высшихъ курсахъ, на примѣръ въ Клох-College. Читаетъ лекцію миссъ Ада Смитъ, начальница Brixton-College, — извѣстнаго университета, гдѣ молодые люди обоихъ половъ вмѣстѣ слушаютъ курсы, вмѣстѣ обѣдаютъ и развлекаются также вмѣстѣ. Въ настоящее время, миссъ Ада Смитъ предприняла цѣлый рядъ лекцій въ городахъ Великобританіи. — Громъ аплодисментовъ перебилъ Эдиту. Энергичная, молодая проповѣдница совмѣстнаго образованія сошла съ эстрады, окончивъ изложеніе своихъ теорій.

— Но,—спросила Фредерика,—вѣдь Free College предназначень исключительно для дѣвушекъ?

— Да! Madame Занцъ — противница совмѣстнаго воспитанія. Но ея основной принципъ: свободное изложеніе всякихъ мнѣній, лишь бы они не выходили за предѣлы порядочности. Я сама,—хотя мои мнѣнія не сходятся съ мнѣніями madame Занцъ и Ромены Пирницъ,—я излагала въ этой залѣ мои взгляды на подготовленіе къ замужству. Завтра ученицы будутъ истолковывать сегодняшнюю лекцію и продолжать учиться; онѣ выдержатъ экзамены и затѣмъ уже въ состояніи будутъ здраво обсудить вопросъ и оцѣнить преимущества изолированнаго воспитанія, подъ наблюденіемъ исключительно женщинъ и съ ихъ же преподаваніемъ.

Между тѣмъ, ораторша горячо пожимала руки столпившимся вокругъ нея слушательницамъ, расцѣловалась съ полной бѣлокурой дамой, — madame Занцъ, — и вышла въ боковую дверь. Присутствующія отхлынули въ одну сторону огромной залы.

— Но я не вижу ученицъ...—сказала Лея.

— Какъ же, да вотъ онѣ вездѣ, между родителями и друзьями школы... Взгляните, вонъ одна въ бѣломъ кисейномъ платьѣ... Вотъ другая—въ голубомъ... Все это воспитанницы.

— Формы у нихъ нѣтъ?

— Внѣ классовъ, каждая можетъ одѣваться по своему усмотрѣнію. Даже въ будни, большинство изъ нихъ переодѣвается къ обѣду. Онѣ любятъ—увы —наряжаться.

Фредерика и Лея не одобряли этого. Сами изъ небогатой среды, знакомыя если не съ бѣдностью, то съ нуждой, онѣ находили готическую залу съ монументальнымъ каминомъ слишкомъ роскошной для столовой училища; розовые, голубые и бѣлые туалеты воспитанницъ,—нѣкоторые съ вырѣзными корсажами и цвѣтами въ прическахъ,—казались имъ неумѣстными и неподходящими; суровая дисциплина проповѣдницы, которую онѣ обѣ чтили, какъ непреложный авторитетъ, приучила сестеръ пренебрегать всѣмъ, чтѣ клонится къ женскому ухищренію съ цѣлю плѣнять мужчинъ. Однако, онѣ замѣтили, что нарядныя воспитанницы Free-College разговариваютъ съ мужчинами безъ всякаго кокетства.

Между тѣмъ, публика двинулась въ пріемную, гдѣ поданъ

былъ чай на маленькихъ столикахъ. Эдита, невозмутимая въ своемъ квакерскомъ нарядѣ, спокойно провела своихъ спутницъ туда же и подошла съ ними къ группѣ гостей, съ которыми разговаривала начальница.

— Madame Занцъ, вотъ барышни изъ Парижа.

— А! — привѣтливо воскликнула та, — какъ я счастлива видѣть васъ! Моя милая Пирницъ такъ горячо рекомендовала мнѣ васъ. Дайте, я васъ разцѣлую...

Она радушно поцѣловала ихъ и подвела къ столику въ углу комнаты.

— Сядемте, поговоримъ, познакомимся.

Одна изъ воспитанницъ, въ бѣломъ платьѣ и вышитомъ передничкѣ, точно субретка изъ комедіи, подошла за приказаніями.

— Мэри, душа моя, — сказала madame Занцъ, — подайте этимъ барышнямъ тартинокъ съ мясомъ къ чаю. Вы, должно быть, голодны, дѣти мои... Любуюсь вами! Какія вы обѣ хорошенькія!.. Я бы узнала васъ по описанію Пирницъ...—и, указывая поочередно на каждую, спросила:—Фредерика?.. Лея?..

— Такъ, такъ!—въ одинъ голосъ отвѣтили сестры, радостно улыбаясь.

— О, я хорошо знакома съ вами заочно! Ромена Пирницъ много говорила мнѣ о васъ въ послѣдній прїездъ свой сюда, когда помогала мнѣ перебираться въ новое помѣщеніе. Правится вамъ наше помѣщеніе?

Лея поглядывала на сестру и не знала, что сказать. Фредерика отвѣчала:

— Училище ваше очень красиво... роскошно... совершенно различно отъ тѣхъ цѣлей, которыми Пирницъ задается въ Парижѣ.

— Понимаю. Вы находите, что у насъ отведено слишкомъ много мѣста комфорту и внѣшности. О, ни Пирницъ, ни я— не стоимъ за это... Нашъ идеаль школы не таковъ. Но, знаете, обстоятельства, обычаи страны заставляютъ примѣняться къ нимъ, поступаться нашими воззрѣніями. Въ Венгріи, гдѣ мы съ Пирницъ родились, намъ удавалось устраивать школы въ иномъ духѣ, на скромныхъ началахъ, со строгой дисциплиной, монастырской простотой обстановки, и съ такой же широкой программой обученія. Но въ Лондонѣ и въ Америкѣ любятъ

обставлять школьное дѣло со всевозможной роскошью. Прибавлю къ этому, что Free College — высшее заведеніе, High School, предназначенное для богатыхъ дѣвушекъ, — тогда какъ Пирницъ мечтаетъ создать въ Парижѣ профессиональную школу специально для дѣвушекъ, которымъ предстоитъ зарабатывать свой кусокъ хлѣба. Учрежденіе нашего Free College было бы преждевременнымъ въ Парижѣ. Затѣмъ, у васъ, прежде всего надо покорить народъ; здѣсь же, главная задача — привлечь на свою сторону высшій классъ общества.

Мало-по-малу комната, гдѣ пили чай, начинала пустѣть; большинство приглашенныхъ разъѣхалось. Дежурныя воспитанницы убирала посуду, гремя чашками и ложками, снимали скатерти, приводили все въ порядокъ.

Ада Смитъ, въ элегантной нарядкѣ на худенькихъ плечахъ, влетѣла какъ вихрь и, крѣпко пожавъ руки представленнымъ ей француженкамъ, усѣлась рядомъ съ madame Занцъ. Проповѣдница совѣстнаго воспитанія была молодая особа съ оживленнымъ, неправильнымъ личикомъ, со свѣтло-блѣлыми мелкими кудряшками и съ большимъ количествомъ дорогихъ бездѣлушекъ. Говорила она скоро, авторитетно.

— Какъ вы были интересны, дорогая Ада! — сказала ей madame Занцъ спокойнымъ голосомъ: — еслибъ я хоть немного сочувствовала вашимъ идеямъ, то вы несомнѣнно увлекли бы меня своимъ пылкимъ краснорѣчіемъ.

— Кто эти молодыя дѣвушки? — освѣдомилась Ада, указывая на прислуживавшихъ дежурныхъ воспитанницъ.

— Это наши ученицы; онѣ помогаютъ поочередно по хозяйству.

— Вотъ этого ужъ я, признаться, не выношу! — засмѣялась Ада. — Какъ? вы отнимаете у интеллигентныхъ дѣвицъ часть свободнаго времени, утомляете ихъ бесплоднымъ занятіемъ, которое ни на что не нужно имъ въ послѣдствіи? Развѣ въ этомъ состоитъ роль хозяйки дома? Вы нарушаете первое условіе женскаго воспитанія, которое должно вестись въ одинаковомъ направленіи съ мужскимъ. Вы согласны со мною, mesdemoiselles?

— Мы воспитывались при такихъ обстоятельствахъ, — серьезно замѣтила Фредерика, — что по неволѣ привыкли зачастую сами себя прислуживать. И затѣмъ... откровенно говоря,

я не вижу надобности устанавливать ступеньки для труда, разъ онъ полезенъ. Никакая работа не заслуживаетъ презрѣнія.

— Однако,—возразила американка, искусившаяся въ отвлеченныхъ преніяхъ:—самый благородный трудъ—тотъ, въ которомъ главное участіе принимаетъ умъ, а не тѣло.

— Почему такъ? Не думаю. Сидѣлка, дѣлающая перевязку больному, развѣ занимается менѣе благороднымъ дѣломъ, чѣмъ эгоистъ-литераторъ, сочиняющій сюжеты для романовъ?

Миссъ Смитъ задумалась на минуту.

— Мнѣ нравится ваше возраженіе!—сказала она наконецъ:—умное! Но на практикѣ,—повѣрьте опытности школьной начальницы!—физическая работа напоминаетъ женщинѣ пору ея рабскаго подчиненія и отодвигаетъ ея развитіе назадъ. Хоть на время борьбы, которое мы переживаемъ, лучше будетъ пользоваться услугами наемныхъ горничныхъ, неспособныхъ еще стать по уму на одинаковый уровень съ нами. Я вѣдь не придерживаюсь тѣхъ крайнихъ взглядовъ, встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ американскихъ школахъ, гдѣ, подъ предлогомъ равенства половъ, мальчиковъ учатъ женскимъ рукодѣльямъ и домашнему хозяйству наравнѣ съ дѣвочками.

Съ этими словами энергичная блондинка встала, пожала всѣмъ руки и также стремительно ушла, какъ и пришла. Ее ждалъ какой-то господинъ въ черной шубѣ и взялъ подъ руку.

— Удивительная страна, Америка!—воскликнула madame Занцъ:—сколько инициативы, дѣятельности, неутомимой пропаганды,—даже ради маловажныхъ идей! Но поговоримъ лучше о васъ, — обратилась она къ французенкамъ, — повидимому, дорога не слишкомъ утомила васъ? Тѣмъ не менѣе, не лучше ли вамъ завтра отдохнуть?

— Ахъ, мы готовы приняться за дѣло хоть сейчасъ же!—сказала Лея.—Не правда ли, Фэди?

— Какъ хотите. Фредерика, явитесь завтра сюда къ первому завтраку, къ девяти часамъ; вы будете моей помощницей. Работы у меня по горло; здѣсь все надо пересоздать. Вы можете мнѣ и усвоите себѣ всѣ приемы административной дѣятельности.

— А Лея?—спросила Фредерика.

— Вѣдь рѣшено уже, что она будетъ обучаться въ мастерскихъ «Клариссъ и сыновья». Эдита Крагсъ направитъ ее.

— Но...—вмѣшалась Лея,—знають ли у Кларисса, что я давно кончила курсъ ученья?...

— Во всякомъ случаѣ, найдется поучиться и чему нибудь новому. Предоставьте себя въ ихъ распоряженіе. Клариссы такъ практичны, что съумѣютъ распознать ваши способности и утилизировать ихъ въ тотъ же день, если возможно. Обѣдать вы будете съ Эдитой... Никакъ вы плачете?

Дѣйствительно, глаза Леи наполнились слезами; но она постаралась оправиться.

— Извините ее, — сказала взволнованно Фредерика: — съ самаго ранняго дѣтства мы съ сестрой почти не разлучались... Проводить цѣлые дни врозь будетъ для насъ тяжелымъ испытаніемъ... Дорогая моя!—обратилась она къ младшей сестрѣ и взяла ее за руку.

— Наступило для васъ начало жизни, дитя мое,—произнесла madame Занцъ, лаская огорченную дѣвушку,—и я прошла черезъ подобное испытаніе, когда мнѣ пришлось расстаться съ Роменой Пирницъ.

Прошла минута молчанія. Эдита, давно уже не подававшая голоса, проговорила:

— Господь сказалъ: «Кого пошлю Я, и кто пойдетъ за насъ»? И я отвѣчу: «я здѣсь, Господь, пошли меня»!

— Не скрою отъ васъ,—продолжала madame Занцъ,—дѣло, предпринятое въ Парижѣ, скорѣе принесетъ желанныя плоды и порадуетъ васъ, чѣмъ здѣшнее... Вліяніе на меньшую братію, которую вы учите зарабатывать хлѣбъ, пріобрѣтается легче, нежели на нашихъ воспитанницъ,—по большей части богатыхъ и обеспеченныхъ... Мы здѣсь сталкиваемся съ практическимъ направленіемъ ума англичанокъ и отсутствіемъ воображенія, чтò составляетъ ужасную преграду для проповѣдницъ и піонерокъ... «Новая женщина», воспѣтая Тенисономъ, «будущая Ева», какъ говоритъ Пирницъ, до сихъ поръ не поддается культурѣ на здѣшней почвѣ... Она возбуждаетъ насмѣшки толпы и ученыхъ. Она не въ модѣ въ Лондонѣ...

Madame Занцъ умолкла. Становилось поздно. Электрическіе шары въ столовой погасли; оттуда выглядывала жуткая тьма...

— Поздно, дѣти мои! — сказала начальница, — пора вамъ ложиться спать. Завтра, какъ усердныя работницы, встаньте пораньше и принимайтесь за дѣло.

Эдита вызвалась проводить француженокъ до дому. Когда онѣ повернули въ глухой переулокъ Эплъ-Три-Ярда, впереди нихъ очутилась маленькая женская фигурка съ молодыми оживленными движеніями, идущая по тому же направленію. Она остановилась у того же дома.

— Эдита, это вы?

— Тинка!

— Привели новыхъ сосѣдокъ?

— Да. Мы всѣ три были во Free College.

Та, которую звали Тинкой, вошла первая въ сѣни и зажгла газовый рожокъ. Тогда Фредерика и Лея могли разглядѣть миньютюрную женщину съ потѣшной кукольной головкой; бѣлое розовое личико оживлялось парой зеленоватыхъ глазъ; головка была острижена и золотистыя кудряшки вились, какъ у мальчика; высокій брововый воротникъ былъ поднятъ выше ушей; ни дать, ни взять шестнадцатилѣтній шалунъ, переряженный въ женское платье.

— О, mesdemoiselles,—заговорила она на чистомъ французскомъ языкѣ,—я такъ рада, что мы будемъ сосѣдями! Къ сожалѣнію, ваша комната не привлекательна, особенно днемъ. Но madame Занцъ сказала, что вы будете заняты съ утра до вечера. У насъ съ братомъ павильонъ наверху,—просторный, удобный,—пользуйтесь имъ сколько угодно! Хотите сейчасъ зайти къ намъ? Пойдемте!

— Не поздно ли?—возразила Эдита.

— Только одиннадцать часовъ. Мы съ Георгомъ никогда не ложимся раньше двѣнадцати. Пойдемте къ намъ, Эдита. Или ужь вамъ такъ хочется спать?

— Нѣтъ,—вздохнула Эдита,—я не могу спать больше трехъ часовъ.—И жалкое угреватое лицо ея, со страдальческой складкой на лбу, печально улыбнулось.

На всю жизнь запечатлѣлась въ памяти Фредерики и Леи мастерская живописца, когда онѣ увидали ее въ первый разъ: просторная, съ убогой обстановкой, комната, темная кретоновая обивка на мебели, оранжевые обои, дешевыя бездѣлушки на разныхъ доморощенныхъ полочкахъ и самъ хозяинъ,—молодой блондинъ съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, зеленоватыми глазами, какъ у Тинки, и золотистыми усами. Онъ похожъ былъ на изображенія бога-воина сѣверныхъ легендъ; только утомленный

видъ заставлялъ предполагать, что этотъ воинъ страдаетъ отъ тайной раны.

Онъ всталъ со стула, поднялъ Тинку, какъ маленькаго ребенка, и поцѣловалъ въ обѣ щочки.

— Георгъ,—укоряла его сестра,—Георгъ! Ты съ ума сошелъ. Что подумаютъ объ насъ новыя сосѣдки? Вонъ онѣ, взгляни на нихъ!—прибавила она, когда онъ поставилъ ее на полъ,—видишь, какія хорошенькія. Какая прелесть, такія милыя личики въ домѣ!

Фредерика и Лея улыбнулись, немного смущенныя восклицаніями Тинки и обзоромъ Георга Ортсена, который спокойно заявилъ:

— О, да, онѣ обѣ прекрасны.

— Прекрасна одна Фредерика!—съ убѣжденіемъ поправила его Лея.

Художникъ еще разъ внимательно осмотрѣлъ ихъ.

— Можетъ быть, Фредерика и лучше... — согласился онъ просто.

— Monsieur Ортсенъ—живописецъ,—сказала Эдита, чтобы оправдать странность затѣяннаго разговора.

Тинка, юркая и веселая, прыгала по комнатѣ, какъ воробей, показывая всякую вещь, объясняя, что бываетъ видно днемъ изъ окна, съ радушіемъ милой и доброй хозяйки. Наконецъ, она отворила дверь въ слѣдующую комнату и удивилась, что она темна

— Тамъ мастерская брата,—сказала она,—я зажгу газъ.

Эдита тронула ее за плечо.

— Тинка... Барышнямъ пора спать... онѣ съ дороги... а завтра принимаются за службу.

— Море утомило насъ немножко... — подтвердила Фредерика, встревоженная блѣдностью Леи,—благодаримъ васъ за радушный приемъ... Позвольте намъ теперь уйти къ себѣ...

— Ахъ, вы устали, бѣдненькія. Я и забыла, что вы цѣлый день провели въ дорогѣ. Простите меня,—засуетилась Тинка: — скорѣе идите спать. Но завтра вечеромъ—рѣшено—вы ужинаете съ нами... Я отлично стряпаю... не по англійски... Послѣ ужина займемся музыкой... Вы поете?

— У Леи пріятный голосокъ,—отвѣчала Фредерика.

Тинка и Георгъ пожали руки французенкамъ и Эдитѣ, которыя и ушли въ нижній этажъ.

— Добрая Эдита!—задушевно сказала Фредерика, прощаясь съ методисткой,—съ какимъ участіемъ возились вы съ нами цѣлый вечеръ; спасибо вамъ.

— Завтра я зайду за Леей и проведу ее въ мастерскую. Мнѣ это ничего не стоитъ. Вѣдь я все равно страдаю безсонницей.

Лея успѣла уже распустить свои золотистые волосы, которые мягкими волнами окутали ее плечи.

— Это и есть тѣ сосѣди, о которыхъ вы намъ говорили?—удержала Фредерика уходившую Эдиту. Сама она поспѣшно вынимала изъ чемодана предметы первой необходимости и раскладывала ихъ на комодѣ.

— Да. Георгъ—живописецъ. У себя онъ мало работаетъ, ссылаясь на плохой свѣтъ мастерской. Онъ содержитъ себя и сестру преимущественно уроками рисованія: у него пять учениковъ, по рекомендаціи madame Занцъ. У нея же много знакомыхъ богачей въ средѣ воспитанницъ Free College и послѣдовательницъ ея идей.

— А Тинка?

— Она—писательница, романистка.

— Какъ? Эта розовая куколка двадцати лѣтъ!?

— Ей подъ тридцать. Она написала чудную вещь: «Вторая дочь», прославившую ее имя на всемъ сѣверѣ. Скоро выйдетъ переводъ на нѣмецкій и англійскій языки... Кромѣ того, она замужняя, мать двоихъ дѣтей.

— Дѣти при ней?

— Нѣтъ. Тинка оставила мужа и дочерей въ Лармсоэ, въ Финляндіи. Тамъ былъ вопросъ совѣсти. Тинка—вполнѣ порядочная личность... Завтра расскажу вамъ подробности. А теперь ложитесь спать.

Француженки остались однѣ, но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ въ дверь снова постучались.

— Это я!—послышался голосъ Тинки:—можно войти на секунду?

— Пожалуйста, мы еще не легли!—пригласила Фредерика.

— Я хочу показать вамъ эскизъ брата, который онъ сейчасъ наскоро набросалъ. Удивительное сходство! Посмотрите...

То былъ портретъ обѣихъ сестеръ, сдѣланный карандашемъ на клочкѣ бумаги; вѣрность позъ и фізіономій была такъ по-

разительна, а выраженіе такъ поэтично и идеально, что Лея, чуткая артистка, невольно воскликнула:

— О, вашъ братъ—великій художникъ!

— Не правда ли?—радостно подхватила маленькая романистка:—и какъ простъ, какъ добръ! Какая идеальная душа и неподкупная совѣсть!..

Съ твердымъ убѣжденіемъ и серьезностью восхваляла она брата и задумалась на мгновение. Затѣмъ, вдругъ, ея свѣтлые дѣтскіе глазки оживились.

— Ахъ, какая вы хорошенькая, mademoiselle Лея, съ распущенными волосами... Я хочу показать васъ въ такомъ видѣ Георгу... Позвольте? Я позову его...

Она ужъ неслась по лѣстницѣ и, минутою спустя, тащила брата. Лея, красная, сконфуженная, закрыла лицо волосами, изображая вѣрную модель стыдливости.

Строгая Фредерика была нѣсколько шокирована. Но Тинка съ радостнымъ возбужденіемъ болтала:

— Георгъ, развѣ она не олицетвореніе «будущей Евы», о которой говоритъ Эрминія Занцъ?

— Скорѣ Анна нашихъ легендъ! — задумчиво возразилъ художникъ.

Неудовольствіе Фредерики не могло устоять передъ наивною простотою брата и сестры Ортсенъ: конечно, это совершенно примитивные люди, къ которымъ не привились формы условныхъ приличій культурнаго общества...

— Теперь спите спокойно, милыя мои,—сказала Тинка и съ восторженностью ребенка расцѣловала обѣихъ француженокъ.

— До свиданія! — сказалъ и Георгъ, съ такой чистосердечной ясностью глядя то на ту, то на другую, что Фредерика упрекнула себя въ минутномъ неудовольствіи на новыхъ знакомыхъ.

Сестры придвинули свои кровати рядомъ и уснули рука въ руку. На улицѣ было тихо; рѣдко проѣзжалъ hansom на резиновыхъ шинахъ, и подковы лошади мѣрно и глухо стучали по деревянной мостовой.

Первая ночь на чужбинѣ казалась дѣвушкамъ продолженіемъ путешествія на пароходѣ: онѣ ощущали покачиваніе какъ бы на морскихъ волнахъ; имъ представлялись виды Грин-

вича, Тоуэръ Бриджа; затѣмъ Пикадилли, Free College, и худенкая фигурка Эдиты чередовались съ образами красиваго сѣвернаго художника съ ясными, мечтательными глазами, и его крошечной рыженькой сестрѣнки. Вѣроятно, благодаря соединеннымъ рукамъ сестеръ, и грѣзы ихъ были одинаковы. Мало-по-малу онѣ заснули крѣпкимъ, молодымъ сномъ, и обѣ видѣли въ эфирѣ сновидѣній страдальческое, блѣдное и полное значенія лицо Ромены Пирницъ, которая одобрительно улыбалась имъ...

II.

Въ 1873 году, въ Парижѣ, въ улицѣ de le Sourdière, жилъ нѣкій профессоръ гимназическаго курса Легэ. Онъ давалъ уроки и приготовлялъ къ экзаменамъ,—какъ гласила надпись на черной доскѣ подъ воротами, среди другихъ дощечекъ съ объявленіями отъ парикмахера Максима и модистки Каролины Гузи. Напротивъ, на другой стѣнѣ, двѣ скрещенныя рапиры, съ указательнымъ пальцемъ внизу, приглашали желающихъ упражняться въ фехтованіи—пуститься по коридору и достигнуть залы профессора Пижори во дворѣ, въ нижнемъ этажѣ.

Домъ этотъ существуетъ и понынѣ; только жильцы другіе. Въ этомъ кварталѣ мало произошло измѣненій; уцѣлѣлъ здѣсь типъ стараго Парижа, временъ революціи и первыхъ годовъ консульства. Взгляните на узкій фасадъ въ четыре окна,—безъ ставней, безъ наличниковъ, разныхъ размѣровъ во всѣхъ трехъ этажахъ; на блѣдно-оранжевую краску, мѣстами облупившуюся; на мансарды подъ острыми, какъ китайскія шляпы, крышками; на оконныя рамы съ мелкимъ переплетомъ, какъ въ старину; на грубую мостовую улицы съ узенькими тротуарами, на самый шрифтъ названія улицы, на углу,—и вы поймете, что въ такомъ же видѣ улица и домъ существовали во времена Дидро или madame Роланъ. Въ 1873 году,—имѣвшемъ важное значеніе въ жизни Легэ,—въ описанномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ, находилась молочная ферма, со входомъ на улицу; во дворѣ—фехтовальная зала Пижори; во второмъ этажѣ упражнялся парикмахеръ Максимъ надъ прическами дамъ, достаточно храбрыхъ, чтобы не убѣжать отъ нечистоты и неряшливости его «залы». Въ третьемъ этажѣ

распѣвали, какъ птички, ученицы модистки Королины Гузи, окруженные облаками тюля, бархатными обрѣзками и перьями, которыя онѣ примѣряли и прикидывали на деревянныхъ болванкахъ. Самый верхній этажъ занималъ профессоръ Легэ; онъ жилъ со своей дочерью Христиной, дѣвушкой девятнадцати лѣтъ. Эрнестъ Легэ рано овдовѣлъ и самъ воспиталъ дочь; онъ былъ характера угрюмаго, робкаго и застѣнчиваго, и заботы его о дѣвушкѣ были хотя и существенныя, но непривѣтливныя, неласковыя. Наружность стараго учителя вполне гармонировала съ его характеромъ: высокаго роста, сухой, какъ скелеть, всегда чисто, но бѣдно одѣтый, со страдальческимъ лицомъ замученнаго Христа,—онъ производилъ на богатыхъ эгоистовъ невыгодное впечатлѣнiе челоуѣка, который вотъ-вотъ начнетъ рассказывать о своихъ неудачахъ и бѣдности и—чего добраго—попросить денегъ. И голосъ-то у него былъ надтреснутый, жалкій, точно онъ сейчасъ плакалъ и съ усиленiемъ удерживаетъ слезы: звукъ этого голоса наводилъ на слушателя унынiе и тревогу. Въ сущности же, въ данное время, для Легэ не было особенныхъ причинъ скорбѣть. Никакая забота не мучила его; честолюбiя онъ не зналъ и почти не имѣлъ надеждъ. Двадцать пять лѣтъ занимался онъ преподаванiемъ да на этомъ и покончить вплоть до могилы. Въ теченiе восьми лѣтъ онъ жилъ съ женой, умной и энергичной женщиной, которая всячески пыталась подбодрить его, вдохнуть въ него смѣлость различныхъ начинанiй и стремленiй; но изъ этого ничего не вышло; онъ съ тупой настойчивостью, хоть и безъ злобы, сопротивлялся женѣ и не двигался съ мѣста, находя, что у всякаго свой удѣлъ и выходить изъ рамокъ, поставленныхъ судьбой — не слѣдуетъ. Смерть подруги, слишкомъ подвижной и энергичной, принесла ему почти облегченiе. Послѣ этого, пока Христина была ребенкомъ, вдовецъ пользовался отраднымъ для него покоемъ стоячей воды. Перенеси его въ лучшiй кварталъ и домъ, дай ему больше дохода, выгодную работу — онъ бы почувствовалъ себя выбитымъ изъ колеи и стѣсненнымъ. Но недолго продолжался блаженный покой. Христина какъ-то незамѣтно и быстро выросла и приводила отца въ недоумѣнiе, почти въ ужасъ, своей веселостью, миловидностью, своимъ подвижнымъ характеромъ. Она вышла въ мать, только съ придачей легкомысленной граци и вѣт-

рности. По мѣрѣ того какъ она стала входить въ роль хозяйки, начались перемѣны въ домѣ: старая кухарка получила расчетъ за воровство; на стѣнахъ появились новые обои, на мебели—свѣженькая обивка... Когда старикъ Легъ, по прочтеніи загробнымъ тономъ нѣсколькихъ лекцій своимъ ученикамъ, возвращался къ себѣ подъ осеннимъ дождемъ или по грязному весеннему снѣгу, весь промокшій и пропитанный табачнымъ дымомъ (онъ имѣлъ обыкновеніе услаждать свои прогулки сигарой)—то находилъ свой очагъ преобразеннымъ, чистенькимъ, свѣтлымъ, разукрашеннымъ, словно гнѣздышко молодой дѣвицы. Сама Христина бросалась ему навстрѣчу, на площадку лѣстницы, брала у него шляпу, накидку (сшитую еще при покойницѣ женѣ) дождевой зонть — всѣ вещи, съ которыхъ ключами сбѣгала вода, образуя лужицы вокругъ хозяина. Затѣмъ его просили пройти на кухню и тамъ расшнуровать ботинки, неузнаваемые подъ слоемъ слякоти; проворные пальчики дочери отнимали у него кожаный кисеть съ табакомъ, который онъ пытался припрятывать за спиной,—и тогда только ему дозволялось войти въ комнаты, чистенькія, прибранныя. Все это продѣлывалось нѣжно, ласково, съ игривыми поцѣлуями въ лысину и въ морщинистыя щоки, пересыпалось шутливыми наименованіями: «дорогой мой папуля... старикашка мой несравненный... единственный любимый»!.. и т. п. Но, не смотря на улыбку, въ которую растягивались скорбныя губы учителя, онъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Онъ самъ себѣ казался неподходящимъ, неумѣстнымъ въ подновленной, нарядной обстановкѣ. Вѣдь его бѣдная, неприглядная фигура нисколько не измѣнилась. Зеркала въ заново позолоченныхъ рамкахъ отражали все ту же скелетообразную, изношенную наружность вѣчнаго мученика и приниженнаго труженика, возбуждающаго участіе сердобольныхъ людей; на свѣже-натертомъ паркетѣ безобразныя ноги въ стоптанныхъ туфляхъ казались не на своемъ мѣстѣ; во время обѣда, вдвоемъ съ хорошенькой Христиной, старикъ вдругъ замѣчалъ мохнатую, жилистую ручищу съ плоскими, черными ногтями, хватавшую графинъ. Рука эта принадлежала ему и поражала его самого своимъ безобразнымъ диссонансомъ... По какому праву ѣрзала она по бѣлой скатерти, прикасалась къ чистенькой посудѣ, лѣзла въ блюдо за кушаньемъ, ря-

домъ съ бѣленькой, изящной ручкой Христины? Увы! Не было возможности обзавестись другими руками, ни даже скрыть ихъ подъ перчатками, какъ онъ дѣлалъ въ воскресенье, отправляясь съ дочерью на прогулку...

Тоже своего рода пытка—эти воскресныя прогулки! То ли бывало прежде, во времена ранняго дѣтства Христины, когда старуха-нянька и дѣвочка, принаряженные по праздничному, мирно шли себѣ впереди, а онъ самъ уныло замыкалъ шествіе, плетясь шагъ за шагомъ мимо закрытыхъ магазиновъ, по Елисейскимъ полямъ, или, словно въ столбнякѣ, глядя на проходящія по Сенъ-пароходики. Кругомъ и навстрѣчу шли десятки такихъ же, какъ онъ, унылыхъ мужчинъ, схожихъ съ факельщиками; Легэ ничѣмъ не выдавался и не отличался отъ нихъ. Теперь не то! Въ одиннадцать часовъ Христина настойчиво вела его въ церковь Сенъ-Филиппа du Roule (модная церковь), затѣмъ до Арки Звѣзды и Булонскимъ лѣсомъ до воротъ Дофинъ. А въ воскресное утро—извѣстно—по этимъ мѣстамъ бываетъ самое людное гулянье, блестящая публика, фру-фру шелковыхъ юбокъ, шикарныя экипажи, непринужденная болтовня фланеровъ. Бррр... Мужчины (англичане, по надменной корректности манеръ и костюма), самоувѣренные сѣдые старцы, молодые женщины и дѣвушки, притворно или искренно оживленные и веселыя, занимающіяся безпечнымъ флиртомъ... Среди всего этого блеска, Христина невозмутимо вела своего стараго чудака, и на нихъ смотрѣли, оборачивались, заглядывались. Смотрѣли на Христину, свѣженькую, изящно одѣтую:—она, какъ истая парижанка, была прирожденной модисткой и портнихой!—смотрѣли на Легэ и изумлялись. Онъ понималъ это и думалъ: «На меня глядятъ... дивятся контрасту!.. И зачѣмъ толкусь я тутъ»? Еслибъ ктонибудь изъ блестящихъ дамъ или гордыхъ кавалеровъ, или даже просто изъ важныхъ лакеевъ съ верхнимъ платьемъ господъ на рукѣ,—подошелъ вдругъ къ старому учителю да строго спросилъ бы его: «зачѣмъ вы очутились здѣсь? чтó вамъ тутъ понадобилось»?—онъ, разумѣется, далъ бы тягу со всей быстротой своихъ журавлиныхъ ногъ.

Съ такимъ отцомъ да съ глупой прислугой откуда взялись у Христины такой вкусъ, такое пристрастіе къ роскоши и блеску? Виною всему было сосѣдство. Молодая дѣвушка позна-

*

комилась съ модисткой Гузи и ея вѣтрыными ученицами; тутъ она посвящена была въ таинство «шляпокъ». Живо усвоила она себѣ всѣ премудрости и стала поражать искусствомъ саму Каролину Гузи, которая даже предлагала Христинѣ бесплатно принять ее въ ученіе. Заказчицы, по большей части, были мелкія купчихи и мѣщанки, но со средствами, любившія наряды и знавшія въ нихъ толкъ: Христина оглядывала ихъ и подмѣчала всякую подробность туалета. И вотъ понравилась ей изящныя тряпки; полюбила она производить впечатлѣніе, останавливать взгляды... Но дурныхъ мыслей у нея не было. Наглые взгляды мужчинъ сердили ее; она желала восхищать кавалеровъ и возбуждать зависть женщинъ. Въ окно видно было, какъ орудуешь парикмахеръ Максимъ надъ головами барышень съ сомнительными манерами: Христина наблюдала; барышни и манеры ей не нравились; но прически она замѣчала и изучала. Фехтовальная зала Пижори пользовалась извѣстностью въ кварталѣ; много молодыхъ людей бывало тамъ ежедневно и Христина нерѣдко посвящала свои досуги наблюденію за тѣмъ, что тамъ дѣлалось. За большими окнами, безъ занавѣсокъ, мужчины въ трико упражнялись на рапирахъ; другіе, только что принявшіе ванну, толпились тутъ же въ лохматыхъ пеньюарахъ и слѣдили за ударами. Христина отличалась спокойнымъ темпераментомъ и не волновалась отъ нездороваго любопытства, подобно ученицамъ m-me Гузи:—она просто отъ бездѣлья интересовалась молодыми людьми, особенно изящными,—«порядочными»,—какъ она любила выражаться. Самый «порядочный» изъ посѣтителей залы привлекъ ея вниманіе. Юныя ученицы Каролины Гузи знали ихъ всѣхъ... «Вотъ этотъ—Жюль Ренаръ, получившій первый призъ за фехтованіе въ Grand-Hôtel—тараторили онъ:—а это Доріа; у матери его большой магазинъ бѣлья въ улицѣ l'Échelle... Это»... и такъ далѣе. Христина интересовалась молодыми людьми, — не потому что они мужчины, а потому, что они принадлежали къ легкомысленному и блестящему обществу парижскихъ дармоѣдовъ.

То, что случилось, предназначено было Христинѣ самой судьбой. Парижъ поглощаетъ ежегодно тысячами такихъ хорошенькихъ дѣвушекъ, которыя любятъ роскошь и туалетъ; все знаютъ о веселомъ прожиганіи жизни, читаютъ въ газетахъ

отголоски свѣтскихъ сплетень, анекдоты объ извѣстныхъ кокеткахъ, имена актрисъ и актеровъ. Ея нравственное воспитаніе сводилось къ нулю; отцу ея не нужно было принципъ, душевныхъ устоевъ—у него и пороковъ-то никакихъ не было. Христина наслушалась такихъ разсужденій: женщина—это предметъ роскоши; она достигаетъ счастья, покоя, богатства, благодаря мужчинѣ, который полюбитъ и пожелаетъ ее. Первый элегантный кавалеръ, заговорившій съ ней о любви, сказавшій ей въ изящныхъ и деликатныхъ выраженіяхъ, что она хорошенькая, имѣлъ на своей сторонѣ слишкомъ много шансовъ для успѣха. Чистая въ глубинѣ души, она, однако, пролепетала: «вы женитесь на мнѣ, не правда ли?»—и, получивъ обѣщаніе, совершенно успокоилась.

Въ большихъ столицахъ, Парижѣ, Лондонѣ или Берлинѣ, каждый разъ, какъ совершается такое паденіе—не увеличивается ли невидимая туча лавы и сѣры, грозящая гибелью городу? Бѣдныя простушки, модистки, мѣщаночки, бѣдныя жертвы! Изъ нихъ иногда—одна на тысячу!—выплываетъ котораянибудь и, изумляя Парижъ безумной роскошью и швыряніемъ чужихъ денегъ, бессознательно мститъ за погибшихъ сестеръ... А эти послѣднія, которымъ и счету нѣтъ?

Теперь представимъ себѣ январскій вечеръ 1873 года, въ квартирѣ верхняго этажа, въ вышеописанномъ домѣ улицы de la Sourdière. Зима въ томъ году стояла мягкая и дождливая; переносная печка, отопливавшая всю квартиру, оставлена была въ углу залы. Въ столовой сидятъ Легэ и Христина. Вотъ ужъ мѣсяца три, какъ старикъ-учитель чувствуетъ стѣсненіе въ присутствіи дочери. Еслибы спросили причины, онъ не зналъ бы, что сказать. Чувствуетъ стѣсненіе, неловкость, да и все тутъ. Ему кажется, что онъ лишній въ домѣ, что дочь въ его присутствіи думаетъ о чемъ-то другомъ, но сообщать ему не хочетъ,—и, въ своемъ смиреніи, онъ находитъ это вполнѣ естественнымъ. Однако, жизнь ихъ обоихъ омрачена. Легэ не рѣшается заговорить. Куда ужъ ему! Неравно брякнетъ чтонибудь неподходящее; и такъ ужъ онъ замѣтилъ, что жизнерадостная Христина стала раздражительной и угрюмой. Старикъ употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы слушаться, прячется за огромный листъ «Liberté» и читаетъ, углубляясь въ каждую строчку, какъ умѣютъ читать

только люди, находящіе въ газетѣ единственную отраду и развлеченіе, а не скуку, неизбѣжную для культурнаго чело-вѣка. И вдругъ газета бросается въ сторону: старикъ услы-халъ возлѣ себя подавленное горестное рыданіе. Христина не въ состояніи больше терпѣть—и плачетъ. Учитель окон-чательно теряетъ подъ ногами почву. Боже, какія неловкія попытки утѣшенія пускаетъ онъ въ ходъ, какъ неумѣло вы-казываетъ свое родительское участіе. Беретъ ее за руку: «Ну, ну, Христина, перестань, ну, ну!» лепечетъ онъ заробнымъ голосомъ. Больше словъ онъ не находитъ, а тихонько пожи-маетъ ея пальцы, рискуетъ даже погладить ладонью ея волосы. Но Христина раздраженно отталкиваетъ его.

— Оставь, папа... Сядь. Выслушай меня. Мнѣ надо пого-ворить съ тобой. Только морали не читать и не ворчать, помни... Теперь ужъ не время... поздно.

«Читать мораль, ворчать»? Добрякъ и въ помышленіяхъ не имѣлъ! Въ то время какъ Христина, переставшая плакать, въ отрывистыхъ фразахъ рассказывала свою бѣду, то и дѣло лихорадочно смачивая языкомъ пересыхающія губы,—старикъ самъ сидитъ, какъ виноватый, которому читаютъ строгую но-тацию. Лицо его болѣе чѣмъ когда либо напоминаетъ Спасителя на крестѣ. Черная борода и губы беспорядочно вздрагиваютъ, дыханіе порывисто, хрипло, какъ у задремавшаго больнаго.

— Господи... Боже мой!.. Христина!.. О!.. Христина...—только и находитъ онъ сказать, безъ гнѣва, а словно зывая о помощи.

Христина кончила. Наступило молчаніе. Она злобно смахи-ваетъ непрошенныя слезы.

— Такъ вотъ...—продолжаетъ она:—надо торопиться!..

— Да,—отзывается, какъ эхо, старикъ:—надо торопиться!..

Онъ смотритъ на Христину, стараясь изво всѣхъ силъ сбросить свою всегдашнюю разсѣянность и сосредоточить все свое вниманіе... Какъ могъ онъ не замѣтить? Она такъ слаба, извурена.

— Да, надо торопиться!.. Что же надо дѣлать?

Онъ готовъ все дѣлать, только бы ему указали, не заста-вили бы его самого придумывать.

— Ступай къ отцу... къ его отцу... Тотъ согласится, если ты потребуешь... А самъ онъ—не смѣетъ... боится старика...

— Хорошо. Гдѣ живетъ его отецъ?

— Совсѣмъ близко отсюда. Въ нашемъ кварталѣ Сентъ-Онора... № 33. Monsieur д'Юпсакъ... банкиръ...

— Ахъ, Христина!.. М-г д'Юпсакъ!..

Легэ, обыкновенно туговатый на соображеніе, въ настоящую минуту такъ возбужденъ, что съ ужающей ясностью видитъ величественный фасадъ въ глубинѣ усыпаннаго пескомъ двора, маркизы, роскошный подъѣздъ... И ему, Легэ, предстоитъ войти туда, вызвать въ приемную банкира д'Юпсака и сказать: «вашъ сынъ обязанъ жениться на моей дочери». Все это кажется ему до того неисполнимымъ, сверхъестественнымъ, что онъ еще разъ бормочетъ:

— Ахъ, Христина!..

И Христина разсѣянно смотритъ куда-то и смутно ощущаетъ, что фантазія ея невозможна. Она видала банкира, когда онъ, сѣдой, румяный, нарядный, съ цвѣткомъ въ петличкѣ, садился въ экипажъ, запряженный парой сѣрыхъ рысаконъ... Представляется и ей жалкая фигура Легэ, трепетно входящая въ приемную важнаго туза, и ей дѣлается до того жутко и страшно, что она совершенно падаетъ духомъ и, рыдая, восклицаетъ:

— Папа! Ради Бога... Умоляю тебя!..

Старикъ со страху падаетъ передъ ней на колѣни.. Душа его страдаетъ за дочь. Неловкости и стѣсненія какъ не бывало: несчастье сблизило ихъ. Онъ заключаетъ плачущую Христину въ объятія, и она отвѣчаетъ ему нѣжной лаской, полной благодарности. Она стала такой маленькой, а онъ какъ будто выросъ... Онъ поддержитъ, спасетъ ее...

— Завтра отправлюсь къ м-г д'Юпсаку... — смѣло заявляетъ онъ.

И на другой день онъ отправился. Всю ночь передъ этимъ онъ не спалъ, прискивая въ своемъ бѣдномъ воображеніи, что сказать, и стараясь угадать послѣдствія такой необычайной смѣлости. Время отъ времени, онъ со вздохомъ думалъ: «говорять, что у меня порокъ сердца... Хорошо бы умереть сегодня ночью... и идти бы не пришлось». Затѣмъ возвращалась мысль, что у Христины нѣтъ другаго защитника: было бы трусостью, подлостью уклониться! Утромъ онъ всталъ, выбрился, умылся, приодѣлся, надѣлъ шляпу и пальто поновѣе. Христина показала ему только что полученное ею письмо.

«Дорогая! Отецъ готовъ принять monsieur Легэ сегодня, въ половинѣ перваго. Твой *Анри*».

Легэ, какъ и всегда, пошелъ сперва на уроки: вдальблывалъ ариѳметику тупоумному дѣтищу купца, въ улицѣ Риволи, и латынь—другому ученику. Въ полдень онъ вернулся въ кварталъ Сентъ-Онорэ. Не смотря на всѣ предосторожности, башмаки его были грязны, сюртукъ смятъ; галстухъ, завязанный утромъ Христиной, свернулся на бокъ. Въ ожиданіи назначеннаго часа, старый учитель погулялъ по тротуару и въ задумчивости постоялъ передъ ламповымъ магазиномъ. Дальше, выставленныя на окнѣ дамскія шляпки навели его на мысль о дочери,—припомнилась веселая Христина съ газомъ, тюлемъ и перьями въ ловкихъ пальчикахъ... «Христина! Бѣдная, милая моя дѣвочка»!.. Подобіе гнѣва закопошилось въ его сердцѣ и вызвало румянецъ на увядшія щоки. Онъ взглянулъ на часы: двадцать пять минутъ перваго. Пора. У рѣшетки отеля онъ замѣтилъ, что обронилъ или забылъ гдѣ нибудь свою перчатку, въ паличности у него оказалась только одна. Но до того ли ужъ теперь? Выпрямившись во весь ростъ, съ храбростью отчаянія, онъ нажалъ электрическую пуговку. Швейцаръ, весь въ галунахъ и блестящихъ пуговицахъ на оливковой ливреѣ, отворилъ калитку массивныхъ воротъ и, услыжавъ фамилію посѣтителя, почтительно снялъ фуражку.

— Господинъ д'Юпсакъ ждетъ васъ, сударь. Пожалуйста—те-съ!

Легэ, не ожидавшій такого приѣма, совсѣмъ опѣшилъ и растерялся. Онъ также снялъ шляпу и съ обнаженной головой прошелъ по двору, къ главному подъѣзду... Двойной звонокъ, рѣзкій и повелительный, возвѣстилъ лакеямъ посѣтителя. Мгновенно высыпали на лѣстницу картинные лакеи въ атласныхъ рейтузахъ, въ бѣлыхъ штиблетахъ, и почтительно склонились, принимая отъ старика зонтикъ и верхнюю одежду... А онъ растерянно бормоталъ: «не беспокойтесь, прошу васъ... Не стѣдить, право... Я самъ»!.. Но слуги съ вѣжливыми поклонами настойчиво раздѣли его... Онъ, по разсѣянности, протянулъ было и шляпу. Но ее не взяли, словно не поняли... Тогда онъ покорно пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, усталой восточнымъ ковромъ съ бронзовыми прутьями, вслѣдъ за толстыми икрами въ бѣлыхъ гетрахъ. Отворилась дверь.

— Monsieur Легэ! — возвѣстилъ голосъ. — Ахъ, любезный monsieur Легэ! Милости просимъ.

Нивенькій толстякъ, розовый и сѣдой, поднялся изъ-за письменнаго стола и радушно протянулъ руки посѣтителю. Лѣвая рука Легэ судорожно сжимала шляпу; банкиръ крѣпко ухватилъ и пожалъ правую въ черной уцѣлѣвшей перчаткѣ.

— Сядьте, прошу васъ, уважаемый monsieur Легэ. Я такъ радъ, такъ радъ васъ видѣть!

Легэ сѣлъ. Розовое лицо въ рамкѣ сѣдыхъ волосъ помѣстилось противъ него за столомъ. Пронзительные глаза, подъ густыми, бѣлыми бровями, остановились на лѣвой рукѣ гостя. Старикъ тоже поглядѣлъ на нее и нагота ея показалась ему верхомъ непристойности. Мало того: пальцы ея были перепачканы мѣломъ, переходившимъ на края цилиндра. Учитель окончательно сконфузился.

— Любезный monsieur Легэ, мы поговоримъ по душѣ! — торопливо началъ банкиръ: — я много слышалъ о васъ, вы — честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ... Буду съ вами вполне откровененъ. На насъ съ вами, какъ снѣгъ на голову, свалилась неприятность... Какъ снѣгъ на голову, не правда ли? Дѣти наши пошалили... очень, очень неблагоразумно пошалили... Но что прикажете дѣлать? Молодо, зелено!.. И мы были молоды... Все перемелется — я увѣренъ — при обоюдномъ добромъ желаніи...

Въ началѣ рѣчи опытный наблюдатель могъ бы подмѣтить нѣкоторую тревогу, неувѣренность; но молчаніе и опалѣлый видъ гостя вернули банкиру полное самообладаніе.

— Правъ ли я былъ, любезный monsieur Легэ, разсчитывая, что вы поможете мнѣ устроить это дѣло въ-время, не допуская до огласки, которая повредила бы репутаціи вашей барышни?..

— Но... конечно... monsieur д'Юпсакъ... разумѣется... благодарю васъ...

— Въ такомъ случаѣ, мы все исправимъ.

Банкиръ подошелъ къ телефону и сказалъ въ отверстіе:

— Впустите monsieur Сюрье.

Съ этого момента и вплоть до того, какъ онъ снова очутился у рѣзныхъ воротъ, въ сопровожденіи почтительнаго швейцара въ оливковой ливреѣ съ галунами, — старикъ Легэ пере-

сталъ понимать, что творится вокругъ него. Какъ зритель, явившійся въ театръ въ половинѣ третьяго дѣйствія незнакомой пьесы, онъ слышалъ разговоры дѣйствующихъ лицъ, но причина ихъ разговоровъ и жестикуляцій совершенно ускользала отъ него. Въ кабинетъ банкира вошелъ высокій, плѣшивый молодой человекъ, съ рыжими усами и красивымъ, но увядшимъ лицомъ; фамилія его не была произнесена. Говорили о бракѣ, объ обезпеченномъ положеніи, а кромѣ того о сорока тысячахъ франковъ единовременно. Руку стараго учителя горячо пожималъ хозяинъ дома, а за нимъ и рыжій незнакомецъ. Затѣмъ снова лѣстница съ коврами, дворъ, усыпанный пескомъ, почтительная ливрея съ галунами и улица...

«Что же я скажу Христинѣ?»

Такъ спрашивалъ онъ себя, идя по улицѣ и влѣзая по лѣстницѣ въ верхній этажъ дома... Онъ мучился сознаниемъ, что случилось что-то непоправимое, худшее, чѣмъ беременность Христины, и въ чемъ онъ самъ, ея отецъ, принималъ какое-то участіе, вошелъ съ кѣмъ-то въ заговоръ противъ нея... «Какъ объяснить ей?» Но объяснить ничего не пришлось. Онъ засталъ Христину въ креслѣ, съ красными лихорадочными глазами, устремленными въ одну точку; облокотившись о свои колѣни, она обими кулаками подперла подбородокъ и, когда вошелъ отецъ, головой указала ему на письмо, кинутое на столъ. Легъ прочелъ, не выпуская шляпы изъ лѣвой руки:

«Дорогая! Отецъ мой неумолимъ. Безъ моего вѣдома, меня перевели на службу въ Алжиръ. Когда ты получишь это письмо, я буду уже въ дорогѣ. Не обвиняй меня въ безхарактерности: съ такимъ отцомъ, какъ мой, бороться немислимо. Въ сущности онъ добръ и благоразуменъ. Прежде всего онъ позаботился дать законное имя нашему ребенку, а тебѣ—положеніе. Прости! Сердце мое разбито. Вѣрь, что я также страдаю и что изгнаніе будетъ мнѣ не легко. Въ послѣдній разъ цѣлую тебя.

Анри».

— Дай-ка мнѣ это письмо,—сказала Христина.

Легъ подалъ. Не вставая, она швырнула его въ огонь и, когда оно сгорѣло, подняла глаза на отца.

— Ты согласился?

Послѣ легкаго колебанія, старикъ кивнулъ головой:

— Но я ничего не говорил... Ничего не сумѣлъ сказать...

— А все таки согласился?

Онъ вторично кивнулъ головой.

— Хорошо сдѣлалъ!—произнесла она убитымъ голосомъ.

III.

Въ самыхъ отдаленныхъ воспоминаніяхъ Фредерики домашняя жизнь ихъ протекала довольно мирно; изрѣдка, впрочемъ, налетали бурныя грозы. Она хорошо помнила дѣда, длиннаго, худаго, съ сѣдыми волосами, который обожалъ ее, баловаль какъ могъ и всегда припѣсаль для нея гостинцевъ. Помнила и мать, какою она была въ то время,—хорошенькой, тоненькой, но уже надломленной болѣзнями и заботами. Отчетливо представляла она себѣ и того господина, котораго всѣ въ семьѣ звали «папой». Однако, видѣли его дома рѣдко. Съ его визитами и налетали бури, которыхъ такъ боялся робкій дѣдушка Легэ, опасались Христина, Фредерика и даже прислуга.

Констанъ Сюрье, выбранный банкиромъ въ мужа Христіяна, отличался бѣшеннымъ характеромъ и разстроенными нервами; къ женѣ и тестю онъ относился несправедливо и придирчиво; съ Фредерикой же почти не говорилъ. Въ сущности это былъ не злой человѣкъ; такого сорта мужчинъ въ Парижѣ масса: они привыкли кутить, играть въ карты, проигрывать на скачкахъ, развратничать и, не зная, какъ и откуда добыть денегъ, пускаются на сомнительныя аферы и недобросовѣстныя комбинаціи. Сюрье числился въ составѣ служащихъ въ банкѣ д'Юпсака; но имъ были крайне недовольны, и только бракъ съ Христіной спасъ его отъ отставки. Благодаря полученнымъ сорока тысячамъ франковъ, онъ уплатилъ самые кричащіе долги и затѣялъ новыя аферы, которыя придумывала его извращенная фантазія. Собственно говоря, въ Сюрье все было фальшиво: и честь, и изящество, и умъ, и деликатность. Принявъ предложеніе д'Юпсака и получивъ съ него обѣщанный кушъ, онъ нашелъ возможнымъ и достойнымъ презирать свою жену и ея отца. Христина продолжала жить въ квартирѣ Легэ; мужъ же ея нанялъ себѣ комнату напротивъ и жилъ отдѣльно; тѣмъ не менѣе за нимъ ухаживали, готовили

его любимыя кушанья, угождали ему, когда онъ хворалъ, что случалось довольно часто, такъ какъ онъ былъ чахоточный.

Послѣ женитьбы, онъ продолжалъ числиться въ составѣ служащихъ въ конторѣ д'Юпсака, но къ обязанностямъ своимъ относился небрежно; банкиръ смотрѣлъ на него сквозь пальцы и даже время отъ времени спасалъ его отъ окончательнаго краха новыми ссудами. Дальновидный д'Юпсакъ разсчитывалъ на недолговѣчность Сюрье, видя его излишества и плохое здоровье. Какую роль этотъ господинъ съ рыжими усами игралъ въ жизни матери и дѣда, Фредерика постигла съ семи лѣтъ. Ни у забитаго Легэ, ни у Христины не хватило характера держать въ тайнѣ тяжелый секретъ, а Фредерика была естественной и единственной наперсницей матери... И она узнала, что Сюрье—ей не отецъ. Ей объявили объ этомъ въ минуту гнѣва. Христина и Легэ желали приобрѣсти въ ней союзницу противъ общаго врага, съ которымъ иногда имъ не подъ силу становилось бороться; въ маленькой Фредерикѣ они инстинктомъ чуяли душевную мощь, недостающую имъ обоимъ. Легэ, насколько могъ, ненавидѣлъ зятя. Христина же держала себя относительно мужа странно, неровно; только въ послѣдствіи Фредерика поняла, почему унижаемая и презираемая женщина оставалась въ подчиненіи у мужа; поняла—и возмутилась до глубины души. Вотъ какую сцену увидела разъ дѣвочка. Констанъ Сюрье явился разъ въ пять часовъ утра, въ такомъ видѣ, который всегда предвѣщалъ бурю въ квартирѣ стараго учителя. Онъ провелъ ночь за картами, проигрался, выпилъ лишній стаканъ коньяку (пьяницей, впрочемъ, онъ не былъ) и надорванный организмъ его затрепалъ по всѣмъ швамъ. Въ такомъ состояніи онъ начиналъ всегда придирааться къ женѣ и ко всѣмъ. Фредерика, спавшая въ сосѣдней комнатѣ, услышала не въ первый уже разъ упреки матери. Еслибъ Христина была поумнѣе, то, быть можетъ, смогла бы исправить и спасти мужа, слабago кутилу, но не испорченнаго злодѣя; она же не находила другихъ средствъ, какъ ругать его, обзывать развратникомъ, лѣнтяемъ, воромъ,—что доводило его до полнаго бѣшенства. Такъ было и въ этотъ разъ. До слуха Фредерики долетѣли всѣ обычные эпитеты и возраженія Сюрье: исторія брака изложена была въ рѣзкихъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ. Дѣвочка уже наизусть знала всѣ эти взаимныя руга-

тельства и бранныя слова, послѣ проигрыша въ карты и стакана вина.

— Еслибъ у меня былъ честный семейный очагъ, развѣ я подумалъ бы проводить ночи внѣ дома?.. Я пожертвовалъ собой, чтобы спасти погибшую тварь!..

Случалось, что дѣло доходило до рукопашной... Сюрье самъ былъ слабъ и трусливъ: послѣ такихъ потрясеній, съ нимъ случались обмороки... И въ этотъ разъ послышались удары, борьба, крики, слезы и паденіе Сюрье. Жена раздѣла его, уложила; мало-по-малу прекратились жалобы, стоны—и все утихло. Фредерика уснула и проснулась только утромъ. Когда Сюрье бывалъ въ квартирѣ, на дѣвочку не обращали вниманія. Она потихоньку встала, одѣлась и неслышно вышла въ столовую. Оттуда она тихонько отворила дверь въ спальню матери и окаменѣла на порогѣ...

Сюрье былъ у матери; но ни онъ, ни она не замѣтили заглянувшей дѣвочки. Христина сидѣла на колѣняхъ у мужа и, запрокинувъ голову, подчинялась его пламеннымъ поцѣлуямъ. Дѣвочка была такъ поражена, что простояла нѣсколько секундъ неподвижно; затѣмъ тихонько затворила дверь и удалилась... Впослѣдствіи она поняла, въ какомъ постыдномъ рабствѣ находилась мать ея у Сюрье, и это имѣло вліяніе на весь строй ея внутренняго міра, на ея идеи, принципы и стремленія.

Фредерикъ было восемь лѣтъ, когда Сюрье заболѣлъ и пересталъ выходить; блѣдная, исхудалая фигура водворилась въ квартирѣ Легэ и гроза безсмѣнно носилась въ воздухѣ; хуже всѣхъ чувствовала себя Фредерика: присутствіе Сюрье дѣйствовало на нее, какъ физическая боль. Стѣсненная, подавленная, дѣвочка при немъ ничего не могла ни ѣсть, ни говорить. Здоровье ея пошатнулось. Всего нестерпимѣе для нея было видѣть, какъ мать заботливо ухаживаетъ за раздражительнымъ и неприятнымъ мужемъ. Въ маленькой мыслящей головкѣ Фредерика составился уже планъ бѣжать изъ дома съ дѣдомъ,— и надо полагать, что такъ бы и случилось, еслибъ Сюрье не слегъ внезапно и, проскрипѣвъ три недѣли, не отдалъ Богу душу. Христина осталась послѣ мужа беременной. По смерти Сюрье, Фредерика ожила и расцвѣла. Бурныя облака исчезли съ горизонта; одиноко и быстро развивавшаяся дѣвочка полюбила жизнь, стала любознательной и скоро усвоила все, что

могъ передать ей дѣдъ,—съ мертвыми языками включительно. Шутя изучила она и англійскій языкъ со знакомой сосѣдкой—англичанкой; въ математикѣ же она была такъ сильна, что ставила втупикъ стараго профессора Легэ; съ древними языками обращалась ловко и умѣло, какъ ея мать съ газомъ и бантиками. Вообще это былъ необыкновенный ребенокъ. Она рано научилась давать вѣрную оцѣнку людямъ и фактамъ, всматриваться въ жизнь; видя кругомъ жалкіе примѣры дряблой воли, она возымѣла громадное уваженіе къ силѣ характера, перешедшее у нея съ годами въ культъ; такъ, напримѣръ, съ дѣтскаго возраста она принуждала себя не пренебрегать женскимъ рукодѣльемъ, хотя чувствовала къ этому занятію полную неспособность и даже отвращеніе. На почвѣ развитія силы воли, возникало у нея чувство собственнаго достоинства, непреклонной гордости, — въ противоположность претившей ей приниженности жалкаго дѣда и позорной зависимости матери отъ самца, названнаго ея мужемъ; можетъ быть, всѣ эти чувства во Фредерикѣ были преувеличенны, утрированы, но вполнѣ объяснимы, самобытны, сильны и прочны. Это не мѣшало ей нѣжно любить и жалѣть мать и стараго дѣда, какъ любятъ и жалѣютъ безпомощныхъ, слабыхъ дѣтей; такъ относятся юные креолы къ взрослымъ неграмъ, неспособнымъ на умственный и нравственный ростъ. Даже изъ уроковъ стараго учителя она ухитрялась извлекать то, чего онъ самъ всю жизнь не подозревалъ по своей ограниченности. Христинѣ, родившей такую дочь, и невдомекъ было, о чемъ размышляла, думала, мечтала, на что надѣялась и чего не прощала юная Фредерика. Незамѣтно пріобрѣла она вліяніе въ семьѣ, которому всѣ члены,—и старые, и малые,—неволью подчинялись.

Одинъ фактъ покажетъ силу и направленіе этого вліянія. Леѣ шелъ второй годъ. Съ тѣхъ поръ какъ Фредерика помнила себя, къ Новому году всегда получался конвертъ со вложеніемъ ста франковъ, предназначенныхъ внучкѣ банкира д'Юпсака... И вотъ, десяти лѣтъ отъ роду, увидела она снова таинственный конвертъ; Христина, въ припадкѣ легкомысленной радости, потрясала въ воздухѣ полученнымъ билетомъ; дѣдъ потиралъ руки отъ удовольствія. Рѣзкій вопросъ напрашивался на языкъ маленькой свидѣтельницы этой сцены... Но она удержалась, промолчала и вышла изъ комнаты. Мать и дѣдъ, въ

душѣ побавившіеся Фредерика и чувшіе въ ней власть, переглянулись и спрятали деньги. Цѣлый годъ дѣвочка не возбуждала разговора о новогоднемъ подаркѣ, но каждую ночь думала о немъ, выработывала свой планъ дѣйствій... Въ слѣдующій сочельникъ снова полученъ былъ пресловутый конвертъ. Фредерика протянула руку къ матери:

— Это мнѣ, мама?

— Да, дитя мое!—нѣсколько удивилась Христина.

— Дай же мнѣ, пожалуйста.

Дѣвочка такъ рѣдко просила чегонибудь для себя, всегда выказывая благоразуміе не по лѣтамъ, что мать, не колеблясь ни минуты протянула ей конвертъ съ деньгами. Фредерика удостоверялась, что присланъ билетъ въ сто франковъ.

— Это въ самомъ дѣлѣ для меня?—переспросила она.

Христина, вообще ненаходчивая, пробормотала смущенно:

— Для всѣхъ насъ, дурочка,—для тебя, для меня!.. А ты хочешь истратить деньги одна?..

— Мама, вѣдь это отъ monsieur д'Юпсака? Значить, мнѣ.

Старый Легэ сейчасъ сталъ на сторону Фредерика, какъ сильнѣйшей.

— Тебѣ, тебѣ!—подтвердилъ онъ:—купи себѣ чего хочешь. Только подѣлись немножко съ матерью...

Фредерика съ сосредоточеннымъ видомъ взяла деньги и сказала:

— Слушай, мама; у меня есть накопленныхъ сорокъ франковъ... больше нѣтъ... Возьми ихъ... Все, что я буду откладывать, бери... Но эти сто франковъ позволю мнѣ отослать назадъ monsieur д'Юпсаку.

Возбужденіе дѣвочки было такъ сильно, что она не выдержала и расплакалась. Христина и Легэ, ошеломленные, взволнованные, не знали, что сказать, и опустили глаза. Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія. Наконецъ, старый учитель кашлянулъ. Фредерика убѣжала въ свою комнату, съ кредитнымъ билетомъ въ рукѣ.

— Она съ ума сошла,—проговорила мать.

— Деньги вѣдь ея, какъ ни толкуй!.. — замѣтилъ Легэ, и прибавилъ:—надо надѣяться, что неприятностей намъ отъ этого не будетъ. Она придумала очень хорошую штуку... Удивительный ребенокъ!

— Да, очень хорошо!—согласилась Христина.

Оба, слабые и униженные, вдруг почувствовали въ себѣ духъ возмущенія передъ событіями, которымъ до сихъ поръ безропотно и добровольно покорялись. Первый отпоръ опьянилъ ихъ. Они тотчасъ же принялись составлять необычайные планы мести: старикъ Легэ самъ отправится къ банкиру и швырнетъ ему деньги въ лицо; или, по меньшей мѣрѣ, Христина напишетъ ему ругательное письмо, со вложеніемъ стофранковаго билета... Но ихъ подъемъ духа не подвергся испытанію.

Фредерика больше не говорила съ ними объ этихъ деньгахъ. Она просто отослала ихъ банкиру со слѣдующей запиской, которую сочиняла и обдумывала въ теченіе цѣлаго года: «Благодарю господина д'Юпсака и прошу больше не присылать. *Фредерика*».

Такимъ образомъ, твердой ручонкой дѣвочки порвана была послѣдняя связь семьи учителя съ домомъ банкира д'Юпсака. Между тѣмъ, новый, могучій интересъ возникъ въ жизни Фредерика. Сестра ея Лея въ два года начала щебетать и смѣшивать своими потѣшными выходками. Материнская нѣжность, на которую Христина была такъ скупа относительно старшей дочери, вдругъ проснулась въ ней съ неожиданной силой, доходившей до болѣзненности: Лея стала ея идоломъ. Фредерика не завидовала сестрѣ. Она, сначала съ любопытствомъ, а затѣмъ съ благоговѣніемъ, слѣдила за развитіемъ крошечнаго существа. Гораздо разумнѣе и цѣлесообразнѣе, чѣмъ мать, стала она присматривать за Леей, просиживала цѣлые часы у колыбели въ своемъ неизмѣнномъ, полудлинномъ люстриновомъ платьицѣ, слѣдя за движеніемъ непослушныхъ, миньютюрныхъ членовъ, за направленіемъ голубыхъ глазъ; терпѣливо вытирала слюни, мѣняла пеленки. Въ особенности интересовали ее глазки сестрѣнки: на бессмысленномъ еще личикѣ со смутными очертаніями виднѣлись два огромныхъ, ясныхъ глаза, цвѣта незабудокъ. Фредерика съ любовью ждала появленія въ нихъ первой мысли. Подъ ея непосредственнымъ и неуспыннымъ наблюденіемъ росъ, развивался и распускался этотъ нѣжный цвѣтокъ: она одна безошибочно знала, что означаетъ то или другое движеніе нѣмаго, крикливаго существа, первая научилась понимать его безсвязный лепетъ, своеобразныя требованія и, наконецъ, ассоціацію простѣйшихъ идей на языкѣ

крошки. Лея привыкла, прежде чѣмъ выразить что нибудь движеніями или словами, взглянуть довѣрчиво и вопросительно на старшую сестру. Въ началѣ она говорила съ ней на такомъ языкѣ, котораго никто другой не понималъ. Еслибъ Христина не довольствовалась внѣшними шумными проявленіями нѣжности, а умѣла бы глубже вникать и чувствовать, то, пожалуй, допустила бы въ свое сердце змѣю ревности. Но, по счастью, Фредерика была сдержанна и чрезвычайно рѣдко ласкала и цѣловала Лею, рѣдко баюкала ее и не пѣла пѣсень Христина спокойно предоставила ей распоряжаться въ единственной области, которая внушала ей страстный интересъ: интеллектуальное развитіе человѣческаго существа, таинственное пробужденіе сознанія. Конечно, Фредерика дѣйствовала въ то время инстинктивно, не отдавая себѣ отчета: какъ, почему и зачѣмъ, и не формулируя отвлеченныхъ идей. Даже и для необыкновеннаго ребенка это было еще слишкомъ рано, но вышло какъ-то такъ, само собою, что Христина и Фредерика подѣлили между собою Лею: на долю матери достались гаски, игры, смѣхъ и прелестныя шалости дитяти; на долю Фредерики — всѣ глубокія и серьезныя душевныя движенія берущія начало въ простыхъ мысляхъ малютки; въ этомъ отношеніи она служила сестрѣнкѣ зеркаломъ, руководителемъ и учителемъ; все, что входило въ сознаніе Леи или зарождалось тамъ, контролировалось старшей сестрой; Фредерика ограждала Лею отъ слишкомъ яркихъ и ложныхъ впечатлѣній внѣшняго міра, какъ вскорѣ стала ограждать ея духовный строй отъ лживыхъ и лицемѣрныхъ теорій условной морали.

Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, фортуна покровительствовала смиреннымъ обитателямъ знакомой намъ квартиры въ улицѣ de-la Sourdière, точно сознавая за собой долгъ по отношенію къ нимъ. Христина дѣлала шляпки, Легэ поучалъ юношей — и оба зарабатывали до пяти тысячъ въ годъ; Христина даже подумывала: не открыть ли ей магазинъ, вмѣсто того чтобы работать на Каролину Гузи?.. Но Фредерика отговорила ее: не смотря на протесты и дутье матери, воля старшей дочери всегда исполнялась. А ей не хотѣлось имѣть мастерскую, — настолько ей противны были нравы и воззрѣнія ученицъ Каролины Гузи. Она избѣгала всякихъ сношеній съ ними, хотя приходилось иногда ходить къ madame Гузи по порученію

матери; въ такихъ случаяхъ она съ серьезнымъ лицомъ стояла тамъ въ своемъ скромномъ туалетѣ, ожидая отвѣта и невольно слушая пикантную болтовню задорныхъ мастерицъ, которыя нарочно изощрялись въ намекахъ и анекдотахъ, чтобы произвести впечатлѣніе на «гордячку». Фредерика нерѣдко натыкалась на любовныя свиданія одной изъ этихъ легкомысленныхъ дѣвицъ гдѣ нибудь на углу улицы; насмотрѣвшись на отношенія матери къ Сюрре, настрадавшись и вдумываясь въ нихъ не по лѣтамъ, она прониклась чувствомъ гадливости и отвращенія къ половымъ влеченіямъ, и ей стало казаться, что всякая любовь носить въ себѣ зародышъ растленія и смерти. Когда ей случалось видѣть одну изъ мастерицъ, свѣженькую, миленькую, прогуливающуюся рядомъ съ элегантнымъ мужчиной, который, съ мутными глазами, нашептывалъ ей что-то на ухо, а та радостно жеманничала и кокетливо смѣялась, — Фредерика ощущала острую боль въ сердцѣ и бѣжала въ свою комнату, закрывая лицо руками, негодующая, оскорбленная.

«Возможно ли это? Гдѣ же справедливость на свѣтѣ? — думалось ей: — люди обезпеченные, которые могутъ жениться на комъ хотятъ, не стыдятся губить бѣдныхъ дѣвушекъ, пользуясь ихъ глупой довѣрчивостью! Или нѣтъ на это законовъ? Не существуетъ наказаній?.. О, негодяи!.. Негодованіе ея обрушивалось на мужчинъ; она понимала, что дѣвушки — это жертвы, обреченныя служить игрушками для богатей.

Затѣмъ она подходила къ матери и съ робкимъ участіемъ цѣловала ее. Она была робка только въ проявленіяхъ нѣжности, какъ всѣ сильно чувствующія природы. Она горячо любила свою мать, уважая ее за то, что та сумѣла удержаться на сколькомъ пути послѣ перваго и единственнаго паденія, котораго она даже не желала бы вычеркнуть изъ прошлаго слабой матери; вѣдь, благодаря этому паденію, этой простибельной ошибкѣ, Фредерика вооружилась такой силой для жизненной борьбы и поняла, въ чемъ состоитъ женское достоинство... Изъ гордости и недоступности соткала она свой щитъ и твердой рукой будетъ держать его, защищая себя и Лею. Нѣтъ, она не желала бы переимѣнить прошлое матери... ея первую ошибку. По ея мнѣнію, бракъ и унижительное подчиненіе мужу были гораздо постыднѣе.

Преждевременное развитіе и пониманіе вещей закалили

гордое сердце Фредерики; но отъ Леи она старалась заслонить реализмъ жизни до поры, до времени: когда дѣйствительно любишь, то всего боишься. Къ тому же она отлично постигла натуру подроставшей сестры: нѣжная, голубоглазая блондинка не сможетъ сознательно заковать себя въ броню неприступности, какъ сдѣлала это Фредерика... Не получила ли она сама даръ настойчивости и силы воли въ наслѣдство отъ аристократовъ, привыкшихъ повелѣвать? Какъ бы то ни было, но Лея была совсѣмъ другая, нѣсколько похожая мягкимъ характеромъ на мать, но умнѣе и энергичнѣе. Кромѣ того, въ ней есть несомнѣнная склонность къ капризнымъ и бѣшенымъ порывамъ. Это—наслѣдіе отца. Фредерика предприняла настойчивую борьбу съ этимъ дурнымъ инстинктомъ и преодолѣла его. Она такъ тонко изучила душу сестры, что видѣла приближеніе бури издали, какъ зоркій часовой на верху мачты, и немедленно старалась удалить надвигавшуюся тучу. У нея была тайна нѣкоторыхъ словъ, дѣйствовавшихъ на Лею, какъ ушатъ холодной воды.

— Ты съ ума сойдешь, если не возьмешь себя въ руки!— скажетъ она бывало; и упрекъ, высказанный самоувѣренно и спокойно, отрезвлялъ Лею, точно ей напоминали объ убожествѣ...

Въ концѣ концовъ, твердость Фредерики создала снова семейный очагъ старику-учителю, грозившій было рухнуть вслѣдствіе мужской подлости. Послѣ смерти Сюрье, старшая дочь Христины руководила всѣмъ въ домѣ и всѣ подчинялись ея власти; благодаря ей, мать не опустилась до манеръ и понятій модистокъ, къ чему имѣла сильную склонность; но, при двусмысленномъ намекѣ, она замѣчала слезы въ глазахъ Фредерики и въ другой разъ остерегалась. Какъ старикъ Легэ, такъ и дочь его не видѣли ничего предосудительнаго въ преувеличенномъ счетѣ заказчикамъ и тому подобныхъ мелкихъ плутняхъ; но Фредерика никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью не признавала и всѣ пѣли ей въ тонъ. Всѣмъ дышалось легко и хорошо.

Прошло такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, за которыя произошли только естественныя перемѣны: умеръ старшій Легэ и Христина съ дочерьми искренно оплакали его. Но такъ какъ онъ игралъ въ жизни роль тѣни, то отсутствіе его не произ-

вело замѣтной пустоты между живыми людьми и воспоминаніе о немъ скоро утратило остроту горя. Даже относительно доходовъ смерть старика нисколько не повліяла: соединенными усилиями Христина, Фредерика и Лея зарабатывали до шести тысячъ франковъ, что составляло уже порядочный достатокъ для скромной семьи и возможность сбереженія. Фредерика давала уроки математики и латинскаго языка и, кромѣ того, изучила въ совершенствѣ бухгалтерію; въ девятнадцать лѣтъ она уже служила помощницею бухгалтера въ значительной конторѣ обойной фабрики «Жюда Дюрамберти и сына», въ улицѣ des Vergers; тамъ она такъ сѣумѣла зарекомендовать и поставить себя, что черезъ два года, когда главный бухгалтеръ отказался, — ее, безъ колебаній, назначили на его мѣсто, съ окладомъ въ двѣсти франковъ въ мѣсяць. Хозяинъ фабрики высоко цѣнилъ ее и, по ея просьбѣ, принялъ Лею въ ученье, какъ рисовальницу. Младшая сестра, дѣйствительно, выказывала недюжинныя способности къ живописи; по убѣжденію же Фредерики, основательное знаніе какого нибудь ремесла даетъ женщинѣ независимость. Ученье Леи на фабрикѣ продолжалось года полтора, послѣ чего въ ея распоряженіе предоставлена была отдѣльная комната, — къ большому удовольствію Фредерики, боявшейся пуще всего для юной сестры товарищества мастерицъ и ученицъ въ общихъ залахъ, —рядомъ съ конторой, гдѣ занималась старшая. Что касается до Христины, съ годами превратившейся въ толстуху-домосѣдку, то она по прежнему отдѣлывала ловкими пальцами модныя шляпки для мастерской Легро, преемника Гузи. Время отъ времени, она зазывала къ себѣ мастерицъ, пользуясь отсутствіемъ дочерей; она не терпѣла одиночества и любила поболтать о пустякахъ.

Въ апрѣлѣ 1896 года, одно незначительное событіе имѣло громадное значеніе на судьбу нашихъ героинь. Отдѣльная комната, которую занималъ прежде Сюрье, выходявшая на площадку лѣстницы противъ квартиры Христины, сдана была внаймы (Христина получила эти свѣдѣнія отъ мастерицъ madame Легро) какой-то иностранкѣ, — «чудачкѣ, оригиналкѣ». Въ этомъ духѣ и Христина передала новость своимъ дочерямъ, когда всѣ онѣ собрались обѣдать. Больше объ сосѣдкѣ не упоминали. Нѣсколько дней спустя, въ конторѣ Дюрамберти былъ

перерывъ занятій на двое сутокъ по причинѣ передѣлокъ въ помѣщеніи; Фредерика, возвращаясь домой въ одиннадцатъ часовъ утра, увидала на площадкѣ лѣстницы, у втораго этажа, маленькаго роста особу въ черномъ платьѣ, остановившуюся, повидимому, чтобы передохнуть. Она была немного кривобока, болѣзненно блѣдна, и плоскимъ, узкимъ сложеніемъ напоминала скорѣе мальчика; только руки ея, которыми она держалась за перила, маленькія и до жалости худенькія, несомнѣнно были женскія. Фредерика, бодро подымаясь по лѣстницѣ, слегка задѣла платьемъ одежду тощей фигурки. Незнакомка взглянула на нее...

Отчего взглядъ этотъ смутилъ Фредерику? Со временемъ она поняла это, когда постигла магическое вліяніе маленькой, худенькой особы на всѣхъ, кто къ ней приближался. Но въ первый разъ взглядъ незнакомки преслѣдовалъ молодую дѣвушку, какъ солнечное пятно, отраженное на сѣтчатой оболочкѣ глаза. Дѣло произошло въ дивное апрѣльское утро: Фредерика безсознательно подчинилась вліянію жизнерадостной весны, стремленію къ любви, которое охватываетъ всякаго живаго человѣка въ эту пору года. Проницательные, ясные глаза убогой женщины насквозь прожгли ее въ полутьмѣ лѣстницы, словно узнали ее, какъ давнишнюю знакомую. Какіе чудные, нѣжные, добрые и невинные, какъ у ребенка, глаза! Какой тайной силой одарены они? Фредерика волновалась и смущалась все больше и больше. Не такимъ ли же взглядомъ Христосъ сопровождалъ свои слова: «если хочешь быть совершеннымъ, оставь все и слѣдуй за мной»... О, да, сомнѣнія быть не можетъ: — въ спокойномъ и внушительномъ взглядѣ незнакомки, дѣйствительно, читался призывъ... Къ чему? Зачѣмъ звала она Фредерику? Озабоченная молодая дѣвушка разсѣянно позавтракала, невнимательно слушая безконечные рассказы матери о нравахъ мастерицъ madame Легро и самой хозяйки.

— Я пойду въ Луврскій музей,—сказала Лея,—а ты, Фэди?

— Нѣтъ, у меня есть дѣло... надо написать письма...

Она чувствовала потребность остаться одной. Сначала, дѣйствительно, написала письма, а затѣмъ ей вдругъ захотѣлось движенія, моціона; подъ предлогомъ порученія матери, она вышла на улицу, радуясь яркому солнцу, весеннему теплу,

пестрому оживленію столицы. Не смотря на отсутствіе кокетства, на простенькое темное платье и желаніе не привлекать взоровъ, Фредерика не могла избавиться отъ лестныхъ восклицаній, а иногда и отъ наглыхъ приставаній мужчинъ. Наружность ея была слишкомъ красивая, видная и благородная. Но ей достаточно было взглянуть серьезно на предприимчиваго ухаживателя, чтобы онъ немедленно отсталъ. Тѣмъ не менѣе нахальство уличныхъ ловеласовъ всегда оскорбляло ее. Передъ ея умственнымъ кругозоромъ блеснула новая заря... Что-то неизвѣстное, таинственное, но великое манило ее къ себѣ... Она ощущала волненіе, благоговѣйный порывъ куда-то. Эта женщина, съ глазами проповѣдницы, не увлечетъ ли ее въ какую нибудь секту? Не евангелистка ли это? Ученіе ихъ гремитъ въ Парижѣ, но по большей части возбуждаетъ насмѣшки... Фредерика, исполнявшая обряды церкви, мало интересовалась религіозными вопросами; ее мудро было прельстить пѣніемъ псалмовъ, колѣнопреклоненіями и проповѣдями. Значить, не то... Чего же хочетъ отъ нея незнакомка и куда поведетъ ее?

Фредерика сдѣлала нужныя покупки на лѣвомъ берегу Сены и вернулась въ улицу de la Sourdière въ омнибусѣ, часовъ около четырехъ. Подходя къ дверямъ своей квартиры, она услышала чистый вибрирующий голосокъ матери, безопасно напѣвавшій пѣсенку... Фредерикѣ сдѣлалось грустно: «милый, жалкій ребенокъ!» со вздохомъ подумала она, невольно сравнивая свои душевные запросы и тревоги съ легкомысліемъ Христины. «Вотъ еслибъ *та* была моей матерью»... Но она тотчасъ же упрекнула себя за эту мысль, какъ за нелѣпость и святотатство.

Фредерика застала мать за отдѣлкой шляпы у окна; на рукѣ ея надѣтъ былъ комочекъ сѣраго газа съ ландышами, и она, на извѣстномъ разстояніи отъ глазъ, судила: эффектна ли будетъ эта отдѣлка. При входѣ дочери, она обернулась:

— Что ты такая блѣдная? Нездорова?

— Нѣтъ, мама, ничего, — отвѣчала Фредерика, стараясь успокоиться: — вотъ твои порученія... темно-малиновый бархатъ такой? Но цвѣты слишкомъ дороги... на распродажѣ подходящихъ не нашла и взяла зеленые колосья. Если не годятся, можно снести назадъ... Гдѣ Лея?

Христина, щупая достоинство темно-малиноваго бархата, разсѣянно произнесла:

— Лея?.. Она давно вернулась... а куда пропала съ тѣхъ поръ, не знаю.

Фредерика торопливо заглянула во всѣ комнаты.

— Ея нигдѣ нѣтъ.

— Можетъ быть, снова ушла! Спроси Эмилию.

Эмилиа была краснощочкая, круглолицая кухарка.

— Ахъ, мама! — съ упрёкомъ вырвалось у Фредерики: — надѣюсь, что ты не послала ея въ мастерскую Легро?!

Это была вѣчная забота старшей сестры: предохранить Лею отъ сношеній съ модистками и ученицами изъ мастерской Легро; тѣ старались всячески заманить ее и завести съ ней дружбу. Христина покраснѣла, теряясь, какъ и всегда, когда строгая Фредерика безпокоилась о чемъ нибудь недоступномъ для ея пониманія; ей очень захотѣлось отвѣтить колкостью, но въ ту же минуту послышался голосъ Леи.

— Вонъ она. Не пропала твоя сестра. Нечего въ набать бить!—капризно проворчала она.

Фредерика выбѣжала на лѣстницу и застала Лею на площадкѣ; въ освѣщенномъ пространствѣ полуоткрытой двери комнаты сосѣдки видѣнъ былъ тощій силуэтъ Ромены Пирницъ, которая держала руку на плечѣ молодой дѣвушки. Ревнивое раздраженіе закопошилось въ сердцѣ Фредерики. Лея тотчасъ подошла къ ней; нѣзнакомка стояла молча и неподвижно въ дверяхъ и наблюдала за обѣими сестрами. Старшая понизила голосъ и сдержанно, съ оттѣнкомъ упрека, сказала:

— Я тебя искала... безпокоилась...

— Я не слыхала, какъ ты вернулась... прости меня... Сестра моя, Фредерика,—представила она:—mademoiselle Ромена Пирницъ.

Старшая Сюръе поклонилась; Пирницъ отвѣтила на ея невысказанную мысль:

— Да, мы съ Леей знакомы.

— О, немного пока!—покраснѣвъ, замѣтила Лея,—мы нѣсколько разъ встрѣчались и я поклонилась... Сегодня въ первый разъ я позволила себѣ зайти въ комнату mademoiselle Пирницъ.

Фредерика думала про себя: «и она подпала подъ магнетическую власть этой женщины и скрыла отъ меня»... И не знала: сердиться ей или радоваться. Обыкновенно скорая на рѣшеніе, никогда не теряя присутствія духа, Фредерика теперь стояла въ недоумѣніи, не пытаясь освободить свою руку изъ длинныхъ, худенькихъ пальцевъ новой знакомой. А та, не произнося никакихъ условныхъ привѣтствій, просто сказала:

— Я буду счастлива сойтись съ вами ближе. Это было неизбѣжно, не правда ли?

Фредерика, чувствуя себя въ присутствіи болѣе сильной воли, попыталась возмутиться.

— Извините, mademoiselle, мама одна и не знаетъ, гдѣ сестра...

Ромена Пирницъ снисходительно улыбулась, точно будто знала беззаботную Христину.

— О, мама ваша ничего не скажетъ.

Уступая просьбамъ Леи и Ромены, Фредерика вошла въ комнату, гдѣ прежде жилъ антипатичный ей человѣкъ... И вдругъ ей показалось, что, поселившись здѣсь, новая жилища освятила, очистила оскверненное прежнимъ обитателемъ помещеніе. Она глубоко вздохнула. Ей отвѣтили сочувственнымъ рукопожатіемъ.

— Садитесь!—пригласила хозяйка:—дайте мнѣ взглянуть на васъ. Я васъ уже немножко знаю и хочу узнать лучше.

Дивнымъ, какъ музыка, голосомъ сосѣдка рассказала, что поселилась тутъ недѣли двѣ тому назадъ и вскорѣ прониклась искренней симпатіей къ тремъ труженицамъ Скорье. Фредерика, убаюканная этимъ мелодичнымъ голосомъ, спрашивала себя:

«Зачѣмъ я здѣсь? Почему мнѣ отраднo находиться здѣсь? Чтo за причина моего волненія и душевной радости?»..

Она осматривала комнату и не узнавала ея. Обои другіе свѣтленькіе, съ букетиками незабудокъ и ромашки; направо желѣзная походная кровать, какъ у военныхъ; два простенькихъ шкафа съ книгами и бѣлый большой столъ; на каминѣ двѣ вазы съ сиренью и левкоями, а между ними, въ плюшевой рамкѣ, портретъ полной тридцатилѣтней женщины, съ надписью, настолько крупной, что Фредерика со своего мѣста прочла ее: «Моей дорогой Роменѣ Пирницъ, отъ Эрминіи

Занць». Рукописи, разбросанныя по столу, исписаны мелкимъ, твердымъ почеркомъ; въ шкафахъ множество книгъ, почти всѣ въ переплетахъ.

Между тѣмъ, Ромена говорила:

— Я каждое утро люблюсь вами, когда вы обѣ отправляетесь на службу, такія бодрья, веселыя... и всегда однѣ! У васъ нѣтъ сверстницъ, подругъ?

Всякую другую Фредерика оборвала бы за подобный допросъ. Но было такъ ясно, что новая знакомая не изъ пустаго любопытства, не изъ любви къ сплетнямъ, интересуется сосѣдками! Въ ея вопросахъ слышалось тревожное участіе сестры милосердія, спрашивающей: «не больно ли вамъ? хорошо ли такъ?»

Фредерика, растроганная и умиленная, ласково отвѣчала:

— Мы живемъ замкнуто... не любимъ новыхъ знакомствъ и довольствуемся съ Леей другъ другомъ...

Лея, при этихъ словахъ, съ дѣтской пылкостью поцѣловала сестру. Разговоръ продолжался между Фредерикой и Роменой. Хилая дѣвушка въ черномъ платьѣ, съѣжившись въ комочекъ въ глубокомъ креслѣ, обладала, кромѣ музыкальнаго голоса, еще и даромъ слова; жесты ея были краснорѣчивы и убѣдительно; умные и серьезные глаза проникали въ душу собесѣдника; блѣдныя губы, раскрываясь, обнаруживали двойной рядъ маленькихъ бѣлыхъ зубовъ. Со своей стороны, Фредерика, вообще неразговорчивая, какъ-то неожиданно для самой себя оживилась и многое поразказала изъ своей жизни; припомнила смерть дѣдушки; объяснила, какого рода трудъ исполняютъ онѣ съ Леей въ конторѣ Дюрамберги. Призналась, что она знаетъ латынь и знакома съ греческимъ языкомъ и алгеброй; но, кромѣ англійскаго, изъ новыхъ языковъ не изучала ни одного.

— Я васъ выучу. Я говорю на пяти языкахъ...—радостно воскликнула иностранка:—это не мудрость!.. Да, кромѣ языковъ, я вѣдь ничего и не знаю.

Ромена сообщила, что родина ея—Венгрія, что она побывала въ Америкѣ, въ Англии, въ сѣверной Европѣ; что въ Парижъ пріѣхала по дѣлу, касающемуся женскаго образованія. Въ подробности она не вдавалась. Наконецъ, она спросила Фредерику:

— Давно ли умеръ вашъ отецъ?

Вопросъ былъ вполнѣ естественный. Но Фредерика до того смутилась и покраснѣла, что не могла отвѣчать. Ромена тотчасъ же перебрѣнула разговоръ и начала рассказывать о своей семьѣ, жившей въ Пештѣ. Она сама училась тамъ въ гимназiи и со школьной скамьи дружна съ Эрминiей Занцъ, портретъ которой стоялъ на каминѣ. Однако, съ той минуты какъ разговоръ коснула отца, Фредерика омрачилась и замолчала. Наконецъ, сестры встали и распростились. Ромена Пирницъ привѣтливо пожала имъ руки и у порога сказала:

— Такъ какъ вы любите читать, то я буду давать вамъ книги. Выбирайте по вкусу: у меня ихъ много.

IV.

Фредерика слишкомъ привыкла вдумываться и анализировать свои поступки, чтобы не постараться подавить необдуманный порывъ, который она обзывала жалкой слабыхарактерностью.

Вечеромъ въ тотъ же день, ложась спать, она начала мысленно упрекать себя:—«Какъ я способна распускаться! Какъ плохо знаю себя!» Она сердилась, отыскавъ въ сердцѣ уголокъ, гдѣ могла прiютиться необдуманная симпатiя, и затрепетала при мысли, что когда нибудь, вмѣсто безобидной сосѣдки, заберется туда—чего добраго—мужчина. «Бѣдная мама! Я не сильнѣе, а осмѣливалась судить ее». И она постаралась доказать себѣ, что разница между ней и легкомысленной Христиной все таки огромная. Не смотря на странное, могущественное чувство, привлекавшее ее къ Роменѣ, она тщательно избѣгала новыхъ встрѣчъ и сношенiй; ей страстно хотѣлось бы внушить это сопротивление и Леѣ. Но между сестрами почему-то рѣдко произносилось имя сосѣдки, словно оно смущало ихъ обiихъ. Только на слѣдующiй день Лея спросила:

— Не правда ли, какая прiятная особа?

— Да,—отвѣтила Фредерика,—любезна и умна.

Ей хотѣлось прибавить: «мнѣ не нравится, однако, ея манера навязывать людямъ свое знакомство»...—но присущее ей чувство справедливости не допустило ея выговорить эти слова. Не зная, чему приписать очевидное желанiе Пирницъ сойтись

съ ними, она была твердо увѣрена, что не пустое любопытство руководить ею.

Совсѣмъ прервать начавшіяся отношенія было невозможно. Христина вскорѣ и сама познакомилась съ сосѣдкой, и онѣ начали видѣться почти каждый день. Христина и Лея часто заходили къ ней; Ромена же рѣдко показывалась въ квартирѣ Сюрье и не иначе, какъ по приглашенію. Ее не разъ звали обѣдать; долго она отказывалась; наконецъ, боясь обидѣть, обѣщала прійти. Но она оказалась странной гостьей: мяса не ѣла, пила одну воду и удовольствовалась нѣсколькими овощами... Говорила охотно, рассказывая своимъ милымъ голоскомъ, съ чуть замѣтнымъ акцентомъ, подробности про свои путешествія по Европѣ и Америкѣ. Ей нравилась Америка, въ особенности Бостонъ, трудолюбивый, дѣловитый, интеллектуальный...

— Вы вѣрно были учительницей въ школахъ?—освѣдомилась Христина.

— Случалось и уроки давать,—отвѣчала Пирницъ,—смотря по обстоятельствамъ. Главная же цѣль моя была—самообразование.

— Счастливы, кто въ состояніи путешествовать!—мечтательно сказала Христина.

— О, немного нужно средствъ для того, кто умѣетъ довольствоваться малымъ. Для людей со скромными требованіями жизнь вездѣ не дорога.

Пирницъ всегда приравнивала себя къ смиреннымъ людямъ, съ которыми входила въ сношенія. Это у нея выходило просто и ласково. Но, не смотря на все это, Христина и обѣ ея дочери чувствовали себя далеко не ровней рядомъ съ болѣзненной, скромно одѣтой и питающейся овощами дѣвушкѣ, рассказывавшей имъ о своихъ странствованіяхъ по бѣлу свѣту.

Во-первыхъ, еще никто изъ окружающихъ не зналъ въ точности, чѣмъ она занимается. Въ голову Христины, начиненную фельетонными романами и сплетнями модистокъ, закрались самыя нелѣпыя предположенія.

— Можетъ быть, это аристократка, имѣвшая приключенія и скрывающаяся въ Парижѣ!

Мысль о любовныхъ приключеніяхъ этого безполага, убогаго существа въ черномъ люстринѣ, носившаго всю зиму какую-то соломенную шляпенку, была такъ очевидно - неправдоподобна

и комична, что Христина, выразивъ ее, сама же первая пока- тилась со смѣху. Привратница, модистки Легро и парикмахеръ Максимъ, послѣ продолжительныхъ и глубокомысленныхъ со- вѣщаній, спрашивали себя: не нѣмецкая ли шпионка наняла комнату въ ихъ домѣ? Но это невыгодное подозрѣнiе скоро рухнуло само собой; никто не могъ отдѣлаться отъ чувства невольной симпатiи и прiязни къ худенькой иностранкѣ. Тогда единодушно рѣшено было, что это, должно быть, русская ни- гилица; на этомъ всѣ успокоились, и этимъ объясняли ея добровольное заточенiе, одиночество, постъ, воздержность въ словахъ. Уваженiе къ ней даже возрасло: парижане вѣдъ страстные охотники до всего, чтò пахнетъ мятежемъ. Одна Фредерика, хотя дала себѣ слово не спрашивать Ромены, начала распознавать истинныя причины и дѣли ея дѣятель- ности. Не смотря на всѣ ея попытки отдалиться отъ венгерки, какъ можно рѣже заглядывать къ ней и не вызывать ея на откровенность,—Фредерика была слишкомъ умна и наблюда- тельна, чтобы не вывести нѣкоторыхъ заключенiй. Она видѣла названiе нѣсколькихъ книгъ съ помѣтками Ромены, напримѣръ «Искусственное кормленiе», «Жизнь освобожденныхъ», «Аме- риканское общество», «Свободныя женскiя училища въ Англiи». Кромѣ этихъ сочиненiй, Пирницъ постоянно окружена была специальными книгами: руководствами по разнымъ ручнымъ ремесламъ, рѣзбѣ по дереву, декоративному искусству, по рисо- ванiю узоровъ для обоевъ и матерiй, по гончарному мастер- ству. Она изучала также элементарную архитектуру, срисо- вывала планы школъ, университетовъ, тюремъ. Изъ всего этого Фредерика заключила, что Пирницъ—филантропка, въ обшир- номъ и серьезномъ значенiи этого слова, и посвятила себя на служенiе принципамъ гуманности и альтруизма. Помимо глу- бокаго и сильнаго интереса, возбужденнаго въ ней этимъ но- вымъ самоотверженнымъ дѣломъ служенiя ближнему, знаком- ство съ Роменой имѣло еще одно послѣдствiе: Фредерика убѣ- дилась, что порокъ ревнивой зависти гнѣздится въ ея сердцѣ. Лея безспорно оставалась по прежнему подъ влiянiемъ старшей сестры, подвергала ея контролю всѣ свои мысли, всѣ желанiя; ключъ отъ юной души ея, по прежнему, находился у Фреде- рики. Однако, теперь она не довольствовалась уже исключи- тельно однимъ обществомъ старшей сестры. Лея охотно бѣгала

къ Роменѣ, болтала и работала съ ней... И Фредерика страдала отъ сознанія, что онѣ сошлись и поняли другъ друга. «Я ревную... завидую!»—съ отвращеніемъ укоряла она себя. Совершенно вѣрно. Она ревновала какъ ту, такъ и другую, и завидовала имъ обѣимъ. Почему же? Она ничего похожего не ощущала, когда Лея ласкалась къ матери и цѣловала ее со страстной нѣжностью любимицы и баловницы... Но Пирницъ, посягала на владѣнія Фредерики — на умственный кругозоръ Леи. И Фредерика негодовала на обѣихъ...

Прошло полгода. Фредерика пережила тяжелый испускъ, подвергая себя строгой дисциплинѣ. Сердечная чувствительность въ эти годы особенно чутка и сильна. Въ обыкновенныхъ случаяхъ она истрачивается на неизбежную «любовь», около которой и вертится вся драма; у Фредерики же единственной любовью, поглотившей всѣ остальные чувства,—была привязанность къ младшей сестрѣ. Наши несчастія и горести соотвѣтствуютъ не только причинамъ, породившимъ ихъ, но и нашей собственной душевной восприимчивости. Сильная душа Фредерики страдала отъ совокупности разнообразныхъ причинъ: и оттого, что Лея любила другую особу, а не исключительно ее одну, и отъ могущественнаго очарованія этой самой особы и влеченія къ ней, съ которымъ она упорно боролась, и отъ унижительнаго сознанія, что въ ея собственномъ сердцѣ застѣла мучительная ревность и не поддается изгнанію. Но Фредерика напрасно мучилась: ревность ея была неосновательна. Привязанность къ ней Леи нисколько не пострадала отъ сближенія съ новой знакомой. Старшая сестра не подозрѣвала, а младшая, вслѣдствіе преувеличенной душевной застѣнчивости, не доводила до ея свѣдѣнія, что большею частью Ромена съ Леей говорили между собой о Фредерикѣ. Не знала и того старшая сестра, что Лея,—откровенная и довѣрчивая,—разказала Роменѣ грустную семейную тайну Христіны Сюръ... Изъ всего этого возникла прочная дружба между Роменой и Леей.

Октябрь 1896 года стоялъ великолѣпный. Христіна, становившаяся все неповоротливѣе, почти цѣлый день просиживала у окна за работой. Когда дочери бывали дома, онѣ сажались около нея; какая нибудь читала вслухъ. Пирницъ за послѣднее время стала чаще присоединяться къ нимъ, по ихъ просьбѣ рассказывая свои многочисленныя впечатлѣнія во время

путешествій. Слушательницы не прерывали ея, а Христина только и твердила:

— Ну, дальше. Ну, еще расскажите!..

Разъ вечеромъ рѣчь зашла о Лондонѣ; Ромена говорила объ обширной столицѣ съ безконечными предмѣстьями, съ широкой желтой рѣкой, усѣянной судами, съ туманами, зелеными парками... Говорила о своемъ изумленіи при вѣздѣ въ этотъ городъ (давно это было!) въ первый разъ, прямо изъ Германіи.

— Дѣло было въ воскресенье; я бродила по пустыннымъ, точно вымершимъ улицамъ, тщетно отыскивая оживленіе и многолюдность Лондона, о которыхъ столько наслышалась.

Она замолчала; Лея сидѣла, прижавшись къ сестрѣ; Христина, съ выраженіемъ любопытства, оживленно улыбалась.

— Пятнадцать лѣтъ тому назадъ...—вдохнула Ромена,— съ тѣхъ поръ я не была... А дня черезъ четыре снова буду тамъ.

Слушательницы, повидимому, несовсѣмъ поняли, такъ какъ никто не ожидалъ этой новости... Фредерика съ недоумѣніемъ спросила:

— Вы собираетесь въ Лондонъ?

— Да, думаю выѣхать послѣ завтра. Увижусь тамъ съ моей подругой, начальницей высшей женской школы въ Кенсингтонѣ, Эрминіей Занцъ...

— Вы мнѣ ничего не сказали!—упрекнула Лея.

— Милое дитя мое,—возразила Ромена, успокаивая дѣвушку своимъ взглядомъ:—я рѣшила эту поѣздку всего нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Но вы скоро вернетесь?—освѣдомилась Христина.

— Ничего не знаю... Можетъ быть, черезъ мѣсяць, можетъ быть, черезъ годъ. А можетъ быть...

Она взглянула на Фредерику и не кончила своей мысли: на Фредерикѣ и лица не было, до того она поблѣднѣла. Лея расплакалась и ушла. Фредерика не произнесла больше ни слова. Разговоръ продолжался между Христиной и Роменой Пирницъ. Около десяти часовъ послѣдняя простилась съ хозяйками.

Лея спала съ матерью; Фредерика занимала ту же крошечную комнатку, откуда, бывало, слышала ночныя возвращенія Сюрё. Она поцѣловала Лею, молившуюся у своей кро-

вати, приложилась къ щекамъ матери и ушла къ себѣ, какъ и всегда.

На столѣ горѣла лампа; она сѣла и раскрыла книгу. То былъ третій томъ «Войны и мира». Одно время она пристрастилась къ героинямъ Льва Толстаго, но мало-по-малу Наташа, Мари и остальные утратили ея симпатіи; онѣ, по ея мнѣнію, слишкомъ много думали о мужчинахъ, слишкомъ явно предназначены были для любви и замужства. Одна Соня привлекала ее, потому что безъ возраженій подчинялась своей участи остаться безъ мужа, не находя въ этомъ никакого несчастія.

Но сегодня Фредерикъ не читалось: ее удручалъ отъѣздъ Ромены. «Уѣзжаетъ! Можетъ быть, навсегда... Это невозможно!»

Невозможно, чтобы всѣ отношенія съ венгеркой порвались, чтобы Фредерика потеряла ее изъ виду, чтобы судьба ея обошлась безъ вліянія этой смѣлой пионерки, отдавшей всю себя на служеніе ближнимъ и оказавшей такое дивное, необъяснимое вліяніе на всѣхъ окружающихъ. «Невозможно!» Въ первый разъ Фредерика призналась себѣ, что рассчитывала— вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ—на указанія и помощь Ромены Пирницъ для нравственнаго укрѣпленія, для отысканія цѣли и смысла жизни... Она ихъ предчувствовала, но еще не видѣла ясно и не знала, на что употребить могучія силы своей души. «А она оставляетъ меня одну? Покидаетъ меня?»! Мгновенно самыя безразсудныя проэекты зароились въ ея головѣ. Не бросить ли все и не уѣхать ли съ Роменой въ Англію?

А Лея? «Ну, что жь, и Лею увезу съ собой!»

Она чувствовала, что сможетъ все бросить, все оставить кромѣ Леи, которой отдала всю свою душу. Надо повидать Ромену сегодня... сейчасъ же. Венгерка мало спитъ и по ночамъ работаетъ. Фредерика тихонько вышла изъ комнаты, затѣмъ изъ квартиры, и постучалась въ дверь къ сосѣдкѣ. Въ щель виднѣлся еще огонь.

— Войдите!

Ромена писала, низко склонивъ голову надъ бумагой: она была близорука. Спокойно положила она перо и, слегка повернувшись, взглянула на вошедшую дѣвушку.

— Я васъ ждала.

Фредерика знала это. Во взглядѣ, который Ромена бросила на нее, многозначительно произнося: «можетъ быть»... — несомнѣнно былъ призывъ. Въ страшномъ волненіи стояла молодая дѣвушка и не шевелилась.

Ромена встала и раскрыла объятія. Фредерика пылко бросилась въ нихъ, словно ища той материнской опоры и защиты, которую Христина никогда не въ состояніи была дать ей.

— Дитя мое! Дитя мое! — шептала Ромена.

Фредерика опустила на колѣни и припала къ тонкимъ безкровнымъ рукамъ гуманистки, орошая ихъ слезами.

— Не плачьте, дитя мое. Говорите со мной откровенно. Будьте сильны духомъ...

— Правда ваша!.. — пробормотала Фредерика, нервно вытирая глаза: — я не понимаю, чтѣ со мной... Простите... Я злюсь на себя и на свои нервы. Но я такъ взволновалась сегодня, когда вы сказали, что уѣдете...

Она и не думала больше скрывать своей потребности видѣть Ромену, пользоваться ея обществомъ.

— Но, быть можетъ, разлука сблизитъ насъ, дитя мое? Вѣрьте мнѣ, дорогая! Извѣстіе о моемъ отъѣздѣ уже сблизило насъ... Завтра или въ тотъ день, когда я выѣду изъ Парижа, вы будете еще сильнѣе ощущать мою близость... Издали я стану постоянно призывать васъ, и вы перестанете сопротивляться. Встаньте. Садитесь вотъ здѣсь. — Фредерика съ изумленіемъ услышала такое вѣрное пониманіе ея сокровенныхъ мыслей. Она пролепетала:

— Это правда... Я сопротивлялась, возмущалась... и тѣмъ не менѣе всѣ мои помыслы заняты были вами!

— Мало того, что сопротивлялись, а даже немножко ненавидѣли меня.

— Я ревновала Лею къ вамъ, а васъ къ Леѣ...

— Милая! Да вѣдь мы съ ней только о васъ и говорили. И ревность ваша ошибочна: я люблю Лею, какъ дочь, но не больше, чѣмъ васъ. На васъ я рассчитываю для выполненія болѣе серьезныхъ плановъ...

— На меня?.. на меня?.. Неужели? Вы сочли меня достойной?..

Она жадно всматривалась въ умное лицо иностранки, и когда та отвѣтила: — О, да! — Фредерика пришла въ восторгъ.

Такое ощущение бывает у молодого существа, когда оно узнаёт, что на любовь его отвѣчают взаимностью,—пожалуй, даже сильнѣйшее, такъ какъ въ восторгѣ Фредерика участвовалъ разумъ, обыкновенно отсутствующій въ проявленіяхъ половой любви. Всякая юная душа, при первомъ увлеченіи, испытываетъ потребность слушаться, подчиняться, жертвовать собой. Фредерика принесла въ жертву то, что ей было всего труднѣе покорить въ себѣ: свою дикую и гордую щекотливость. Она вся безусловно и безраздѣльно отдалась чужой волѣ и чужой мысли, слѣпо покорилась власти новаго друга и признала Ромену Пирницъ своей повелительницей. Она радостно отдала себя на служеніе ея идеаламъ, безъ дальнѣйшихъ колебаній и разсужденій, со всѣмъ пыломъ цѣльнаго, дѣвственнаго сердца.

Робко поднявъ глаза на Ромену, она сказала:

— Я все сдѣлаю, что вы прикажете. Возьмите меня. Назначьте меня на чтонибудь доброе, полезное, великое. Я ничего не знаю, а хотѣлось бы столько сдѣлать...

— Тернистый путь!—промолвила пионерка:—то, что требовалось отъ первыхъ христіанъ,—ничто въ сравненіи съ теперешней задачей гуманистовъ. Посмотрите на мою жизнь: ни родины, ни семьи, ни пристанища... А сладко, не правда ли, быть любимой, имѣть дѣтей?..

— Я никогда не выду замужь!—сурово отозвалась Фредерика.

— Почему? Дѣйствительно, мнѣ казалось, что вы держите себя слишкомъ строго сравнительно съ вашими сверстницами. Никогда не видала я, чтобы вы разговаривали съ мужчиной. Почему?

— Потому что союзъ, совмѣстная жизнь съ однимъ изъ мужчинъ, которые встрѣчались мнѣ въ жизни,—богатые, бѣдные, безразлично!—внушаетъ мнѣ лишь непобѣдимое отвращеніе. Ни Лея, ни я, не можемъ шагу сдѣлать по улицѣ, чтобы не услышать возмутительныхъ восклицаній, означающихъ одно и то же: «торгуйте собой! пользуйтесь, пока мужчины любятъ вашей наружностью».—О, гадость! О, позорь! Сколько разъ хотѣлось мнѣ съ Леей убѣжать куданибудь въ глушь, чтобы избавиться отъ оскорбительныхъ взглядовъ и нахальныхъ заигрываній...

Она остановилась, взволнованная, и затѣмъ продолжала:

— Конечно, есть бракъ... Можно выйти замужъ, увеличить число парочекъ, въ родѣ тѣхъ, что населяютъ и этотъ домъ, и сосѣдніе... Женщина—вьючное животное, изнемогающая труженица, которую ругаютъ и бьютъ... Она сама по себѣ, мужъ самъ по себѣ... Оба хороши! И дѣти подростаютъ и любятъ на родителей. Нѣтъ, нѣтъ, храни Богъ! Никогда не выду я замужъ. Я слишкомъ посмотрѣлась, слишкомъ рано поняла... совсѣмъ ребенкомъ...

— Я знаю.

— Знаете? Лея сказала вамъ?..

— Да.

Фредерика вспыхнула.

— Лея хорошо сдѣлала, что сказала!—твердо проговорила Ромена, глядя руки своей собесѣдницы, сидѣвшей съ опущенными глазами.—Неужели вы думаете, что я отъ этого меньше люблю и уважаю вашу мать? Напротивъ! Безмѣрно жалѣю ее, кромѣ того. Она перенесла тяжкое испытаніе въ жизни и есть въ ней кое-что изъ достоинствъ моей смѣлой Фредерики. Вы ее воспитали, другъ мой, въ самомъ прекрасномъ смыслѣ этого слова.

— Увы, не въ моей власти уничтожить прошлое!.. Въ томъ, что мать мою соблазнили и бросили, нѣтъ грѣха; виновать негодяй, обманувшій ее... Но... что она покорила предложенной комбинаціи... допустила постыдный выкупъ злодѣя... О, бѣдная, бѣдная мама! Никто не внушалъ ей чувства собственного достоинства, женской гордости... Она была слабой жертвой, какъ сотни, тысячи мастерицъ, ученицъ, модистокъ... Мерзавецъ также и тотъ, кто вообразилъ, что сорока тысячами франковъ откупился отъ своего дѣла относительно нея и меня! Боже! Подумать только, что этотъ человѣкъ живъ, женатъ, занимаетъ высокое положеніе... Что за совѣсть у этихъ мужчинъ?

Робость ея исчезла; она говорила сильно, убѣжденно, безъ напыщенности.

— Не надо слишкомъ долго останавливаться на прошломъ, — замѣтила Ромена: — прошлое умерло. Измѣнить его нельзя. Пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ. Смотрите впередъ на предстоящую вамъ дорогу, а не на ту, по которой шли

ваши родители. Настали новыя времена. Осужденіемъ отца дѣла не поправите и не въ этомъ полагайте свою месть, а въ томъ, чтобы не допустить подобныхъ преступленій надъ тысячами юныхъ жертвъ...

— О, да!.. Не допустить, защитить ихъ... Но гдѣ законы?..

— Придетъ время, будутъ и законы. А пока примемся за измѣненіе нравовъ. Можно многое сдѣлать. Вы не первая, пострадавшая отъ униженія женщины, отъ низменнаго уровня ея развитія и подчиненія. Другія и видѣли, и знаютъ, и болѣютъ душой. Ихъ немало, и онѣ рѣшили сплотиться и воздвигнуть преграды. У васъ тутъ, на клочкѣ старой Европы, игнорируютъ тотъ фактъ, что возникли новыя цивилизаціи, укрѣпились и процвѣтаютъ идеи, признавшія равенство половъ, эмансипацію женщины, избавленіе ея отъ постыдной роли орудія наслажденія, родильной машины! Увѣряю васъ, Фредерика, что близокъ день появленія новой Евы, которая повліяетъ на возрожденіе стараго міра, обновитъ его новымъ духомъ.

— Говорите, говорите ради бога! — шептала Фредерика, жадно слушая новую проповѣдь и упиваясь возможностью такого возрожденія общества. Наконецъ-то приподнялся для нея край завѣсы, скрывавшей искомую истину. До сихъ поръ, предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, Фредерика только и заботилась о томъ, чтобы предохранить себя и сестру отъ чувственнаго рабства, всей тяжестью ложащагося на беззащитныхъ дѣвушекъ бѣднаго класса. И вдругъ ей говорятъ: «Близокъ часъ обновленія общества! Равенство половъ! Избавленіе женщины отъ рабства! Явится новая Ева»!.. Поняла теперь Фредерика, какъ узокъ былъ ея кругозоръ, какъ ограниченны стремленія. Ромена Пирницъ проповѣдывала всемірное освобожденіе женщины.

— О, говорите, говорите!

И Ромена продолжала. Она рассказала, какъ тяжело было начало борьбы, какъ впадали въ ошибки, заблужденія, преувеличенія; новыя, молодыя расы вышли на арену, славянки, — мечтательныя, мистически-пылкія, — отказались отъ всѣхъ жалкихъ и показныхъ привилегій своего порабощеннаго пола и потребовали равноправности съ мужчинами. Онѣ готовы на мученичество, но не откажутся отъ своихъ идей. Двадцатый

*

вѣкъ увидить «Новую Еву» — сильную, нѣжную и прекрасную, въ дивномъ ореолѣ свободы и равенства. Англо-саксонка, — женщина иного типа, практичная организаторша, религіозная, съ отгѣнкомъ пуританства, — не довольствуется своей личной свободой, а предприняла освободить также и мужчинъ, прежнихъ властелиновъ, отъ низкихъ пороковъ и страстей, которые искони вѣковъ держатъ ихъ самихъ въ рабствѣ, вслѣдствіе чего страдали и женщины. Американка, — нервная и дѣятельная, — высоко несетъ голову, побѣдивъ предрасудки Старого Свѣта. Въ сѣверныхъ степяхъ Скандинавіи женщины, въ борьбѣ съ укоренившимися традиціями и удобными для мужчинъ законами, тоже подняли знамя свободы и равенства, и создали высшій и чистѣйшій идеаль, къ которому неустанно стремятся.

— Вотъ что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, Фредерика. Прошла пора словъ, исканій и колебаній: идеи воплощаются. Женщинъ независимыхъ, равныхъ мужчинамъ, въ англосаксонскомъ обществѣ — цѣлыя легіоны; множество такихъ же и у славянъ, и у норвежцевъ, и шведовъ. Дошло дѣло до устарѣвшихъ націй: Германія быстро воспрянетъ, явятся философы, мыслители, социологи, затѣмъ женщины изъ народа; Лондонъ пока еще подтруниваетъ надъ нами; феминизмъ не нравится многимъ... Но что же изъ этого? Мы все таки побѣдимъ! Легкомысленный, насмѣшливый, чувственный Парижъ потруди́те будетъ покорить, — и то мы не отчаиваемся. Рано или поздно сдаться и онъ.

Фредерика жадно слушала. Теперь она постигла дѣятельность Ромены Пирницъ: она играла роль провозвѣстницы возрожденія устарѣвшихъ цивилизацій... *Феминизмъ* — вотъ истинная религія новаго ученія! Нужны проповѣдницы, посланницы, обѣты... Фредерика, съ пыломъ неофитки, готова была сейчасъ же на всякій трудный искусь.

— Будущая Ева не должна выходить замужъ? Не такъ ли? — спросила она.

— Почему же? — улыбнулась Ромена: — мы не осуждаемъ бракъ. Для большинства дѣвушекъ это самый желательный исходъ. Въ бракъ находили счастье нѣкоторыя горячія поклонницы женскаго вопроса и были отличными женами и матерями.

Лицо Фредерики выразило недоумѣніе и разочарованіе.

— Однако, — продолжала Ромена, — не безъ борьбы достигли онѣ семейнаго счастья. Семейный очагъ ревнивъ, и гуманность плохо уживается съ нимъ. Лучше для дѣла, — по крайней мѣрѣ, въ наше переходное время неустойчивости и борьбы, — записываться свободной отъ узъ въ ряды піонерокъ. Я всегда замѣчала больше самоотверженія, преданности широкимъ интересамъ и пылкости въ тѣхъ изъ насъ, которыя отреклись отъ половой любви или не знали ея вовсе. Строгая дѣвственница — сильная личность, если она умна и прониклась убѣжденіемъ: ей принадлежитъ будущее. Всегда процентъ желающихъ выйти замужъ будетъ значителенъ. Родъ людской не отжилъ еще своего предѣла на землѣ. Но настанетъ день, когда аристократками среди женщинъ будутъ считаться гордые дѣвственницы...

— Ни Лея, ни я замужъ не выдемъ! — сказала Фредерика: — на насъ вы можете рассчитывать! Мы будемъ съ вами. Укажите, что надо дѣлать?

— Надо сперва поучиться дѣлу, которому вы хотите посвятить себя. На васъ, Фредерика, я надѣюсь. Больше чѣмъ на Лею...

— Но если вы уѣдете, кто меня станетъ учить?

Ромена взяла руки дѣвушки въ свои и прочувствованнымъ голосомъ сказала:

— Мое сердце, мои мысли останутся съ вами... Слушайте. Я оставляю эту комнату за собой. Оставляю мои книги, рукописи, начатый трудъ, всю мою скромную жизнь здѣсь... И все это предоставляю въ ваше распоряженіе. Если хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе, живите тутъ.

— О, неужели вы позволите?

— Прошу, желаю. Распоряжайтесь въ этой комнатѣ, какъ у себя. Все, что здѣсь — ваше. Спите на моей походной постели, читайте мои книги, живите въ моей обстановкѣ. Я издалека буду радоваться, что ваша чистая и пылкая душа оживляетъ и согрѣваетъ мою келью, гдѣ я безропотно проводила время въ одиночествѣ... Такимъ образомъ мы будемъ имѣть духовное общеніе, сольемся въ одно...

Болѣзненное лицо, выразительные глаза вдохновлялись; Фредерикъ стало казаться, что ангель, небесный посланникъ, оби-

талъ въ этой тщедушной, хрупкой оболочкѣ... Фредерика съ благоговѣніемъ припала къ ея рукамъ.

— Какъ мнѣ благодарить васъ? Какъ я люблю васъ! Я недостойна вашей дружбы...—Фредерика помолчала и прибавила:—почему выбрали вы меня?

— Вы сами указали на себя, Фэди. Не я выбирала. Ученикъ идетъ на вѣру. И я, подобно вамъ, повиновалась когда-то внутреннему голосу. Онъ разъ сказалъ мнѣ: «Недостаточно освободить себя. Посвяти себя на освобожденіе ближнихъ!»

— Когда было это? Давно?..

— Давно. Я была совсѣмъ маленькой дѣвочкой... Училась вмѣстѣ съ милой моей Эрминіей, портретъ которой вы здѣсь видите... Мы пережили съ ней неизбѣжный кризисъ мистицизма... Первымъ просвѣтителемъ нашимъ былъ учитель математики. — видите и его портретъ: сѣдовласый старикъ, весь въ морщинахъ;—онъ указалъ намъ на книги, въ которыхъ разбирался вопросъ объ эмансипаціи женщинъ, и самаго главнаго авторитета, Стюарта Милля. Мы втроемъ составили общество... Подруги были тщеславны и заранѣе съ восторгомъ подставляли шею подъ мужское ярмо... Мы съ Эрминіей вышли изъ пансіона восемнадцати лѣтъ. Я была сирота и имѣла небольшія средства; она же—совсѣмъ бѣдна; однако, ей живо нашли жениха, благодаря ея красотѣ. Но она отказала, и мы вмѣстѣ съ ней уѣхали въ Англію. Насъ интересовало женское образованіе въ Лондонѣ, свободныя училища: Queen's College, Girton, и т. д. — первая ступень къ радикальному преобразованію женскихъ школъ. Живо помню нашъ пріѣздъ въ Лондонъ. Въ Булони мы сѣли на пароходъ, дѣлающій рейсъ въ столицу Англій, по Темзѣ...

Далеко за полночь рассказывала Ромена про тѣ далекіе годы, когда она, по ея выраженію, «училась»,—т. е. знакомилась съ дѣломъ, служившимъ ея цѣлямъ. Эрминія Занцъ и она изучивъ англійскій языкъ и сойдясь въ столицѣ съ единомышленицами, посѣтили затѣмъ Новый Свѣтъ, гдѣ окончательно утвердились въ избранной миссіи. Побывали онѣ въ Бостонѣ, въ Вашингтонѣ, въ Нью-Йоркѣ и даже въ новыхъ городахъ запада вездѣ тамъ нашли онѣ прочный и процвѣтающій феминизмъ; его открыто проповѣдывали и признавали, и никому въ головне не приходило считать это неправильнымъ, страннымъ или противоестественнымъ. О чемъ въ Старомъ Свѣтѣ только еще чи-

тали, да и то не вездѣ,—тамъ уже съ успѣхомъ примѣнялось открыто на дѣлѣ.

— Удивительныя вещи видѣли мы! Однако, мечтали еще о большемъ. Трудно сравняться съ Америкой, со стороны матерьяльнаго положенія женщины; однако, мы составили болѣе чистый и возвышенный идеалъ будущей роли ея въ обществѣ. Она будетъ равноправной съ мужчинами, но этого намъ мало. Неужели можно удовлетвориться дѣлюю стать похожими на мужчинъ, которые сами такъ несовершенны? Будущая женщина должна быть выше современнаго мужчины, сдѣлаться жрицей, подчинить себѣ всѣ отжившія и существующія религіи, способствовать перерожденію своихъ бывшихъ властелиновъ. И вотъ тогда-то сильныя духомъ дѣвственницы производятъ переворотъ на землѣ.

— О!—въ экстазѣ воскликнула Фредерика,—какое счастье играть такую роль! Пожертвовать собой ради возрожденія и обновленія ближнихъ...

— Такова дѣль, да... Но начинать надо съ болѣе скромныхъ задачъ. Чтобы сформировать безкорыстныхъ апостоловъ, проповѣдницъ высшей нравственности, необходимо прежде всего воспитать дѣвушекъ свободныхъ, независимыхъ отъ мужскаго ига, развитыхъ въ смыслѣ нашихъ идей. Хорошее ремесло, здравыя понятія, — вотъ что должны дать новыя профессиональныя школы, о которыхъ мы мечтаемъ.

Ромена подробно объяснила Фредерикѣ, жаждавшей научиться, организацію свободныхъ женскихъ училищъ въ Америкѣ; показала ей фотографическіе снимки со школы Гускиро-Бедни, которую Эрминія Занцъ основала въ своемъ родномъ городѣ, и планы Free College'a, основаннаго ими въ Лондонѣ на самыхъ скромныхъ началахъ; теперь же этотъ институтъ настолько процвѣтаетъ и расширяется, что можно перевести его въ огромное помѣщеніе въ Кенсингтонѣ. Именно для оказанія содѣйствія madame Занцъ, при перемѣнѣ помѣщенія, Ромена Пирницъ и ѣхала на нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонъ.

— А въ Парижѣ существуетъ что нибудь похожее на Free-College?—спросила Фредерика.

— Нѣтъ, пока еще не существуетъ. Дѣятельность и труды пионерокъ примѣнялись въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь мы еще поддерживаемъ кающихся грѣшницъ, ограждаемъ по возмож-

ности дѣвочекъ; все это тоже прекрасно... Увы! Здѣсь еще переживаютъ фазисъ протеста, который можно назвать — *свободой любви*... А это совсѣмъ не то, что *свобода женщины*, какъ мы ее понимаемъ. Проблема воспитанія дѣвочекъ, солидное образованіе и развитіе молодыхъ дѣвушекъ мало интересуютъ француженокъ.. Здѣсь все предстоитъ создать и привить: и идею, и осуществленіе...

— И вы надѣетесь?..

— Увѣрена въ успѣхѣ, въ концѣ концовъ. Понадобятся деньги,—здѣсь ихъ нетрудно найти. Парижъ расточителенъ и щедръ. Но у меня еще не набранъ персоналъ педагогичекъ... А въ этомъ вся суть.

— Значитъ, много другихъ женщинъ и дѣвушекъ работаютъ съ вами?—ревниво спросила Фредерика.

— Много званыхъ, но мало избранныхъ, дитя мое! Вы съ Леей будете въ числѣ самыхъ драгоценныхъ моихъ помощницъ. Вы самой природой предназначены для этой дѣятельности и сами свободно и вдохновенно избрали ее... Вы—главный бухгалтеръ солидной конторы; Лея — рисовальщикъ; обѣ вы занимаете мужскія должности, одержите побѣду надъ мужскимъ преимуществомъ. Такъ и оставайтесь обѣ до моего призыва. Занимайтесь въ мое отсутствіе самообразованіемъ, укрѣпляйтесь духомъ. Нравомъ и поведеніемъ вы уже достаточно крѣпки.

— Да, мы будемъ слушать васъ во всемъ и съ полной радостью! Я съ нынѣшняго дня только постигла смыслъ и пользу жизни!

— Именно жизнь ваша началась сегодня. Вчера еще горизонтъ вашъ замыкался вокругъ Леи, матери и самой себя. Сегодня вы провидѣли великій долгъ альтруизма, свою судьбу слили съ судьбой всѣхъ женщинъ. Но ужъ поздно, дитя мое, пора вамъ ложиться спать. Сномъ и тѣлесными нуждами пренебрегать не слѣдуетъ: здоровье—драгоценная почва и пособіе для ума. Надо опасаться переутомленія, ведущаго американокъ къ неврастенію. Завтра вечеромъ я зайду проститься съ вами. Послѣ завтра уѣду.

Фредерика встала.

— Помните: всѣ мои книги къ вашимъ услугамъ. Читайте ихъ. Для начала вотъ вамъ томикъ... Его же перечтете и подъ самый конецъ. Въ немъ—ключъ ко всему.

Ромена дала ей небольшую книжку въ 200 страничекъ.

— До свиданія!

Дѣвушки поцѣловались. Фредерика ушла въ свою комнату, раздѣлась и легла. Но, прежде чѣмъ потушить огонь, она открыла книжку и прочла слѣдующее предисловіе: «Въ этихъ очеркахъ я намѣреваюсь изложить возможно яснѣ причины убѣжденій, сложившихся у меня съ тѣхъ поръ, какъ соціальныя и политическія вопросы стали занимать меня. По мѣрѣ того какъ я вникалъ и размышлялъ, убѣжденія эти не только не ослабѣли и не измѣнились, но окрѣпли и сдѣлались непоколебимыми. Я нахожу, что отношенія половъ ненормальны и дурны; благодаря закону, подчиняющему одинъ полъ другому, задерживается главнымъ образомъ ходъ человѣческаго прогресса. Я думаю, что пора установить полное равенство между мужчиной и женщиной, безъ привилегій и власти на одной сторонѣ и безгласной подчиненности—на другой». Эти отчетливыя слова Джона Стюарта Милля неизгладимо запечатлѣлись въ мозгу Фредерика. Она съ такой силой и полнотою прониклась ими, что не могла пока вмѣстить въ себя дальнѣйшаго чтенія. Потушивъ лампу, она закрыла глаза и продолжала думать. Чѣмъ глубже проникалась она идеей, тѣмъ радостнѣе и свѣтлѣе становилось у нея на душѣ. Да, сегодня найденъ для нея смыслъ жизни и отыскана цѣль! Дѣвственныя, могучія силы нашли себѣ исходъ: она отдастъ ихъ на служеніе новой истинѣ, новой вѣрѣ. Твердой рукой высоко понесетъ она знамя идеи...

V.

Обойная фабрика Дюрамберти - сыпа занимала большое мѣсто въ кварталѣ Сенъ-Шарля, параллельно съ улицей des Vergers. Отецъ Дюрамберти основалъ ее на своемъ участкѣ и, по мѣрѣ надобности, возводилъ пристройки. Но даже и пристройки пришли уже въ ветхость, когда Жюдъ Дюрамберти принялся за управленіе фабрикой. Два года спустя, онъ началъ методически производить ремонтъ своихъ построекъ, не прерывая работъ, замѣняя дерево кирпичемъ и желѣзомъ, прорѣзывая громадныя окна, проводя электричество, устанавливая моторы.

Входъ слѣзали теперь съ улицы des Vergers, черезъ дворъ залитый асфальтомъ; постройки изображали форму А; въ поперечной перекладинѣ помѣщалась администрація, въ трехъ-угольникѣ насажены были каштановыя деревья. Дюрамберти, за смертью отпа, въ двадцать восемь лѣтъ очутился во главѣ управленія фабрикой и неожиданно для всѣхъ изъ кутилы и фланера превратился въ изобрѣтательнаго, серьезнаго и предприимчиваго дѣльца. Во всѣ свои затѣи онъ вкладывалъ обдуманную и сдержанную смѣлость. Онъ не рисковалъ, очертя голову, но всегда тщательно собиралъ свѣдѣнія, обдумывалъ, взвѣшивалъ шансы, — и тогда уже принимался за дѣло широко, не боясь издержекъ. Настоящій застой промышленности и французской изобрѣтательности заставилъ его подумать о средствахъ поправить это дѣло. Онъ храбро отбросилъ старую процедуру фабрикаціи, не побоялся нововведеній и пробныхъ улучшеній, и въ четыре года на семь разъ увеличилъ доходъ своего производства. Въ 1896 году фабрика Дюрамберти считалась одною изъ лучшихъ: ея обои выписывались даже въ Англию, подъ названіемъ «англійскихъ». Жюду Дюрамберти стукнуло тридцать семь лѣтъ; онъ былъ бездѣтнымъ вдовцомъ и, не смотря на богатство, отказался отъ всякихъ удовольствій, — такъ они ему пріѣлись, — полюбивъ свой благодарный, обширный трудъ. Властолюбивый, подчасъ бѣшенный со служащими, онъ въ сущности былъ все таки любимъ подчиненными за великодушный и немелочный характеръ. Онъ платилъ широко, не усчитывая грошей.

— Бѣденъ рабочій и фабрика бѣдна! — говаривалъ онъ.

Его даже не осуждали за то, что иногда онъ выбиралъ одну изъ красивыхъ работницъ и дарилъ ее мимолетными ласками: она въ накладѣ не оставалась, — чего же еще требовать отъ этого полнокровнаго, нестараго еще вдовца, такого подвижнаго, живаго и щедраго?.. Все происходило по взаимному соглашенію, безъ всякаго насилія или принужденія.

Шантажа быть не могло, да онъ и былъ не изъ трусливыхъ, не побоялся бы никакой огласки! Лея и Фредерика, служившія на фабрикѣ какъ-то особнякомъ, въ сторонѣ отъ остальныхъ служащихъ и работницъ, не подозревали, что молва муравейника приписала ихъ льготное положеніе пристрастію хозяина. Быстрое повышение Фредерики на мѣсто старшаго

бухгалтера—новшество для дѣвушки!—отдѣльная комната для рисовальщицы Лен возбудили ревнивые и недоброжелательные толки. Подъ сурдинку рѣшено было, что обѣ «герцогини»—(какъ называли язвительно сестеръ Сюрбе) — «живутъ» съ Дюрамберти, который не даетъ маху въ этихъ дѣлахъ... Благодаря этой выдумкѣ, ихъ и ненавидѣли, и почитали. На самомъ же дѣлѣ Лея почти не видѣла хозяина: работа вводила ее въ непосредственныя сношенія съ инженеромъ Лепикомъ, принявшимъ отъ нея рисунки и назначавшимъ новые. Фредерикъ, наоборотъ, приходилось сдавать ему отчеты отъ пяти часовъ до шести. Онъ обращался съ нею, какъ съ чиновникомъ, не дѣлая никакой разницы, и былъ вполнѣ доволенъ ею.

Рабочій день сестеръ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: въ девять часовъ онѣ неизмѣнно являлись на службу, и Фредерика принимала бумаги и объясненія отъ трехъ помощниковъ: одного старика, по имени Паскета, и двухъ молодыхъ людей, совершенно безличныхъ. Затѣмъ она разбирала почту, вписывала, что надо, въ книги и передавала корреспонденцію по части машинъ Паскету, который долженъ былъ препроводить ее къ инженеру. Собственно коммерческая переписка лежала на ея обязанности: она отвѣчала или сама, или указывала прикащикамъ, въ какомъ смыслѣ давать отвѣты. Отъ полудня до половины втораго полагался завтракъ всему фабричному персоналу; сестры рѣдко уходили домой въ этотъ часъ, а закусывали тартинками и чаемъ. Если погода была хороша, онѣ шли подышать воздухомъ подъ каштановыя деревья, клиномъ насаженныя за фабрикой, или оставались въ конторѣ, читая и разговаривая. Въ половинѣ втораго снова принимались за работу. До вечера больше некогда было перекинуться словомъ; но онѣ чувствовали другъ друга близко и работа казалась имъ отъ этого легче и пріятнѣе. Послѣ сдачи Фредерикой отчета хозяину—онѣ были свободны. Трудовая и правильная жизнь сестеръ ничѣмъ не нарушалась во время отсутствія Ромены Пирницъ, которое длилось десять мѣсяцевъ. Каждый день сестры являлись на фабрику, дѣлали свое дѣло и уходили. Христина не замѣчала въ дочеряхъ никакой перемѣны. А, между тѣмъ, въ душѣ ихъ произошелъ переворотъ гораздо болѣе значительный, чѣмъ за цѣлыя десять лѣтъ до того. Онѣ откровенно переговаривали другъ съ другомъ о своихъ

впечатлѣніяхъ, обѣ провожали на вокзалъ Ромену Пирницъ и дружба сестеръ стала прочнѣе, чѣмъ когда либо. Общее стремленіе къ новому ученію еще тѣснѣе сблизило ихъ.

Онѣ вмѣстѣ отбывали какъ бы монастырское «послушаніе», радостно и бодро; черпали поученія изъ книгъ, изъ воспоминаній о Роменѣ и изъ ея писемъ. Сама комната, оставленная имъ въ наслѣдство, казалась имъ часовней; духъ проповѣдницы обиталъ въ ней, словно она, уѣхавши, оставила здѣсь свою мысль. Отдѣлавшись отъ службы, Фредерика и Лея уходили въ комнату Ромены, читали наугадъ книги: жизнь математика-женщины, Софи Жермень, отчетъ о покровительствѣ дѣвочекъ, англійскую брошюру о возрожденіи преступницъ, «Новую Еву», Жюля Буа; «За моремъ». — Буржэ; лекціи объ американской школѣ Вассара. Онѣ читали поочередно вслухъ и никогда не уносили книгъ къ себѣ—это показалось бы имъ святотатствомъ. Только брошюра Джона Стюарта Милля, подаренная Роменой, была всегда неразлучна съ Фредерикой, и сестры вмѣстѣ изучали ее, даже въ свободный часъ послѣ завтрака на фабрикѣ. Вскорѣ онѣ освоились съ книгой, какъ съ молитвенникомъ, и почти знали ее наизусть. Можно съ увѣренностью сказать, что сослуживцы обоихъ половъ на фабрикѣ Дюрамберти разинули бы рты отъ изумленія, еслибъ провѣдали, чѣмъ занимаются «герцогини», какіе разговоры ведутъ между собою!.. «Освобожденіе женщины», «Будущая Ева», «Человѣчество, возрожденное волей женщины»... Поэтъ непременно умилился бы, глядя на эту пылкую жажду дѣятельности у молодыхъ неофитокъ; философъ, пожалуй, усмѣхнулся бы. Какъ и всѣмъ юнымъ существамъ, дѣвушкамъ все казалось такъ просто, легко, возможно и исполнимо! Будущее готовило имъ непредвидѣнныя препятствія и разочарованія, но въ данное время онѣ ихъ не признавали. Чтѣ можетъ быть проще: нѣсколько убѣжденныхъ дѣвицъ, задавшись высокой цѣлью протеста, смѣло пойдутъ по бѣлому свѣту поучать и призывать угнетенныхъ и поработенныхъ сестеръ; на бѣлыхъ одеждахъ ихъ не будетъ ни одного пятнышка; красота ихъ не должна служить приманкой чувственности; онѣ гордо и смѣло, какъ королевы, недосыгаемая и недоступная, пойдутъ мимо изумленныхъ народовъ, увлекая за собой цѣлыя толпы людей, жаждущихъ свѣта истины!

Возможно ли допустить, чтобы нашлись люди, неспособные понять неопровержимые доводы и аргументы Стюарта Милля? Возможно ли познакомиться съ Роменой Пирницъ и не убѣдиться, что непреложная истина глаголетъ ея устами? Почему не покорить Старый свѣтъ, какъ женская коалиція (сестры, разумѣется, преувеличивали ея значеніе) покорила Новый? О, Господи, дожить бы до блаженнаго времени, когда Ева будущаго воплотится въ аристократокъ-дѣвственницъ, пренебрегающихъ защитой и покровительствомъ мужчины, великихъ и сильныхъ своей независимостью и свободой! Фредерика и Лея поклялись, что ни та, ни другая не поддадутся никакому искушенію; будутъ трудиться на общую пользу, останутся неуязвимыми для земныхъ страстей..

Но дѣйствительность любитъ вернуть насъ изъ области блестящихъ грѣзъ къ неприглядному реализму жизни. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ отъѣзда Ромены Пирницъ, заболѣла Христина. Всегда страдаая желудкомъ, она не могла принудить себя къ воздержанію: кончилось тѣмъ, что всякая пища начала вызывать сильныя страданія. Съ ухудшеніемъ здоровья, она стала раздражительной, проявляла разныя странности, капризы, фантазіи, которыя надо было немедленно исполнять; работать она совсѣмъ перестала. Неповоротливость послѣднихъ лѣтъ вдругъ перешла въ постоянное желаніе быть на улицѣ, кататься; капоты замѣнились модными платьями; вернулась, какъ въ былое время, непобѣдимая потребность совершать традиціонную прогулку по Булонскому лѣсу каждое воскресенье. Дочери, скрѣпя сердце, подчинялись ея причудамъ; толпа, улица, сборища — все это было имъ до крайности противно: совсѣмъ не въ такомъ направленіи онѣ были настроены! Но дѣлать нечего: нанимался фіакръ, въ него сажались Христина, въ яркомъ туалетѣ, и болѣе чѣмъ скромно одѣтыя дочери,—и катались. На нихъ съ любопытствомъ глазѣли—и ради страннаго сопоставленія, и ради хорошенькихъ лицъ молодыхъ дѣвушекъ. Старѣясь, Христина положительно дѣлалась смѣшной и глуповатой: молчаливые уроки и внушенія суровой Фредерики перестали вліять на нее; основы строгой нравственности, о которой она наслушалась изъ разговоровъ Ромены съ Леей и Фредерикой, совсѣмъ вылетѣли изъ ея пустой головы. Оставаясь днемъ одна, Христина снова завела

знакомство съ сосѣдками,—съ привратницей, съ модисткой и ея мастерицами, даже съ парикмахеромъ, — сначала потихоньку отъ дочерей, затѣмъ безъ церемоній, открыто, точно бравируя мнѣніемъ и вкусами молодыхъ дѣвушекъ. А онѣ не рѣшались ей прекословить. Фредерика спрашивала доктора насчетъ болѣзни матери, и онъ объявилъ, что излѣчить ея нѣтъ возможности и развязка близка. Зная это, дочери покорились, терпѣли нежелательныя знакомства, неприличные подчасъ разговоры, присутствіе назойливыхъ сосѣдей. Отъ общности этихъ неприятностей дружба ихъ стала еще тѣснѣе; звеномъ ея служило, вдобавокъ, благоговѣнное воспоминаніе о Роменѣ, которую онѣ извѣщали обо всемъ, и она подкрѣпляла ихъ короткими, но полными глубокаго смысла письмами. Дѣвушки упивались ими и перечитывали ихъ, какъ другія перечитываютъ любовныя посланія. Терпѣливо перенося испытаніе, сестры крѣпили для будущей жизненной борьбы. Когда въ Парижъ вернулась Ромена, то нашла неофитокъ созрѣвшими для миссіи и сказала имъ:

— Вы обѣ предназначены были самой судьбой для нашего дѣла! Пора вамъ дѣйствовать.

Сестры не смѣли разспрашивать, но радостно ожидали приказаній.

А Ромена улыбалась, глядя на ихъ нетерпѣніе, и молчала. Черезъ нѣсколько недѣль она объявила:

— Завтра я поведу васъ туда...

Слѣдующій день былъ воскресный; но Христина бесполезно стала бы уговаривать дочерей ѣхать кататься. По счастью, Ромена заранѣе сказала матери, что приглашаетъ Фредерику и Лею къ себѣ на все утро и вмѣстѣ съ ними явится назадъ къ завтраку. Яснымъ майскимъ утромъ вышли три подруги въ девять часовъ и пѣшкомъ отправились черезъ мостъ Согласія, въ улицу Гренель.

Передъ 83 № Ромена остановилась и сказала: — «Это здѣсь». То было старинное зданіе съ узкимъ, неправильнымъ фасадомъ, сѣрое, неуклюжее, непривѣтливое. У порога подъѣзда сидѣлъ привратникъ, величавый старецъ съ сѣдыми бровями и бритымъ, свѣжимъ лицомъ; онъ читалъ книгу съ золотымъ обрѣзомъ, по виду священную, и привѣтливо поклонился Роменѣ Пирницъ.

Дворъ былъ вымощенъ крупнымъ булыжникомъ, съ пробивавшейся по краямъ травкой; тамъ и сямъ валялись обломки колоннъ, коринтскія капители; съ одной стороны тянулась городьба, а за ней садъ; съ другой — слѣпая бѣлая стѣна сосѣдняго дома, современной многоэтажной архитектуры, яркая бѣлизна которой представляла рѣзкій контрастъ съ окружающими сѣрыми тонами. Въ углу направо находился подъѣздъ, защищенный сверху желѣзной—крашеной и пыльной — крышей.

— Мы пришли къ mademoiselle де-Сентъ-Парадъ, — пояснила Ромена, поднявшись со спутницами на крыльцо и нѣсколько запыхавшись по обыкновенію.

Цѣпочка съ желѣзной ручкой висѣла у праваго наличника двери; но, прежде чѣмъ позвонить, Ромена нашла нужнымъ прибавить нѣсколько объясненій.

— Эта особа — старая дѣвушка, большая оригиналка, но предобрая. Она уроженка юга; не любитъ противорѣчій; обожаетъ молодежь, и вась навѣрно полюбитъ. Она многое можетъ сдѣлать для насъ: богата и щедра.

Отворила имъ горничная въ бѣломъ передникѣ, толстая, лѣтъ сорока пяти: лицо ея. тонкое и моложавое, представляло странный контрастъ съ расплывшимся туловищемъ; голова подвязана была шелковымъ платочкомъ по южной модѣ.

— Добро пожаловать, mademoiselle Ромена!

— Здравствуйте, Марія.

Служанка съ любопытствомъ оглядѣла двухъ незнакомыхъ барышень.

— Какихъ красавецъ привели вы къ намъ!—съ ласковой фамильярностью сказала Марія:—все хлопчете о зданіи?

— Да, Марія, все хлопчемъ о зданіи.

Слѣдомъ за горничной, катившейся безшумно, какъ резиновый мячъ, посѣтительницы прошли сѣни съ каменнымъ поломъ и, поднявшись по деревянной лѣстницѣ, устланной ковромъ, очутились въ передней — приемной перваго этажа. Марія впустила ихъ въ огромную залу, занимавшую весь фасадъ дома и три боковыхъ окна въ садъ.

Обстановка залы указывала на ея назначеніе для официальныхъ собраній: бѣлые обои, натертый паркетъ; по стѣнамъ планы, а посрединѣ — овальный столъ подъ зеленымъ сукномъ.

Въ эту минуту, за столомъ никого не было; пять женщинъ въ темныхъ платьяхъ собрались въ лѣвомъ углу, у окна. При входѣ новыхъ посѣтительницъ, отчетливо раздававшійся рѣзкій голосъ умолкъ и группа раздвинулась. Лея и Фредерика, вслѣдъ за Роменой, подошли къ креслу на колесахъ, въ которомъ сидѣла mademoiselle де-Сентъ-Парадъ.

Прежде всего, сестеръ поразило большое, толстое лицо съ крупными чертами и крошечное, худое тѣльце въ глубокомъ креслѣ; на сѣдѣющей головѣ старой дѣвы накинута было кружево, также какъ и на узенькія плечи; ручки опирались о колеса кресла. Вся фигура казалась выскочившей изъ катигурнаго журнала, въ жанрѣ миньютюрныхъ людей съ несообразно-громадными головами. Лея и Фредерика увидали сначала эту особу и стоявшую позади нея монахиню въ темно-лиловомъ капотѣ, съ блѣднымъ, худымъ лицомъ и безцвѣтными глазами, въ бѣломъ накрахмаленномъ головномъ уборѣ.

— Mademoiselle, позвольте представить вамъ моихъ юныхъ подругъ, о которыхъ я вамъ говорила: старшая — Фредерика, младшая — Лея.

Немощная хозяйка оперлась руками въ черныхъ митенкахъ о высокія колеса кресла, прищурилась, затѣмъ широко раскрыла маленькіе, темные глазки съ красными вѣками.

Разочарованнымъ, нѣсколько даже комичнымъ тономъ она произнесла:

— Ахъ, какія онѣ хорошенькія!.. Слишкомъ хорошенькія для насъ, Пирницъ. Онѣ намъ едва ли годятся.

Изъ пяти присутствующихъ женщинъ, только одна, — черноволосая, съ цунцовой розой на шляпкѣ, — сѣлала недовольный жестъ обиженнаго самолюбія; остальные улыбнулись. Двѣ изъ нихъ были заурядной наружности; третья же — высокая, полная, свѣжая блондинка — и четвертая — худенькая, живая, рыженькая, похожая на мальчика, съ судорожными движеніями рукъ и губъ — положительно были недурны собой, не смотря на сомнительный комплиментъ, которымъ угостила всю компанію mademoiselle де-Сентъ-Парадъ.

Между тѣмъ, хозяйка потянула Лею за рукавъ поближе къ окну.

— Который вамъ годъ, дитя мое?

— Семнадцать лѣтъ, сударыня.

— Замужъ не хотите выйти?

— О, нѣтъ!

— Желаете заниматься судьбой бѣдныхъ, какъ мы съ Пирницъ, старья пустомели?

Лея, недовольная тѣмъ, что старая чудачка поставила Ромену на одну доску съ собой, покраснѣла и бросила взглядъ на свою уважаемую подругу.

— Лея дѣвушка серьезная, — отвѣтила за нее Пирницъ: — другаго общества, кромѣ Фредерики и моего, у нея нѣтъ.

— Посмотримъ на другую! — сказала хозяйка и, выпустивъ рукавъ Леи, спокойно повернулась къ старшей сестрѣ.

— Ого! Какая серьезная, да важная! У насъ, барышня, здѣсь всѣ веселы. Мы стараемся дѣлать добро и раздавать милостыню радостно. Вы всегда такая мрачная?

Среди возбужденнаго любопытства присутствующихъ, Фредерика спокойно заговорила:

— Я рѣдко смѣюсь; это правда, сударыня... Должно быть, ужъ такой видъ у меня отъ природы. Безъ причины я не омрачаюсь.

Mademoiselle де-Сентъ-Парадъ ничего не возразила, еще поглядѣла поочередно на двухъ сестеръ и обратилась къ монахинѣ, стоявшей позади ея кресла:

— Сестра Одиля, очень онѣ хорошенькія, эти подруги Пирницъ, не правда ли? Подойдутъ онѣ къ нашему дѣлу, какъ вы думаете?

Изъ глубины накрахмаленныхъ полей головного убора, тоненькій голосокъ, съ сильнымъ эльзасскимъ акцентомъ, отвѣтилъ:

— Навѣрное подойдутъ, mademoiselle.

— Ну, ладно. Значить, мы въ сборѣ. Пирницъ, вы объяснили вашимъ дѣвицамъ, чѣмъ мы въ настоящую минуту занимаемся?

— О, онѣ живо поймутъ; я посажу ихъ около себя и буду по мѣрѣ надобности вводить ихъ въ курсъ дѣла.

Сестра милосердія и дама съ пунцовой розой подкатали кресло калѣки къ столу; остальные «члены» собранія размѣстились вокругъ зеленого сукна; Пирницъ съ Фредерикой и Леей сѣли у конца стола, напротивъ предсѣдательницы.

— Начнемте, mesdames,—сказала mademoiselle де-Сентъ-Парадъ.

Одна изъ хорошенькихъ «членовъ»—круглая и бѣлая блондинка—начала читать:

«Собраніе десятого мая. Присутствующія: предсѣдательница—mademoiselle де-Сентъ-Парадъ,—mademoiselles Герто, Пирницъ, Женевьева Субизъ, Дэзи Крагсъ, Дюивекъ Геспель. Возобновляютъ пренія по поводу программы школьнаго образованія. М-лле Герто предлагала исключить декоративныя искусства и, для начала, ограничиться учрежденіемъ начальной школы на общихъ основаніяхъ»...

Пѣвучій голосъ чтицы подробно изложилъ мнѣніе м-лле Герто и высказанныя въ прошломъ собраніи возраженія.

Пирницъ шопотомъ объясняла Леѣ и Фредерикѣ комментаріи на суть протокола и на особенности дѣятелей.

— Та, которая читаетъ,—Дюивекъ Геспель,—прелестная личность, дочь крестьянъ изъ окрестностей Газебрука. Слушаетъ курсъ нормальной школы. Дама въ черной шляпѣ съ розаномъ—бывшая учительница, mademoiselle Герто,—поссорилась со своимъ начальствомъ, и ее оставили за штатомъ. Она очень умна, опытна и полезна намъ...

Чтеніе продолжалось:

«Mademoiselle Крагсъ замѣтила, что число желающихъ учить во Франціи слишкомъ велико; по ея мнѣнію, надо специализировать предметы съ болѣе строгимъ выборомъ. Mademoiselle Пирницъ заявила»...

— Крагсъ, Дэзи Крагсъ, — продолжала вполголоса Роме-на,—это вотъ та дѣвица съ голубыми глазами.

— Съ лицомъ младенца?—переспросила Лея.

— Да, съ милымъ дѣтскимъ лицомъ, вся розовая. Добрѣйшая и честнѣйшая личность! Ирландка по происхожденію, она принимала живое участіе въ возстаніи своей родины въ 1878 г. Со времени усмиренія патріотовъ-націоналистовъ, уѣхала въ Парижъ и состоитъ корреспондентомъ многихъ англійскихъ газетъ. Добра и милосерда, какъ самаритянка... На свои скудные средства воспитала Женевьеву Субизъ, ту рыженькую дѣвчушку, живую и нервную, которая сидитъ возлѣ нея. Цѣлый трогательный романъ! Расскажу вамъ потомъ... Женевьева была принята обществомъ «покровительства дѣтей»...

Ромена остановилась: давая объясненія подругамъ, она тѣмъ не менѣе продолжала прислушиваться къ чтенію и громко перебила секретаря:

— Нѣтъ, Дюивекъ; вы меня не такъ поняли! Я не говорила, что не надо продавать издѣлій школы: я только того мнѣнія, что не слѣдуетъ задаваться торговыми цѣлями. У насъ въ виду не афера, а доброе дѣло.

— Однако,—вмѣшалась mademoiselle Герто:—если можно помочь матерьяльнымъ нуждамъ школы... облегчить расходы...

— Торговля подразумѣваетъ барышъ или убытокъ,—твердо продолжала Пирницъ:—рисковать мы не имѣемъ права. Деньги намъ слишкомъ нужны.

Дюивекъ сдѣлала въ рапортѣ поправку и продолжала чтеніе:

«Предложенія mademoiselles Герто и Пирницъ пошли на голоса. Начальная школа отвергнута большинствомъ четырехъ голосовъ противъ одного. Предложеніе mademoiselle Пирницъ основать профессиональное училище принято единогласно поднятіемъ рукъ».

Дюивекъ Геспель кончила и умолкла. Раздался отчетливый голосъ предсѣдательницы, прерываемый понюхиваніемъ камфарнаго спирта:

— Слушайте меня внимательно, обѣ новенькія! Я объясню вамъ все въ точности. Мы задались цѣлью помочь массѣ молодыхъ дѣвушекъ, которыя не знаютъ, какъ заработать свой кусокъ хлѣба въ Парижѣ, и по неволѣ гибнуть въ развратѣ или скверно выходить замужъ, что, по истинѣ, нисколько не лучше. Это васъ шокируетъ, сестра Одилия? Однако, это правда. Гдѣ вамъ понять такія вещи въ монастырѣ! Господи, монастырь—совершенство, идеаль, такъ должно быть; но вѣдь всѣхъ дѣвокъ не запрешь въ монастыри. Ну, вотъ беремъ мы дѣвочекъ, отогрѣваемъ ихъ, одѣваемъ, кормимъ, учимъ ихъ основательно ремеслу. Въ особенности воспитываемъ. Убѣждаемъ ихъ, что мужчины вовсе не необходимы для ихъ счастья... Не стѣбитъ краснѣть, сестра Одилия... Теперь надо приступить къ дѣлу: вещь не легкая. Деньжонки есть небольшія. Мое все отдаю... но это немного.

— Довольно!—сказала Пирницъ.

— Вы полагаете?—спросила больная, и глаза ея радостно блеснули,—а вы, Герто, какъ думаете?

*

Дама съ розаномъ на шляпѣ отрицательно покачала головой.

— Скептицизмъ заѣлъ эту Герто!—сказала предсѣдательница:—вѣры въ ней нѣтъ ни во что. Обойдемся и безъ ея поощренія. Попробуемъ понадѣяться на свои силы! Пирницъ, идея профессиональной школы—ваша, потрудитесь подробнѣе развить вашу мысль. Слово за вами.

Пирницъ заговорила:

— Предсѣдательница прекрасно резюмировала наши проекты: мы хотимъ внушить дѣвушкамъ здравыя понятія и научить ихъ хорошему ремеслу. Здравыя понятія будутъ основаны на томъ, что женщина—человѣкъ свободный, а не отраженіе другой личности, не приложеніе къ другому существу: словомъ, что поддержка мужчины вовсе ей не необходима. Въ основѣ этого ученія всѣ мы безусловно согласны. Чтò касается до выбора ремесла, то, послѣ необходимыхъ и полезныхъ совѣщаній и преній, мы рѣшили ограничиться сначала орнаментацией квартирной обстановки, — рисованьемъ, живописью, скульптурой, производствомъ обоевъ и украшеніемъ мебели, — все это разумѣется въ элементарномъ объемѣ, для будущей дѣятельности на фабрикахъ и въ мастерскихъ. Для такой подготовки не потребуется ни слишкомъ много мѣста, ни черезчуръ дорогихъ учителей, ни огромныхъ капиталовъ; двѣ особы изъ нашего общества могутъ доставить намъ важныя свѣдѣнія касательно этой отрасли промышленнаго искусства.

— Какъ? — воскликнула изумленная Крагсъ: — новенькія барышни наши такъ практичны въ промышленномъ искусствѣ? Это ужасно, ужасно интересно!

— Фредерика состоитъ главнымъ бухгалтеромъ, а Лея—рисовальщицей на извѣстной обойной фабрикѣ Дюрамберти, въ предмѣстьѣ Сень-Шарль.

— Это вѣрно: такъ вы мнѣ и говорили, Пирницъ,—подтвердила mademoiselle де-Сень-Парадъ:—ну-съ, дѣвицы, скажите намъ, какъ вамъ кажется идея Ромены Пирницъ?

Лея и Фредерика переглянулись; но, понявъ, что всѣ ждутъ, и ободренная взглядомъ Ромены, старшая Сюрье степенно заговорила:

— Я и сестра, обѣ довольны нашимъ положеніемъ. Хозяинъ—человѣкъ добрый; мы обѣ работаемъ совершенно особ-

никакомъ отъ остальныхъ мастерицъ и служащихъ на фабрикѣ. Но всё эти преимущества были бы еще пріятнѣе и значительнѣе въ заведеніи специально для женщинъ...

— Я прошу слова!—заявила mademoiselle Герто.

— Говорите,—сказала хозяйка.

— Я охотно присоединилась къ идеѣ профессиональной школы. Но вижу немаловажное препятствіе. Для изученія промышленныхъ искусствъ требуется то, чего никакіе учителя не дадутъ—а именно: способности. Чтѣ прикажете дѣлать съ дѣвочками, лишенными всякихъ способностей къ рисованью? Я по опыту знаю, что половина класса не въ состояніи ничего нарисовать.

— А вѣдь она права, mesdames!—подала свой голосъ председательница, такъ же легко поддающаяся увлеченію, какъ и разочарованію:—чтѣ скажете, Пирницъ?

— Лея отвѣтитъ за меня. Чтѣ вы думаете на счетъ этого, Лея?

Хорошенькое личико вспыхнуло и нагнулось къ столу; юная феминистка заговорила сначала смущенно, но мало-по-малу оправилась.

— Видите ли... чтобы выдумывать, напимѣръ, рисунки для орнаментовъ, образчики узоровъ для обоевъ и матерій... конечно, требуются специальныя способности... Но для механической работы: полировки... наклеиванья, печатанія на станкахъ—всякая женщина, при стараніи и усердіи, можетъ вполне годиться.

— А какъ велика въ среднемъ заработная плата?—спросила Дэви Крагсъ.

— Три франка въ день.

— Отлично! — обрадовалась успокоенная председательница:—очень хорошая плата. Чего же лучше? Три франка!.. Понимаю, чтѣ намъ нужно: развитіе природныхъ талантовъ у дѣвочекъ способныхъ и ловкихъ, и изученіе промышленности вообще—для остальныхъ!

Всѣ согласились. Стали говорить о выборѣ и покупкѣ мѣста для проектируемаго заведенія. Mademoiselle Герто осматривала два участка, которые продавались въ Монружѣ. Миссъ Крагсъ рекомендовала окраины,—новыя улицы близъ Пастѣровскаго бульвара.

— Нельзя ли мнѣ высказать свое мнѣніе?—тихонько спросила сосѣдку Фредерика.

— Mademoiselle Сюръ старшая просить слова!—заявила Ромена.

— Есть пустопорожній участокъ въ предмѣстьѣ Сень-Шарль, смежный съ нашей фабрикой,—сказала Фредерика.— Нашъ хозяинъ, господинъ Дюрамберти, я думаю, продалъ бы его, еслибъ ему предложили порядочную цѣну. Преимущество состояло бы въ близости фабрики для приложенія пріобрѣтенныхъ въ школѣ знаній.

— Отличная мысль!—одобрила предсѣдательница.

— Вы думаете, Фредерика, что господинъ Дюрамберти потерпитъ сосѣдство такой школы, такъ сказать, конкуррентки для его фабрики?—возразила Пирницъ.

— Это не будетъ конкурренціей, такъ какъ мы ничего не будемъ выдѣлывать для продажи... Напротивъ, ему слѣдуетъ радоваться: мы готовимъ будущихъ мастерицъ для его производства. Мужской фабричный персоналъ можетъ быть недоволенъ; но господинъ Дюрамберти не спроситъ его мнѣній.

— Мнѣ кажется, — замѣтила mademoiselle Герто, — что мысль mademoiselle Сюръ очень вѣрна... Во всякомъ случаѣ попытка не пытка... Мы будемъ дѣйствовать осторожно.

Фредерика сама удивилась успѣху своего предложенія и почти пожалѣла, что высказалась. Порѣшили на томъ, что Фредерика сообщить хозяину фабрики о намѣреніяхъ общества, а затѣмъ уполномоченныя—Герто и Пирницъ—вступятъ съ нимъ въ официальные переговоры. Около полудня собраніе кончилось и члены разошлись. Двѣ новенькія подошли проститься съ хозяйкой. Она поцѣловала ихъ, какъ и всѣхъ остальныхъ, а Лею на минутку удержала за руку:

— Боже, какая вы хорошенькая, дитя мое!.. А, главное, кажется, и не подозреваете этого... Пріятно смотрѣть на васъ.

Съ лѣстницы сошли всѣ вмѣстѣ. Толстуха Марія не преминула окликнуть ихъ:

— Ну, что? Рѣшили насчетъ дома-то?

— Почти,—отвѣчала Ромена.

— Эй, берегитесь здѣшняго народа!—предостерегала служанка:—воръ на ворѣ, ей богу. Того и гляди проведутъ васъ и мою барышню.

Долго еще продолжала она ворчать себѣ подѣ носѣ, пока компанія выходила на подѣздѣ. У воротѣ, mesdemoiselles Герто и Дюивекѣ отдѣлились отъ остальныхъ и пошли налѣво, къ Латинскому кварталу. Возлѣ моста Согласія отстали Дэзи Крагсъ и Женевьева, которымъ путь лежалъ по набережной д'Орсэ. Ромена съ Фредерикой и Леей перешли черезъ мостъ и направились однѣ къ дому.

— Чувствую я,—начала Ромена,—что вы нѣсколько разочарованы, дѣти мои. Не отпирайтесь. Я васъ знаю... Вы шли туда, полныя вдохновенныхъ грезъ, навѣянныхъ теоріями, книгами... Освобожденіе женщины... Ева будущности... Сильная дѣвственница... И вдругъ, вмѣсто всего этого, какія-то разсужденія о средствахъ, ремеслахъ; вопросъ о покупкѣ земли, о постройкѣ зданія, о программѣ преподаванія. Какое паденіе съ облаковъ на землю! Правда вѣдь?

Лея отвѣчала:

— Меня приводитъ въ отчаяніе, что я въ этомъ не понимаю ровно ничего.

— Все равно, старайтесь вникнуть. Смирными трудами понерокъ готовится великое будущее. Вспомните, какія мелочныя заботы выпадаютъ на долю матери для ухода за новорожденнымъ... Но она знаетъ, что создала душу. И мы, матери... Все это кажется низменнымъ для умозрительной философіи. Но безкорыстное самоотверженіе облагораживаетъ всякую работу. Философія—эгоистическое наслажденіе; наши же практическія труды плодотворны. Какъ воодушевлены самоотверженіемъ члены нашего кружка! Дюивекъ, безъ всякихъ средствъ, зарабатывая такъ немного, что едва хватило бы на собственныя нужды благоразумной дѣвицы, находитъ возможность посылать старымъ родителямъ и участвовать въ разныхъ дѣлахъ милосердія... Она не умѣетъ думать о завтрашнемъ днѣ: товаркѣ ея, Герто, приходится журить ее и сдерживать... А развѣ не трогательна исторія миссъ Крагсъ съ Женевьевою? Сама неимущая, перебивающаяся переводами да мелкими статьями, идетъ она разъ въ домъ «Призрѣнія дѣтей»; при ней приводятъ дѣвочку двѣнадцати лѣтъ, отецъ которой, горькій пьяница, колотилъ жену и заставлялъ дочь побираться... Общество намѣрено отправить дѣвочку къ фермерамъ; миссъ Крагсъ, обожающая дѣтей, разговариваетъ съ бѣдняжкой и прони-

кается безконечной жалостью къ ея судьбѣ... Женевьева сначала молчитъ и смотритъ исподлобья, но осваивается мало-помалу и отвѣчаетъ... Миссъ Крагсъ находятъ въ ней умъ, живость, гордость, — и предлагаетъ взять ее къ себѣ. Общество соглашается. И вотъ она воспитала ее въ каморкѣ пятого этажа, гдѣ ютится сама, въ улицѣ Сегюръ... Поставила дѣвочку на ноги, образовала ее, сдѣлала своей сотрудницей. Изъ Женевьевы вышла сильная характеромъ дѣвушка, которой мы очень до-вѣряемъ.

— Да, она пресимпатичная! — сказала Фредерика.

— Но какимъ образомъ сошлись вы всѣ? перезнакомились?

— Случай помогъ. Я встрѣтила барышень Герто и Крагсъ въ «Призрѣннїи дѣтей», которое я тогда изучала; черезъ нихъ ознакомила съ Дюивекъ и Женевьевой... Что касается до mademoiselle де-Сентъ-Парадъ...

Въ это время онѣ переходили улицу de la Sourdière; Ромена замолчала и, ступивъ на противоположный тротуаръ, продолжала:

— Что касается до mademoiselle де-Сентъ-Парадъ, то дѣло вышло очень просто. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я напечатала въ одной изъ самыхъ распространенныхъ здѣсь газетъ слѣдующее объявленіе: «Ищутъ капитала для добраго дѣла въ пользу женщинъ». На слѣдующій же день я получила письмо отъ великодушной филантропки, сочувствующей женскому вопросу.

Ромена находила, что это «очень просто»...

На лѣстницѣ она пропустила сестеръ впередъ, говоря:

— Идите навверхъ, не ждите меня. Я вѣдь съ трудомъ вползаю!

Фредерика и Лея повиновались. Обѣ онѣ задумались надъ одной мыслью: вѣра сдвигаетъ горы! Стоитъ лишь вѣрить и желать — деньги найдутся, и все будетъ «очень просто»!..

VI.

Не откладывая въ долгій ящикъ, на слѣдующій же день, въ пять часовъ, Фредерика заговорила съ Жюдомъ Дюрамберти объ участкѣ земли за его фабрикой..

— А! Профессиональную школу затѣваете?—спросилъ онъ полусерьезно, полускептически:—но ощущается ли въ ней потребность? Въ Парижѣ ихъ цѣлыя массы съ такой обстановкой, какой вамъ никогда не достичь!

— Дѣло идетъ о свободной школѣ,—твердо пояснила молодая дѣвушка.

— На религиозныхъ началахъ?

— Да, конечно... Въ родѣ женскихъ училищъ въ Америкѣ.

— Понимаю. Феминизмъ... протестъ!..

Фредерика сдѣлала неопредѣленный жестъ, недовольная тономъ Дюрамберти.

Онъ, между тѣмъ, размышлялъ, поглядывая на нее время отъ времени.

— Вотъ что, mademoiselle,—заговорилъ онъ, наконецъ, отрывисто:—знайте, что я желаю сдѣлать вамъ пріятное. Я считаю васъ за дѣвушку настолько разумную и дальновидную, что вы не пожелаете вовлечь меня въ рискованное предпріятіе. Надо думать, что вы имѣете серьезныя гарантіи для успѣха. Участокъ мой я не имѣлъ намѣренія продавать: черезъ двадцать лѣтъ стоимость его удесятерится; только ждать долго. Вотъ что я вамъ предложу: землю я дамъ вашимъ пріятельницамъ безвозмездно...

Онъ остановился, выжидая эффекта.

— О, возможно ли?—вскричала изумленная Фредерика:—какъ? даете безвозмездно?..

— Не спѣшите благодарить. Разумѣется, мнѣ пріятно угодить вамъ, но пренебрегать собственными интересами не въ моихъ правилахъ. Дѣло, затѣянное вашими подругами, требуетъ немедленныхъ, громадныхъ затратъ... Я помогу вашимъ усиліямъ и сокращу вамъ расходы. Покупатели ваши положить въ банкъ половину суммы, опредѣленной экспертами за мой участокъ. Проценты они будутъ получать, сумма пусть служить залогомъ нашего договора. Возводите зданіе, какое и какъ хотите. Черезъ двадцать лѣтъ земля и постройки будутъ составлять мою собственность и я сдамъ ихъ въ аренду подъ ваше же предпріятіе. Устройтесь такъ, чтобы не быть въ накладѣ при такой комбинаціи. Съ другой стороны, если дѣло ваше не пойдетъ и лопнетъ, то земля съ ненужными для меня постройками вернется въ мою собственность. Ясно?

— Ясно,— сказала Фредерика,— но я не уполномочена принять ваши условия или отказаться.

— Передайте мое предложение. Я никого не неволю. Входить въ переговоры съ вашими пріятельницами не вижу надобности. До подписанія контракта предпочитаю имѣть дѣло съ вами одной. Больше говорить объ этомъ излишне, и я первый не заговорю. Когда найдете нужнымъ— возобновите переговоры.

Затѣмъ онъ, какъ и всегда, протянулъ ей руку. Она ушла изъ конторы, раздумывая обо всемъ сказанномъ. Но что-то беспокоило ее... Она стала искать причину и поняла, что Дюрамберти слишкомъ крѣпко пожалъ ей руку.

«Господи, какая я дура! — тотчасъ же упрекнула она себя: — не таковскій онъ, чтобы думать о пустякахъ».

Между тѣмъ, Лея, въ парусинномъ мѣшкѣ, одѣтомъ поверхъ платья,— и все таки хорошенькая и изящная, — старательно промывала обойный рисунокъ: піоны съ пучками колосьевъ. Фредерика вошла въ ея мастерскую и поцѣловала ея бѣленькую шейку.

— Милочка,— сказала она,— кажется, фортуна за насъ и мы принесемъ счастье дѣлу!

— Monsieur Жюдъ согласенъ?..

— Слушай...

До самого вечера онѣ ни о чемъ другомъ не могли говорить. Но дома ихъ ожидала печальная вѣсть: Христина чувствовала себя хуже. Послѣ завтрака съ ней случился глубокій и продолжительный обморокъ; Ромена прибѣжала ухаживать за ней. Теперь она читала ей вслухъ какой-то романъ. Прислонясь къ подушкамъ, Христина слушала и изрѣдка стонала.

— Какъ вы поздно!— встрѣтила она дочерей упрекомъ.

— Ахъ, мама, прости насъ, дорогая! — воскликнула Лея, болѣе впечатлительная и нѣжная, чѣмъ сестра.

— Обо мнѣ совсѣмъ не думаете,— капризно ныла больная.

Фредерика, со свойственной ей прямолинейной честностью, созналась себѣ, что дѣла «общества» интересовали ее гораздо больше, чѣмъ домашнія. Она, по идеалу Ромены, выработала въ себѣ самоотреченіе, и слова: «оставь отца и мать»... — не были для нея пустымъ звукомъ. Лея же, напротивъ, все забыла, за исключеніемъ больной матери. Въ теченіе шести не-

дѣль, предшествовавшихъ надвигавшемуся концу, Фредерика одна посѣщала собранія въ улицѣ Гренель. Она вскорѣ сдѣлалась тамъ необходимой; ея ясный умъ и трезвый взглядъ на вещи подчинилъ остальныхъ дѣятельницъ. Ромена говорила ей:

— Я мало смыслю въ дѣлахъ, Фэди... Намъ нужна была такая женщина, какъ Эрминія Занць... и мы напали на васъ! Вы можете вполнѣ замѣнить ее.

Предложеніе Дюрамберти сначала удивило, затѣмъ прельстило членовъ.

— Не подвохъ ли это какой нибудь?—сказала осторожная Герто.

— Остерегайтесь мужчинъ!—произнесла въ свою очередь mademoiselle de-Сентъ-Парадъ.

— Не думаю, чтобы это былъ подвохъ,—замѣтила Фредерика.—Во-первыхъ,—хозяинъ не слыветъ за мошенника. Во-вторыхъ, то, что онъ предлагаетъ, не принесетъ ему никакого убытка: черезъ двадцать лѣтъ земля его вздорожаетъ и онъ назначить за нее хорошую аренду; залогъ гарантируетъ ему постройки. Онъ ничѣмъ не рискуетъ, напротивъ, какъ ни кинь, все останется въ выигрышѣ. Подумаль и поняль...

— Вы совсѣмъ прелесть, Фредерика!—съ восторгомъ воскликнула Дэзи.

— Почему?—наивно спросила молодая дѣвушка.

— Потому что съ такимъ хорошенькимъ лицомъ умѣете проповѣдывать, какъ старый нотаріусъ, который въ дѣлахъ собаку съѣлъ!

И, дѣйствительно, Фредерика повела дѣло горячо и ловко. Чаше обыкновеннаго разговаривала она съ хозяиномъ фабрики; сначала ея предубѣжденіе противъ мужчинъ заставляло ее опасаться повторенія того удручающаго впечатлѣнія, которое произвело на нее крѣпкое рукопожатіе; но Дюрамберти имѣлъ серьезный, дѣловитый тонъ, разговаривалъ хладнокровно, желалъ прочныхъ гарантій, сыпалъ цифрами и пунктами закона, глядѣлъ прямо и смѣло... При прощаньѣ, мужественно и поспѣшно пожималъ ей руку... Нѣтъ, нѣтъ, она просто ошиблась: слишкомъ ужъ подозрительна!

Фредерика спѣшила съ переговорами, какъ другія невѣсты торопятся со свадьбой; когда mademoiselle де-Сентъ-Парадъ

изъявила, наконецъ, свое согласіе и поручила Фредерикѣ передать это Дюрамберти, тотъ согласился войти въ сношенія съ ея повѣренными. Повѣреннымъ ея былъ нѣкто Мишель, занимавшійся предпочтительно дѣлами духовныхъ лицъ и монастырскихъ общинъ. Mademoiselle де-Сентъ-Парадъ бывала иногда религіозной, а иногда находилась въ открытой враждѣ съ небомъ; въ одинъ изъ періодовъ ея усердія къ церкви, духовникъ ея, отецъ Мино, рекомендовалъ ей повѣреннаго Мишеля. Кабинетъ, гдѣ Мишель принималъ кліентовъ, отличался строгой обстановкой, массой картинъ религіознаго содержанія, а самъ хозяинъ—жидовскимъ типомъ и вкрадчивыми манерами. Мало-по-малу онъ счумѣлъ втереться въ довѣріе богатой старой калѣки и теперь ворочалъ всѣми ея дѣлами. Однако, ничто до сихъ поръ не наводило сомнѣній насчетъ его добросовѣстности и всѣ его комбинаціи въ разныхъ аферахъ бывали удачны. Но Фредерика вообще относилась подозрительно къ индивидамъ сильнаго пола: это была вражда кошки съ собакой, непримиримая, всегда насторожѣ. И на этотъ разъ она непременно пожелала присутствовать при свиданіи хозяина съ Мишелемъ. Но повѣренный оказался немногословнымъ; онъ почтительно слушалъ Дюрамберти, подчеркивая и одобряя его фразы словомъ: «браво! браво!» — что на его языкѣ значило по всей вѣроятности: «отлично». Онъ только подъ конецъ спросилъ:

— Я долженъ написать условіе?.. или вашъ нотаріусъ?..

— Мнѣ все равно! — отозвался тотъ, — а кто нотаріусъ госпожи де-Сентъ-Парадъ?

— Лекенэ.

— Боже, въ первый разъ слышу! Я думалъ, что всѣхъ столичныхъ нотаріусовъ знаю хоть по имени.

— Извините, сударь, это нотаріусъ въ Левалуа.

— А!..

— Да. Я прежде служилъ въ его конторѣ клеркомъ и, разумѣется, сохранилъ съ нимъ отношенія. Но если вы имѣете чтонибудь противъ него...

— Какое мнѣ дѣло — онъ или другой? — рѣзко сказалъ Дюрамберти:—мой нотаріусъ — Лего-Депланкъ. Онъ и будетъ вести дѣло съ вашимъ, какъ его?..

— Лекенэ, въ Левалуа.

По причинѣ хронической болѣзни mademoiselle де-Сентъ-Парадъ, рѣшено было подписывать условіе у нея въ квартирѣ. Наканунѣ этого событія, старой дѣвицѣ захотѣлось самой взглянуть на участокъ, предназначенный для цѣлей общества. Всѣ сошлись у фабрики въ назначенный часъ, кромѣ Леи и Ромены, не отходившихъ отъ постели Христины. Дюивекъ и Фредерика, какъ самыя сильныя, катали кресло немощной филантропки вокругъ всего участка, гдѣ росли рѣдкія каштановыя деревья. Mademoiselle Герто и безпристрастная сестра Одилія не отставали отъ другихъ. На странную процессію глазѣли служащіе на фабрикѣ изъ оконъ мастерскихъ и конторъ; Фредерика замѣтила мимоходомъ и самого Дюрамберти въ окнѣ директорскаго кабинета.

Mademoiselle де-Сентъ-Парадъ, увлекаясь, какъ истая южанка, объявила, что мѣсто хорошо и что Дюрамберти, должно быть, человекъ прекрасный, если позволяетъ безвозмездно пользоваться имъ для добраго дѣла. На слѣдующій день условіе было подписано обѣими сторонами.

Нотаріусъ Лего-Депланкъ, — молодой, богатый парижанинъ, — прочиталъ условіе въ присутствіи заинтересованныхъ лицъ и нотаріуса Лекенэ, который смахивалъ на деревенскаго дьячка и сидѣлъ, вѣроятно, изъ смиренія, позади всѣхъ. Дюрамберти казался разсѣяннымъ. Никто не возражалъ. Когда актъ былъ подписанъ, владѣлецъ фабрики обратился къ mademoiselle Герто съ вопросомъ:

— Не больны ли барышни Легэ-Сюръе? Почему нѣтъ ихъ здѣсь?..

— Фредерика и Лея не могли отойти отъ постели больной матери, которой очень плохо, — былъ отвѣтъ.

И, дѣйствительно, послѣ двухмѣсячнаго улучшенія, дождливый августъ снова и окончательно свалилъ Христину; она больше уже не вставала, питалась однимъ молокомъ и, наканунѣ подписанія контракта, Фредерика, возвращавшаяся со службы, встрѣтила по дорогѣ посланную за нею привратницу. Христина лежала въ безнадежномъ обморокѣ. Фредерика ускорила шаги рядомъ съ болтавшей привратницей и наняла перваго попавшагося извозчика. Она застала мать лежащей лицомъ къ стѣнѣ; порывистое и затрудненное дыханіе указывало, что обморокъ прошелъ.

Ромена и Лея стояли на колѣняхъ у кровати; Фредерика послѣдовала ихъ примѣру. Молиться она не умѣла, но стала прислушиваться къ голосу своей совѣсти: «Исполнила ли я свой долгъ? Любила ли свою бѣдную мать? Лея, за послѣдніе мѣсяцы, была къ ней нѣжнѣе, лучше, внимательнѣе, заботилась о ней, утѣшала ее. Значить, я безчувственнѣе, хуже сестры? Черства сердцемъ? Мнѣ кажется, что нѣтъ! Бѣдная мама! Твои страданія тяжело отзываются во мнѣ. Я люблю тебя. Старалась сдѣлать все къ лучшему... И нѣсколько успѣла въ этомъ; надѣюсь: ты спокойно провела многіе годы. Теперь же я знаю, что дни твои сочтены; я смиряюсь передъ неизбѣжнымъ,—такъ смирюсь и передъ моей собственной смертью. Но я употреблю всѣ усилія, чтобы не поддаваться бесполезному отчаянію: въ настоящую минуту мнѣ нужны все присутствіе духа, вся ясность ума. Но вѣдь мнѣ очень, очень горько и тяжело разстаться съ тобою, мама»!..

Слезы навернулись ей на глаза; она быстро оправилась:

«Нѣтъ, нѣтъ, прочь эгоистическія волненія! Я отдалась общечеловѣческому дѣлу и неправѣ! Остановившись надъ своимъ личнымъ горемъ. Обязанность призываетъ меня въ другую сферу и, когда семейный очагъ нашъ опустѣетъ, я вернусь туда, гдѣ дѣятельность моя полезна многимъ... Этимъ я лучше помяну тебя, мама, чѣмъ слезами! Вѣдь вся моя работа — ничто иное, какъ месть за тебя. Я поклялась, что по мѣрѣ силъ буду спасать отъ гибели такихъ же, какъ ты, простыхъ, беззащитныхъ дѣвушекъ».

Вечеромъ Христину причастили. Ночь прошла довольно спокойно; утомленные дочери задремали въ креслахъ подъ утро. Въ этотъ день должно было состояться подписаніе условія въ Гренельской улицѣ, и Фредерика тревожилась и терзалась какъ своимъ личнымъ горемъ, такъ и мыслью о предстоящей безповоротной сдѣлкѣ. Агонія началась послѣ полудня. Въ ужасѣ отъ близкой смерти, Лея прижималась къ Фредерикѣ; сидѣлка и Ромена, часу въ третьемъ, хотѣли перевернуть больную, которая глухо стонала; но, подойдя близко, Ромена позвала:

— Лея!!

Лея бросилась и приняла въ свои объятія голову Христины, испускавшей послѣдній вздохъ. Фредерика также по-

дошла и прижалась губами къ холодѣющей рукѣ покойницы. Почти въ тотъ же часъ, Дюрамберти вышелъ изъ дома mademoiselle де-Сентъ-Парадъ и, перекинувшись нѣсколькими словами со своимъ нотаріусомъ, обратился къ Мишелю:

— Вы свободны?

— Вполнѣ къ вашимъ услугамъ, сударь.

— Садитесь со мной въ коляску, доѣдемте до фабрики. Потомъ васъ отвезутъ. Садитесь, садитесь, — рѣзко прибавилъ онъ, замѣтивъ, что повѣренный стѣсняется сѣсть раньше его: — Ашиль, заѣзжайте сперва въ улицу de la Sourdière, № 21.

Тѣмъ временемъ, Лея вся въ слезахъ, а Фредерика съ сухими, мрачными глазами стояли на колѣняхъ у кровати покойницы, которую успѣли уже одѣть; привратница тихонько проскользнула въ комнату и, тронувъ старшую за плечо, подала ей визитную карточку Жюда Дюрамберти. Шопотомъ пояснила она, что господинъ «пріѣхалъ въ собственномъ экипажѣ... узналъ... и не рѣшился войти. Но велѣлъ передать свое искреннее сочувствіе обѣимъ барышнямъ и предоставить себя въ ихъ распоряженіе». Хозяинъ фабрики не ограничился этимъ. Его участіе, его желаніе быть полезнымъ выразились болѣе положительнымъ образомъ. Изъ бюро похоронныхъ процессій явился уполномоченный въ тотъ же день и объявилъ, что всѣ расходы по похоронамъ ему велѣно адресовать директору фабрики и съ нимъ имѣть расчеты. Одинъ изъ конторщиковъ пришелъ узнать, не надо ли чегонибудь барышнямъ Сюрье. Наконецъ, Дюрамберти, во главѣ всей фабричной администраціи и полного состава рисовальщиковъ, присутствовалъ на похоронахъ Христины.

На Монмартрскомъ кладбищѣ онъ подошелъ къ сиротамъ, — Лея заливалась слезами, а Фредерика не плакала, — и сказалъ старшей:

— Оставайтесь дома, сколько хотите. Ваши мѣста останутся за вами, не бойтесь. Книги буду вести безъ васъ я самъ. Только предупредите меня, когда почувствуете себя въ силахъ приняться за работу. Но раньше двухъ недѣль я запрещаю вамъ являться.

Такое доброе участіе смутило Фредерику.

«Значитъ, бываютъ же безкорыстные, трудолюбивые и добрые мужчины? — съ недоумѣніемъ подумала она: — такой

другъ, какъ этотъ, могъ бы быть вѣрнымъ товарищемъ, опорой для женщины... нравственнымъ воспитателемъ ея»!..

Сестры предпочли бы провести первые дни печали въ полномъ одиночествѣ, принимая развѣ одну Ромену. Но Пирницъ потребовала во имя братства, соединяющаго всѣхъ проповѣдницъ феминизма, чтобы молодыя дѣвушки проводили бѣольшую часть времени съ сотоварками.

— Одиночество никуда не годится, дѣти мои. Оно эгоистично и бесполезно!

Послушаніе это, въ началѣ тяжелое, вскорѣ превратилось для нихъ въ отраду, благодаря заботливому участию и расположенію женщинъ, составлявшихъ, по выраженію Сентъ-Парадъ, ея главный штабъ. Единодушно рѣшено было не допускать сестеръ Сюрье обѣдать въ опустѣвшей квартирѣ улицы de la Sourdière. Такимъ образомъ сѣдѣли онѣ за столъ въ обширной столовой mademoiselle де-Сентъ-Парадъ, съ лѣпными, старинными потолками и балконными дверями, выходившими прямо въ садъ; столъ съ приборами посрединѣ казался игрушечнымъ, сравнительно съ громадными размѣрами комнаты. Не разъ обѣдали тутъ сестры-сироты, въ обществѣ хозяйки и Ромены, отвѣдывая стряпни Маріи, хвалившейся умѣньемъ готовить южныя кушанья съ перцемъ и всевозможными спеціями хозяйка, не смотря на хвѣрость, любила вкусно и сытно покушать. Побывали Фредерика съ Леей и въ квартирѣ Дюивекъ Геспель, состоящей изъ двухъ комнатъ, съ бѣлой некрашеной мебелью; Дюивекъ пригласила ихъ и m-lle Герто пообѣдать съ нею. Бывшая учительница, не смотря на свои тридцать шесть лѣтъ, могла еще назваться хорошенькой и умѣла блеснуть умомъ, знаніями и опытностью; только неопредѣленный, бѣгающій взглядъ, да что-то едва уловимое, фальшивое въ тонѣ сдерживали симпатію къ ней Фредерики. Зато Дюивекъ, толстенькая, добродушная блондинка, съ чуднымъ цвѣтомъ лица и бѣлыми зубами, немедленно завоевала ея расположеніе. Дюивекъ была трудолюбива, туга на соображеніе, но, развѣ понявъ, въ чемъ суть, твердо усваивала ее себѣ. При этомъ она была удивительная хозяйка и сама готовила кушанье съ тонкимъ пониманіемъ культурнаго вкуса.

Нѣсколько дней спустя послѣ смерти матери, сестры Сюрье, въ обществѣ Ромены и Герто, обѣдали у Дюивекъ Геспель,

когда въ дверь робко постучались и показался мужчина лѣтъ тридцати, застѣнчивый и неловкій. Испугавшись при видѣ многочисленнаго общества, онъ хотѣлъ было ступеваться и сконфуженно пробормоталъ:

— Ахъ, mademoiselle, я и не зналъ, что у васъ гости!..

Вся его испуганная фигура выражала такую застѣнчивость, несообразную съ обстоятельствами, что даже Пирницъ не могла удержаться отъ улыбки, также какъ и Герто.

— Что вамъ надо, Реми?—ободрила его Дюивекъ.

— Это я изъ-за мальчишки Гастона... Обрѣзалъ палець... кровь идетъ... Пустяки, конечно... я бы и самъ справился. Такъ нѣтъ! Подай ему непремѣнно васъ! Кричить благимъ матомъ... боюсь, не захворалъ бы, шельмецъ.

— Иду, иду!.. Простите, mesdames, я ненадолго!..

Во время ея непродолжительнаго отсутствія, Герто рассказала присутствующимъ, что Реми—(сокращенное отъ Ремино) былъ вдовецъ съ шестилѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ; онъ занимался рѣзкою по дереву и жилъ какъ разъ надъ комнатами Дюивекъ.

— Она—лучъ свѣта у сиротливаго очага вдовца!—пояснила Герто:—и отецъ, и сынъ обожаютъ ее... Я думаю, что рѣзчикъ съ радостью женился бы на ней, еслибъ посмѣлъ сдѣлать ей предложеніе. Онъ серьезный, отличный чело-вѣкъ...

— Какъ? — воскликнула Фредерика: — неужели Дюивекъ рѣшилась бы выйти замужъ за этого ремесленника?

— Дюивекъ слишкомъ предана нашему дѣлу,—уклончиво отвѣчала Герто, глядя въ пространство,—чтобы вообще выйти замужъ, даже еслибъ и хотѣла.

Канура, въ которой жили вмѣстѣ миссъ Клагсъ и Женевьева Субизъ, произвела удивительное впечатлѣніе на Фредерику. Разъ она обѣдала тамъ съ Леей, и на другой день пришла туда одна: до такой степени ее заинтересовала личность Дэзи. Проницательная Фредерика живо распознала различные оттѣнки феминизма, одушевлявшіе членовъ кружка. Она поняла, что mademoiselle де-Сентъ-Парадъ поддавалась маниі, безъ глубокаго убѣжденія; что Герто немножко позировала, дѣйствовала не безъ расчета, не все договаривала и была, однимъ словомъ, себѣ на умѣ; что Дюивекъ Геспель

простодушна и искренна, но одинаково добра къ нуждающимся въ ней людямъ, а идеей увлекается умѣренно, тогда какъ въ канурѣ пятого этажа, у Дэзи Крагсъ, Фредерика почувствовала себя въ атмосферѣ убѣжденности, пылкости, безкорыстнаго служенія своимъ принципамъ. Такова была на самомъ дѣлѣ Дэзи,—второй экземпляръ Ромены Пирницъ. Къ слову сказать, сѣстры Сюръе пообѣдали у Дэзи прескверно: готовила какая-то полоумная старушонка, вся сгорбленная и немощная, которую Дэзи приютила изъ жалости. Ъли богъ знаетъ чтó и запивали водой. Подали странное рагу съ густымъ соусомъ, картофель, компотъ изъ апельсиновъ и непонятную лепешку, съ особеннымъ усердіемъ сфабрикованную той же старухой. При всей своей снисходительности къ яствамъ, сама Дэзи нашла лепешку отвратительной, но сообщила свое мнѣніе, когда стряпуха удалилась на кухню; при ней же храбро сокрушала издѣліе своей protégée, не желая оскорбить ея. Но какъ радостно играли солнечные лучи сквозъ открытыя окна, выходившія на крышу! Какой красивый видъ представлялся изъ нихъ взору! Какъ просто и мило рассказывала Дэзи, по просьбѣ Женевьевы Субизъ, разныя политическія приключенія, въ которыхъ она была замѣшана! Женевьева слушала ее со сверкающими глазами и нервно подергивала губами. Она упивалась этими рассказами, хотя сто разъ ужъ слышала ихъ и всегда съ новымъ интересомъ и возрастающею страстью.

А ирландка, юный пылъ который давно уже улегся, говорила о прошломъ съ насмѣшливымъ добродушіемъ, исключавшимъ всякую претензію на хвастовство; о себѣ упоминала, какъ о безразсудной сорви-головѣ, которую усмирили время да жизненный опытъ.

— Дэзи, расскажи про газету, про газету!—просила Женевьева, сіяя отъ восторга.

Исторія съ газетой случилась съ Дэзи Крагсъ, когда ей было четырнадцать лѣтъ. Отецъ ея,—редакторъ національнаго листка въ Дублинѣ,—попалъ въ тюрьму; газету его запретили. Тогда Дэзи, недолго думая, уложила шрифтъ и разныя переносныя принадлежности печати и уѣхала преспокойно издавать отцовскую газету въ Честеръ. Можно себѣ представить изумленіе начальства, когда на слѣдующій день въ обращеніи оказался новый № запрещеннаго листка!

— А казнь лорда Кавендиша?—напоминала возбужденная Женевьева.

Казнью она называла убійство Бёрка и лорда Фредерика въ дублинскомъ паркѣ. Дэзи находилась тогда въ столицѣ Ирландіи и была случайной свидѣтельницей открытія труповъ. Рассказывала она увлекательно; Фредерика и Лея, заинтересованныя не менѣе Женевьевы, съ затаеннымъ дыханіемъ слушали объ опасностяхъ, которымъ подвергались ирландскіе патриоты во времена героическихъ возстаній на притѣснителей.

— Да, — заключила Дэзи, энергично тряхнувъ головой, — все это были мечты и утопіи. Нѣтъ больше патриотовъ въ Ирландіи! Побѣжденные смиренно согнули спины. Дипломатія взяла верхъ надъ идеей. Спустя двадцать лѣтъ, оглянувшись назадъ, поймешь, что кровавое мщеніе—безполезное преступленіе.

— О, Дэзи, неужели вы серьезно?..—съ укоромъ возразила Женевьева.

Весь духъ строптивости и протеста, одушевлявшій когда-то ирландку, перешелъ въ ея юную воспитанницу. Но обѣ сходились въ одномъ: неустанно занимались дѣлами милосердія.

Женевьева слушала акушерскіе курсы, мечтая быть впоследствии полезной бѣднымъ женщинамъ. Ея рвеніе умиляло Фредерику. Странную притягательную силу имѣла для нея самая наружность Женевьевы: измятое, нервное, блѣдное личико съ судорожно подергивающимся губами, со свѣтло-зелеными, горящими страстью, глазами. Экзальтація въ дѣлахъ милосердія доходила у нея до болѣзненности: Дэзи Крагсъ рассказывала про свою воспитанницу изумительные подвиги самоотреченія. Въ Гро-Кальу, напримѣръ, свирѣпствовала недавно тифозная эпидемія; Женевьева немедленно заявила волонтеркой и ухаживала за больными все время, до тѣхъ поръ, пока сама не свалилась отъ переутомленія; тифъ, впрочемъ, какимъ-то чудомъ, миновалъ ее. Опасность оцѣняла ее, нищета ближнихъ доводила до бреда и галлюцинацій. Приложеній для ея «головокружительной доброты»—по выраженію Ромены—являлось множество, и она никогда не разсуждала, хватитъ ли у нея силъ и здоровья, а бросалась на помощь въ какомъ-то страстномъ экстазѣ.

*

Такимъ образомъ, всѣ безъ исключенія участливо относились къ сиротамъ и наперерывъ старались утѣшить и успокоить ихъ. Но близкое знакомство съ членами общины возымѣло результатомъ еще большее восхищеніе дѣвушекъ Роменой Пирницъ.

— Насколько она выше всѣхъ остальныхъ! — говорила Лея:— что такое Сентъ-Парадъ, Герто, Дюивекъ и даже Дэзи съ Женевьевой сравнительно съ нею?

— Это правда,—соглашалась Фредерика:—у каждой есть смѣшныя стороны, слабости... границы! Она же—совершенство... Ни одно слово никогда не искажаетъ ея мысли, а мысль—всегда яркая и блестящая. Надъ поступками ея никому не придетъ въ голову улыбнуться; возлѣ нея тепло, уютно и радостно. Она притягиваетъ, какъ чистый, безплотный духъ... Она—святая...

Тѣмъ временемъ приготовленія къ дѣлу шли своимъ чередомъ. вмѣсто настоящаго архитектора, по совѣту Мишеля, пригласили подрядчика, такъ какъ требовалось возвести постройку по заранѣ выработанному плану: моделью долженъ былъ служить домъ подъ училищемъ въ Буда-Пештѣ и старый Free College въ Лондонѣ.

Подрядчикъ согласился на небольшую сумму: на восемь % съ цифры общихъ тратъ. Ромена и Фредерика просмотрѣли смѣты; имъ помогали Герто и рѣзчикъ Ремино, опытный и честный промышленникъ.

Пятнадцатаго сентября, первая партія рабочихъ—землекопы—принялись за дѣло на участкѣ, гдѣ росли каштановыя деревья за фабрикой. Дюрамберти ни разу не заговаривалъ съ Фредерикой о совершенной сдѣлкѣ. Онъ обращался съ ней дѣловитымъ, начальническимъ тономъ, что было вполнѣ въ ея вкусѣ. Молодая дѣвушка, смирившаяся передъ «неизбѣжнымъ»,—какъ она мысленно называла смерть вообще,—жила въ радостномъ возбужденіи, слѣдя за развитіемъ начатаго симпатичнаго ей дѣла, общавшаго полную удачу. Все шло хорошо. Черезъ годъ мечтали открыть школу. До того времени сестры отложили рѣшеніе своего выбора: продолжать ли имъ служить на фабрикѣ или перейти въ школу преподавательницами.

Три мѣсяца послѣ смерти Христины, разъ, во время про-

вѣрки десятидневныхъ отчетовъ съ хозяиномъ, Фредерика подала ему послѣднюю книгу для подписи. Дюрамберти просмотрѣлъ бѣгло цифры, подписалъ свое имя и сказалъ:

— Можете ли вы, mademoiselle Фредерика, удѣлить мнѣ еще нѣсколько минутъ для разговора?

— Разумѣется, господинъ директоръ.

— У меня есть до васъ дѣльце...

Фредерика, нѣсколько встревоженная, сѣла въ кресло, по правую сторону бюро. Дюрамберти самъ сидѣлъ передъ бюро, отодвинувъ свое кресло немного назадъ, и началъ, видимо смущенный, вопреки своему обычному самообладанію:

— Я давно присматриваюсь къ вашей работѣ, mademoiselle... съ большимъ интересомъ слѣжу за вашей дѣятельностью. Кажется, я изучилъ васъ хорошо. Мнѣ хочется выразить вамъ, какъ я понимаю вашъ характеръ и въ какомъ родѣ рисуется мнѣ ваше будущее. Вы позволяете?

Смутная тревога Фредерики перешла въ безпокойство. Однако, она кивнула въ знакъ согласія головой.

— Проникнитесь прежде всего убѣжденіемъ, что я отнюдь не желаю прогнѣвать васъ... оскорбить вашу гордость. Мы говоримъ, какъ два равныхъ человѣка: я спрашиваю, вы отвѣчаете,—оба чистосердечно и просто. Не такъ ли? Забудемъ на полчаса, что вы—бухгалтеръ, а я владѣлецъ и директоръ.

Онъ улыбнулся и продолжалъ:

— Вамъ двадцать четыре года. Вы, съ семнадцатилѣтней сестрой, сироты. Состоянія у васъ нѣтъ никакого. Живете трудомъ; обѣ способныя и умныя, значить, не пропадете. Говорятъ,—не знаю, насколько это вѣрно,—что ни вы, ни она замужъ выходить не желаете. Отлично. Кажется, я догадываюсь о причинахъ такого рѣшенія. Какъ бы то ни было, но вы еще сильнѣе утвердились въ немъ, сойдясь съ кружкомъ женщинъ, задающихся обширными начинаніями... Насчетъ этихъ начинаній у меня есть свой особый взглядъ и я не слишкомъ вѣрю въ ихъ успѣхъ; но побужденія уважительны и злословить о нихъ я не хочу.

Фредерика сдѣлала нетерпѣливое движеніе, но Дюрамберти остановилъ ее:

— Умоляю васъ, дайте мнѣ договорить. Нелегко приступить къ такому вопросу, даже имѣя безусловно умнаго себе-

сѣдника, какъ вы. Я сказалъ, что понимаю вашъ характеръ и намѣренія: безбрачіе, независимость, посвященіе себя дѣлу, которое можетъ оказаться и утопіей, но привлекаетъ васъ. Такъ?...

— Въ общемъ такъ,—отвѣчала Фредерика послѣ минутнаго размышленія.—Только мы смотримъ на дѣло съ различныхъ точекъ зрѣнія.

— Знаю я съ другой стороны (простите, но я собиралъ о васъ свѣдѣнія), что поведеніе ваше безупречно. Все это чрезвычайно заинтересовало меня, тѣмъ болѣе...—не знаю, что можетъ быть оскорбительнаго въ моемъ заявленіи?...—тѣмъ болѣе, говорю я, что ваша молодость и наружность расположили уже меня раньше въ вашу пользу.

Начиная съ этого момента, безпокойство Фредерики перешло въ тоску и, наконецъ, обострилось до нестерпимаго ощущенія. Ей стало казаться, что она приросла къ креслу, какъ въ кошмарѣ, не въ состояніи шевельнуть ни языкомъ, ни пальцемъ... Молчаніе это, вѣроятно, ободрило Дюрамберти и онъ счелъ его за благопріятное предзнаменованіе, такъ какъ рѣшился высказаться яснѣе.

— Я тоже нахожу, что такой умственный капиталъ, какъ вашъ, не долженъ оставаться въ бездѣйствіи. Вы мнѣ здѣсь очень полезны; оказываете большую помощь и услуги. Меня вы знаете... Я нѣсколько вспыльчивъ и властолюбивъ... привыкъ къ полнѣйшей независимости. Въ мои года ужъ не мѣняются. Я хочу предложить вамъ ассоціацію: четыре % съ дохода, съ чистаго дохода фабрики, что равняется приблизительно десятку тысячъ франковъ въ годъ и можетъ прибавиться...

Дюрамберти остановился и передохнулъ; глаза его, опущенные въ землю, поднялись на Фредерику, какъ бы въ ожиданіи отвѣта.

Но молодая дѣвушка не въ состояніи была вымолвить ни слова: языкъ отказывался повиноваться ей, губы словно склеились. А, между тѣмъ, она предвидѣла, что произойдетъ дальше, что будетъ сказано директоромъ,—и богъ знаетъ что дала бы, чтобы предупредить это, помѣшать. Но только и смогла съ усиліемъ вздохнуть...

Дюрамберти продолжалъ:

— Я понимаю ваше волненіе, отлично понимаю!.. Но я обращаюсь къ вашему уму, къ вашему либерализму, свободному отъ предрасудковъ. Вѣдь вы поняли глупость условныхъ соціальныхъ обычаевъ? Недаромъ же вы принадлежите къ феминисткамъ... Хоть я неполнѣ знакомъ съ ихъ доктринами... но знаю, что бракъ у нихъ въ немилости... и что свобода сожитія составляетъ фундаментъ ихъ ученія...

Глаза Фредерики расширились и она пробормотала:

— Monsieur!...

— Ради бога, не пугайтесь! Вы можете возразить и отвѣтить на мое предложеніе, какъ вамъ заблагоразсудится. Я одинокъ. Бракъ мой былъ неудаченъ. Привыкъ я къ холостой жизни и мѣнять ее не могу. Вы, съ вашей стороны, привыкли къ независимости и едва ли поступитесь ею... И вотъ я,—честно, просто, какъ компаньонъ, который оцѣнилъ васъ,—предлагаю вамъ соединить, такъ сказать, излишній остатокъ нашей ободной свободы...—Наступило молчаніе. Фредерика, въ эту минуту, только и думала: «Если этотъ человѣкъ вдругъ встанетъ и направится ко мнѣ, какъ мнѣ убѣждать»?... Точно во снѣ, глухо, слышала она слова хозяина. Глаза ея, какъ загнипнотизированные, прикованы были къ серебряной крышкѣ чернильницы.

— Прошу васъ вѣрить, mademoiselle,—продолжалъ Дюрамберти,—что откровенность, съ которой я говорю съ вами, доказываетъ мое исключительное уваженіе къ вашему уму и характеру. Помимо условной, искусственной морали, вы способны создать свой независимый кодексъ нравственности и съ неуклонной твердостью слѣдовать ему.

Голова Фредерики опустилась; Жюдь Дюрамберти вообразилъ, что это знакъ согласія...

— Вы согласны?..—голосъ его дрогнулъ и оборвался. Онъ всталъ и, не рѣшаясь еще подойти къ дѣвушкѣ, видя, что руки ея дрожать отъ волненія,—нагнулся и порывисто, лихорадочно заговорилъ:

— Вы себѣ представить не можете, какъ давно я... Я не рѣшался и робѣлъ... Боже мой, какая вы красавица!.. Увѣрю васъ, что вамъ не придется раскаиваться... Ваше будущее... и вашей сестры тоже... и успѣхъ школы, которая занимаетъ васъ... я обезпечу... широко обезпечу... Все на себя возьму. О, дорогая моя, дорогая!

Ослѣпленный вспыхнувшей страстью, онъ уже не обращалъ вниманія на то, что было очевидно: Фредерика окаменѣла отъ ужаса... Одна рука ея повисла на платьѣ,—онъ схватилъ ее, продолжая бормотать:

— Дорогая... дорогая...

Но рука высвободилась. Прикосновеніе къ рукѣ безсознательно пробудило въ дѣвушкѣ непріятное воспоминаніе и встряхнуло ее. Она вскочила, оттолкнула ногами кресло и стояла, сверкая глазами, готовая защитить себя. Изумленный Жюдь отступилъ назадъ:

— Какъ?.. Вы меня боитесь?.. Испугались?..

О, нѣтъ, она его больше не боялась! Она теперь съ презрительнымъ удивленіемъ смотрѣла на него. Такъ это тотъ самый человѣкъ, котораго она считала добрымъ и уважала? Вотъ онъ стоитъ передъ ней, красный, смѣшной... задыхается! Заурядный самецъ, вѣковѣчный, безчестный врагъ женщины, котораго она ненавидитъ съ самага дѣтства...

— Я думалъ... полагалъ... что ничѣмъ не оскорбилъ... не вышелъ изъ границъ.

Весь апломбъ его исчезъ. Онъ стоялъ жалкій, оплеванный... Фредерика совсѣмъ оправилась и голосъ ея чуть замѣтно дрожалъ, когда она отвѣтила:

— Прошу васъ оставить этотъ разговоръ, monsieur Дюрамберти.

— Однако, что же я сказалъ такого... оскорбительнаго?.. Съ вашимъ умомъ... и независимыми понятіями?..

— Ахъ, прошу васъ!..

Онъ понималъ, что игра проиграна. Напряженнымъ усиленіемъ воли, онъ вернулъ свое самообладаніе и заговорилъ прежнимъ авторитетнымъ тономъ:

— Въ такомъ случаѣ, я отказываюсь понимать ваши доктрины! Я думалъ, что феминизмъ провозглашаетъ равенство половъ... Въ моемъ предложеніи выразилось безусловное равенство... Каждый изъ насъ сохранилъ бы свою свободу... Я предлагалъ ассоціацію по взаимному соглашенію.

— Нѣтъ, господинъ директоръ,—возразила Фредерика, уже совсѣмъ спокойно:— вы предлагали куплю и продажу.

— Что вы?.. Какое же отношеніе?..

— И никакого повода для этого вы не имѣли.. Тѣмъ

болѣе, что, — какъ вы признались, — собирали свѣдѣнія о моей частной жизни. Но я — бѣдная дѣвушка, а вы — богатый мужчина и въ состояніи платить. Это даетъ вамъ права... то есть вы вообразили, что даетъ. Позвольте мнѣ уйти, господинъ директоръ.

Слезы негодованія подступали къ ея глазамъ, рыданія — къ горлу.

Дюрамберти вдругъ вернулся къ своему бюро и пожалъ плечами. Фредерика медленно вышла изъ комнаты въ коридоръ; отсюда же бѣгомъ пустилась въ мастерскую сестры. Испуганная Лея приняла ее въ объятія.

— Фэди моя, Фэди!.. Что съ тобой?..

— Молчи... останься около меня, дай мнѣ выплакаться... Я все скажу тебѣ... все скажу...

Но Лея не могла молчать.

— Кто обидѣлъ тебя, оскорбилъ?..

— Онъ!.. — Фредерика кивнула головой въ сторону кабинета директора.

— Хозяинъ? Monsieur Жюдъ?

— Да.

Фраза за фразой, отрывисто, она передала Леѣ весь разговоръ. Чтобы понять ужасъ и негодованіе обѣихъ сестеръ, надо припомнить, что онѣ составляли совершенную противоположность съ обыкновенными дѣвучками, работающими и служащими на фабрикахъ. Все дѣтство ихъ сложилось особенно; ихъ юная мысль развивалась и крѣпла въ такомъ направленіи, что предложеніе Дюрамберти не могло не возмутить ихъ; худшимъ несчастіемъ и непоправимымъ зломъ онѣ привыкли считать паденіе...

Выслушавъ рассказъ сестры, Лея пришла въ сильнѣйшее волненіе и негодованіе.

— А ну, какъ онъ придетъ сюда? — въ страхѣ шептала она: — вздумаетъ преслѣдовать тебя?.. Насильно?..

Перепуганная не на шутку такимъ предположеніемъ, онѣ заперли дверь мастерской, придвинули къ ней большой столъ и притаились. Уйти изъ фабрики онѣ рѣшились только тогда, когда убѣдились изъ окна, что хозяинъ уѣхалъ въ своемъ экипажѣ. Домой доѣхали онѣ на извозчикѣ и прямо прошли къ Роменѣ Пирницъ повѣдать ей возмутительныя новости.

— Увы, это меня нисколько не удивляетъ! — со вздохомъ

сказала Ромена:—надо быть уродомъ въ родѣ меня или Сентъ-Парадъ, — мы съ ней, такъ сказать, не женщины, — чтобы избѣгнуть облавы отъ сильнаго пола. Конечно, нельзя не презирать за это мужчинъ; но надо помнить, что большинство женщинъ считаютъ себя польщенными такими предложеніями и съ охотой даютъ согласіе. Въ этомъ заключается нѣкоторое оправданіе постыдному поведенію нашихъ «властелиновъ». Дюрамберти поступилъ, какъ *мужчина*, и удивляться нечему.

— Никогда... никогда не смогу я больше говорить съ нимъ!—объявила Фредерика.

— И я также,—подхватила Лея:—мнѣ кажется, что если онъ подойдетъ ко мнѣ—я убѣгу... или упаду въ обморокъ.

— Вотъ въ этомъ-то и состоитъ самое несносное осложненіе!—замѣтила Ромена:—какимъ образомъ наладить теперь ежедневныя отношенія между имъ и вами? Господинъ этотъ,—насколько я его понимаю, — никогда не проститъ тому, кто видѣлъ его въ карикатурномъ положеніи... Онъ слишкомъ уменъ, чтобы не растеряться отъ непредвидѣннаго пораженія...

— Только бы это столкновеніе не повредило общему дѣлу!—вспомнила вдругъ Лея.

— Что же онъ можетъ сдѣлать? — возразила Фредерика, хотя та же тревожная мысль пришла и ей въ голову:—условіе подписано... Просить намъ его не объ чемъ, не такъ ли, Ромена?

Пирницъ пожала плечами.

— Будетъ у насъ однимъ врагомъ больше, только и всего. Безъ враговъ не обойдемся...

— Наши доктрины, наши стремленія идутъ слишкомъ вразрѣзъ съ мужскими вождѣльніями. Будьте увѣрены, что союзъ господъ, въ родѣ Дюрамберти, дружно сплотится противъ феминизма и инстинктомъ вооружится противъ нашего ученія. Ну, и Богъ съ ними! Мы съ Эрминіей Занцъ вышли же изъ борьбы побѣдительницами въ Буда-Пештѣ, въ Лондонѣ... Послушайте,—заклчила она послѣ нѣ котораго раздумья:—можетъ быть, въ этихъ событіяхъ видно указаніе судьбы... Связь ваша съ фабрикой Дюрамберти порвалась неожиданно для васъ самихъ... Не указываетъ ли этимъ провидѣніе, что вы должны все бросить и слѣдовать за нами?..

— О, да!.. Ромена... прошу васъ, не пускайте больше Фредерика на эту отвратительную фабрику!

— Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ это предостереженіе судьбы,—сказала Фредерика задумчиво.

— Завтра воскресенье, дѣти мои... Оставайтесь дома, я одна пойду на собраніе въ улицу Гренель... Переговорю съ mademoiselle де-Сентъ-Парадъ.

Сестры Сюръе проицались съ этой минуты убѣжденіемъ, что имъ не придется больше возвращаться на фабрику Дюрамберти. Дѣйствительно, на слѣдующій день, послѣ полудня, Ромена Пирницъ вошла къ нимъ и сказала:

— Вотъ на чемъ мы порѣшили: mademoiselle де-Сентъ-Парадъ съ удовольствіемъ принимаетъ васъ въ дѣйствительные члены общества. Будущность ваша обезпечена... вы знаете какъ: состоянія нажить у насъ нельзя, но кровь и пища всегда есть.

— Какое счастье!—воскликнула Лея:—что же мы будемъ дѣлать?

— Мы немедленно поѣдемъ въ Лондонъ. Лея примется тамъ за изученіе декоративнаго англійскаго стиля, въ большой фабрикѣ «Клариссъ и сыновья», съ которой madame Занцъ имѣетъ отношенія. Такимъ образомъ, она разовьетъ свой вкусъ и пополнитъ знанія, чтобы подготовиться къ преподаванію въ нашей будущей школѣ. Фредерика же отдастъ себя въ распоряженіе самой Эрминіи Занцъ въ Free-College и, помогая ей въ администраціи, сама научится управлять большимъ школьнымъ дѣломъ.

— А вы?.. — спросила Фредерика: — не поѣдете съ нами?

— Нѣтъ, мое присутствіе необходимо здѣсь. Но я буду заботиться о васъ издали, не сомнѣвайтесь!.. Нѣсколько мѣсяцевъ испытанія пролетятъ незамѣтно. Вы согласны?

— Исполнимъ все, что вы прикажете.

Ромена нѣжно поцѣловала своихъ послушницъ.

— Теперь вы вполнѣ мои дѣти! Трудъ, которому мы посвятили себя, ревнивъ и требуетъ полного самоотреченія!

Въ тотъ же вечеръ Лея написала Жюду Дюрамберти письмо, въ которомъ, безо всякихъ язвительныхъ намековъ, доводила до его свѣдѣнія, что по «семейнымъ обстоятельствамъ» какъ

она, такъ и сестра ея, вынуждены отказаться отъ службы на его фабрикъ...

Вмѣсто отвѣта, хозяинъ прислалъ имъ причитающееся по субботу жалованье. Сборы были непродолжительны, и въ слѣдующій четвергъ онѣ выѣхали изъ Парижа въ Лондонъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Р в и д і й.

Подолгу здѣсь, на утесѣ угрюмомъ
Сидя, глядѣлъ онъ на ширь необъятную моря.
Чайки надъ нимъ проносились и, крикамъ ихъ вторя,
Бился о камни прибой съ несмолкаемымъ шумомъ.
Ждалъ онъ извѣстій все съ родины дальней,
Жаждалъ прощенья, призыва... Напрасно!
Мимо неслись корабли; вереницей безстрастной
Дни проходили за днями печально.
Поздно прощенье пришло: непробуднымъ
Сномъ ужъ онъ спалъ подъ землею холодной!..
Волны понинѣ тамъ бьются о берегъ бесплодный,
Чайки кричатъ и садятся на мѣстѣ безлюдномъ...

С. Минцловъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Пробужденіе провинціи и народныя легенды. — Русскій народъ и война. — Не вѣншій, а внутренній врагъ намъ страшенъ. — Кустарь и посредникъ. — Заводская больница конца XIX вѣка. — Сельскій священникъ о сборщикахъ на храмъ. — Ожидовленіе Россіи и нарушеніе черты осѣдлости. — Для кого законы не писаны? — Трудность борьбы съ нашествіемъ паразитовъ. — Господство жида на аукціонахъ. — Сберегательныя марки и новѣйшій способъ пользованія ими. — Отповѣдь „Судебной Газеты“ жидовской прессѣ. — Торговая изобрѣтательность варшавскихъ евреевъ. — Подпольный адвокатъ изъ жидовъ. — Наши желѣзнодорожныя порядки. — Убіиства и кражи на желѣзныхъ дорогахъ. — Большіе и малые служащіе на этихъ дорогахъ. — Фактически контролеръ въ качествѣ подрядчика.

Наша провинція, — гдѣ жизненный пульсъ былъ почти атрофированъ, — понемногу начинаетъ оживать, пробуждаться отъ своей вѣковой спячки. Провинціалъ, доселѣ равнодушно относившійся ко всему, что лежитъ за предѣлами его территоріи, мало интересовавшійся вѣншними событіями, теперь возбужденъ, наэлектризованъ, получилъ сразу какой-то сильный толчокъ, который встряхнулъ и оживилъ его. Толчокъ этотъ — война съ Китаемъ. Доселѣ большинство провинціаловъ мало интересовались газетой, а если и интересовались, то только извѣстными отдѣлами — хроникой, дешевыми романами и пр. Теперь же провинціалъ интересуется и *политикой*.

Извѣстно, что каждое знаменательное событіе въ жизни государства, — какъ неурожай, повальные болѣзни, война, — вызываетъ въ народѣ цѣлый рядъ толковъ, разговоровъ, догадокъ и легендъ. Дремавшее доселѣ воображеніе народа вдругъ преобразуется и... начинаетъ творить, создавать всевозможныя легенды. Одни видятъ знаменательныя сны, другіе — не менѣе знаменательныя и поучительныя указанія въ небесныхъ сферахъ, третьи замѣчаютъ какія-то недобрыя предзнаменованія въ поведеніи окружающихъ ихъ животныхъ. Каждый наперерывъ старается отличиться предъ другимъ изобрѣтеніями своей фантазіи. Всѣмъ еще памяты легенды во время недавнихъ голодовокъ. Однѣ изъ легендъ указывали на обильный урожай въ слѣдующемъ году, другія — на кровопролитную войну. Вотъ въ какомъ видѣ, по словамъ «Этнографическаго Обо-

зрѣнія», записана одна изъ легендъ въ новосильскомъ уѣздѣ тульской губерніи.

«Однажды ночью церковный сторожъ, обходя церковь, услыхалъ, что, когда на селѣ пѣли пѣтухи, въ церкви тоже кричалъ пѣтухъ, и такъ было въ ночь до трехъ разъ. «Что такое»? недоумѣвалъ сторожъ: «какой пѣтухъ могъ очутиться въ храмѣ»? На другую ночь опять: какъ только запѣли въ первый разъ пѣтухи на селѣ, изъ церкви также послышался крикъ пѣтуха. Тогда сторожъ побѣжалъ къ священнику, разбудилъ его и рассказалъ ему, что, молъ, въ храмѣ неблагополучно, что вотъ другую ночь кричитъ тамъ какой-то пѣтухъ. Одѣлся священникъ и отправился съ караульщикомъ къ церкви, и они оба слышали, что въ ней два раза, вмѣстѣ съ сельскими пѣтухами, кричали тоже пѣтухи. На утро священникъ собралъ сходку, повѣдалъ всѣмъ прихожанамъ о странномъ и неумѣстномъ пѣтушиномъ крикѣ, и въ заключеніе спросилъ ихъ: «кто изъ васъ, православные, выщется такой, который согласился бы переночевать въ церкви, дабы узнать, чтѣ значить этотъ пѣтушинъ крикъ»? Одинъ парень изъ того же села и говорить: «я согласенъ на это». На ночь заперли парня въ церковь; здѣсь онъ взялъ евангеліе и сталъ читать. Читалъ, читалъ онъ; вотъ уже полночь, поютъ пѣтухи на селѣ; глядь, — царскія двери, неизвѣстно гдѣмъ, какъ будто сами собою растворяются, и выходитъ изъ нихъ бѣлый пѣтухъ; прокричалъ онъ съ амвона: «ку-ка-ре-ку!» и опять ушелъ въ алтарь. Царскія двери за пѣтухомъ затворились. Запѣли на деревнѣ пѣтухи второй разъ, — опять изъ растворенныхъ невидимою рукою царскихъ дверей вышелъ на амвонъ и пропѣлъ оттуда пѣтухъ, но только красный, и также скрылся въ алтарь. Когда третій разъ на деревнѣ кричали пѣтухи, на амвонъ выходилъ и кричалъ черный пѣтухъ. Послѣ него явился изъ алтаря монахъ въ черной одеждѣ и спрашиваетъ парня: «Разумѣешь ли ты, чтѣ предвѣщаютъ пѣтухи сіи»? — «Не разумѣю», — отвѣчаетъ парень. — «Ну, такъ слушай: бѣлый пѣтухъ означаетъ въ скоромъ будущемъ необычайно-изобильный урожай, красный — безпримѣрно ужасное кровопролитіе, а черный — множество смертей, гробовъ и могилъ, такъ что хлѣбъ некому будетъ ѣсть».

Изъ народныхъ толковъ о войнѣ интересна еще слѣдующая подробность.

«Говорятъ, что въ настоящемъ кровопролитіи приметъ участіе «Китай-царь». Онъ, — какъ слышно отъ стариковъ, — когда-то давно нынѣ-давно воткнулъ саблю въ стѣну своего дворца и сказалъ: «до тѣхъ поръ не буду воевать, пока моя сабля не обростетъ мохомъ». Теперь, стало быть, это время пришло. Силень Китай-царь, но не

народомъ, а деньгами: найметъ столько войска, что оно всѣхъ его непріятелей, что называется, шапками закидаетъ, а верхъ будетъ его обязательно. И стоять онъ будетъ непремѣнно за русскихъ».

Въ дни тяжелыхъ и знаменательныхъ событій въ жизни государства народъ дѣлается необыкновенно воспримчивымъ, какія бы неслѣпости ни долетали до его слуха. Онъ вѣритъ всему, и, услыхавъ что либо, перевираетъ, разукрашиваетъ, преувеличиваетъ. Слухъ, пущенный въ народъ, увеличивается на подобіе снѣжного кома. Чѣмъ онъ далѣе катится, тѣмъ дѣлается все больше и больше.

«Гора родила мышъ,—говорить «Кронштадск. Вѣстникъ»,—или у страха глаза велики». Вотъ что рассказываетъ эта газета:

«На дняхъ одна престарѣлая домовладѣлица, получающая газеты и слѣдящая за событіями на Востокъ, какъ особа впечатлительная и нервная, стала грезить о томъ, что китайцы подступаютъ къ Кронштадту; грезы ея усиливала практическая стрѣльба крѣпостной артиллеріи. Кому-то изъ женскаго персонала, окружающаго старушку, случилось подслушать ея бредъ, принять его за чистую монету и сообщить объ этомъ въ мелочной лавкѣ—обычномъ клубѣ для при- слуги—и вотъ пошла чесать языки загородная мѣстность.

«Многіе довѣрчивые простаки не на шутку повѣрили и подумывали уже объ оставленіи Кронштадта. Стоило немало труда успокоить ихъ и доказать, что эти слухи ничто иное, какъ игра большого воображенія.

«Нужно не только больное, но и необыкновенно богатое воображеніе, чтобы повѣрить такому завѣдомо-нелѣпому вздору».

Говорятъ—«война рождаетъ героевъ»... Если это правда, то такая правда непремѣнно создана русскимъ народомъ и никѣмъ другимъ. И вотъ почему русскій народъ — по природѣ мирный, спокойный и тихій народъ; онъ ни съ кѣмъ не желаетъ воевать, никого покорять, ни завоевывать какихъ либо территорій. Будучи по природѣ своей скромнымъ, онъ довольствуется тѣмъ, что ему дали судьба и природа. Если наше государство велико, то въ этомъ скорѣе повинны его сосѣди, чѣмъ онъ самъ. Онъ шелъ на войну съ сосѣдами, когда послѣдніе вынуждали его къ тому. Прослѣдите всю исторію русскихъ войнъ и русскихъ завоеваній, и вы увидите, что начинается наступленіе не русскій народъ. По окончаніи съ кѣмъ либо войнъ, онъ мира возвращался къ своимъ полямъ — продолжать свое обычное дѣло. Во время мира онъ не кричитъ о своихъ вооруженіяхъ, никому не грозитъ, не хвалится своими героями. Во время мира онъ даже почти забываетъ о своихъ герояхъ, — даже герояхъ въ войнѣ, а ужъ о герояхъ мира онъ никогда не кричалъ. При

началъ войны съ кѣмъ либо русскій народъ никогда не зналъ напередъ, кто у него будетъ герой. И всегда у насъ война рождала героевъ. Мало того, мирный земледѣльческій народъ, чуждый всякаго шовинизма и какого либо показнаго геройства, идетъ спокойно умирать за свое отечество. Въ мирное время онъ никогда не билъ себя въ грудь, не грозилъ кому либо. Последняя война съ Китаемъ опять таки съ очевидностью показываетъ, что русскій народъ и теперь готовъ положить жизнь за свою родину. На Дальнемъ Востокѣ палятъ пушки; русскій же народъ спокойно относится къ совершающимся событіямъ. За границею вездѣ кричатъ, неистовствуютъ,—у насъ же тихо и спокойно.

Кому же выпадаетъ жребій идти грудью защищать свое отечество, тотъ охотно идетъ. Даже простые крестьяне—и тѣ желаютъ отправиться на войну. По словамъ «Нижегородскаго Листка», мѣстную общину Краснаго Креста ежедневно посѣщаютъ десятки женщинъ, предлагая свои услуги въ дѣлѣ помощи раненымъ на Дальнемъ Востокѣ.

Приходятъ женщины самыхъ разнообразныхъ профессій, возрастовъ, положеній. Слѣдомъ за простенькой горничной является въ шелкахъ дама. На дняхъ въ общину явилась толпа бабъ изъ деревни.

— Запиши насъ, батюшка, мы на войну желаемъ.

— Да что вы дѣлать умѣете?

— Тамъ покажутъ, а ты запиши только.

Затѣмъ,—разсказываетъ г. Зененко,—приходить ко мнѣ семидесятилѣтняя дряхлая больная старуха; оказывается, она служила у меня когда-то въ нянькахъ.

— Тебѣ чего?

— На войну, батюшка, идти желаю...

— Какая тебѣ, старуха, война? седи лучше дома.

— Сдѣлайте божескую милость, Семень Николаевичъ, отправьте ужь,—все хоть чѣмъ нибудь помогу солдатикамъ.

Такихъ предложеній очень много.

Большинству приходится отказывать. Приходитъ, напримѣръ, молодая дѣвушка и заявляетъ, что желаетъ отправиться на войну.

— Умѣете ли вы обращаться съ большими?

— Нѣтъ, не умѣю.

— А вы грамотны?

Оказывается, что нѣтъ. Безграмотность является серьезнымъ препятствіемъ. Предварительно отправки въ дѣйствующую армію, необходимо прослушать при общинѣ извѣстный курсъ, необходимо ознакомиться теоретически съ тѣмъ дѣломъ, которому придется

служить. Для неграмотнаго же человѣка это является почти непреодолимымъ препятствіемъ.

Въ русскомъ народѣ еще сильна любовь къ отечеству. Съ народомъ, который охотно идетъ на защиту своей родины, намъ не страшны внѣшніе враги. Намъ скорѣе страшень и опасень внутренній нашъ врагъ—это наша почти поголовная безграмотность и наша некультурность. Мы не цѣнимъ своего народа и не прилагаемъ стараній къ его просвѣщенію, къ обереганію его здоровья, и вообще не стремимся къ сохраненію народныхъ силъ.

Особенно тяжело достается народу отъ нашихъ капиталистовъ. Последніе, въ погонѣ за наживой, за лишнимъ рублемъ, высасываютъ послѣдніе соки изъ народа.

Въ «Мірѣ Божьемъ» нѣкто Бѣловъ рисуетъ намъ картину кустарнаго производства въ селѣ Черкизовѣ московск. у., которая является въ сущности одной изъ многихъ картинъ нищеты и убожества нашего рабочаго. Въ особенности плохо положеніе женщинъ, такъ называемыхъ «мотальщицъ».

«Напримѣръ, въ домѣ одного средняго предпринимателя, имѣющаго въ селѣ Черкизовѣ сапожное заведеніе, работаютъ 10 дѣвушекъ-мотальщицъ. Дѣвушки мотаютъ шолкъ, получая плату съ фунта (60 катушекъ) смотаннаго шолка: взрослые получаютъ съ фунта 10 копѣекъ, а пріучающіяся къ работѣ—5 копѣекъ; работа начинается въ 5 часовъ утра и кончается въ 8 вечера. Привыкшая къ работѣ мотальщица успѣваетъ за это время смотать фунтъ шолку, если, конечно, станетъ работать усердно; больше же фунта мудрено смотать и возможно лишь при одномъ условіи: если, вмѣсто 15 часовъ, проработать 20. Хозяинъ, — у котораго работаютъ эти дѣвушки, пользуясь хозяйской пищей, крайне скудной и недоброкачественной,—доставляетъ смотанный шолкъ въ одну изъ московскихъ конторъ, получая за фунтъ смотаннаго шолка 70 копѣекъ, слѣдовательно, за одно свое посредничество онъ беретъ съ cadaго фунта минимумъ 45 копѣекъ (кладя на продовольствіе каждой работницы 15 копѣекъ въ день) прибавочной стоимости.

Въ другомъ домѣ села Черкизова, гдѣ тоже мотаютъ шолкъ, работаютъ 25 дѣвушекъ, работаютъ, конечно, при тѣхъ же условіяхъ, получая за 60 катушекъ смотаннаго шолка 10 копѣекъ и пользуясь хозяйскими харчами. Кромѣ такихъ работницъ, есть работницы, которыя берутъ мотать шолкъ на домъ.

— Больше 6 рублей никакъ не заработаешь, — говорили онѣ мнѣ, — хоть ты лопни!.. День-деньской сидишь, сидишь, мотаешь, мотаешь, а все 6 рублей!.. Рѣдко кто больше заработаетъ.

Положеніе мотальщицъ простой бумаги еще хуже. Иллюстраціей

можетъ служить слѣдующій фактъ: въ одномъ маленькомъ невзрачномъ домикѣ живутъ двѣ мотальщицы; у нихъ въ комнатѣ (тѣсной, грязной и темной) снимаетъ уголь восьмидесятилѣтняя старуха, живущая со своимъ маленькимъ внукомъ. Старуха платитъ за уголь 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ и существуетъ тоже мотаніемъ бумаги на одного крупнаго кустаря—своего роднаго племянника. Всѣ три мотальщицы живутъ въ своихъ отвратительныхъ и невозможныхъ условіяхъ, работая по 17 часовъ въ сутки и вырабатывая не болѣе 10 коп.

— Плохо, чай, живется, бабушка?—спрашиваю я старуху.

— Охъ, и не говори,—вздыхаетъ она,—какое ужъ наше житье!.. Три-то рубля въ мѣсяцъ получишь, не знаешь, что съ ними и дѣлать, какъ обернуться. Половину воть за фатеру отдашь, а на остальное жива, какъ хочешь! У меня вонъ еще внукъ есть: тоже пить-ѣсть просить. Совсѣмъ плохо живется!

— Тебѣ, можетъ, племянникъ помогаетъ? Вѣдь онъ человѣкъ—говоришь—богатый.

— Не до насъ ему, батюшка. Слава богу еще, что хоть работу даетъ мнѣ, старухѣ, а то бы совсѣмъ помирать пришлось! Общала вонъ племянникъ-то внуку рубаху сшить,—повѣствовала старуха,—да забылъ, знать. Ну, да Богъ съ нимъ,—ему не до насъ!..

Всѣ эти хозяева, всѣ эти посредники между кустаремъ и конторой или фабрикой, душу *выматываютъ* изъ несчастныхъ кустарей. Они ихъ держатъ впроголодь, чтобы только тѣ не умерли. Вѣдь если кустарь умретъ, тогда и посредникамъ плохо будетъ. Они это отлично понимаютъ.

Рабочему человѣку живется вездѣ плохо, особенно же на фабрикахъ и заводахъ. Фабриканты и заводчики тоже не особенно заботятся о фабричныхъ рабочихъ, которые создаютъ имъ капиталъ. Для фабриканта и заводчика важенъ процентъ съ капитала, а до остальнаго ему нѣтъ дѣла. А чтобы получить хорошій процентъ, для этого, кромѣ чисто техническихъ условій и всевозможныхъ усовершенствованій въ извѣстномъ производствѣ, есть еще одинъ способъ, частенько практикуемый нашими комерсантами. Способъ этотъ очень простой: какъ можно взять больше отъ рабочаго — въ видѣ затраты послѣднимъ энергіи и мускульной работы, — и какъ можно меньше дать ему.

По закону, при крупныхъ фабрикахъ и заводахъ полагается имѣть или больницу, или пріемный покой. Разъ законъ обязываетъ комерсанта устроить больницу или пріемный покой — онъ его и устраиваетъ. Но что же это за больница? Въ большинствѣ случаевъ она существуетъ только на бумагѣ, и только изрѣдка—въ дѣйстви-

тельности. Корреспондентъ «Виржевыхъ Вѣд.» описываетъ одну заводскую больницу Новогребельскаго (киевской губ.) сахарнаго завода слѣдующимъ образомъ:

«Больничное зданіе очень низенькое, маленькое, крытое вымазаннми смолой досками, находится въ несовсѣмъ здоровой мѣстности. Снаружи видъ его до того жалокъ, что трудно назвать эту хатѣнку заводской больницей. Нагнувъ голову и отворивъ сколоченную, какъ видно, на скорую руку дверь, не обитую зимой ни войлокомъ, ни чѣмъ либо другимъ, посѣтитель входитъ въ совершенно темную и холодную переднюю, имѣющую 2 шага длины и столько же ширины. Въ больницѣ 2 палаты и аптека. Палата № 1 имѣетъ длины 4 шага, ширины 2 и отъ смежной съ ней аптеки не изолирована. Здѣсь стоятъ двѣ простыхъ деревянныхъ кровати. Палата № 2 имѣетъ длины около 7 шаговъ, ширины 5 ш. Тутъ стоятъ 4 кровати. Аптека въ длину имѣетъ 6 шаговъ и 2½ ширины. Напрасно искалъ бы здѣсь любопытный посѣтитель медицинскихъ журналовъ, портретовъ и т. п., — все это было бы здѣсь излишней роскошью.

«Полы въ больницѣ хотя и деревянные, но некрашеные, со щелями, черезъ которыя, при мытьѣ, въ подполье стекаетъ грязная вода, образуя болѣзнетворные микроорганизмы. Потолокъ нештукатуренный, и доски его плохо прилажены; маленькія оконца, ничѣмъ не обмазанная на зиму, не имѣютъ форточекъ. Существующая же вентиляція, довольно примитивнаго свойства, не вполне отвѣчаетъ своей цѣли. Нужно ли упоминать о сырости?»

«Ни пріемнаго покоя, гдѣ бы ждали своей очереди больные, ни операционной комнаты со спеціальнымъ столомъ—въ новогребельской больницѣ не имѣется. Нѣтъ даже ванны для купанія больныхъ, нѣтъ теплаго ватерклозета. О «ветхозавѣтной» больничной мебели, о бѣдномъ ассортиментѣ медикаментовъ и инструментовъ говорить не стоить».

Пока нашъ крестьянинъ будетъ безграмотенъ и не культуренъ, до тѣхъ поръ онъ будетъ представлять изъ себя только материалъ, необходимый для всевозможныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ какъ средство для наживанія капиталовъ—не болѣе.

На почвѣ же невѣжества и некультурности создаются такіа дѣла, которыя приносятъ болѣе существенной и серьезной вредъ.

Недавно въ «Спб. Вѣдомостяхъ» была помѣщена статья за подписью *Сельскаго священника*, въ которой авторъ говоритъ о необыкновенно умножившихся за послѣднее время сборщикахъ на храмъ, злоупотребляющихъ довѣріемъ къ нимъ народа.

«Въ лучшемъ случаѣ,—говоритъ Сельскій священникъ,—такой

сборщикъ принесетъ еще рублей сто или сто пятьдесятъ, но частенько онъ сразу какъ въ воду канетъ: ни денегъ нѣтъ отъ него, ни книги не возвращаетъ, ни даже самъ носу не кажетъ... Такіе сборщики извѣстны между сборщиками же подъ названіемъ «пьявишный»; почему имъ дана такая кличка: потому ли, что они присасываются ко всему встрѣчному, какъ пьявка, или по мѣстности, прославленной подобными сборщиками,—намъ не удалось узнать, но названіе это характерно и достойно ихъ дѣяній. Если и принесетъ такой сборщикъ деньги въ церковь,—какъ сказано, окола ста рублей,—то только съ цѣлью выхлопотать еще на годъ сборную книгу. Чтѣ онъ оставляетъ себѣ изъ сбора, только Богу извѣстно, — но, во всякомъ случаѣ, себя не обидитъ... Приносить годъ, два и болѣе, а въ концѣ концовъ такъ проворуется, что ни гроша не принесетъ,—тѣмъ болѣе, что отвѣтственности за это онъ, какъ допущенный къ сбору, никакой не подлежитъ. Да на немъ и искать-то нечего: обыкновенно махнуть на него рукою и прискиваютъ другаго сборщика»...

«Не безызвѣстно также, что не всегда сборныя книги выдаются только по дѣйствительной нуждѣ—на строящіеся храмы и возобновляемые монастыри; частенько просятъ изъ консисторій сборную книгу въ сельскія церкви только потому, что не хватаетъ у мужиковъ мѣстныхъ средствъ купить «большой» колоколь,—и это еще хорошо,—а то просто выстроить на эти собранныя деньги церковную караулку. Матушки-игуменьи частенько просятъ «книгъ» по пяти и болѣе (а нужно при этомъ знать, что въ каждую книгу записываютъ по три и четыре монахини-сборщицы), задумавъ выстроить какой-нибудь «живописный» или «квасной» корпусъ.

И даютъ, даютъ прохожіе...

Такъ изъ лепты трудовой

Вырастаютъ...

частенько только не храмы божіе, а «квасные» корпуса, караулки или, еще хуже, лепты остаются у «пьявишнаго» сборщика въ его собственныхъ карманахъ.

«Недавно встрѣтилось великое множество сборщиковъ изъ центральной губерніи; полюбопытствовали узнать, почему это ходитъ такая масса и неужели епархіальное начальство выдаетъ каждому просящему сборную книгу? И вотъ какой получили отвѣтъ. Одинъ изъ сборщиковъ, — кстати сказать, человекъ молодой и бойкій, который съ болѣею пользою могъ бы употребить свои силы,— отвѣтилъ намъ, что у нихъ въ губерніи выдаются книги безъ всякихъ препятствій, кому угодно, только представъ при прошеніи установленныя марки. Если каждая консисторія выдаетъ только двѣсти

книгъ въ годъ,—то и тогда, въ данной только губерніи, образуется до четырехсотъ сборщиковъ (не считая монашествующихъ), сильныхъ и здоровыхъ людей, вполне способныхъ кормиться собственнымъ трудомъ; между тѣмъ, привыкнувъ къ попрошайничеству—этому легкому заработку и наживѣ,—подобный крестьянинъ дѣлается бесполезнымъ членомъ общества, даже еще хуже: лѣнтаемъ и тунеядцемъ. Потомъ, если ему и не дадутъ сборную книгу, онъ, какъ уже привыкнувшій къ попрошайничеству, пойдетъ собирать обманомъ — съ пустой кожаной сумкой съ крестикомъ, въ которой, будто бы, положена сборная книга,—что весьма возможно въ деревнѣ гдѣ ихъ почти никто не контролируетъ,—но никогда не будетъ уже добывать копѣйку трудомъ. Давно пора упорядочить способъ выдачи сборныхъ книгъ. Давно пора, прежде выдачи ихъ по прошеніямъ изслѣдовать,—дѣйствительно ли предстоитъ даннымъ просителямъ великая нужда въ сборѣ пожертвованій, да справиться: дѣйствительно ли сборщикъ—благонадежный человекъ, и не обойдется ли законъ вышесказаннымъ образомъ? Тогда общество, а главное жертвователи будутъ вполне увѣрены, что ихъ жертва дошла по назначенію, что ихъ копѣйка участвуетъ въ построеніи храма или возобновленіи обители, а не расходуется на «квасной» корпусъ или пропадаетъ въ безконечныхъ карманахъ «пьявишнаго» сборщика».

Столичные города положительно наводнены сборщиками и монахинями. Особенно назойливы послѣднія. Кромѣ того, едва ли монахинямъ прилично посѣщать, въ интересахъ сбора, мелкіе трактиры и портерныя? Мало ли на какія сцены онѣ могутъ нарваться! Давно уже пора упорядочить сборы на построеніе храмовъ и на прокормленіе разныхъ монастырскихъ обителей.

За послѣднее время, съ грустью приходится констатировать поступательное шествіе еврейства на пути къ повсемѣстному разселенію по Россіи. «Черта еврейской осѣдлости» сдѣлалась какой-то фикціей, однимъ пустымъ звукомъ. Евреи не признаютъ этой «черты», смѣются надъ законами русскаго государства, пренебрегаютъ распоряженіями и циркулярами мѣстныхъ властей. По мнѣнію нашихъ жидовъ, законы и циркуляры пишутся для дураковъ, а не для «вумныхъ» жидковъ. Поэтому «вумники» легко и обходятъ ихъ. Въ своей прекрасной статьѣ: «Осада Петербурга евреями» (см. «Набл.» № 7) г. Липранди раскрылъ предъ нами цѣлую систему, благодаря которой жида, не имѣющіе права жительства въ столицѣ, все таки продолжаютъ жить въ ней, торговать, заниматься коміонерствомъ и ростовщичествомъ. Даже недостаточно власти градо-

начальника, чтобы выселить изъ столицы этихъ паразитовъ русскаго народа.

Кореннымъ русскимъ городамъ, гдѣ всего лишь нѣсколько лѣтъ назадъ почти не знали жида, теперъ приходится уже выносить жидовское иго.

«Вязьмѣ пришлося познакомиться съ разнообразными видами дѣятельности этого изобрѣтательнаго племени, лѣтъ пятнадцать тому назадъ не имѣвшаго никакого вліянія среди массы чисто русскаго населенія, какъ вслѣдствіе своей малочисленности, такъ и вслѣдствіе незначительности торговаго оборота тѣхъ предпріятій, которыми занималось это племя. Но такое положеніе быстро измѣнилось: рѣзчики печатей (а печатей въ Вязьмѣ за дѣлѣй годъ едва ли вырѣзывается болѣе десятка) превратились на нашихъ глазахъ въ часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, а затѣмъ—въ содержателей магазиновъ на лучшей въ городѣ Московской улицѣ; появились крупные торговцы мукою и льномъ, различнаго рода комисіонеры, даже домовладѣльцы и землевладѣльцы изъ евреевъ, купившіе дома и земли сами или на имя подставныхъ лицъ. Такой быстрый ростъ еврейскаго вліянія тотчасъ же, конечно, отразился на всѣхъ сторонахъ промышленной и общественной жизни нашего города и вызвалъ во многихъ совершенно основательныя опасенія за будущее и желаніе защититъ себя отъ нашествія этихъ хищниковъ». Полиція, на обязанности которой лежитъ слѣдить за тѣмъ, имѣютъ ли право жительства въ Вязьмѣ вновь пріѣзжающіе евреи,—которые стекаются сюда *съ трехъ желѣзныхъ дорогъ, точно въ обитованную землю*, — плохо выполняетъ свои обязанности. Жиды, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, буквально запленили Вязьму, образовали въ ней свои жидовскіе кварталы съ ихъ обычною вонью и грязью. Борются съ наплывомъ жидовъ почти нѣтъ никакой возможности! Да и чего же ожидать Вязьмѣ, когда и Петербургъ прямо таки осажденъ жидами, какъ это видно изъ статьи г. Липранди. Какъ трудно бороться съ ними, можно судить по тому, что ходатайство 123-хъ домовладѣльцевъ *о выселеніи изъ Вязьмы незаконно проживающихъ евреевъ* и о наблюденіи за тѣмъ, чтобы они въ ней не селились—заявленіе, поданное въ городскую управу *еще мѣсяцъ 1892 г.* (!!) до сихъ поръ не сдѣлалось предметомъ обсуждения въ думѣ. Если петербургскому градоначальнику не подъ силу, безъ крайнихъ энергическихъ мѣръ, бороться съ наплывомъ жидовскаго паразитизма, то гдѣ же справиться съ нимъ вяземскимъ домовладѣльцамъ!

Наплывъ этого племени особенно замѣчается за послѣднее время и въ Ярославлѣ.

Древній православный, чисто-русскій городъ рискуеть въ не

далекомъ будущемъ превратится въ какой-то жидовскій Шкловъ. Куда ни пойдете, на каждомъ шагу попадаютъ характерныя іудейскія фізіономіи съ огромнѣйшими носами. Городской бульваръ (единственное излюбленное мѣсто гулянья ярославцевъ) вечеромъ въ пятницу (шабашъ) переполненъ жидами, такъ что пріѣхавшій въ первый разъ въ Ярославль и очутившійся на нашемъ бульварѣ невольно подумаетъ, что попалъ въ одинъ изъ еврейскихъ центровъ, гдѣ русскій элементъ совершенно исчезаетъ въ волнахъ еврейства... Бульваръ въ шабашъ представляетъ собою довольно оригинальное зрѣлище ярославскаго еврейскаго «бомонда». Бѣдняковъ-ремесленниковъ среди ярославскихъ евреевъ очень мало: въ большинствѣ— все народъ зажиточный. Есть даже люди, ведущіе очень большія торговныя дѣла, которые пріѣхали сюда подъ видомъ ремесленниковъ, но преслѣдуютъ совсѣмъ иную цѣль. Такія лица обыкновенно занимаются излюбленнымъ еврейскимъ дѣломъ — «комисіонными дѣлами» всякаго сорта; для этой цѣли они открываютъ конторы, операціи которыхъ все расширяются.

Особенно жутко приходится мѣстнымъ мелкимъ торговцамъ, ютящимся на городскомъ базарѣ и не могущимъ ничѣмъ противопоставить еврейской сплоченности. Вся мелкая торговля постепенно переходитъ въ жидовскія руки и, вѣроятно, не далеко то время, когда на базарѣ за рѣдкость будетъ увидать вывѣску съ русской фамиліей: русскія вывѣски все рѣдѣютъ и рѣдѣютъ, а жидовскихъ все прибываетъ да прибываетъ... Очевидно, что евреи хотятъ осѣсть прочно: ихъ влечетъ сюда «невѣдомая сила» ради все увеличивающагося годъ отъ году торговаго значенія города. И старѣйшій изъ старыхъ русскихъ городовъ становится еврейскимъ гнѣздомъ.

Гдѣ бы ни появились нѣсколько жидовъ, они немедленно же образуютъ изъ себя свое «гетто», сплоченную силу, борьба съ которой почти не подъ силу не-евреямъ.

Жидаы сильны не одною только сплоченностью и солидарностью другъ съ другомъ, но еще болѣе сильны тѣмъ, что у нихъ выработанъ особый кодексъ нравственности по отношенію ко всѣмъ не-евреямъ. Всякая гадость и подлость, всякій обманъ и ложь—не только прощаются талмудомъ еврею, но даже ставятся ему въ заслугу. Обмануть, обокрасть не-еврея—*это не грѣхъ, а даже славеніе*. Очевидно, при такихъ нравственныхъ устояхъ, евреи могутъ одолѣть въ любой борьбѣ за существованіе, — и одолѣть своимъ чисто животнымъ характеромъ.

Христіанскому населенію жутко приходится, если среди него поселился жидъ. Послѣдній не только грабитъ, обманываетъ и эксплуатируетъ христіанское населеніе, но еще растлѣваетъ и раз-

вращаетъ его. Онъ вездѣ находитъ себѣ помощниковъ и радѣтелей о жидовскомъ благѣ. Недавно въ газетѣ «Донъ» были описаны порядки въ мѣстномъ городскомъ ломбардѣ. На аукціонахъ этого ломбарда, гдѣ за грошъ продаются вещи городской бѣдноты, царятъ и правятъ *свои люди*. А давно уже извѣстно, что «свои люди всегда сочтутся». Кто же эти *свои люди*? Конечно, жида. Тамъ, гдѣ обманъ, надувательство,—тамъ непременно и жидъ. Аукціоны, производимые въ этомъ ломбардѣ, до того интересны, что мы рѣшаемся почти дословно выписать аукціонныя сценки изъ «Дона».

«Нѣсколько разъ—говоритъ корреспондентъ этой газеты—мнѣ приходилось слышать ропотъ публики на неправильныя дѣйствія гг. заправилъ ломбарда во время аукціона, и теперь захотѣлось убѣдиться въ этомъ лично. 27 іюня была назначена продажа невыкупленныхъ въ срокъ вещей въ ломбардѣ, и я отправился туда съ 10 часовъ утра. Вхожу. Сзади волнуется простонародье; многіе, со страдальческими лицами, пришли очевидно, выпить до дна горькую чашу: посмотрѣть, какъ будутъ проданы ихъ кресты, платки, швейныя машины и др. атрибуты хозяйства, омытые уже не разъ слезами... Приглядѣвшись къ «чистой публикѣ», занявшей мѣсто за перегородкой, ближе къ аукціонерамъ, я съ удивленіемъ узналъ, что то были въ большинствѣ евреи, въ неизмѣнной компаніи являющіеся на каждомъ аукціонѣ и набивающіе цѣны только постороннимъ покупателямъ. Справа, за перегородкой же, сидѣло нѣсколько женщинъ, очевидно, хорошо знакомыхъ гг. аукціонерамъ, такъ какъ онѣ обращались къ послѣднимъ весьма дружески, называя ихъ по имени и отчеству. За перегородку мнѣ удалось попасть съ трудомъ, послѣ многократныхъ пререканій съ церберомъ, охранявшимъ входъ, который увѣрялъ, что тамъ тѣсно, а между тѣмъ, послѣ меня пропустилъ безпрекословно еще трехъ евреевъ. Продажа уже шла. Аукціонеръ передаетъ свертокъ мелкихъ золотыхъ вещей «чистой публикѣ»... «Вѣсь такой-то, цѣна 16 руб. 76 коп.

«— Покажите вещи!—раздаются голоса изъ заднихъ рядовъ.

«— Пятачокъ!—назначаетъ еврей.

«— Пятачокъ!—говоритъ другой.

«— Четвертакъ!—говоритъ третій...

«— Да покажите же вещи!—раздаются голоса черной публики.

«— Если вы будете кричать, васъ выведутъ!—заявляетъ касиръ...—19 руб. 1 коп. Разъ, два и три!!

«— Да что же намъ не покажутъ вещей?—кричатъ сзади.

«— Вещи проданы,—заявляетъ аукціонеръ. — Да что вы кричите? Не почевать же здѣсь изъ-за васъ!..

«— Швейная машина, ножная, 16 руб., прошу осмотрѣть.

«Еврей ни одинъ не тронулся съ мѣста. Машину торговала черная публика. Купили тамъ также нѣсколько старыхъ самоваровъ, гармоникъ, старыхъ платковъ, плохихъ часовъ, а все цѣнное оставалось у «чистой публики». Въ особенности возмутилъ меня слѣдующій инцидентъ: продается серебряная большая медаль.

«— Цѣна 1 руб. 65 коп.,—объявляетъ аукціонеръ.

«— Рубль семьдесятъ!—говоритъ одинъ изъ заднихъ рядовъ.

«— Пятачокъ!—говоритъ еврей.

«— 1 руб. 80 коп.—заявляетъ русскій.

«— Пятачокъ!—говоритъ еврей.

«— 1 руб. 95!—раздается сзади...

«— 1 руб. 95—разъ два, три! рѣшаетъ аукціонеръ и, къ моему удивленію и удивленію русской публики, передаетъ медаль еврею. Поднимается гвалтъ. Еврей увѣряетъ, что это онъ назначилъ послѣднюю цѣну; но я могу увѣрить, что этого не было, такъ какъ стоялъ рядомъ съ нимъ и ничего подобнаго не слышалъ; между тѣмъ, изъ заднихъ рядовъ восклицанія были такъ громки, что не слышать ихъ не было возможности. Шумъ усиливается.

«— Я васъ повыгоню!—кричитъ кассиръ на «черную публику».

«— Да что же это? Это, наконецъ, безсовѣстно! — заявляетъ публика.

«— Молчать!—возвышаетъ голосъ кассиръ, и медаль остается у еврея.

«— Съ покупочкой васъ! — каждый разъ заискивающе улыбаются евреямъ заправилы ломбарда».

Слѣдовало бы обратить на это серьезное вниманіе. Нужно очистить аукціонную залу отъ этой жидовской тли, а заправилъ ломбарда—избавить отъ пріятелей-жидовъ.

Борьба съ жидами крайне трудна, и отдѣльнымъ лицамъ она почти не подь силу. Народъ, который въ теченіе тысячелѣтій воспитывалъ въ себѣ только одну способность къ эксплуатаціи, имѣетъ надъ всѣми другими народами громадный перевѣсъ. Жидовское хищничество, жидовское ростовщичество—это своего рода шедевры, на которые ни одинъ народъ неспособенъ. Исторія—эта *magistra vitae*—учитъ насъ, что жида еще до египетскаго плѣна сумѣли развить до *plus ultra* отрицательныя стороны своей природы. Чуть помнитъ исторія еврейскій народъ, а она уже живописуетъ его тѣми же мрачными чертами, съ какими знаемъ его и мы. Народъ въ теченіе тысячелѣтій развивалъ въ себѣ хищническія способности, направлялъ свои мечты на то, чтобы какъ можно

лучше и легче грабить чуждые народы. Жиды — это своего рода жонглёры, которые довели ловкость и проворство своих рук до степени, прямо таки невозможной для простых смертных:—это своего рода фокусники, при видѣ которыхъ толпа цѣпенѣетъ и удивляется. «Вотъ такъ ловкій прохвостъ!» кричить она въ одинъ голосъ. Тысячелѣтняя гимнастика извѣстныхъ способностей, направленная въ одну сторону, дѣлаетъ, дѣйствительно, чудеса. Поэтому и не удивительно, что жиды являются виртуозами въ изобрѣтеніи всевозможныхъ хитростей, въ придумываніи изумительнѣйшихъ гешефтовъ. Другому и на умъ не придетъ воспользоваться чѣмъ либо, а—смотришь—жидъ уже извлекаетъ пользу и наживаетъ деньги!

Не такъ давно министерство финансовъ ввело такъ называемыя «сберегательныя марки», имѣя въ виду интересы того бѣднаго люда, который можетъ дѣлать сбереженія лишь самыя незначительныя, чисто копѣчныя. Для ббльшаго распространенія въ народѣ означенныхъ марокъ, министерство предложило болѣе или менѣе крупнымъ торговымъ фирмамъ принять на себя продажу означенныхъ марокъ и назначило имъ, въ вознагражденіе за труды по продажѣ, одинъ процентъ денегъ, уплачиваемыхъ продавцами за марки, получаемыя въ казначействѣ или государственномъ банкѣ. Конечно, ни одинъ торговецъ изъ христіанъ не додумался до того, какъ бы можно было, при продажѣ этихъ марокъ, нажить большія деньги. Жидъ и тутъ сумѣлъ сдѣлать крупный гешефтъ! Изъ Минска пишутъ въ «Новое Время», что тамъ, какъ и вообще въ Западномъ краѣ,—гдѣ и крупныя, и мелкія торговыя фирмы принадлежатъ исключительно евреямъ,—продажа сберегательныхъ марокъ, понятно, попала въ ихъ же руки. Евреи не упустили случая и тутъ найти себѣ источникъ новой наживы. Дѣлается это въ данномъ случаѣ вотъ какъ:

Положимъ, продавецъ марокъ рѣшилъ на это предпріятіе пустить въ оборотъ 100 руб. Покупая въ казначействѣ или банкѣ на 100 руб. сберегательныхъ марокъ, онъ получаетъ отъ казны въ премію 1 руб. Взявъ на своихъ родичей примѣрно 5 сберегательныхъ книжекъ, продавецъ, наклеивъ марки на бланки, вноситъ послѣднія въ казначейство на указанныя сберегательныя книжки. Черезъ день—два онъ забираетъ обратно внесенныя имъ деньги, оставляя на книжкахъ по 1 рублю, и покупаетъ опять на взятые деньги сберегательныя марки, получая опять таки установленную премію.

Имѣя такимъ образомъ возможность продѣлать означенную манипуляцію въ теченіе мѣсяца минимумъ 10 разъ, продавецъ ма-

рокъ, такимъ образомъ, на пущенные имъ въ оборотъ 100 р. можетъ свободно заработать до 10 р. въ мѣсяцъ преміи, что составляетъ 120% въ годъ, а это уже, какъ хотите, гешефтъ не дурной, и есть еще расчетъ пустить въ оборотъ не 100 р., а 1000 р. и заработать на нихъ въ теченіе года 1,200 р..

Вотъ она тысячелѣтняя мошенническая практика! Попробуйте-ка съ нею бороться. Боротись?! «Да развѣ мыслимо съ жидами бороться,—разсуждаютъ запуганные люди.—Тутъ достанется не только отъ жидовъ, но и отъ подлецовъ русскихъ, лѣзущихъ къ жидамъ въ кабалу...

Недавній фельетонъ «Судебной Газеты» о наплывѣ евреевъ въ нашу адвокатуру вызвалъ цѣлую бурю въ жидовскихъ и жидофильствующихъ сферахъ. Редація газеты завалена письмами, — конечно, анонимными, и даже съ угрозами. «Судебная Газета» отказывается понять, почему это, если можно писать противъ развѣдающихъ нашу общественную жизнь тѣхъ или другихъ явленій. если возможно говорить о недостаткахъ той или другой группы лицъ, если разрѣшается писать о безпечности, халатности, инертности христіанъ въ извѣстнаго рода дѣлахъ, — почему это, спрашивается, *не позволяется говорить о несимпатичныхъ чертахъ евреевъ?* откуда это взялось такое привилегированное положеніе для жидовъ? Кто имъ даровалъ такія льготы?

«Если такого рода взгляды исходятъ изъ положенія, что «лежакаго не бьютъ», то да позволено будетъ прямо заявить, что мы нисколько не считаемъ евреевъ угнетенной націей, да и врядъ ли они сами такъ о себѣ думаютъ. Пожалуй, даже всѣ нападки на евреевъ сводятся къ тому, что *они сами угнетаютъ другихъ* («Наблюдатель» говорилъ это уже сто разъ), но чтобы ихъ угнетали—это—недоразумѣніе, заключающееся въ слѣдующемъ: нѣкоторыя преграды и стѣсненія, которыя поставлены на пути евреевъ, объясняются и оправдываются не тѣмъ, что законодателю угодно угнетать ихъ, а единственно тѣмъ, что законодателю какъ разъ *неудно видѣть угнетенной какую бы ни было часть населенія, а это неминуемо случается, какъ только евреи видятъ свои руки развязанными*».

Евреи, дѣйствительно, изобрѣтательны... На улицахъ Варшавы, по словамъ «Варшавскаго Дневника», — можно встрѣтить много евреевъ, торгующихъ «изъ-подъ полы» разнаго рода галантерейными товарами.

«Находя, вѣроятно, что торговля эта оплачивается недостаточно, эти торговцы начали въ послѣднее время торговать фотографическими карточками «знаменитыхъ красавицъ», — изображен-

ныхъ болѣе чѣмъ въ двусмысленныхъ положеніяхъ, — и другими произведеніями порнографическаго искусства, въ изобиліи доставляемыми заграничными фотографіями. Такъ какъ въ любителяхъ этого рода произведеній искусства недостатка никогда нѣтъ, то торговля идетъ очень бойко. Хуже всего то, что главными кліентами этихъ торговцевъ являются *ученики разныхъ учебныхъ заведеній* (!!). Не имѣя возможности купить карточку, стоящую 30—50 коп., они платятъ еврею 5—10 коп. за то, чтобъ «посмотрѣть» коллекцію. Разумѣется, продавцы очень охотно соглашаются на такую комбинацію. Нахальство этихъ торговцевъ доходитъ до того, что они являются со своимъ товаромъ даже въ семейные дома.

Не мѣшало бы полиціи обратить болѣе серьезное вниманіе на этихъ торговцевъ... развратомъ.

Правда, что жида всегда отличали нахальствомъ и безцеремонностью. Но за послѣднее время эти милыя качества ихъ особенно сильно бросаются въ глаза. Не проходитъ дня, чтобы какая либо газета, конечно, не жидовская и не жидофильствующая, — не отмѣтила бы какихъ либо проявленій жидовскаго нахальства. Въ Кременчугѣ, напримѣръ, появилось созвѣздіе какихъ-то Янкелей, мозолящихъ глаза своими оригинальными рекламами, пестрящими не только въ еврейскихъ молитвенныхъ домахъ, но и въ еврейскихъ баняхъ. Одну такую рекламу, оттиснутую каучуковымъ штемпелемъ невинной лиловой краской, скопировало для своихъ читателей «Кіевское Слово».

Адресъ.

«Янкель Биленко, свѣдущее лицо по уголовнымъ, гражданскимъ, административнымъ, крестьянскимъ и прочимъ законамъ Россіи, занимающійся письменнымъ занятіемъ по юридической части, живетъ въ г. Кременчугѣ, на старомъ базарѣ, 1 часть, домъ Лодмана».

«Чтобъ гусей не раздражить, — говоритъ газета, — позволяемъ себѣ одинъ вопросъ по адресу любителей русской словесности: гдѣ намъ искать на картѣ г. Кременчугъ—въ Россіи или въ... Китаѣ: вѣдь грамота — немного китайская, да и отъ Янкеля, «занимающагося письменнымъ занятіемъ», кажется, несетъ... «Большимъ кулакомъ»?..

За послѣднее время, наши желѣзныя дороги своими невозможными порядками приводятъ въ страшное негодованіе публику. Мы не говоримъ уже о медленномъ, чуть не черепашьемъ, движеніи нашихъ поѣздовъ; мы не говоримъ о долгихъ остановкахъ на стан-

ціяхъ, выгодныхъ только для содержателей станціонныхъ буфетовъ и крайне неприятныхъ для пассажировъ; мы не упоминаемъ о другихъ желѣзнодорожныхъ неудобствахъ,—къ этому уже всѣ привыкли. Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ прямыхъ опасностяхъ, которымъ подвергаются пассажиры во время своего путешествія по нашимъ дорогамъ. Убійства на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ принимаютъ какой-то стихійный характеръ. Въ теченіе одного года, совершено было четыре убійства — и гдѣ же? въ купе перваго класса. Казалось бы, пассажиры 1-го класса имѣютъ право за свои деньги быть спокойными хоть за свою жизнь. Но не тутъ-то было! *Имъ болѣе всего угрожаетъ опасность отправиться ad patres не отъ крушенія или столкновенія поѣздовъ, а просто-на-просто отъ рукъ убійцъ.*

Всѣ убійства, совершенныя за послѣдній годъ въ вагонахъ 1-го класса, обставлены какою-то таинственностью и загадочностью. Убійцы исчезаютъ безъ слѣда. Убійство С. П. Володковичъ возбудило живѣйшій интересъ въ обществѣ и породило вопросъ: кто такой убійца? Большинство, по словамъ одной одесской газеты, придерживается того взгляда, что г-жа Володковичъ убита той же самой рукой, которая убила и г-жу Горичъ. Дѣйствительно, послѣднее убійство — точное воспроизведеніе перваго. Даже раны, зіяющія на спинѣ несчастной Володковичъ, нанесены однимъ и тѣмъ же оружіемъ и,—что всего удивительнѣе,—почти на тѣхъ же самыхъ частяхъ тѣла.

Какъ при убійствѣ Горичъ, такъ и при совершеніи убійства г-жи Володковичъ, убійца избираетъ моментъ дѣйствія, когда незамѣченная имъ жертва предается сну и, незамѣченный никѣмъ, безшумно проникаетъ въ купе, двери котораго открываетъ имѣющимъ у него поддѣльнымъ ключемъ, и однимъ ловкимъ ударомъ лишаетъ свою жертву возможности вскрикнуть. Что г-жа Володковичъ не успѣла даже повернуться лицомъ къ убійцѣ, доказываетъ то обстоятельство, что платье, нашедшееся на ней въ моментъ совершенія преступленія, не смято и сохранило ту самую форму, которую, по словамъ горничной, она ему придала, укладывая на диванъ свою барыню. Лишь одна правая рука, судорожно сжавшая брилліантовое кольцо, указываетъ на попытку покойной опереться о стѣнку вагона, лицомъ къ которой она лежала.

По поводу убійства Володковичъ, въ «Новомъ Времени» было помѣщено интересное письмо. Авторъ его совершенно справедливо замѣчаетъ, что «когда случается несчастье съ пассажиромъ, напримѣръ при сходѣ вагона съ рельсовъ и т. п., хотя бы сходъ или другой случай произошли отъ какой либо «форсъ-мажѣръ», и пуб-

блика, и журналистика — всё приходятъ въ сильное волненіе и ищутъ виновнаго во что бы то ни стало, хотя въ этихъ случаяхъ не всегда и бывають дѣйствительные виновные, такъ какъ, при всей добросовѣстности отношенія къ дѣлу, нельзя все предвидѣть, а слѣдовательно и предупредить. Но когда рѣжутъ человѣка въ вагонѣ 1-го класса—всѣ спокойны, какъ будто бы это въ порядкѣ вещей. Теперь на дорогахъ большинство вагоновъ 1-го класса состоитъ изъ однихъ только купе, безъ общихъ отдѣленій для пассажировъ. Обыкновенно въ такихъ вагонахъ—два малыхъ 2-мѣстныхъ купе, а остальные—4-мѣстныя. Въ виду того, что многіе одиночные пассажиры требуютъ себѣ,—конечно, за деньги,—маленькія купе, нѣкоторыя дороги начали уже заготовлять и ставить въ поѣзда вагоны, состоящіе исключительно изъ малыхъ купе, гдѣ, конечно, много одиночныхъ пассажировъ».

Когда поѣздъ на ходу и двери купе закрыты, сидящій въ одномъ купе не можетъ слышать, что дѣлается кругомъ, хотя бы тамъ рѣзали или душили. При вагонахъ 1-го класса нѣтъ проводниковъ; одинъ проводникъ — на нѣсколько вагоновъ. Что онъ можетъ сдѣлать?

«Нельзя же въ самомъ дѣлѣ—говорить далѣе авторъ—считать охраною, что черезъ часъ или болѣе по коридору пройдетъ кондукторъ или оберъ-кондукторъ, которые при закрытыхъ дверяхъ, конечно, не могутъ знать, кто въ купе и что тамъ дѣлается. Когда ѣдетъ желѣзнодорожное начальство,—для него, по мѣрѣ надобности, ставится одинъ или нѣсколько вагоновъ и на каждый вагонъ имѣется отдѣльный проводникъ. Но для платныхъ пассажировъ, ввѣряющихъ попеченію дороги свою безопасность, такая охрана считается почему-то излишнею. Когда пассажиръ пострадаетъ отъ схода вагона, отъ столкновенія и вообще, такъ сказать, отъ внѣшнихъ причинъ, дорога привлекается къ отвѣтственности; но когда пассажира зарѣжутъ въ вагонѣ по причинѣ явнаго неприятія мѣръ охраны внутри вагона, дорога не отвѣтственна. Неужели же въ самомъ дѣлѣ дорога не обязана охранять пассажировъ въ вагонѣ? Злоумышленникамъ, очевидно, хорошо уже извѣстно, что 1-й классъ вовсе не охраняется и что, слѣдовательно, легче, чѣмъ гдѣ либо, безнаказанно убить и ограбить человѣка въ вагонѣ 1-го класса; а потому надо надѣяться, что убійства эти въ будущемъ будутъ еще болѣе часты, если только дороги не примутъ дѣйствительныхъ мѣръ охраны. Между прочимъ, къ кондуктору изъ всѣхъ купе должны быть проведены электрическіе звонки. Затѣмъ, если смежныя купе соединены раздвижными дверями, послѣднія, кромѣ обыкновенныхъ замковъ, должны быть также снабжены съ каждой стороны отдѣльными

запорами. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы вагоны 1-го класса становились, какъ нынѣ, притонами злоумышленниковъ».

Желѣзнодорожныя кражи прямо уже вошли въ обычай. И опять воровы исчезаютъ безслѣдно! Хотя ѣ насъ и много всякаго «начальства» на любой станціи, но въ нужную минуту его обыкновенно не найдешь. Есть нѣкоторыя желѣзнодорожныя начальства, обязанность которыхъ, повидимому, состоитъ только въ томъ, чтобы отдавать честь высшему начальству. О желѣзнодорожныхъ шулерахъ нерѣдко уже писали, но и эти писанія ни къ чему не приводятъ, и шулера по прежнему, на глазахъ побѣдной прислуги, продолжаютъ обыгрывать довѣрчивую публику. Воровство же особенно процвѣтаетъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. По словамъ «Одесскихъ Новостей», жертвой ловкаго желѣзнодорожнаго вора сдѣлался журналистъ г. Дорошевичъ.

«Возвращаясь изъ Парижа въ Петербургъ черезъ Одессу, г. Дорошевичъ, безопасности ради, зашилъ имѣвшіеся при немъ деньги въ суммѣ нѣсколькихъ тысячъ франковъ (французскими и австрійскими кредитными билетами) въ подушечку, которую, занявъ мѣсто въ вагонѣ 1-го класса, хранилъ подлѣ себя. Не смотря на принятую предосторожность, желѣзнодорожный воръ, повидимому, также находившійся въ вагонѣ въ числѣ пассажировъ, узналъ мѣстонахождение денегъ и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, похитилъ подушечку и скрылся. Въ подушечкѣ находились также: два вынгрышскихъ билета, сто рублей русскими кредитными билетами, книжка на вкладъ 900 франковъ и другія цѣнныя бумаги. Кража совершена была между станціями «Ворожба» и «Мценскъ».

Да, порядки на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ царятъ удивительныя! Желѣзныя дороги представляютъ изъ себя какое-то *status in statu* со своими желѣзнодорожными королями-инженерами и желѣзнодорожниками. У нихъ выработался особый кодексъ нравственности, какая-то кружковщина. Зеленый кантъ всегда, во всемъ и ѣездѣ поддерживаетъ своего товарища. Товарищество, конечно, хорошая вещь, но когда оно принимаетъ чистоканталый характеръ, когда зеленый кантъ усиливается во что бы то ни стало поддерживать своего товарища, вопреки обычной морали, тогда оно не можетъ быть терпимо въ обществѣ.

Повторяемъ, что желѣзнодорожный міръ—это особый міръ *sui generis*. Нѣкоторыя наши желѣзныя дороги своими порядками навоятъ прямо ужасъ на пассажировъ. Прежде этой славой пользовалась казанская дорога, теперь печальную славу раздѣляетъ съ ней юго-восточная желѣзная дорога.

Въ одной газетѣ пишутъ:

«Юго-восточная желѣзная дорога нѣсколько лѣтъ уже слыветъ вездѣ и всюду какой-то исключительностью, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ административномъ отношеніяхъ. Всюду и во всемъ встрѣчается недостатокъ: въ числѣ ли служащихъ, въ количествѣ ли подвижнаго состава; большая половина паровозовъ приходитъ все болѣе и болѣе въ *ветхость* и проситъ отставки за выслугу лѣтъ. Недостатокъ штата, и безъ того крайне ограниченнаго, ощущается на каждой станціи. На коммерческой станціи третьяго класса имѣется два помощника и начальникъ, несущіе обязанности почти одинаковыя: всѣ трое должны дежурить по очереди; всякій въ свое дежурство занимается работой по телеграфу и по коммерческому отдѣлу. Но немало и такихъ станцій, гдѣ коммерческой работы, въ полномъ смыслѣ, по горло, и тамъ занятія эти прерываетъ телеграфъ для поѣздной корреспонденціи. Когда же движеніе поѣздовъ усиливается, дежурный — вертись, какъ на иглахъ, и туда, и сюда, и за всю свою службу на такой станціи не придется соснуть ни одной полной ночи, такъ какъ, по утвержденному начальствомъ графику смѣна дежурнымъ помощникамъ—ежедневно въ три часа ночи. Далѣе, согласно общимъ положеніямъ, дороги должны дѣлать обмѣнъ вагоновъ извѣстнымъ количествомъ, такъ что, успѣвая во всѣхъ пунктахъ обмѣниваться ими, для своей собственной погрузки остается ихъ мало: грузъ замедляетъ движеніе; трудно даже собрать составъ для балластнаго поѣзда, такъ что приходится недѣли двѣ и болѣе просить, чтобы дали рабочій поѣздъ. Составы пассажирскихъ поѣздовъ слишкомъ малы, ощущается ужасная тѣснота; въ обращеніи находятся вагоны старой конструкціи, грязные, маленькіе, весьма неудобные, а большихъ вагоновъ приобрѣтено мало. Относительно паровозовъ можно сказать, что рѣдкій изъ нихъ находится въ полной исправности, преимущественно же—разбитые, составленные чуть ли не на осиновыхъ клинушкахъ. У одного начальника дистанціи проектирована была масса перестроекъ, возведеніе новыхъ зданій, смѣна шпаль, для чего необходима вывозка балласта изъ карьера, арендуемаго у одного изъ помѣщиковъ. Карьеромъ этимъ дорога пользовалась уже нѣсколько лѣтъ: всегда съ началомъ лѣтнаго сезона, песокъ былъ уже заготовленъ, и не было надобности затягивать его вывозку. Въ настоящемъ же году, между управленіемъ и арендаторомъ вышло разногласіе въ цѣнѣ: торговались, прибавляя копѣйками очень долго; наконецъ, условіе закончили, и было приступлено къ добычѣ песка. Все это затянуло своевременную поставку песка. И вотъ только 10 числа іюня было приготовлено все необходимое количество балласта на нужды сказанной дистанціи. Но и тутъ нашлись свои препятствія: не было

еще состава рабочего поезда. Числа 14-го было затребовано у начальника отделения распоряжение — дать вагоновъ и паровозъ, по возможности, въ скорѣйшемъ времени, такъ какъ времени и безъ того уже много потеряно. Проходить недѣля, — отвѣта на запросъ нѣтъ какъ нѣтъ. Въ началѣ двадцатыхъ чиселъ требованіе повторили, но опять прошло пять дней, а отвѣта нѣтъ; поезда не имѣется, и исправленіе пути и смѣна шпаль не производятся. Не шеголяется и медицина. Ужъ слишкомъ она безучастно относится къ служащимъ; не легко воспользоваться ея услугами и пассажиру. Слишкомъ трудно застать при приемномъ покоѣ фельдшеровъ, такъ какъ послѣдніе занимаются больше частной практикой, нежели дѣлами службы. Между тѣмъ, возьмите другую дорогу, хотя бы сызрано-вяземскую. Тамъ, кромѣ приемныхъ покоевъ, имѣются фельдшера - кондукторы, сопровождающіе каждый пассажирскій поездъ, имѣя при себѣ аптечку, въ сравненіи съ аптечкой ю.-в. дороги въ нѣсколько разъ увеличенную. Тамъ видно, что заботятся о людяхъ».

Вообще наши желѣзныя дороги заботятся о старшихъ, о «большихъ людяхъ», а о маленькихъ совершенно забываютъ. Ни въ одномъ учрежденіи нѣтъ такихъ контрастовъ въ содержаніи служащихъ: одни изъ нихъ получаютъ тысячи, а другіе — гроши. Что такое, напр., путевой сторожъ?

Днемъ сторожъ — просто темная точка, а ночью съ фонаремъ — майскій свѣтлячокъ, который мелькнетъ на пути предъ вашими глазами, когда вы несетесь верстъ по 60 въ часъ.

Оказывается, что эта темная точка, т. е. путевой сторожъ, получаетъ всего 132 р. въ годъ, — даже менѣе того злосчастнаго стрѣлочника, который виноватъ рѣшительно во всѣхъ крушеніяхъ. Послѣдній получаетъ 156 р. въ годъ.

А загляните въ инструкцію путевого сторожа: сколько тамъ возложено на него обязанностей! Онъ долженъ тщательно смотрѣть за дорогой на своемъ двухверстномъ обходѣ двойнаго пути, проходя то по одному, то по другому; долженъ подбивать вышедшіе изъ шпаль костыли, укрѣплять слабые болты; въ зимнее время онъ еще обязанъ очистить отъ снѣга стыки рельсовъ, чтобы имѣть возможность убѣдиться въ исправномъ состояніи скрѣпленій. Затѣмъ зимою, въ особенности въ большіе морозы, требуется весьма тщательное наблюденіе за путемъ, потому что слишкомъ часто, при сжиманіи металла, рельсы лопаются, а при такомъ положеніи вещей малѣйшій недосмотръ даетъ печальныя послѣдствія, за которыя путевому сторожу грозитъ наказаніе по многимъ статьямъ уголовного закона, перечисленнымъ въ инструкціи.

«Железнодорожная Неделя» хлопочетъ не объ улучшеніи быта низшихъ железнодорожныхъ служащихъ, а хотя бы о приравненіи путевого сторожа къ стрѣлочнику...

Но если бѣдствуютъ низшіе служащіе, зато барствуютъ высшіе, и особенно инженеры. Слава о путейскихъ кутежахъ, о путейскихъ «кушахъ», гремитъ по всей Россіи. Имъ завидуютъ все, а особенно прельщаются ихъ работами, которыя они ведутъ такъ называемымъ «хозяйственнымъ способомъ»... «Хозяйственный» способъ веденія работъ сдѣлался синонимомъ—«дорого, да гнило»... Иногда бываетъ и такъ, что инженеры-строители для своихъ же дорогъ являются и подрядчиками, и поставщиками матеріаловъ.. Этимъ способомъ работъ особенно славятся волжскіе инженеры.

Послѣднему способу веденія работъ волжскими инженерами позавидовалъ даже одинъ контролеръ, который поставленъ блюсти интересы казны. Но для контролера интересы своего кармана оказались дороже и милѣ казенныхъ интересовъ. «Восточное Обозрѣніе» сообщаетъ слѣдующій фактъ:

«Одинъ фактическій контролеръ, вида, какъ подрядчики желѣзной дороги наживаются, рѣшилъ тоже сдѣлаться поставщикомъ контролируемой имъ дороги, не выходя въ отставку. И вотъ какой способъ придумалъ чиновникъ-подрядчикъ для осуществленія своего плана. На первый разъ контролеръ купилъ за 900 рублей полуразрушенный домъ и потомъ продалъ таковой желѣзной дорогѣ за 3,240 руб. Барышъ, кажется, довольно хорошій. Домъ этотъ хотя и не нуженъ былъ дорогѣ, но она, какъ подотчетное лицо, вынуждена была купить таковой отъ г-на контролера, дабы избѣжать на будущее время разныхъ его придирокъ. Послѣ этой сдѣлки, подрядчикъ-контролеръ предполагалъ заняться подрядами на желѣзной дорогѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и, быть можетъ, черезъ небольшой промежутокъ времени сдѣлался бы миллионеромъ, но, въ его несчастье, начальство узнало объ его коммерческихъ способностяхъ и запретило ему заниматься подрядами, пока онъ будетъ состоятъ на службѣ въ контролѣ».

Конечно, очень выгодно быть и подрядчикомъ, и контролеромъ поставленныхъ имъ же самимъ матеріаловъ. Но, очевидно, не всегда удается совмѣстить несомѣстимое.

Постоянныя крушенія на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, пресловутые безпорядки и колоссальныя хищенія вдохновили даже одного стихотворца, бывшаго служащаго на одной изъ нашихъ дорогъ, какъ бы созданной для того, чтобы ломать ребра несчастнымъ пассажирамъ. Дорога эта — самаро-златоустовская. Бывшій служащій на этой знаменитой своими крушеніями дорогѣ напечаталъ въ

*

«Уралъ» свое стихотвореніе, навѣянное на него постоянными крушеніями на этой дорогѣ:

Есть дорога одна,
Костоломской она
Прозывается.
Тамъ начальство порой
Лишь картежной игрой
Занимается.
Лишь получка придетъ,
Каждый кутить и пьеть—
Пропивается.
Ну, и служить всѣ такъ,
Что съ дѣлами никакъ
Не справляются.
Оттого иногда
На ходу поѣздъ
Спотыкаются,
Попадаютъ въ заносъ
И летять подъ откосъ—
Кувыркаются.

Эти несовсѣмъ складные вирши съ большимъ удобствомъ могутъ быть посвящены не одной самаро-златоустовской, а многимъ и многимъ російскимъ дорогамъ-востоломкамъ.

Х.

Житейскій маскарадъ.

Что новаго?—Все старо подь луною,
Все та же ложь, какъ сотни лѣтъ назадъ.
Блестая бѣдностью и жалкой мишурою,
Шумить и пляшетъ пьяный маскарадъ.

На всѣхъ надѣта маска. Но подь нею
Не скрыть ничтожества знакомыя черты.
Пусть ты въ бронѣ, но мелкому пигмюю,
О, жалкій человекъ, всегда подобенъ ты.

И какъ смѣшны претензіи людскія,
Порывы ихъ куда-то къ облакамъ,
Ихъ вѣра жгучая, надежды золотыя,
Ихъ поклоненія кумирамъ и тельцамъ!

Иной исполненъ тайныхъ вдохновеній
И взоръ его такъ томень и лучистъ:
Вѣдь онъ артистъ, вѣдь онъ великій геній,
А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ... только эгоистъ.

Гдѣ безкорыстію незримое начало,
Гдѣ жадности невѣдомый конецъ?
Смѣшалось все, и близкимъ къ идеалу
Нерѣдко кажется отъявленный наглець.

Быть можетъ, тотъ, кому въ пылу признанья
Ты руку жмешь, какъ брату добрый братъ,
Тайкомъ въ душѣ такъ подль, что въ содроганье,
Въ смертельный страхъ привелъ бы самый адъ.

Клеймимъ мы грозно явнаго злодѣя,
Спѣшимъ его всею грязью забросать,—
А мигъ спустя, мечтаемъ, не краснѣя,
О томъ, чего не могъ самъ Каинъ загадать.

Долой жестикуляциі актера,
Пора съ лица весь лживый гримъ стереть!
Не надо намъ эффектнаго убора:
Хотимъ мы въ зеркало правдивое смотрѣть.

Какой фуроръ! Какое превращенье!
Гдѣ властный жестъ надменнаго князька?
Гдѣ грозный взглядъ, несущій разрушенье,
И повелѣнія дающая рука?!

К.

ПОЗДНЯЯ ИСПОВѢДЬ.

Романъ Лео Гильдена.

(Съ нѣмецкаго).

Въ комнатѣ стало темно. Мужчина, сидѣвшій за письменнымъ столомъ, уже давно пересталъ писать. Онъ облокотился на правую руку, между тѣмъ какъ лѣвой бессознательно игралъ перомъ, и мысли его очевидно витали далеко и отъ этого стола, и отъ этой комнаты. На четвертушкѣ бумаги, лежавшей передъ нимъ, на которую какъ-то безразлично былъ устремленъ его взоръ, мелькали строчки, написанныя женской рукой. Но вотъ онъ поднялся изъ-за стола и быстро подошелъ къ окну.

По небу плыли осеннія тяжелыя дождевыя тучи. Стояла глубокая осень. Наконецъ, наступили окончательныя сумерки. Мужчина рѣзко отвернулся отъ окна. Сзади него открылась дверь, въ прорѣзѣ которой мелькнулъ свѣтъ изъ освѣщеннаго коридора; затѣмъ дверь захлопнулась и возлѣ нея образовался темный силуэтъ какой-то фигуры, быстро слившійся съ общей темнотой комнаты.

«Пакетъ господину доктору».

Тотъ, къ кому обращены были эти слова, ошущью дошелъ до слуги и взялъ у него пакетъ.

О досада! опять рукопись какого нибудь свѣжеиспеченнаго таланта, который предлагается уже извѣстному писателю раскритиковать, а всего лучше—расхвалить...

— Подайте лампу, — принявъ покорный видъ, проговорилъ онъ.

Передъ нимъ замелькали косья строчки незнакомаго женскаго почерка. Буквы стояли какъ-то упрямо, далеко одна отъ другой. На письмѣ стояла помѣтка: Ганноверъ.

Вотъ что оно гласило:

«Милостивый государь, если вы перенесетесь воспомина-
ніями за пять лѣтъ тому назадъ, то передъ вашимъ вообра-
женіемъ встанетъ одно маленькое мѣстечко, по имени Нен-
дорфъ, гдѣ вы провели купальный іюльскій сезонъ.

«Тутъ же рядомъ, въ воспоминаніи вашемъ, возникнетъ
образъ одной женщины, которую вы часто встрѣчали за
табльдотомъ.

«Я еще тогда сказала вамъ то же, что, вѣроятно, уже мно-
гіе говорили вамъ до меня, а именно: что вы—одинъ изъ тѣхъ
немногихъ романистовъ, которые отлично знаютъ женское
сердце.

«Много мужчинъ, и изъ ихъ числа много поэтовъ, увѣ-
рены, что прекрасно разгадали женщину, а, между тѣмъ,
совсѣмъ не знаютъ ея. Легко ли хорошо узнать одному полу
другой! Вѣдь для этого надо быть величайшимъ поэтомъ. Я
глубоко почитаю васъ за то, что вы постигли вполне жен-
щину, а въ томъ числѣ и меня. Вы сейчасъ же почувство-
вали, что въ душѣ элегантнои, окруженной толпой поклонни-
ковъ, свѣтской дамы, жены всѣми уважаемаго, стараго, бо-
лѣзненнаго человѣка, которая притомъ же считается диле-
танткой живописи,—что въ душѣ этой самой женщины проис-
ходитъ постоянная внутренняя борьба, только наружно скры-
ваемая, со всей этой свѣтской условностью. Какъ только вы
мнѣ выразили это, я почувствовала сильнѣйшую радость. Вы
почували тотъ душевный трепеть, тотъ тихій ропотъ сердца,
который оставался неслышенъ для всего остальнаго міра. Та
радость, которую вы мнѣ доставили, до сихъ поръ живетъ во
мнѣ. Теплое, отрадное чувство наполняетъ все мое существо
при мысли объ васъ. И вотъ что придало мнѣ рѣшимость
обратиться къ вамъ съ просьбой: будьте моимъ духовнымъ
отцомъ. Не пугайтесь! Я не хочу дѣлать васъ отвѣтственнымъ
судьей за мои грѣхи; пусть я сама въ себѣ понесу кару за
нихъ. Вы должны не обсуждать моихъ поступковъ, а только
выслушать меня.

«Въ душѣ, разгаданной вами нѣсколько лѣтъ тому назадъ,
произошла сильнѣйшая буря. Душу мою охватило пламя, ко-
торое сожгло мнѣ всю жизнь. Я спрашиваю себя иногда: не
сантиментальничаю ли я? Предоставляю рѣшить это вамъ

самимъ. Но позвольте же мнѣ хоть разъ въ жизни быть тѣмъ, чѣмъ я не смѣла казаться свѣту, дайте мнѣ хоть на мигъ сбросить мою маску.

«Припомните слова стараго Баумерта изъ гауптмановскихъ «Женщинъ»,—слова которыя служатъ мнѣ квинтъ-эссенціей всей разыгравшейся ужасной трагедіи: «Человѣку необходимо хоть разъ въ жизни подышать чистымъ воздухомъ»... Ваша *Карола Ф.*».

Поэтъ задумался и съ какимъ-то недоумѣніемъ оглядѣлся вокругъ. Но вотъ передъ нимъ стала все яснѣе и яснѣе выступать высокая, изящная женская фигура съ безукоризненно правильными чертами лица; только руки ея, нѣсколько художавыя, несовсѣмъ гармонировали съ остальною безупречною ея законченно-прекраснаго тѣла, хотя эти же руки съ розовыми ноготками были какъ-то особенно хороши своей яркой бѣлизной и прозрачностью. Ноги у нея были узкія и длинныя; лобъ казался необыкновенно свѣтлымъ отъ вѣнчика обрамлявшихъ его изящныхъ темныхъ локончиковъ. Узкій, пикантный разрѣзъ небольшихъ, но ярко блестящихъ глазъ, не то сѣрыхъ, не то карихъ: рѣзко очерченный прямой, тонкій носикъ, ротъ не маленькій, но съ ярко-красными губами, между которыми сверкалъ рядъ ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ,—да это и есть г. Карола Ф., царица сезона! Это ей-то онъ и намекнулъ тогда, что подозрѣваетъ о настоящемъ состояніи ея внутренняго міра, а она теперь объ немъ вспомнила черезъ такой длинный промежутокъ времени. Нѣтъ, какова бываетъ память у женщинъ!

Онъ былъ даже тогда немножко влюбленъ въ нее и отчасти сердился за то, что имѣетъ столько сотоварищей въ подобномъ несчастіи. И онъ засмѣялся тѣмъ смѣхомъ, какимъ смѣются при воспоминаніи о какой нибудь милой глупости. Но въ то время, какъ передъ нимъ оживали отдѣльныя сцены изъ нѣндорфской жизни, въ ухахъ его какъ будто прозвучалъ нѣжный, ласковый голосокъ прелестной женщины; ему ясно вспомнилась ея прямая, горделивая осанка, ея нѣсколько отступающіе отъ тѣла локти; ея ничѣмъ не прикрывающаяся стройная, замѣчательно тонкая талія. Все это пробудило въ немъ прежній интересъ, — интересъ истаго художника, — и онъ съ жадностью схватился за листки, которые понятны только художническому сердцу и способны всецѣло поглотить его.

I.

Напѣвая, возвращаюсь я изъ рисовальной студіи, ритмически покачивая маленькой рисовальной кисточкой. Мнѣ девятнадцать лѣтъ; я стройна, не безъ шикѹ, полна жизнерадостности, начиная съ головы, начиненной разными романтическими бреднями. Я хочу быть художницей, и притомъ великой художницей, никакъ не меньше знаменитой Вижэ-Лебрёнъ. Мой профессоръ живописи очень доволенъ мной; мои сотоварищи по искусству уважаютъ меня. Но, къ несчастію, мои родители и слышать не хотятъ, чтобы я принимала участіе въ публичномъ актѣ, и я, значить, осуждена на то, чтобы остаться только диллетанткой! Но у меня составился особый планъ. Я хочу обойти этотъ вопросъ и Артуръ Ф. долженъ мнѣ въ этомъ помочь. Онъ такъ расположенъ ко мнѣ, и хотя позволяетъ себѣ иногда подшутить надъ моей страстью къ искусству, но всегда въ мѣру, потому что знаетъ, какъ все это близко моему сердцу. Онъ мнѣ можетъ дать средства для дальнѣйшаго обученія, а затѣмъ я, вѣроятно, буду зарабатывать большія деньги и мои картины будутъ рвать съ руками. Надо только съ нимъ поговорить, выбравъ удобный моментъ. Онъ помогаетъ моему отцу въ его дѣлахъ; живетъ въ Ганноверѣ, но черезъ каждые два дня пріѣзжаетъ къ намъ. Кажется, онъ уже говорилъ съ родителями обо мнѣ; по крайней мѣрѣ, я невольно подслушала мое имя среди ихъ разговора. Но какъ только онъ меня увидалъ, то сейчасъ же замолкъ и показался мнѣ слегка смущеннымъ. Можетъ быть, онъ угадалъ мое намѣреніе и предупредилъ меня, мой милый старый другъ! Онъ уже пожилой человекъ; ему за тридцать. Сегодня я загадала: если по возвращеніи домой увижу его первымъ, то поговорю съ нимъ и мой планъ удастся. О, какъ это ужасно, что приходится готовить подобное огорченіе моимъ дорогимъ родителямъ! Но искусство требуетъ всего человека, и надо дѣйствовать безпощадно, чтобы добиться чегонибудь серьезнаго. Меня вынуждаютъ дѣйствовать эгоистично.

Напѣвая свою обычную пѣсенку: «Любовь моя, прослушай пѣсенку мою», — я вошла въ домъ и увидела какой то

темный силуэтъ въ рамкѣ окна... Голосъ мой оборвался, я невольно остановилась и почувствовала, какъ кровь ударила мнѣ въ голову.

Онъ быстро спрыгнулъ съ окна и поспѣшилъ мнѣ навстрѣчу, такой же красный, какъ я.

— Вашихъ родителей нѣтъ дома, Карола, — сказалъ онъ дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ, и прикоснулся своей холодной, какъ ледъ, и дрожащей рукой къ моей рукѣ. — Я только что съ поѣзда...

Я не дала ему договорить. Моя загадка сбылась и не слѣдовало мѣшкать.

— Какъ я рада такому совпаденію обстоятельствъ, что мы теперь одни: мнѣ такъ необходимо переговорить съ вами съ глазу на глазъ.

— И мнѣ тоже! — тихо проговорилъ онъ, не выпуская моей руки, и взглянулъ мнѣ въ глаза глубокимъ и горячимъ взглядомъ.

Я такъ испугалась, что у меня задрожали колѣни, и я съѣла на первый попавшійся стулъ съ такимъ чувствомъ, что вотъ-вотъ мнѣ надо поскорѣе отсюда убѣжать.

Итакъ, Артуръ любилъ меня и хотѣлъ на мнѣ жениться... Повидимому, онъ любилъ меня давно и давно уже успѣлъ переговорить съ моими родителями, заручившись ихъ согласіемъ. Только теперь я замѣтила, что онъ еще не старъ... И только теперь же я сразу почувствовала, что не отвѣчу ему: нѣтъ. Раньше я и не подозрѣвала, что эти добрые, нѣжные глаза находятся подъ моимъ обаяніемъ. Но все таки мнѣ хотѣлось какимъ нибудь образомъ помѣшать ему вполне высказаться. Полная сердечнаго трепета, я стала быстро говорить. Я уже раньше такъ часто подготовляла свою рѣчь, что теперь слова какъ-то сами собой срывались съ моихъ губъ. Между тѣмъ, я ежеминутно выглядывала въ окна, не возвращаются ли домой мои родители, — но нѣтъ, они какъ нарочно медлили. Наконецъ, я схватила свой носовой платокъ и закрыла имъ лицо, разразившись громкимъ, неудержимымъ рыданіемъ. Я почувствовала, какъ онъ взялъ мои руки въ свои, похолодѣвшія и трепетавшія. Чтó онъ тогда говорилъ, я не въ состояніи была понять. Но только что я стала немного успокаиваться, какъ вдругъ, къ крайнему моему удивленію, слышу, что онъ заговорилъ объ

моемъ искусствѣ. Во всякомъ случаѣ, ему было достаточно времени, чтобы собраться съ духомъ. Онъ спрашивалъ меня, обдумала ли я хорошенько, что значить для такой молоденькой дѣвушки—начать самостоятельную жизнь, и хватитъ ли у меня физической и нравственной силы вести борьбу, которая предстоитъ всякому художнику, въ особенности начинающему, когда со всѣхъ сторонъ грозитъ конкуренція съ ея разными подвоями, и такъ ли я увѣрена въ своемъ талантѣ, чтобы взвалить на свои плечи тяжелое бремя? Затѣмъ онъ продолжалъ спрашивать меня, не найду ли я болѣе счастливымъ и покойнымъ положеніе любимой супруги, чѣмъ карьеру художницы, которая даже въ лучшемъ случаѣ приноситъ гораздо больше огорченій и разочарованій, чѣмъ удовлетворенія? И неужели горячая, преданная любовь безумно влюбленнаго въ меня чело-вѣка не способна вызвать хотя отчасти отвѣтное чувство? И не упрекну ли я сама со временемъ, что онъ не помѣшалъ мнѣ въ этой рискованной затѣѣ?—О, конечно, то, что онъ говорилъ, не оставалось безъ всякаго слѣда въ моей душѣ. Мнѣ даже показалось нѣсколько романтичнымъ такое любовное объясненіе! Все это меня нѣсколько взволновало и тронуло. Я еще рыдала, но уже не такъ горько, какъ будто удовлетворяясь тѣмъ, что вотъ меня утѣшаютъ и уговариваютъ. И когда онъ меня обнялъ, то я не слишкомъ сопротивлялась его поцѣлуямъ. Въ первую минуту мнѣ было нѣсколько стыдно, потомъ пришло въ голову, что все это дѣлаетъ Артуръ, мой старинный другъ, который меня цѣловалъ еще тогда, когда я была совсѣмъ ребенкомъ. Пока онъ обнималъ меня и цѣловалъ, я чуть слышно спросила его: а можно ли мнѣ будетъ завести собственную мастерскую? Онъ выразилъ свое согласіе и весело расхохотался; я тоже смѣялась, хотя лицо мое было еще залито слезами.

Сіяющія счастьемъ фізіономіи родителей, которыя какъ разъ явились въ-время, точно на сценѣ, нѣсколько смутили меня. Я была на нихъ нѣсколько сердита за то, что они предоставили меня самой себѣ во время любовнаго объясненія. Итакъ, я была просватана.

Мой профессоръ рисованія недовольно покачалъ головой, когда я рассказала ему случившееся. «Право, на этихъ молодыхъ дѣвушекъ никогда не слѣдуетъ смотрѣть серьезно:

всегда у нихъ кончается свадьбой. Ужь лучше бы имъ не идти въ рисованѣ дальше раскрашиванія каминныхъ экрановъ да стѣнныхъ тарелочекъ для столовой, что все таки можетъ имъ пригодиться въ домашнемъ быту». Я была внѣ себя, и почти съ плачемъ объявила ему, что, сдѣлавшись замужней женщиной, я прежде всего рѣшила не покидать искусства, и вынудила на это согласіе у своего жениха. Онъ какъ-то фыркнулъ себѣ подъ носъ и пожелалъ мнѣ всевозможнаго счастья «съ такой рѣдкой птицей-фениксомъ», какъ онъ назвалъ моего жениха.

Но мое разстройство, вызванное подобной бесѣдой, длилось очень недолго. Относительно жениха, скажу одно, что онъ сдѣлалъ все, чтобы я почувствовала себя вполне удовлетворенной. Мастерскую свою я могла устраивать совершенно въ своемъ вкусѣ: въ этомъ мнѣ была предоставлена полная воля. И какъ онъ, вмѣстѣ со мной, радовался всему! Въ такого рода веселыхъ приготовленіяхъ я чувствовала себя совершенно счастливой. Да, можетъ быть, это и дѣйствительно походило на счастье. Главнымъ образомъ, хлопотала я о томъ, чтобы во всякой вещи въ домѣ господствовалъ эстетическій вкусъ. Я смотрѣла на жизнь глазами истой художницы; но во всей радости, наполнявшей мое существо, была большая доля эгоизма. Главнымъ образомъ, мнѣ было пріятно чувствовать, что я могу чѣмъ нибудь владѣть и самостоятельно дѣйствовать. Никто не подозрѣвалъ, что во мнѣ таилась энергія, которая рвалась наружу и требовала своего проявленія на какомъ нибудь дѣлѣ.

Въ тѣ короткія, быстро пролетѣвшія, недѣли, когда я была невѣстой, я какъ-то мало сознавала окружающее меня и находилась словно въ какомъ-то чаду. На рождествѣ мы пожелались и мой мужъ увезъ меня на Ривьеру. Въ Ниццѣ мы встрѣтили знакомыхъ Артура изъ Ганновера, — молодыхъ новобрачныхъ Гербертовъ и неженатаго молодого брата моего мужа. Во мнѣ возбудился фізіологическій интересъ при видѣ двадцатилѣтняго Манфреда Герберта и мрачной, глубокой неудовлетворенности всего его существа. Его упрямый отецъ воспрепятствовалъ его горячему желанію пройти курсъ философіи; оба сына должны были продолжать блестящее отцовское дѣло. Я съ горечью выслушивала его жалобы по этому поводу. Са-

мымъ любимымъ времяпровождѣніемъ для меня было — заставаться на берегу моря, устремивъ взглядъ въ безконечное пространство. Тогда я предавалась мечтамъ. Вѣдь, кажется, все у меня было... чего же хотѣла я, глядя на это голубое море и облака, проносящіяся надо мной, точно искала въ нихъ какой-то разгадки? Этого я и сама не знала. Мнѣ тогда припоминались всѣ прочитанные мною романы, сквозь призму которыхъ жизнь представлялась мнѣ исполненной какой-то таинственной прелести. Всѣ героини обыкновенно кончали замужествомъ, попадая въ объятія благороднаго и безконечно любящаго ихъ мужа, совершенно также, какъ я, но только онѣ проходили черезъ различныя препятствія. Мое же счастье устроилось какъ-то слишкомъ скоро, безъ всякой борьбы, и у моего мужа было очень мало недостатковъ... Развѣ такъ и слѣдовало? Я сама этому не вѣрила и продолжала смотрѣть въ необъятное морское пространство, точно ждала, что вотъ оттуда появится передо мной нѣчто совсѣмъ неожиданное, — то настоящее и единственное, которое мнѣ скажетъ: — «смотри, я настоящее счастье, а все остальное только называется моимъ именемъ». Съ той поры моя любовь точно уперлась въ дальній горизонтъ. Сюда, къ этой границѣ, устремлены самыя пылкія, самыя живыя мои фантазіи; тутъ можетъ осуществиться все до сихъ поръ неосуществимое, тутъ все живетъ полною жизнью.

Въ февралѣ Артуръ увезъ меня на новую родину, въ Ганноверъ, въ наше прелестное гнѣздышко. Сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ, и веселая волна увлекала насъ въ общемъ водоротѣ. До мая или іюня, мнѣ не было никакой возможности взяться за кисть.

Затѣмъ наступила короткая война за мое искусство. Я дѣлала слабыя попытки пренебречь завязавшимися отношеніями и нѣсколько позабыть о наложенныхъ на меня общественныхъ обязанностяхъ, чтобы посвятить все предобѣденное время рисованію. По правдѣ говоря, мой мужъ не препятствовалъ мнѣ въ этомъ прямо, но было очевидно, что онъ не восхищался моими усердными артистическими упражненіями. Ему, конечно, доставляло удовольствіе и дѣлало счастливымъ — принимать знакомыхъ въ хорошо устроенномъ домѣ и показывать имъ образцово-заведенный порядокъ. И это было бы невозможно, еслибы его супруга вздумала положить свое искус-

ство преградой всему этому. Я сама отлично видѣла это, и мнѣ было больно огорчать его любовь и доброту. Для виду я все же немного повоевала. Но вотъ, среди многочисленныхъ знакомыхъ, появился у насъ одинъ иностранный журналистъ, чтò имѣло огромное значеніе для моего мужа. Онъ пробылъ недолго и вскорѣ уѣхалъ. Мой мужъ напрасно искалъ его въ отелѣ, и наши отношенія,—имѣвшія такое важное значеніе,—оборвались.

Съ этого самаго дня, я вдругъ ощутила въ своемъ сердцѣ боль и разочарованіе. Въ тѣ рѣдкія минуты одиночества, которыя выпадали на мою долю, я пробовала работать въ своей мастерской, но тутъ мнѣ становилось яснѣй и яснѣй, что въ этомъ отношеніи я не уйду дальше дилетантства. О, какъ это было досадно! Никогда потомъ не забывала я этой муки, и никогда не могла простить моему мужу, что пожертвовала ему всѣми своими надеждами, мечтами,—всѣмъ тѣмъ, чтò породило во мнѣ искусство, которому я думала когда-то вполнѣ отдаться...

II.

Высокая, стройная женщина въ глубокомъ траурѣ стоитъ въ мюнхенской галлерей передъ беклинскими «Эринніями». По тѣлу ея пробѣгаетъ дрожь. Какіе они страшные,—эти убитые, брошенные на дорогѣ, окостенѣлые, точно ожидающіе своего убійцу, когда онъ пройдетъ мимо нихъ. А тамъ, въ полѣ, чтò скрыто глубоко подъ землей? Поднятая отрубленная рука, и еще, и еще... Боже, Боже, все это отзывается въ моей душѣ, точно живое. Это какой-то злой рокъ...

— Простите, сударыня, но вѣдь вы, кажется, госпожа Ф. изъ Ганновера, не такъ ли?

Я вздрагиваю и оборачиваюсь, точно неожиданно упала съ облаковъ на землю. Опять эта пошлая дѣйствительность! И вотъ взглядъ мой останавливается на хорошенькомъ, какъ у куколки, мужскомъ лицѣ нѣсколько старше меня. Онъ, смѣясь, снимаетъ шляпу и раскланивается. Кажется, я его видала, но никакъ не могу вспомнить его фамилію.

— Вы, кажется, не узнаете меня, сударыня... Моя фамилія—Францъ Бишофъ. Три года тому назадъ, когда я останав-

ливался на короткое время въ своемъ родномъ городѣ Ганноверѣ, то имѣлъ честь быть вамъ представленнымъ. Я—старый знакомый вашего мужа.

— Ахъ, теперь узнаю!—перебила я его.—Вы живописецъ—мы тогда говорили съ вами объ искусствѣ... о старомъ искусствѣ. Кажется, рѣчь шла о Генелли.

— Я удивляюсь вашей памяти. Припоминаю, что вы нѣсколько жалѣли о томъ, что должны зарыть въ землю вашъ талантъ, что онъ у васъ въ родѣ «заброшенныхъ цвѣтовъ». Помню даже это ваше выраженіе.

Я низко наклоняю голову и закусываю губы, дѣлая видъ, что не обращаю вниманія на тотъ насмѣшливый тонъ, какой онъ придалъ своимъ словамъ, повторяя мое «выраженіе».

— Такого рода заботы остались теперь далеко позади меня,—отвѣчаю я заглушеннымъ голосомъ.—Я пережила слишкомъ ужасный годъ и всѣ эти бредни вылетѣли у меня вонъ изъ головы.

Онъ испуганнымъ взглядомъ оглядѣлъ мое траурное платье, которое замѣтилъ только сейчасъ.

— Ради бога, скажите, что съ вами случилось? Вашъ супругъ...

— Очень заболѣлъ,—отвѣтила я ему въ тонъ,—такъ заболѣлъ, что я едва могла имѣть надежду, чтобы онъ прожилъ до сихъ поръ... Мы вернулись изъ Италіи. Кромѣ его болѣзни, я лишилась въ одинъ мѣсяцъ обоихъ моихъ родителей.

Францъ Бишофъ хватаетъ мою руку и пожимаетъ ее; его сочувственный взглядъ отзывается хорошо въ моемъ сердцѣ. Уже не знаю, какъ случилось, что чужой человекъ первый встрѣтился мнѣ въ этомъ мѣстѣ, въ горькую для меня минуту, и первый выразилъ сочувствіе. Его умное симпатичное лицо, такъ часто мѣняющее выраженіе, впервые обратилось ко мнѣ со словомъ сочувствія, съ тѣхъ поръ какъ я нахожусь у постели моего больного мужа.

— Мужъ ждетъ меня въ отелѣ, — продолжаю я. — Мы живемъ въ отелѣ «Четырехъ временъ года»; вѣдь вы меня проводите домой, не такъ ли? Онъ будетъ такъ радъ... Я надѣюсь, что вы не покажете ему и виду, что нашли въ немъ сильную перемѣну.

— Ахъ, будьте покойны! Онъ иногда говорилъ объ васъ, и очень васъ любить.

— Можетъ быть, вы не откажетесь сопровождать меня впредь въ эти картинныя галереи. Вы не можете повѣрить, какъ мнѣ теперь необходимо искусство, чтобы уйти отъ самой себя. Эти вѣчныя хлопоты сдѣлали меня просто никуда не годной, совсѣмъ жалкой женщиной. Картина, на которую я теперь смотрю, вызываетъ во мнѣ чувство, очень сходное съ тѣмъ душевнымъ состояніемъ, въ которомъ я вообще нахожусь! Я должна немножко углубиться въ созерцаніе искусства, чтобы лучше постигнуть его, а въ этомъ никто лучше васъ не можетъ мнѣ помочь.

— Я готовъ съ большимъ удовольствіемъ сдѣлаться вашимъ чичероне. Но вы, право, преувеличиваете мои способности; я самъ не больше, какъ диллетатъ.

— Ахъ, не говорите этого! Что же я-то послѣ этого, если ужъ вы считаете себя диллетантомъ?

— Я, конечно, удержусь яснѣе выразить, что я объ васъ думаю. Тонко чувствующія женщины не любятъ грубыхъ комплиментовъ.

Я засмѣялась. Право, онъ забавенъ.

— Вы уже уходите?—спросилъ онъ, видя, что я направляюсь къ выходу.

— Да. Я нѣсколько нервно отношусь къ лицедрѣнію искусства и выношу его только въ маленькихъ дозахъ.

Мы вышли. Весеннее солнце ослѣпительно-ярко сіяетъ на поставленныхъ въ строгомъ порядкѣ колоннахъ при входѣ въ галерею. Сквозь нихъ нѣжнымъ блескомъ сверкаетъ молодая майская зелень.

Францъ Бишофъ идетъ съ лѣвой стороны и болтаетъ. Онъ долгіе годы провелъ въ путешествіи, но хочетъ вернуться въ Ганноверъ, на родину, и основаться тамъ.

Я этому радуюсь и угадываю въ немъ настоящаго искренняго друга.

— Ахъ, я хорошо сознаю, что я завязанъ шатуномъ по земному шару, но опять возвращаюсь въ свою излюбленную Европу,—сказалъ онъ.—Еще древніе греки говорили, что надо быть настоящимъ глупцомъ, чтобы любить Европу. Tiens—смотрите на ту парочку! Узнаёте вы господина, ведущаго подъ

ручку эту ослѣпительно-прекрасную блондинку? Мнѣ кажется, что Манфредъ Гербертъ принадлежитъ къ кружку вашихъ друзей?

Дѣйствительно, это Манфредъ Гербертъ: вотъ онъ подзываетъ извозчика, помогаетъ усѣсться своей спутницѣ съ золотистой шевелюрой, а самъ садится рядомъ, обращаясь къ ней съ сіяющимъ лицомъ. Куда дѣвалось его мрачное настроеніе? Его лицо въ настоящую минуту просто похорошѣло. Они проѣзжаютъ мимо насъ, мы дѣлаемъ видъ, что не узнаемъ другъ друга.

— Кто бы это могъ быть съ нимъ?—спрашиваю я.

Францъ Бишофъ знаетъ подноготную обо всѣхъ. Такая чисто женская черта въ этомъ симпатичномъ существѣ не дѣлаетъ его, однако, менѣе занимательнымъ. Одному Богу извѣстно, какимъ манеромъ узнавалъ онъ всѣ эти мѣстные подробности, въ то время какъ нога его въ продолженіе трехъ лѣтъ не ступала по ганноверскому асфальту.

— Эта блондинка—m-lle Зельда, довольно посредственная пѣвичка. Манфредъ безумно влюбленъ въ нее и хотѣлъ бы на ней жениться. Почему же бы нѣтъ? Очень можетъ быть, что съ ней онъ былъ бы счастливъ. Но папа Гербертъ глупъ и этого не допускаетъ... Помилуйте, какъ можно жениться на какой-то бѣдной дѣвчкѣ изъ неизвѣстной семьи? Это не годится. Старикъ Гербертъ, такъ гордящійся своимъ любимымъ сыномъ, дѣлаетъ его въ то же время несчастнымъ по своему упрямству.

Слушая эту ганноверскую сплетню, я смущенно поддакивала. Но, подходя ближе къ дому, я начинала забывать все, кромѣ своихъ думъ объ Артурѣ. Черезъ нѣсколько дней мы опять будемъ въ Ганноверѣ. А затѣмъ? Чтò скажетъ докторъ? Какой режимъ назначить онъ для нашей дальнѣйшей совмѣстной жизни?—Мы находимъ Артура на балконѣ нашей отелной комнаты. Онъ поворачиваетъ голову въ нашу сторону, такъ что видно его желтое, сильное похудѣвшее лицо въ рамкѣ сѣдыхъ волосъ.

Я съ безпокойствомъ гляжу въ лицо Францу Бишофу и вижу, какъ оно поблѣднѣло; затѣмъ смотрю, какъ съ кресла медленно поднимается и тяжело выпрямляетъ сгорбленную спину одряхлѣвшая фигура, обратившаяся въ какую-то разва-

лину, и, протянувъ руки, очевидно въ пріятномъ волненіи, идетъ къ намъ навстрѣчу. А, между тѣмъ, на мои глаза онъ еще нѣсколько поправился въ Италиі. Но для того, кто не видалъ его три года, болѣзнь сдѣлала его старикомъ. Все же я-то знаю, что ему гораздо лучше и, вѣроятно, онъ совсѣмъ поправится; иначе это—жизнь не въ жизнь и продолжать ее съ нимъ дальше я рѣшительно не въ состояніи... Съ лица Артура исчезло то тупое выраженіе, которое такъ пугало меня въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ. Многое по прежнему стало его интересовать, но въ немъ настойчиво оставалась какая-то старческая дряблость, и держался онъ сгорбленно, точно его обременяла какая-то тяжелая ноша. Я замѣтила, что онъ, желая меня пощадить, умалчиваетъ о нѣкоторыхъ своихъ опасеніяхъ; но все таки это постоянно-сосредоточенное выраженіе какъ бы стерло что-то съ его лица и сдѣлало его менѣе интереснымъ и привлекательнымъ. На утро, послѣ нашего пріѣзда въ Ганноверъ, явился нашъ домашній врачъ въ сопровожденіи знаменитаго спеціалиста. Пока шла консультація, я спокойно ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Время отъ времени я слышала мужской говоръ: кто-то спрашивалъ, кто-то отвѣчалъ, но такъ неясно, что я напрасно напрягала слухъ, чтобы что нибудь понять и отсюда вывести свое заключеніе. Будетъ Артуръ опять здоровъ и вернется ли къ прежней жизни? Я остановилась у окна и смотрѣла на клумбу изъ георгинъ, яркій пунцовый цвѣтъ которыхъ казался подъ солнцемъ кровавыми пятнами; и мнѣ казалось, что я точно пью эту кровь. Ахъ, какъ хотѣлось бы мнѣ пить полными чашами эту кровь жизни, и какимъ блѣднымъ показалось мнѣ все, чѣмъ я до сихъ поръ жила. Дверь сзади меня пріотворилась и послышались громкіе мужскіе голоса.

Спеціалистъ, привезенный нашимъ домашнимъ врачомъ, быстро подошелъ ко мнѣ и проговорилъ веселымъ, твердымъ тономъ:

— Сударыня, вы отлично сдѣлали свое дѣло! Подъ такимъ наблюденіемъ, благодаря вашимъ неусыпнымъ заботамъ, вашъ мужъ можетъ дожить до глубокой старости. Само собою разумѣется, что вы его оградите отъ всякаго рода волненій и окружите большимъ вниманіемъ.

Онъ очень почтительно поклонился и поспѣшно вышелъ.

*

Я опасливо всмотрѣлась въ лицо домашняго доктора, стоявшаго у того окна, передъ которымъ только что стояла я. Онъ, можетъ быть, также смотрѣлъ на грядку тюльпановъ...

— Докторъ? — вопросительнымъ тономъ обратилась я къ нему.

— Да, гмъ,—пробурчалъ онъ и, повернувшись къ окну, уперся ладонями о подоконникъ. — Дѣйствительно, г-жа Карола, сверхъ нашихъ ожиданій, я долженъ сказать, что все идетъ хорошо. Я едва надѣялся на поправленіе его здоровья.

— Но если все это такъ, — проговорила я съ неудовольствіемъ, — почему же вы имѣете какой-то странный видъ?

— Странный? но я вовсе не странный. Я могу дать вамъ честное слово, что совершенно одинаковаго мнѣнія со своимъ коллегой.

Но, говоря это, онъ все таки какъ-то избѣгалъ встрѣтиться съ моимъ взглядомъ.

— Конечно, мы должны по прежнему какъ можно заботливѣе относиться къ уходу за больнымъ. Не подумаете ли вы теперь перенести вашу спальню въ мастерскую: такимъ образомъ вы ни малѣйшимъ образомъ не обезпечите сонъ вашего супруга и, въ случаѣ чего, вы все таки можете услышать его оттуда, — не такъ ли?

— Ахъ, такъ значить это вотъ что... Но пожертвовать своей мастерской? Ни за что! Ужъ лучше я отдамъ ему свой будуаръ. Я вдоволь на него насмотрѣлась, и мнѣ онъ даже надоѣлъ.

Но вотъ вскорѣ жизнь наша потекла прежнимъ обычнымъ порядкомъ. Артуръ, впрочемъ, меньше прежняго занимался своими дѣлами, усерднѣе игралъ въ карты и строго слѣдовалъ во всемъ предписаніямъ врача. Я съ педантической акуратностью подносила ему лѣкарства и слѣдила за его діетой; по утрамъ и по вечерамъ къ нему ходилъ массажистъ для необходимыхъ растираній и пеленаній. Уходъ за тѣломъ Артура сталъ главной заботой всего нашего жизненнаго обихода; у меня съ нимъ только объ этомъ и шель разговоръ. Мало-помалу устанавливался старый порядокъ, появились старые друзья, знакомые, разные художники, и всѣ находили любезный пріемъ. Я опять обратилась въ салонную даму, танцевала, шутила и смѣялась. Всѣ кричали объ моихъ воскресныхъ

журфиксахъ. Въ разныхъ уголкахъ ютились пріатели и молоденькія барышни; а я сидѣла съ нѣкоторыми изъ гостей въ своей мастерской, причемъ между чашкой кофе и сигарой велся разговоръ объ искусствѣ, а иногда произносилось bon mot, которое долго потомъ повторялось по всѣмъ гостиннымъ. Дѣйствительно, у меня было очень мило, и часто я веселилась у себя отъ души, вмѣстѣ со своими гостями. Теперь я думала больше, чѣмъ когда нибудь, о любви,—объ этой могучей, великой любви, которой я еще ни разу не испытала, хотя часто слышала отдаленное, но какъ будто все приближающееся вѣяніе ея крыльевъ...

Манфредъ Гербертъ былъ помолвленъ. Нѣсколько счастливыхъ годовъ прожилъ онъ со своей прекрасной, блѣлокурой любовницей, и вдругъ она исчезла. Куда? этого не зналъ и самъ Фреди. Но вскорѣ прошелъ слухъ, что папа Гербертъ постарался объ ея исчезновеніи, безъ вѣдома сына. Называли огромную сумму, которой откупился чадолюбивый отецъ ради счастья сына. Самого Фреди нѣкоторое время не было видно, но когда онъ вновь сталъ вездѣ появляться, то на его лицѣ увидали прежнее мрачное выраженіе. Онъ какъ будто поблѣднѣлъ и похудѣлъ. Вскорѣ послѣ того, онъ былъ помолвленъ съ какой-то богатой русской изъ Петербурга, которую, безъ сомнѣнія, отыскалъ и предназначилъ своему любимцу въ жоны заботливый отецъ. Невѣстка,—очаровательная, маленькая вѣтряница, больше пикантная, чѣмъ хорошенькая,—жила все время своей помолвки въ Ганноверѣ, въ домѣ старшаго брата Герберта, такъ какъ она была сирота, и теперь у нея не было своего отечества. Катя имѣла успѣхъ во время сезона и почувствовала ко мнѣ нѣ котораго рода любовь, насколько это, своенравное созданіе могло полюбить кого нибудь. Ея отношенія къ Манфреду были такъ странны, что трудно себѣ представить другія еще страннѣе. То она кокетничала съ нимъ, то вдругъ начинала отчаянно кокетничать съ какимъ нибудь другимъ господиномъ, какъ будто она ошиблась лицомъ и прежнее ея кокетство вовсе не относилось къ Манфреду. Въ другой разъ, она, казалось, вовсе не замѣчала своего жениха и вела себя такъ, какъ будто онъ отсутствовалъ. Катя была изумительно изобрѣтательна на всякаго рода насмѣшки и капризы. Большинство нашихъ мужчинъ были въ нее влюблены,

за исключеніемъ самого жениха, который, повидимому, не обращалъ на нее никакого вниманія. При самыхъ ея отчаянныхъ выходкахъ, онъ оглядывалъ ее такимъ взглядомъ, точно черезъ ея голову глядѣлъ въ какую-то даль.

— Мой женихъ сказалъ мнѣ, что любить другую,—какъ-то неожиданно объявила мнѣ Катя, когда мы послѣ обѣда сидѣли съ ней вдвоемъ въ моей мастерской. Говоря это, она вертѣла папирсы между пальцами.

— Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Дала бы ему отставку,—неволью и быстро сказала я, и сейчасъ же покраснѣла отъ испуга за свою смѣлую откровенность.

— «О, какъ быстра юность на отвѣты!»—злбно процитировала она.

— Нѣтъ, милѣйшая—этого мнѣ не пришло въ голову, и я не намѣрена такъ поступать. Я хотѣла бы услышать какуюнибудь новенькую методу, а въ томъ, что вы сказали, нѣтъ ничего забавнаго.

— Какъ только выду замужъ за Манфреда, то сейчасъ же скроюсь съ вашего горизонта,—съ завоеваннымъ мною предметомъ или нѣтъ, этого пока еще не рѣшила. Скажите прямо: что сдѣлали бы вы, еслибъ замѣтили, что мужъ вамъ невѣренъ?

Я весело размѣялась и взглянула прямо въ нервное личико этой двадцатилѣтней дѣвочки, которое съ такою внимательностью повернулось ко мнѣ и такъ страстно жаждало моего отвѣта.

— Такого рода вещи мнѣ извѣстны только по теоріи,—наконецъ, отвѣтила я. — Мой мужъ никогда не былъ мнѣ невѣренъ.

Она закатилась насмѣшливымъ хохотомъ, откинувъ назадъ свою изящную темную головку и, медленно выпуская изо рта кольца дыма, задыхаясь отъ смѣха, проговорила:

— Вы фантазируете, милѣйшая, или у васъ страшно скучный мужъ, чему я—видитъ Богъ!—совсѣмъ не завидую,—резонно замѣтила она.—Скажите, объ чемъ же это вы задумываетесь по цѣлымъ днямъ? Значитъ, вамъ остается теперь только одно,—самой споткнуться!

— Еслибы васъ ктонибудь услыхалъ, то, право, могъ бы

испугаться, Катя, — укоризненно проговорила я и, покачавъ головой, погрозила ей пальцемъ. — Къ счастью, вы вовсе не такъ легкомысленны, какъ представляетесь.

— Легкомысленна?—И, вздохнувъ, она стала сбрасывать длиннымъ острымъ ногтемъ пепель съ папиросы. — Вѣдь я очень много читала, и, кромѣ того, мнѣ приходилось быть повѣренной разныхъ тайнъ у полдюжины молодыхъ женщинъ. И всѣ тѣ, у которыхъ не было дѣтей, или которыя не были такъ называемыми «идеальными матерями», всегда переживали сердечную драму и измѣняли мужьямъ. Конечно, я не говорю объ натурахъ обиденныхъ, или о сантиментальныхъ страдалцахъ. Вы же не принадлежите ни къ той, ни къ другой категоріи — такъ почему же должны вы представлять изъ себя исключеніе, госпожа Карола?

— Но я составляю исключеніе, да, составляю исключеніе! — возбужденно вскричала я и вскочила съ мѣста, потому что чувствовала, что не смогу перенести дольше пристально устремленнаго на меня взгляда. — Вѣрьте мнѣ, Катя! — повторяла я снова, — право, вѣрьте. — И я заходила взадъ и впередъ по комнатѣ, продолжая говорить что-то взволнованнымъ голосомъ, — теперъ ужъ не припомню, что именно. На всѣ свои рѣчи, я услышала въ отвѣтъ насмѣшливое хихиканье. Слезы подступили къ моимъ глазамъ, и я попробовала гордо взглянуть на насмѣшницу. Но вотъ ея смѣхъ оборвался, и она беззаботнымъ тономъ, произведшимъ на меня отрадное впечатлѣніе, проговорила:

— Какъ васъ легко раздражить! Вѣдь я же хорошо знаю, что у васъ все совсѣмъ иначе, чѣмъ у другихъ. Къ тому же, у васъ остается ваше искусство...

Послѣднія слова опять все испортили. Я кинулась на диванъ и принялась жаловаться на пустоту жизни. Мое искусство! Мнѣ показалось, какъ будто стѣны этого мѣста, — этого, такъ называемаго, храма художества, — съ насмѣшкой повторяютъ слова Кати: — Но вѣдь у васъ остается ваше искусство! — О, это чудное, завидное искусство! А остальное счастье, о которомъ я мечтала, всѣ эти блага жизни — гдѣ они? И мое сердце жаждало, молило вкусить этой жизни; удары его раздавались такъ громко, что, казалось, весь свѣтъ долженъ былъ ихъ услышать. Моя душа — это потрескавшаяся сухая почва,

въ которой вянуть сотни зеленыхъ побѣвовъ, будучи едва въ состоянїи поднять головки, чтобы умирающимъ взоромъ взглянуть въ это спокойное безоблачное небо и страстно пролепетать:— О, дайте дождя, а то мы совсѣмъ истомимся; и пусть будетъ гроза, пусть она сокрушитъ насъ, только бы оживила хоть на мигъ. Пошли, Боже, пошли дождя! Умереть бы отъ грозы, но не жить дольше на этой сухой, бесплодной почвѣ!

III.

На свадьбѣ Кати и Фреди, мой другъ Францъ Бишофъ представилъ мнѣ одного господина, который только что вернулся въ наше общество: его фамилія—Конрадъ Бауеръ. Мы весело, въ свѣтскомъ легкомъ тонѣ, болтали другъ съ другомъ, какъ я обыкновенно болтала и со всѣми другими, но я чувствовала въ себѣ какое-то приподнятое настроеніе, что обыкновенно бываетъ подъ вліяніемъ какого нибудь сильнаго личнаго впечатлѣнія. Это было точно ощущеніе отъ какого-то новаго обладанія. Когда Конрадъ не говорилъ со мной, я издали слѣдила и за нимъ, и за той, съ которою онъ говорилъ, сравнивала себя съ ней, смотрѣла на себя въ зеркало и изучала въ немъ то впечатлѣніе, какое могла произвести моя фигура. Меня радовало, что выдался какъ разъ такой славный день, когда моя красота особенно выигрывала, когда я гляжу такой молодой и такъ хорошо одѣта и причесана. Я чувствовала себя жизнерадостной и была очень довольна, выслушивая разныя любезности и комплименты, съ которыми ко мнѣ обращались, въ особенности, если Конрадъ могъ ихъ слышать. Я почувствовала нравственное удовлетвореніе отъ того общественнаго положенія, которое мы занимали съ мужемъ, что можетъ быть особенно привлекательно для такого человѣка, какимъ былъ Конрадъ. Мнѣ удалось вовлечь мужа въ бесѣду съ нимъ и устроить такъ, что мужъ попросилъ его и впредь бывать у насъ. Все удавалось мнѣ сегодня вечеромъ; я нравилась самой себѣ и другимъ. Я точно вновь помолвлена; глаза мои горѣли юношескимъ огнемъ, щеки раскраснѣлись. Францъ, больше чѣмъ когда либо, находился возлѣ меня; онъ пожиралъ меня глазами, точно въ первый разъ увидалъ.

— Какъ вы сегодня хороши, госпожа Карола!—говорилъ

онъ мнѣ при всякомъ случаѣ, и мнѣ слышался въ его дрожащемъ голосѣ какой-то особый тонъ. Но какъ охотно выслушивала я это сегодня! Какъ будто, между прочимъ, я завела съ Бишофомъ рѣчь о Конрадѣ. Я узнала, что онъ изъ купцовъ, очень богатъ и холостякъ. Онъ долженъ быть немножко старше меня, хотя эту разницу едва можно было замѣтить, не смотря на его густые сѣдые волосы, что, при совсѣмъ черныхъ бровяхъ и черной бородкѣ, составляло оригинальный контрастъ.

Францъ не охарактеризовалъ его ничѣмъ особеннымъ, а я не слишкомъ настойчиво анализировала себя для того, чтобы сознаться, что впечатлѣніе, произведенное имъ на меня,—было прямо эстетическимъ. Этимъ, конечно, трудно объяснить мое окончательное мнѣніе; но все таки невольно думается, что наружная оболочка часто соотвѣтствуетъ внутренней. Впрочемъ, я не особенно ломала себѣ голову: «значительный» ли человекъ Конрадъ, или нѣтъ; то, что онъ говорилъ, не звучало диссонансомъ въ нашемъ обществѣ и все его существо только болѣе усиливало это впечатлѣніе прекрасной мужественности, которое произвело на меня его въ высшей степени симпатичное появленіе. То состояніе, которое я испытывала, пробудило во мнѣ интересъ къ главнымъ виновникамъ торжества. Я нашла, что вѣнчальное бѣлое платье очень мало гармонируетъ съ пикантнымъ выраженіемъ лица невесты и, вмѣсто того чтобы выдѣлить ея красоту, дѣлало ея лицо какимъ-то обыденнымъ. Какъ сквозь дымку, смотрѣла я на прекрасное, блѣдное лицо жениха, съ отсутствіемъ выраженія въ глазахъ, и тутъ же выставлялась торжествующая мина папа Герберта, который исполнилъ свою давнишнюю мечту и сдѣлалъ своего любимца-сына «счастливымъ». Я взглянула на Конрада, и онъ показался мнѣ воплощеніемъ мужской власти,—ужь, конечно, онъ никогда не подчинится чужой волѣ въ вопросахъ личнаго счастья!

— И къ чему Фреди женится на этой дѣвочкѣ? Почему же онъ не сопротивляется?—спросила я Франца.—*Chi lo sa!*—Францъ сдѣлалъ серьезное лицо и пожалъ плечами.

— Можетъ быть, онъ думаетъ, что бракъ заставитъ Фреди позабыть прежнюю любовь. Эти апатичные мечтатели всего ждуть отъ другихъ, потому что чувствуютъ, что имъ на себя нельзя положиться. Всѣ свои неудачи они взваливаютъ на

плечи другимъ, такъ какъ въ чувствѣ несправедливо перенесеннаго страданія лежитъ нѣкоторое удовлетвореніе...

Конрадъ прошелъ мимо меня, подъ руку съ гибкой и стройной Зисси Гербертъ, племянницей жениха. Я взглянула на обоихъ съ чувствомъ глубокаго удовольствія и сердечной теплоты: это было олицетвореніе мужественной красоты и силы въ соединеніи съ женственной граціей.

Я почувствовала легкое прикосновеніе къ плечу и обернулась. Это была Катя: она, кажется, собиралась ускользнуть изъ залы. Поддерживая тяжелыя складки шолковаго шлейфа своими маленькими смуглыми ручками, она смотрѣла на меня своими зеленоватыми глазами, и на ея смертельно блѣдномъ личикѣ выражался какой-то страхъ.

— Ну, теперь въ походъ,—проговорила она съ короткимъ, насильственнымъ смѣхомъ, вызвавшимъ у меня слезы на глазахъ. И съ этими словами она улетѣла, точно облачко.

— Что вы такъ задумались, сударыня?—спросилъ чей-то глубокой металлическій голосъ сзади меня и Конрадъ Бауэръ сѣлъ напротивъ.—Вы смѣтрите на маленькую невѣсту, точно опытный солдатъ на рекрута.

— Совершенно вѣрно,—засмѣялась я отъ удовольствія, что возлѣ меня сидитъ человѣкъ, такъ сразу мнѣ понравившійся. Отъ него шель какой-то легкій, особенный запахъ тѣла, и по мнѣ пробѣжала невольная дрожь. — Моя опытность пріобрѣтена за много лѣтъ назадъ,—отпарировала я,—а вы знаете, что годы войны считаются вдвойнѣ.

Онъ засмѣялся и покачалъ своей красивой сѣдой головой.— Мнѣ кажется, что вы хотите внушить мнѣ уваженіе къ глубокой старости,—сказалъ онъ.—Но я все таки больше вѣрю собственнымъ глазамъ, чѣмъ вашимъ насмѣшливымъ замѣчаніямъ. Чтѣ же касается до поклоненія, то въ вашей власти есть множество другихъ средствъ, чтобы пріобрѣсти поклонниковъ...

— Прекрасно!—весело согласилась я.—Могу васъ увѣрить, что я вовсе не равнодушна къ такимъ комплиентамъ. Вѣдь во всемъ есть всегда нѣкоторая доля правды!

— Значитъ, вы позволяете мнѣ и дальнѣйшія любезности? Задача очень легкая, даже слишкомъ легкая. Тутъ не надо настраивать своей фантазіи, потому что всегда на лицо ваши прелести.

Я взяла въ руки часики и смѣясь посмотрѣла на него.

— Насколько времени хватитъ моихъ прелестей, чтобы вы могли продолжать все въ томъ же тонѣ?

— Продолжайте ихъ испытывать на мнѣ и увидите, — отвѣчала онъ.

Между нами завязался разговоръ, все въ томъ же духѣ; я смѣялась и непринужденно болтала, продолжая вглядываться въ черты его лица, между тѣмъ какъ мое сердце билось въ тактъ музыкѣ, переполненное смутнымъ блаженствомъ. «Чувствуешь ли ты все то новое, чудесное, наполнившее мою душу? — хотѣла бы я спросить Конрада. Откуда ты? кѣмъ ты былъ до сихъ поръ, и что такое была я сама? И зачѣмъ, зачѣмъ не пришелъ ты ко мнѣ раньше?»

Раньше? — сколько же было мнѣ лѣтъ? Я, должно быть, была еще очень молода и совсѣмъ неопытна, наполовину ребенокъ, наполовину дѣвушка. Ахъ, только бы это не былъ сонъ! Но тѣ долгіе, мертвые годы, которые я пережила, остались теперь позади меня. И вѣдь я еще полна жизни, хороша собой, а развѣ красота не та же юность? Да это подтверждаетъ мнѣ и его взглядъ, устремленный на меня; въ этомъ можетъ удостовѣрить меня каждое зеркало».

Воспользовавшись минутной паузой, наступившей въ разговорѣ, я попросила Конрада провести меня къ мужу. Онъ предложилъ мнѣ руку. Опять я услышала этотъ особый легкій запахъ здороваго мужчины, исходившій изъ него и отъ котораго по моему тѣлу пробѣгала дрожь. Когда мы подошли къ одному изъ огромныхъ стѣнныхъ зеркалъ, украшавшихъ большую залу, то я вскрикнула:

— Ахъ, мой графъ! — и схватилась за плечо, точно боясь, что потеряю это украшеніе, а въ то же время взглянула на себя въ зеркало. Оно ярко отражало всю бальную залу и особенно выдѣляло наши съ нимъ фигуры. Увидавъ наше отраженіе, я могла остаться вполне довольной. Но въ зеркалѣ же я увидала и лицо Франца Бишофа. Онъ стоялъ сзади меня.

— Что, ужъ вы начали рекогносцировку, *bellissima*, — шепнулъ онъ мнѣ со смѣхомъ на ухо.

— Не бойтесь! Постоянство при васъ: оно останется цѣло и невредимо...

Можно было подумать, что я опять переживаю юные годы... Я краснѣла, какъ дѣвочка, когда встрѣчалась съ Конрадомъ, и мое сердце все вздрагивало, когда онъ входилъ къ намъ. Я, какъ молоденькая дѣвочка, считала тѣ дни, когда онъ у насъ не былъ, и смотрѣла на нихъ, какъ на потерянное время. Въ своей одинокой спальнѣ я создавала себѣ цѣлыя фантастическія сцены, въ которыхъ фигурировалъ онъ; въ этихъ сценахъ онъ падалъ къ моимъ ногамъ и говорилъ со мной такъ, какъ могутъ говорить только поэты. Но я уже не была молоденькой, неопытной дѣвочкой... И незамѣтно мечты эти становились все страшнѣе, горячѣе; онъ охватывали меня точно моремъ огня; я переживала тысячи мукъ, стонала и теряла сознание. Снаружи я по прежнему оставалась безукоризненной свѣтской дамой, заботливо ухаживала за своимъ больнымъ мужемъ, поддерживала тщательно порядокъ въ домѣ и съ одинаковою любезностью принимала своихъ многочисленныхъ знакомыхъ. Никто и не подозрѣвалъ, что для меня былъ день не въ день, когда у насъ не былъ Конрадъ, и что я старалась встрѣчать его и въ другихъ мѣстахъ. Какъ жаждала я перекинуться съ нимъ словомъ; съ какимъ наслажденіемъ вбирала въ себя ароматъ его духовъ. Я съ удовольствіемъ отодвинула бы назадъ часы моей жизни, чтобы еще и еще пережить ихъ, но жестокое время уходило и не возвращалось...

О, какъ я ненавидѣла день своего рожденья! Я готова была уничтожить этотъ ужасный часъ...

Въ этотъ день всѣ приходили поздравлять меня съ мужемъ и желали намъ побольше жить такъ, какъ мы жили во все продолженіе брака. При этомъ гости выражались, что нашъ бракъ можно считать идеальнымъ; о да, дѣйствительно этотъ бракъ былъ такимъ идеальнымъ, что святые могли бы радоваться!

Артуръ и я сидѣли за столомъ, и онъ рассказывалъ мнѣ разныя городскія новости. Зисси Гербертъ вывихнула себѣ ногу во время катанья на конькахъ, а у Манфреда и Кати, послѣ ряда недоразумѣній и разочарованій, появился на свѣтъ божій сыночекъ. Папа Гербертъ похаживаетъ съ такимъ побѣдоноснымъ видомъ, точно принцъ, унаслѣдовавшій тронъ...

— Еще поговариваютъ объ одной свадьбѣ, — продолжалъ

Артуръ, обмакивая кусочекъ курицы въ бѣлый соусъ.— Знаешь Сесиль Мейеръ съ головкой маленькаго пуделька? ея имя что-то соединяють съ Конрадомъ Бауеромъ... Кажется, онъ хочетъ спасти ее отъ одиночества!

— Постой, я тебѣ передамъ ложку,— сказала я какимъ-то чужимъ голосомъ, вырвавшемся изъ пересохшаго горла.

Ложка задрожала въ моей похолодѣвшей рукѣ и я думала, что упаду.

Мое сердце стучало медленнымъ, страшнымъ, тяжелымъ стукомъ. Нѣтъ, этого не можетъ быть, ни за что, ни за что! Мой мужъ говорилъ еще что-то, но я уже ничего не слышала.

— Ну, что жъ ты ничего не отвѣчаешь? — развѣ ты не удивляешься этому позднему обращенію въ христіанство?— спросилъ онъ безпечнымъ тономъ.

Я пожала плечами. — По правдѣ сказать, никто не бываетъ достаточно старъ до первой глупости!— отвѣтила я.— Но во всякомъ случаѣ мнѣ казалось, что Конрадъ обладаетъ болѣе солиднымъ вкусомъ.

Артуръ на это ничего не замѣтилъ; онъ всталъ изъ-за стола и отправился къ себѣ спать, а я осталась одна въ комнатѣ переживать въ одиночествѣ свое отчаяніе.

Сегодня вечеромъ намъ предстояла встрѣча съ Конрадомъ въ одномъ обществѣ. Какъ я радовалась! Итакъ, мнѣ надо казаться веселой, съ отчаяніемъ на сердцѣ, при одной мысли, что онъ сидитъ, можетъ быть, у своей невѣсты и цѣлуетъ ее...

Я стиснула зубы, едва удерживаясь отъ стога.

Нѣтъ, мнѣ надо чтонибудь выдумать, чтобы отговориться отъ поѣздки,—чтонибудь въ родѣ головной боли, мигрени...

Я съ отвращеніемъ взглянула въ зеркало на свое покраснѣвшее заплаканное лицо. Ну, и пусть я покажусь старой и безобразной! Что жъ изъ этого!

Я строила разныя гримасы, чтобы казаться страшнѣе. Жизнь для меня кончена: она прошла мимо меня, не коснувшись даже моей одежды своимъ вѣяніемъ. Но почему же? почему? Солнце освѣтило садъ, только мой уголь оставался темнымъ... Я подняла руку къверху: «Возьмите меня, возьмите меня, силы небесныя, — чтобы я не томилась отъ этой

духовной жажды». Но тутъ я постаралась заглушить свое отчаяніе.

Что же въ сущности особеннаго сказалъ Артуръ? — На свадебной биржѣ глухо толкуютъ о вновь предстоящемъ бракѣ... Но вѣдь это только слухъ, а не достовѣрное извѣстіе; можетъ быть, все это только пустая болтовня. Эти соображенія нѣсколько успокоили меня, и сердце мое опять наполнилось надеждой. Я захотѣла еще разъ спросить Артура, и не откладывая. Но то, что я собиралась сдѣлать, было бы большой глупостью. Если мы встрѣтимъ Конрада, то узнаемъ еще лучше, насколько справедливъ распространившійся о немъ слухъ. Я освѣжила себѣ лицо и пошла къ Артуру; онъ сидѣлъ за столомъ и, сейчасъ же замѣтивъ, что у меня какой-то лихорадочный видъ, спросилъ, не болитъ ли у меня голова...

— Немножко, но мнѣ уже лучше,—отвѣтила я.

Какъ и намѣревалась, я завела рѣчь о свадьбахъ. Артуръ назвалъ еще нѣсколько лицъ, совершенно для меня неинтересныхъ, прибавивъ, что слухи насчетъ женитьбы Бауера почерпнуты совсѣмъ не изъ достовѣрнаго источника.

— А что же говорить объ этомъ Францъ Бишофъ?—Но мужъ отвѣтилъ, что онъ его даже не видалъ.

Я съ облегченіемъ перевела духъ. Безпокойно забѣгала я по комнатѣ. Никогда раньше я не торопилась такъ окончить свой туалетъ, никогда еще не тормозила такъ свою горничную. Боже, не пора ли ужъ ѣхать? Почти все время я неустанно болтала, смѣялась, острила, точно мой мужъ былъ посторонній, котораго надо занимать. Артуръ нѣсколько насмѣшливо называлъ меня дѣвочкой-подросткомъ, у которой наступила предбальная лихорадка.

Первый, кто намъ попался на глаза въ ярко освѣщенномъ салонѣ, былъ Конрадъ. У меня закружилась голова, когда онъ дотронулся до моей руки. Мнѣ хотѣлось закричать; я даже открыла ротъ, но, сдѣлавъ усиліе, подавила крикъ. Тутъ мнѣ стало ясно, что я люблю его больше всего на свѣтѣ.

Онъ удивленно посмотрѣлъ на меня. Хоть я ничего не произнесла,—настолько я помнила достоинство свѣтской салонной дамы,—но, можетъ быть, мои глаза выразили что нибудь особенное? Что они ему сказали? Я просто трепетала подъ его вопрошающимъ взглядомъ, которымъ онъ преслѣдо-

валь меня все время, гдѣ бы я ни стояла и ни сидѣла. Щоки у меня горѣли; я чувствовала, что была очень хороша. Душа моя, освобожденная отъ страха, трепетала отъ благодарности и блаженства, и какъ-то ширилась въ своемъ полетѣ. Я была необыкновенно любезна, оживлена и имѣла такой успѣхъ, точно вновь появившаяся звѣзда на небосклонѣ. Конрадъ не отходилъ отъ меня; онъ почтительно и нѣжно ухаживалъ за мной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то робко спрашивалъ меня восторженными глазами: можетъ ли онъ осмѣлиться?.. Но вдругъ, среди счастья, переполнявшаго все мое существо, неожиданно опять возникъ во мнѣ страхъ. Хорошо! теперь онъ ухаживаетъ за мной, но кто меня разуверитъ въ томъ, что въ эту же самую минуту онъ не думаетъ о своей женитьбѣ? Эта маленькая Сесиль, со своимъ заманчивымъ ротикомъ, такъ ловко умѣющая играть своими густыми рѣсницами, не выходила у меня изъ головы...

Когда мы вернулись въ салонъ, то эти мысли вновь завладѣли мною. Конрадъ, ведя меня подъ руку, вдругъ нагнулся ко мнѣ съ вопросительнымъ взглядомъ. Только тутъ я почувствовала и вмѣстѣ съ тѣмъ испугалась, замѣтивъ, что я невольно прижала къ себѣ его руку, точно хотѣла удержать. Онъ сталъ вплотную возлѣ меня и глядѣлъ мнѣ прямо въ глаза, рѣзко и тяжело дыша. Я стояла, дрожа всѣмъ тѣломъ и съ наслажденіемъ вдыхая запахъ его духовъ.

— Я хотѣла бы васъ спросить объ одной вещи, — тихо произнесла я, стараясь придать своему голосу свободный, натуральный тонъ. — Но прошу не обвинять меня въ нескромности..

— Хорошо. Это я могу обѣщать, — тихо отвѣтилъ онъ.

— Говорять, что вы женитесь, — сказала я. Мнѣ самой невольно кинулся въ голову тонъ моего голоса, какой-то неуверенный, полный опасенія. — Правда это?

— Это не правда, честное слово! — отвѣчалъ онъ.

При этомъ онъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза; на его лицѣ играла улыбка, полная торжества и польщеннаго самолюбія. Въ сущности, я чувствовала, что большаго комплимента не могла сказать мужчинѣ, предложивъ ему такого рода вопросъ и такимъ тономъ. Но въ настоящую минуту это было для меня все равно: счастье, которое я ощущала, заставило меня забыть обо всемъ остальномъ.

— Могу васъ увѣрить, что я вовсе и не думаю жениться, — продолжалъ онъ съ тѣмъ же игривымъ смѣхомъ и какимъ-то глубокимъ, задушеннымъ голосомъ.

Ахъ, еслибъ я могла, то цѣловала бы безъ конца, до полнаго забвенія, этотъ прелестный мужской ротъ.

Наконецъ, я вошла въ себя, и тутъ мнѣ пришло въ голову, что я сдѣлала что-то несообразное? Чтò онъ обо мнѣ подумаетъ? Чтò теперь мнѣ дѣлать? Такое ли же значеніе будетъ имѣть этотъ вечеръ для него, какъ для меня? Сердце мое стучало, какъ маятникъ... Я сдѣлала что-то такое, чтò можетъ имѣть тяжелыя послѣдствія.

Но въ то же время я почти гордилась этимъ. Во мнѣ то вспыхивала, то погасала надежда; всѣ чувства, сдерживаемыя въ теченіе столькихъ лѣтъ, рвались наружу. Все во мнѣ бушевало...

— Знаете ли, какъ вы сегодня выглядываете, госпожа Карола? Какъ будто въ васъ умерло, не возродясь, какое-то художественное чувство, — произнесъ Францъ Бишофъ, глядя на меня такимъ наблюдательнымъ, пристальнымъ взглядомъ, что я испугалась и невольно пробудилась отъ своей мечты.

IV.

Въ ближайшій затѣмъ вечеръ, когда я сидѣла въ спокойной позѣ, въ своей ложѣ въ придворномъ театрѣ, и смотрѣла изъ бинокля внизъ на публику, — я вдругъ увидала прекрасную голову человѣка, который денно и ночью царилъ въ моемъ сердцѣ. Это случилось такъ неожиданно, что рука моя невольно опустилась, и я уронила бинокль. Я никогда раньше не видала его въ театрѣ и знала, что сцена мало дѣйствуетъ на него; зачѣмъ же, значить, онъ очутился здѣсь?— Ужъ не вспомнилъ ли онъ, что я имѣю обыкновеніе бывать по четвергамъ въ театрѣ? У меня какъ-то стѣснило грудь; пламя отъ люстръ затанцовало, и въ глазахъ пошли разноцвѣтные круги. Я ощутила такое чувство, какъ будто сердце во мнѣ начало шириться и расти, такъ что грозило наполнить всю мою грудь. Оно такъ сильно билось, что мнѣ казалось, будто эти звуки слышатъ всѣ находящіеся въ театрѣ и смотрятъ на меня, а тотъ внизу, ради котораго оно такъ бьется, долженъ сейчасъ же

прійти сюда ко мнѣ и заключить меня въ свои объятія, чтобы я могла умереть въ нихъ...

Онъ взглянулъ на верхъ и, улыбнувшись, поклонился; я отвѣтила ему, поблагодаривъ его долгимъ взглядомъ. Я не вникала въ то, что играли на сценѣ; все мое существо было переполнено грезами; я переживала свою новую судьбу и смотрѣла на Конрада, изучая его черты, лаская взглядомъ его прелестную голову. Никогда еще я не была такъ взволнована, и мнѣ пришло въ голову загадать, какъ это я часто дѣлала въ дѣтствѣ: если онъ взглянетъ на верхъ, когда я сосчитаю до двадцати, то, значитъ, онъ меня любитъ. Если, во время этого акта, онъ ни разу не взглянетъ въ бинокль на сцену, то онъ пріѣхалъ въ театръ съ единственной цѣлью увидѣть меня. Если же онъ въ теченіе четверти часа тронетъ себя три раза за бородку, то, по окончаніи спектакля, онъ при выходѣ встрѣтитъ меня и проводить... Я дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и не спрашивала уже себя, дожидается ли онъ меня, такъ какъ была въ этомъ увѣрена.

У выхода онъ, дѣйствительно, ожидалъ меня, протянувъ руку. Я оперлась на нее и мы медленно пошли по театральной площади. Мои нервы были натянуты до послѣдней степени. Сквозь голые сучья деревьевъ просвѣчивалъ темный силуэтъ памятника фельдмаршала, голова и плечи котораго были покрыты тонкимъ слоемъ снѣга; весь георгиевскій лѣсъ былъ окутанъ инеемъ, а снизу широкой бѣлой лентой разстилалась желѣзная дорога; на небѣ тускло свѣтилась луна подъ легкими, набѣгавшими на нее облачками. Все вокругъ были смутно и нѣжно, какъ въ грезахъ, и я, какъ во снѣ, шла подъ руку съ любимымъ человѣкомъ, туда, къ этимъ таинственнымъ сумеркамъ...

Я, наконецъ, рѣшилась заговорить:

— Итакъ, вы сдѣлались поклонникомъ театровъ? — Но голосъ мой выдавалъ противъ воли мое волненіе. Мои слова какъ-то странно прозвучали въ этой тишинѣ.

— Я хорошо знаю, что вы надо мной смѣетесь, — отвѣтилъ онъ послѣ короткаго молчанія прерывающимся тономъ, — но развѣ въ театръ ходятъ только ради сцены? Вѣдь иногда ходятъ туда, желая кого нибудь встрѣтить и разрѣшить какой нибудь сердечный вопросъ.

Онъ остановился; я же затаила дыханіе. Вдругъ онъ приблизилъ свое лицо къ моему.

— Чтѣ такое было вчера съ вами, Карола? — прошептала онъ. Мое сердце точно замерло.

— Конечно, я не хотѣла выразить ни ненависти, ни презрѣнія; этого, по крайней мѣрѣ, не было въ моихъ глазахъ, — еле слышно отвѣтила я.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — этого и не было, но я хотѣлъ бы знать больше.

Онъ крѣпче прижалъ къ себѣ мою руку, такъ что мы пошли плотно, плечомъ къ плечу. И опять они, его духи, сводившія меня съ ума!

— Я боюсь, что вы уже давно замѣтили... — дрожащимъ голосомъ произнесла я, — съ первой же минуты нашей встрѣчи. Но вы никогда не узнали бы этого, еслибы мой страхъ не оказался сильнѣе меня самой...

Онъ схватилъ и сжалъ мои руки.

— А ты, ты, — со страданіемъ въ голосѣ, продолжала я, — развѣ ты меня не любишь? Скажи, вѣдь и ты любишь меня; не можетъ быть, чтобы ты оставался холоднѣе, когда я...

И я разразилась рыданіями, такъ что не могла соображать, чтѣ такое онъ возразилъ мнѣ. Мнѣ только оставался яснымъ утѣшающій тонъ его голоса, да я чувствовала, что онъ ласково гладилъ мои руки.

Уже для меня было облегченіемъ то, что я могла высказаться, и я говорила, говорила безъ конца, обо всемъ, чтѣ накопилось у меня на сердцѣ за долгіе годы замужства.

Но вдругъ онъ нагнулся ко мнѣ и шепнулъ:

— Пойдемъ ко мнѣ!

Я нерѣшительно остановилась.

— Приди ко мнѣ! — рѣзче и настойчивѣе произнесъ онъ. — Завтра вечеромъ... хочешь?

— Хорошо, — безъ колебанія отвѣтила я, и дрожь охватила меня. Конечно, мнѣ и въ голову не приходило сопротивляться; я смотрѣла на это, какъ будто такъ и должно было случиться, какъ будто уже раньше мнѣ все это было извѣстно и я только ждала — поскорѣе осуществить мои мечты. У меня просто закружилась голова отъ избытка блаженства; я плакала отъ счастья. Каждый шагъ рядомъ съ милымъ былъ

для меня новымъ желаніемъ, новой прекрасной грезой. Неужели все это правда? Только бы не пробуждаться и не окунуться опять въ эту будничную дѣйствительность отъ такого очаровательнаго сна...

Я почти боялась взглянуть на мелькавшіе мимо насъ стволы деревьевъ, точно они могли растаять въ воздухѣ вмѣстѣ съ моимъ милымъ, сердце котораго такъ близко билось рядомъ съ моимъ. Но вотъ онъ опять прижалъ къ себѣ мою руку и повторилъ: — приходи же ко мнѣ!

Это слово подѣйствовало на мои нервы, какъ электрическій токъ; я въ истомѣ закрыла глаза, точно боялась ослѣпнуть отъ слишкомъ яркаго солнечнаго блеска. Онъ свиснулъ извошкику. Къ намъ подѣхала коляска. Еще одно пожатіе руки на прощанье и «до завтра»!

Я бросилась на подушки, закрыла лицо руками, смѣялась, стонала отъ несказаннаго счастья.

Вотъ оно, наконецъ, пришло! Но развѣ для счастья существуетъ слово «поздно» или «рано»? Добро пожаловать, мой милый, долго вымаливаемый гость, теперь я крѣпко держу тебя въ рукахъ!

— До завтра, дорогой мой, красавецъ мой, до завтра—въ сумерки.—А сколько часовъ осталось до этого? Я считала по пальцамъ, обсчитывалась и смѣялась съ радостными слезами на глазахъ...

V.

— Однако, сегодня что-то долго шель спектакль!—началь Артуръ, сидя въ столовой, въ качалкѣ, съ одѣяломъ, накинутымъ на колѣни. На столѣ стоялъ мой приборъ, и маленькій серебряный чайничекъ тихо гудѣлъ на спиртовкѣ.

Я остановилась въ дверяхъ, какъ чужая; мнѣ надо было собраться съ духомъ. Послѣ ощущенія знойной бури, только что мною пережитой, эта домашняя, мирная, теплая обстановка подавляющимъ образомъ дѣйствовала на мое внутреннее существо. Послѣ сильнаго волненія, меня охватила столь же сильная усталость; я подошла къ Артуру со сдержанной зѣвотой и пожала ему руку, а затѣмъ сѣла за столъ.

— Христина, унесите это, — сказала я. -- Я выпью одну чашку чаю и сейчасъ же лягу въ постель.

*

— Я такъ устала. А ты принималъ свое лѣкарство?

Артуръ болталъ, а я совершенно механически отвѣчала ему отъ времени до времени. Мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе остаться одной, чтобы переживать свое счастье. Мнѣ нисколько не совѣстно было глядѣть въ глаза мужу; я не чувствовала себя неправой въ отношеніи его, — я вѣдь ничего у него не отнимала. Чувство, испытываемое мною къ Конраду, не имѣло, по моему мнѣнію, ни малѣйшаго отношенія къ моей супружеской жизни съ Артуромъ. Это чувство было такое могучее, такое новое; оно такъ сильно меня охватило, такъ наполнило все мое внутреннее я, что мнѣ казалось необходимымъ поскорѣе исполнить то требованіе, которое предъявляла мнѣ сама жизнь. Я, конечно, хорошо знала, что въ глазахъ свѣта мой поступокъ есть преступленіе, и что я нисколько не лучше другихъ, которыя удовлетворяютъ свою потребность въ любви, но я все таки намѣревалась по силѣ возможности щадить Артура и меньше лгать, такъ какъ мнѣ было ясно, что безъ лжи тутъ все таки не обойтись. Вотъ это-то и было мнѣ противнѣе всего. И, пока я хлопотала за столомъ около Артура, эта мысль терзала меня. Очувшившись, наконецъ, наединѣ въ своей тихой комнатѣ, я позабыла обо всемъ, что меня угнетало. Всѣ непріятныя мысли и чувства улетучились. Я легла на постель и прижалась горячимъ лицомъ къ холоднымъ свѣжимъ подушкамъ. Все тѣло во мнѣ ликовало; въ моихъ ухахъ еще звучало: «Приходи ко мнѣ—приходи!»

До самаго утра я не могла заснуть, да и не хотѣла спать, не желая пропустить ни одного мгновенія счастья, переполнявшаго мое сердце. Когда за окномъ вылъ вѣтеръ, то мнѣ слышался въ его завываньѣ призывъ: «Приди ко мнѣ»; въ темнотѣ, окружавшей меня, какіе-то голоса нашептывали мнѣ объ ожидавшихъ меня наслажденіяхъ. Вся ночь проходила передо мной, какъ могучая симфонія, единственной темой которой было опять таки: «приходи ко мнѣ», повторявшееся на тысячу ладовъ, нѣжно, бурно, требовательно, просительно, а въ тактъ этой мелодіи бился мой пульсъ. Въ эту ночь для меня переродился свѣтъ, и я съ трепетомъ ждала дня, который долженъ былъ открыть мнѣ новую жизнь. Я представляю себѣ, что я Ева, первая жена. Адамъ спитъ. Я знаю, что онъ лежитъ тамъ гдѣ-то въ саду. Я иду и ищу его, безъ всякаго

страха; знаю, что въ концѣ концовъ все таки найду его и эти самые поиски возбуждаютъ во мнѣ блаженство. Я иду подъ деревьями, и ихъ холодные свѣжіе листья щекочутъ мнѣ лицо и шею. Вдругъ изъ густой листвы слышится пѣнье птички; она поетъ: «Приходи ко мнѣ!» — Ничего не видно, но все сулитъ неизвѣданныя радости. И она, можетъ быть, лежалъ подъ тѣмъ самымъ деревомъ, мимо котораго я проходила. Это мнѣ смѣшно. Такъ отрадно бродить въ темнотѣ, когда знаешь, что скоро настанетъ день, совсѣмъ особый новый день, который будетъ праздникомъ изъ праздниковъ, будетъ днемъ зарожденія новой жизни, новаго свѣта, любви...

«Приди ко мнѣ!» — слышится откуда-то издали... Кто это зоветъ?

— Это ты?—Мужъ проснулся и зоветъ меня.—Онъ! Одного только Богъ и создалъ мужчину! Онъ и я, — мы должны слиться въ одно. Итакъ, всю ночь мои грезы мѣшались со сномъ.

Подъ утро, когда я, наконецъ, заснула, вижу такой сонъ: передо мной краснѣетъ красная клумба тюльпановъ изъ нашего садика. Цвѣты освѣщены солнцемъ, какъ и въ то грустное утро, когда мы вернулись изъ Италіи. Всѣ цвѣточныя чашечки качались и гнулись, переполненные дымящимся, ярко краснымъ виномъ. Одолѣваемая жаждой, взглянула я внизъ.— Если ты хочешь пить,—сказалъ мнѣ Конрадъ, стоявшій рядомъ со мной,—то нагнись.—Я такъ и сдѣлала, приблизила губы къ наполненной виномъ чашечкѣ и стала жадно пить. Какой-то голосъ мнѣ говорилъ:—«не стыдись, вѣдь это ты пьешь жизненную силу, а ты такъ долго жаждала».

Ночью шель сильный снѣгъ, и продолжалъ идти утромъ. Когда я выглянула изъ окна, то все вокругъ покрылось снѣжной пелерой. Тихо шумѣлъ вѣтеръ. Лужайка покрылась пухлымъ снѣжнымъ ковромъ, изъ-подъ котораго выглядывали одинокіе черные стебельки, торчавшіе, какъ колышки.

— Если погода не будетъ лучше, то сегодня я не покажу носа за дверь,—сказалъ Артуръ за завтракомъ.

Ага, уже начинается!

— Но вѣдь докторъ сказалъ, что ты долженъ выходить гулять во всякую погоду, — возразила я, чувствуя, какъ дрожить у меня въ рукахъ чашка.—Но если ужъ ты себя чувствуешь нездоровымъ...

Послѣ обѣда снѣгъ пересталъ идти, и небо стояло совершенно яснымъ, точно обмытое. Въ остальномъ все было то же. Еслибъ даже Артуръ остался дома, то я все равно вышла бы; онъ могъ бы меня спросить и я солгала бы ему. Но все же я почувствовала облегченіе, когда послѣ обѣда онъ сказалъ, что выдетъ изъ дому. Я была какъ во снѣ; во мнѣ клокотали страсть и ожиданіе удовлетворенія ея. Я бродила безцѣльно по комнатѣ, вытаскивала изъ комода ящики, задумчиво застывалась передъ открытыми шкафами.

— А ты не выдешь? — спросилъ Артуръ, когда въ половинѣ пятого я помогала ему надѣть шубу.

Я только кивнула головой, не будучи въ состояніи произнести ни слова. Неподвижно прислушивалась я, какъ за нимъ захлопнулась дверь. Затѣмъ я проскользнула въ свою комнату, гдѣ уже лежали приготовленными темное старенькое пальто и черная кружевная косынка. Я не находила больше покоя; одѣвшись, я останавливалась у окна, нетерпѣливо ожидая, когда стемнѣетъ. Скоро ли наступятъ сумерки? Счастье ждетъ меня, и я не могу терять времени...

Снѣгъ какъ-то безжизненно, тускло блестѣлъ. Я надвинула косынку на самые глаза и быстро шла въ этотъ зимній вечеръ. Съ тылу дулъ сильный вѣтеръ, точно помогая мнѣ бѣжать. Я, что называется, не слышала подъ собою ногъ; передо мной, гонимые вѣтромъ, неслись снѣжные хлопья, точно герольды, провозглашающіе о моемъ приходѣ. И это была я, Карола Ф., безупречная свѣтская дама; возможно ли это? Нѣтъ, невѣроятно, невѣроятно!.. Остановившись передъ садовой калиткой, я толкнула ее... Отъ стѣны дома отдѣлилась тѣнь и, быстро пройдя черезъ палисадникъ, пошла мнѣ навстрѣчу. Онъ! Сильная рука, теплоту которой я почувствовала даже сквозь перчатки, схватила мою руку и повела меня къ дому...

Спустя минуту, я стояла въ свѣтломъ салонѣ, гдѣ меня окружила какая-то очень пріятная, теплая атмосфера. Пальто и косынка полетѣли на стулъ и я бросилась въ широко раскрытыя объятія любимаго человѣка, стоявшаго подъ маленькой люстрой, со своимъ прекраснымъ лицомъ, покраснѣвшимъ отъ морознаго воздуха, съ нѣсколькими блестящими порошинками снѣга въ густыхъ сѣдыхъ волосахъ. Время, весь міръ летѣлъ

передо мной; я ничего не сознавала, кромѣ его поцѣлуевъ... поцѣлуевъ безъ конца. Я вся была трепеть и блаженство.

Мы разстались, сказавъ другъ другу: «До скораго свиданія». Дальше калитки онъ не осмѣлился меня провожать. Но теперь онъ весь принадлежалъ мнѣ. Между нами могло воздвигнуться что угодно: наша любовь выстроить себѣ летучій мостъ.

Я хочу крѣпко уцѣпиться за ту руку, которая мнѣ подарила жизнь. Что знала я до нынѣшняго дня о любви, о счастьѣ, о себѣ самой? Я жила, какъ комнатное растеніе; до меня не достигали ни воздухъ, ни солнце. Но, хотя поздно, а и меня согрѣло солнце; я увидала и свѣтъ, и небо. Онъ, Конрадъ — это поздно согрѣвшее меня солнце; онъ — мое свѣтлое небо, мой воздухъ; въ немъ вся моя жизнь... Церковный колоколь пробилъ семь тяжелыхъ ударовъ. Итакъ, я пробыла у него почти два часа! Въ эти два часа свѣтъ обновился и жизнь получила для меня смыслъ и цѣну...

Прошло четыре недѣли—блаженныхъ, умопомрачительныхъ, счастливыхъ часовъ любви! Каждый новый часъ приносилъ новое блаженство. Я была совсѣмъ какъ дома въ этой холостой квартирѣ, состоящей изъ двухъ маленькихъ салоновъ и большой спальни. Все тутъ было пропитано запахомъ духовъ моего милаго, который преслѣдовалъ меня даже во снѣ и дѣйствовалъ, какъ волшебство. Я пересматривала книги, лежавшія на ночномъ столикѣ Конрада; это были описанія путешествій, и онъ сказалъ мнѣ, что долгіе годы уже мечтаетъ о подобномъ же путешествіи; меня очень занимало все, касавшееся его внутренней жизни. Все, что онъ рассказывалъ мнѣ, казалось неудовлетворительнымъ; мнѣ все хотѣлось узнать о немъ побольше. Моя любовь была такъ велика, что мнѣ хотѣлось захватить его всего, чтобы малѣйшій атомъ его существа не ускользнулъ отъ меня. Какъ я была счастлива, что и онъ со своей стороны раздѣляетъ мои наклонности; но ни къ моему любимому рисованію, ни къ литературѣ онъ не чувствовалъ особенной склонности. Единственно, къ чему онъ былъ неравнодушенъ,—это къ музыкѣ. Я постоянно была готова найти въ немъ какое нибудь новое прекрасное свойство; малѣйшая симпатичная черта вызывала мое удивленіе и восторгъ; и все же въ моей любви къ нему не было ничего эфирнаго, ничего небеснаго. Я любила его горячимъ чувствомъ; самый корень

любви былъ въ здоровой страсти; и страсть эта, вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливающагося обаянія, наполняла всю мою душу.

Въ сладкой истомѣ сижу я въ качалкѣ, закинувъ руки за голову. Онъ стоитъ сзади меня, и я ощущаю этотъ пряный запахъ его духовъ; ощущаю всякій разъ, потому что какъ только качалка откинется назадъ, то онъ цѣлуетъ одинъ изъ моихъ пальцевъ. Онъ пробуетъ поцѣловать другой палець, и выражаетъ неудовольствіе, если это ему не удастся. Я тихонько смѣюсь; раскатываясь, толкаю кончикомъ ноги въ отверстую пасть медвѣжьей шкуры, распростертой у моихъ ногъ, и рассказываю косматому чудовищу разный вздоръ про стоящаго сзади меня человѣка, какъ будто бы онъ отсутствовалъ. Я изощряю свое воображеніе въ этихъ розказняхъ; нахожу разныя положенія, то настолько смѣшныя, что можно умереть со смѣха, то страшныя, гдѣ фигурировалъ какойнибудь убійца; я же сама играла роль то ангела-хранителя, то находилась въ комическомъ положеніи. Но тутъ я вдругъ спрыгиваю съ качалки, начинаю бѣгать по комнатѣ, даю себя ловить; онъ старается меня поднять, хватается за меня... Я удараю его по рукамъ, которыя такъ ловко помогаютъ мнѣ, когда нужно, при туалетѣ. Вотъ только въ прическѣ и завивкѣ онъ ничего не понимаетъ. Надъ нами тихонько гудитъ газовое пламя и я каждый разъ вздрагиваю, когда уголья въ маленькой американской печкѣ съ громомъ осыпаются...

Прощаніе всякій разъ составляетъ для насъ маленькое несчастіе, хотя мы видимся съ нимъ въ обществѣ, а по воскресеньямъ онъ бываетъ у насъ за обѣдомъ. Въ понедѣльникъ я прихожу опять къ нему, но жизнь такъ коротка... отъ моей юности не осталось такого запаса, чтобы я могла легко швырять своими днями...

VI.

Дома ничто не измѣнилось; Артуръ по прежнему былъ окруженъ самыми неуспынными заботами и всякаго рода комфортомъ; нашъ домашній порядокъ былъ такимъ же образцовымъ.

Что касается до меня, то я, можетъ быть, стала еще добрѣе, сердечнѣе и снисходительнѣе къ окружающимъ, какъ бы благодаря все и всѣхъ за виспосланное мнѣ счастье. Я часто ходила къ Катѣ, которая находилась въ роли счастливой матери. Мнѣ казался нѣсколько раздутымъ тотъ культъ, которымъ она окружала новорожденнаго. Можетъ быть, подобнымъ обращеніемъ съ ребенкомъ она надѣялась завоевать сердце супруга, которое, не смотря на все это, еще не капитулировало. Но нѣтъ! Катя была слишкомъ молода и жизнерадостна, чтобы сойти со своимъ ребенкомъ съ боевой позиціи, какъ игрокъ въ рулетку, нумеръ котораго еще не вышелъ. А ребенокъ былъ ничто иное, какъ новая ставка. Когда Манфредъ входилъ въ дѣтскую и, останавливаясь у кровати маленькаго сына, глядѣлъ на него своимъ холоднымъ взглядомъ, то Катя громкимъ шопотомъ начинала рассказывать, какъ онъ похожъ на отца, и она надѣется, что сынъ достигнетъ того, къ чему стремился отецъ. Въ эти минуты она была такъ трогательна, что у меня навертывались на глазахъ слезы, и я просто начинала ненавидѣть человѣка, котораго раньше жалѣла. Какой богачкой показалась я самой себѣ рядомъ съ этой прелестной женщиной, окруженной всякаго рода благами, кромѣ самаго главнаго — любви мужа, которой она теперь страстно и горячо добивалась, хотя раньше выходила замужъ за этого человѣка съ тѣмъ же чувствомъ, какъ еслибы она занималась особаго рода спортомъ... У меня не было ребенка, а былъ больной старенькій мужъ; моя молодость подходила къ концу — и все же я была счастлива, я добилась того, чего напрасно добивалась страстная молоденькая Катя. По временамъ на меня находилъ страхъ за свое счастье; но я гнала прочь мрачныя мысли, и въ концѣ концовъ также мало объ этомъ думала, какъ о томъ, что я когда нибудь умру...

Часто смотрѣла я на Катю съ какимъ-то суевѣрнымъ благоговѣніемъ; она, эта неопытная дѣвочка, предсказала мнѣ бурю, которая разразилась надо мной въ жизни. Но и она не могла подозрѣвать, что мнѣ предстоитъ, дѣйствительно, пережить такую весеннюю грозу.

Гордилась ли я своимъ счастьемъ? Я боялась вызывать на бой судьбу, и старалась смиреніемъ и благодарностью умолить ту таинственную силу, которая съ завистью смотритъ

на человѣческое счастье. Часто я сама надъ собой смѣялась. Кого я хотѣла подкупить?

Итакъ, завтра послѣ обѣда, я опять увижусь со своимъ милымъ. Дорогой мой, думаешь ли ты въ эту минуту, обо мнѣ, какъ я о тебѣ? Томить ли и тебя страстное ожиданіе?

Я одѣваюсь, чтобы идти на *jeu-fixe* Люціи Гербертъ. Со времени моего счастья, мнѣ доставляетъ еще больше прежняго удовольствіе наряжаться. Снаружи и внутри я помолодѣла. Я перешла улицу легкимъ шагомъ; моя жизнерадостность еще больше возбуждается отъ морознаго зимняго вѣтра, который румянитъ мои щоки. Всѣ люди кажутся мнѣ довольными, каждый взглядъ на меня полонъ доброжелательства... Только что собралась я свернуть на Гаусманштрассе, какъ вдругъ вижу, что мнѣ навстрѣчу медленно подвигается хорошо знакомая фигура. Я гляжу на него, моего милаго, сверкающими отъ удовольствія глазами. Онъ тоже слегка улыбается, но кажется разстроеннымъ. А, можетъ быть, я ошибаюсь? Что это? Онъ дѣлаетъ глубокій поклонъ и молча проходитъ мимо. Но вскорѣ слышу шаги за собой; онъ вернулся и идетъ рядомъ.

— Слушай, завтра не приходи, моя дорогая! — тихонько говоритъ онъ, поглядывая изъ предосторожности по сторонамъ, не можетъ ли насъ кто услышать. — Я несовсѣмъ здоровъ. — Онъ снимаетъ шляпу и хочетъ идти дальше. — Нездоровъ? — испуганно повторяю я. — Что же съ тобой, мое сокровище?

— Ахъ, опять моя старая болѣзнь, — проговорилъ онъ коротко и сердито. Затѣмъ переходитъ на другую сторону улицы и машетъ мнѣ рукой. — Извини меня, — торопливо произноситъ онъ: — навстрѣчу идетъ господинъ, съ которымъ надо поговорить по одному дѣлу. До свиданія, сударыня; потрудитесь передать поклонъ вашему супругу, — уже громко произноситъ онъ и пересѣкаетъ улицу.

Я, какъ оглушенная, иду дальше; чтò за поспѣшность? Что такое случилось? Внезапное разочарованіе вызываетъ у меня слезы на глазахъ.

«Не приходи завтра». Когда же мнѣ прійти? Объ этомъ онъ не сказалъ ни слова. Развѣ онъ, дѣйствительно, боленъ? Да, но въ такомъ случаѣ все же ему можно бы со мной повидаться. Нѣтъ, это что нибудь другое, — должно быть, такого

свойства, что мнѣ не слѣдовало знать. Что бы это могло быть. Нелзя ли узнать какимъ нибудь способомъ?

Нѣтъ, я не могла идти къ Люци Гербертъ. Что мнѣ тамъ сидѣть между чужими, когда у меня тяжело на сердцѣ и я мысленно была у моего друга! Я возвращаюсь домой. Члены мои какъ-то отяжелѣли, вся эластичность куда-то исчезла. Я зову извозчика и черезъ десять минутъ приѣзжаю домой.

Безпокойно хожу я по комнатѣ взадъ и впередъ. Ужь не разсердила ли я его чѣмъ нибудь? Эти мысли терзали меня. Какія-то таинственныя силы позавидовали моему счастью и хотять отнять его у меня. Я стараюсь вызвать въ своемъ воображеніи нашу бесѣду въ послѣднее свиданіе, припоминаю все, что было сказано, отъ слова до слова, и не нахожу никакого объясненія. Вѣроятно, какое нибудь чисто физическое недомоганіе. А, можетъ быть, это уже конецъ или начало конца? Ужь очень было мнѣ хорошо, а такое счастье не можетъ долго продолжаться. Рыдая, упала я на стуль; все мое существо было потрясено, и сердце разрывалось отъ боли на тысячи кусковъ. Но черезъ нѣсколько времени я пришла снова въ себя. Что же такое случилось? Вѣдь, дѣйствительно, онъ могъ заболѣть, и развѣ не имѣлъ онъ права не принять меня въ такомъ случаѣ? Я старалась вызвать въ себѣ смѣхъ надъ своими страданіями, которыя мало шли къ моимъ солиднымъ годамъ. Ну, развѣ это не смѣшно? Я завоевала его любовь и стала не моложе и не старше съ тѣхъ поръ, какъ четыре недѣли тому назадъ мы съ нимъ поцѣловались въ первый разъ. Я какъ будто стала даже моложе, расцвѣла подъ его поцѣлуями,—новая молодость пришла ко мнѣ вмѣстѣ съ позднимъ счастьемъ. Почему бы мнѣ не обойти спокойно, безъ недовѣрія и горя, этотъ первый камешекъ, брошенный на моей дорогѣ?..

Цѣлые дни никакого извѣстія о Конрадѣ... Пишу ему, освѣдомляюсь,—никакого отвѣта. Во второй разъ писать я уже не рѣшаюсь: вѣдь письмо можетъ попасть въ чужія руки. Отъ одной этой мысли сердце холодѣетъ. Но что эта боязнь въ сравненіи съ другой, еще болѣе страшной, которая нѣтъ-нѣтъ, да и появится вновь смущать мою душу. Это была милотетная вспышка съ его стороны; онъ меня больше не любитъ, ему хотѣлось только узнать, какъ можетъ любить эта свѣтская дама, Карола Ф. Теперь онъ смѣется надо мной и считаетъ свои по-

бѣды, какъ жемчужины на ниткѣ, а я, можетъ быть, послѣдняя, самая блестящая или самая старая.... Затѣмъ опять приходитъ мнѣ на помощь разумъ. Онъ такъ боленъ, что не можетъ писать, а довѣрить кому нибудь писать за него не рѣшается: это невозможно. Я говорю самой себѣ: если ужъ такая малость приводитъ меня въ отчаяніе, что же будетъ, если надо мной разразится серьезная бѣда? Но что подѣлаешь съ любовью? она трудно поддается доводамъ разсудка.

— Еслибъ я только зналъ, чего тебѣ не достаетъ, Каро?— говорить мужъ ежедневно, по нѣскольку разъ въ день, и его добрые глаза заботливо вглядываются въ мое лицо.

— Ахъ, какъ будто каждый не бываетъ иногда подверженъ нервности!— отвѣчаю я, сердито отворачиваясь. — Ради бога, Артуръ, не вздумай посылать за докторомъ. Я, право, не буду знать, на что ему пожаловаться. Ты знаешь, какъ легко у нихъ срывается это слово: «истерика», а если я услышу отъ него что нибудь подобное, то не ручаюсь за себя, что не сдѣлаю ему сцены.

Ужасно мучать меня эти заботливые, полные любви и слѣдующіе за мной глаза. Ну, такъ и знала! Артуръ не выдержалъ таки. Является докторъ Эрнстъ.

— Вы пріѣхали случайно, докторъ?— насмѣшливо встрѣчаю я его. Онъ удивленно останавливается въ дверяхъ. Онъ отлично играетъ свою роль; очевидно, Артуръ предупредилъ его.— Да, а развѣ вы хотѣли за мной послать?

— Пожалуйста, не хитрите,—говорю я,—Артуръ пригласилъ васъ противъ моей воли и желанія. Со мной, право, ничего нѣтъ. Я немножко разнервилась и несовсѣмъ хорошо сплю, вотъ и все...

— Но вы также и плакали.

— Я? Но вамъ-то я скажу: я, дѣйствительно, завидую Катъ Гербертъ и ея ребенку.

Слезы брызнули у меня изъ глазъ. Я не лгала. Какъ часто говорила я себѣ въ эти дни: еслибъ у меня былъ ребенокъ,— то никогда бы того не случилось...

Онъ началъ участливо говорить со мной о родителяхъ, которымъ дѣти доставляютъ столько хлопотъ. Затѣмъ прописалъ мнѣ бромъ и ушелъ. Бромъ я не приняла: онъ портитъ цвѣтъ лица, а я еще не смѣю портить его. Я еще не хочу сдѣлаться

старой и безобразной; не хочу, не хочу!.. Кромѣ того, докторъ предписалъ мнѣ прогулки. Хорошо, я буду гулять и отправлюсь въ Welfengarten, въ «Господскую аллею». Скоро наступитъ весна, и бѣдныя подстриженныя деревья покроются блестящими красновато-коричневыми почками, а проворные экипажи замелькаютъ мимо меня. Февраль,—этотъ вѣстникъ весны,—еще не кончился. Для меня все равно: будетъ ли солнце горячѣй, или нѣтъ; въ моей душѣ оно померкло и не засіяетъ вновь! Вонъ кто-то идетъ, похожій на Конрада, только блѣднѣе, и идетъ медленно, точно больной. Онъ подходитъ ближе,—Боже, будь ко мнѣ милостивъ,—это онъ и есть. Какой-то господинъ заговариваетъ съ нимъ; онъ останавливается, а мнѣ надо пройти мимо. Я упаду навѣрное въ обморокъ... О, только не теперь.

— Какой докторъ васъ лѣчилъ?—спрашиваетъ другой господинъ, между тѣмъ какъ я прохожу мимо. Конрадъ почтительно снимаетъ шляпу и дѣлаетъ глубокой поклонъ. Милосердое небо! Какъ онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ, какой у него страдальческій видъ! А я еще ему не вѣрила, обвиняла его... О, мой бѣдный, бѣдный другъ, какъ мнѣ только вымолить у тебя прощенья за это? А, между тѣмъ, я не смѣю прийти къ тебѣ, утѣшить и помочь...

Я вернулась домой совершенно разстроенная, чувствуя себя несчастнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Я ни о чемъ больше не могу думать, кромѣ этого милаго страдающаго лица. Меня обуреваютъ страстное желаніе пойти къ нему и тысячью услугъ доказать ему мою любовь; это невыносимо мучить меня и дѣлаетъ крайне тяжелыми обязанности по отношенію къ обществу и къ хозяйству. Здѣсь, дома, я никому не принадлежу, всѣ мои мысли, всѣ стремленія — тамъ, возлѣ него. Два дня спустя, объ немъ докладываетъ моя горничная, а я сижу дома совершенно одна. Ахъ, какъ хорошо, что онъ пришелъ! Я бѣгу ему навстрѣчу, высказываю ему все и благодарю Бога, что вновь вижу его. Онъ еще несовсѣмъ здоровъ, но въ эту минуту мнѣ кажется, что онъ все таки меньше хвораетъ, по крайней мѣрѣ, меньше мучится, чѣмъ я... Я вымаливаю у него прощенья за свои подозрѣнія; онъ смѣется. Это, очевидно, кажется ему вовсе не важнымъ, за это онъ на меня и не сердится... Мужчины вѣдь относятся такъ легко къ подобнымъ вещамъ.

— Я хотѣлъ тебя кое о чемъ попросить, дорогая, — говорить онъ.

— Очень рада исполнить всякую твою просьбу, мой милый...

И вотъ онъ рассказываетъ мнѣ про извѣстную сербскую художницу Милену Древикъ. Она теперь со своимъ мужемъ здѣсь въ Ганноверѣ, привезла рекомендательныя письма къ нему и проситъ ввести ее въ разные дома. Такъ вотъ не можетъ ли онъ привести эту парочку къ намъ и не поѣду ли я сама въ художественное собраніе, гдѣ она хочетъ выставить разныя свои произведенія?

По правдѣ сказать, я ожидала чего-то другаго, но все же почувствовала себя очень довольной, что могла исполнить такую пустячную просьбу. Хоть я и чувствовала себя несовсѣмъ здоровой и была мало подготовлена къ тому, чтобы возиться именно теперь съ какой-то совершенно посторонней для меня художницей, однако, я не дала ему этого замѣтить, не желая показаться нелюбезной.

— Итакъ, завтра, къ двѣнадцати часамъ мы въ художественномъ собраніи? — Онъ на минуту притягиваетъ меня къ себѣ и горячо цѣлуетъ въ губы.

— Когда только захочешь ты, милый, дорогой мой, — пролепетала я. Онъ уходитъ. Я стою у окна, и слѣжу за нимъ взглядомъ, пока онъ не скроется.

— Сударыня, господинъ Бишофъ! — Францъ вошелъ такъ быстро вслѣдъ за докладывающей горничной, что я испугалась, не замѣтилъ ли онъ меня, въ этой наблюдающей позѣ у окна. Я быстро отошла отъ него.

— Опять здоровы, дорогая пріятельница? Теперь вы глядите нѣсколько лучше. Но какъ находите вы Конрада? Я только что встрѣтился съ нимъ на лѣстницѣ...

— На видъ онъ еще несовсѣмъ здоровъ, не правда ли? — спрашиваю я, какъ можно равнодушнѣе, и твердо выдерживаю его взглядъ. Но голова моя еще пылала; чувствовала на губахъ поцѣлуй Конрада и думала, что и Францъ замѣтитъ слѣды этого поцѣлуя. Я повернулась спиной къ окну и попросила его сѣсть лицомъ къ свѣту.

— И какая трогательная симпатія между вами обоими! — замѣтилъ онъ съ неувловимой насмѣшкой въ уголкахъ губъ. —

Странно: Конрадъ боленъ, и—изъ дружбы—вы также захворали...

— Иначе я никогда не поступаю,—со смѣхомъ говорю я.— Какъ только заболѣетъ ктонибудь изъ нашихъ друзей, я чувствую, что моя обязанность не отставать въ этомъ отношеніи отъ него.

— Ужь не попробовать ли, ради примѣра, сдѣлать это и мнѣ?—спросилъ онъ съ жесткимъ смѣхомъ; затѣмъ, вставъ со стула, быстро проходить два раза взадъ и впередъ по комнатѣ, почти наступая на меня. Меня начинаетъ разбирать страхъ: чтò хочетъ онъ этимъ сказать? Знаетъ ли онъ чтонибудь, или только подозрѣваетъ?

Онъ останавливается близко подлѣ меня, подпирается локтемъ въ бокъ и прислоняется къ колонкѣ, на которой стоитъ статуя; при этомъ онъ смѣется какимъ-то горькимъ смѣхомъ и странно глядитъ на меня.

— Будьте осторожны, Францъ,—говорю я, — вы уроните мнѣ на полъ статуяю.

— А это доставляетъ мнѣ величайшее удовольствіе сбрасывать фальшивыхъ божковъ съ ихъ пьедестала,—продолжаетъ онъ съ тѣмъ же загадочнымъ смѣхомъ, показывая при этомъ сжатые, какъ бы отъ внутренней боли, зубы.

— Боже, чтò это вы нынче такой? да будьте же позанимательнѣй,—обращаюсь я къ нему вразумительнымъ тономъ.— Расскажите-ка мнѣ лучше про эту Милену Древикъ, про которую мнѣ такъ много наговорилъ Конрадъ. Вы же вѣдь, по обыкновенію, знаете всю ея подноготную.

Тогда Францъ дѣлается по прежнему любезнымъ и впадаетъ въ свой обычный легкомысленный тонъ. Оказалось, что ему, дѣйствительно, было все извѣстно про эту даму. Онъ считаетъ ее просто ловкой шарлатанкой, да притомъ еще довольно двусмысленной.—Итакъ, Конрадъ имѣлъ дерзость высказывать вамъ свое восхищеніе другою женщиной — и вы говорите объ этомъ такъ спокойно.—Я подхожу къ роялю и, открывъ его, наигрываю: «Ты сошелъ съ ума, мое дитя».

— Очень вамъ благодаренъ, моя дорогая... Но чтò смѣшнѣе всего, такъ это восхищеніе Конрада отцомъ художницы, тѣмъ болѣе, что въ искусствѣ онъ смыслить не больше моего терьера.

— Славное сравненіе!—говорю я съ тайнымъ негодованіемъ. Онъ отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ.

— Чтò же касается до его отношенія къ женщинамъ, то, entre nous, онъ мало отличается отъ...

— Прошу васъ,—уже порѣзче прерываю я,—не переходите сами извѣстной границы.

— Ахъ, простите...—бормочетъ онъ сквозъ зубы и принимаетъ опять бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я обѣщала Конраду быть завтра въ двѣнадцать часовъ въ художественномъ собраніи, чтобы встрѣтить тамъ супруговъ Древикъ,—продолжаю я какъ ни въ чемъ не бывало.—Не хотите ли поѣхать вмѣстѣ со мною?—Онъ благодарно выглядываетъ на меня и выражаетъ согласіе...

Огромная лѣстница, ведущая въ музей на Софіенштрассе, охраняется двумя страшными пантерами; я шуточно съ нѣжностью погладила одну изъ нихъ по каменному носу, между тѣмъ какъ Францъ всходилъ вверхъ по ступенямъ. Въ сущности на сердцѣ у меня было тяжело, и я охотнѣе пролежала бы у себя дома, въ chaise-longue, въ плафрокъ, съ какойнибудь интересной книгой въ рукѣ... Но разъ мой милый этого хочетъ, — я должна исполнить его приказаніе, хотя бы мнѣ пришлось поѣхать на сѣверный полюсъ. Я вхожу рядомъ съ Францомъ въ залу, гдѣ помѣщена выставка, и въ изумленіи останавливаюсь. Зала кажется совершенно измѣнившейся, всѣ стѣны задрапированы сѣрозеленымъ сукномъ, на которомъ расположены въ безупречномъ порядкѣ лучшія картины. Передъ каждой изъ нихъ лежитъ коврикъ. На одной картинѣ — изображена Мадонна въ молитвенномъ экстазѣ, колѣнопреклоненная передъ алтаремъ. Освѣщеніе направлено такъ выгодно на картину, что однѣ ея детали ярко освѣщены, другія же находятся въ какомъ-то таинственномъ полумракѣ. Каждое произведеніе искусства есть chef d'oeuvre. Тутъ видна кисть знаменитѣйшихъ мастеровъ. Все било на эффектъ. Нѣсколько минутъ я находилась точно въ какомъ-то ослѣпленіи. — Однако, они хотятъ отличиться!—съ восторгомъ замѣтила я Францу. Онъ про себя улыбнулся.

— Надо посмотрѣть поближе,—шуточно проговорилъ онъ.

— Посмотрите, а вѣдь рука у святаго Іеронима нехорошо нарисована?—сказала я Францу.

— Ага! вы уже начали разглядывать, какъ слѣдуетъ,— подшучиваетъ онъ. — Это безцвѣтнѣйшее рисованіе, какое я когда либо встрѣчалъ. И хорошо, и нехорошо. Этой барынь лучше бы пристала роль театральной костюмерши, такъ какъ вкусу и ловкости у нея хоть отбавляй. Чортъ возьми, вотъ такъ художественное учрежденіе! Только не хватаетъ курильницы и таинственной музыки за сценой.

Вдругъ вокругъ насъ послышался заглушенный шопотъ:

— Вотъ она идетъ; это она...

Дверь широко и быстро распахнулась, публика отпрянула назадъ и образовала шпалеру, точно при входѣ царской особы. И вотъ, подъ руку съ извѣстной писательницей, окруженная громадной толпой мужчинъ, появляется маленькая нарядная дама въ большой шляпѣ съ зелеными перьями. Изъ бѣлаго боа выглядываетъ изжелта-бѣлое плоское лицо съ пресыщеннымъ, выскомѣрнымъ выраженіемъ, не лишенное пикантной прелести, но безъ того интереснаго блеска въ глазахъ, который она постаралась придать имъ на собственномъ портретѣ. Она небрежно роняетъ боа, и тотчасъ же одинъ господинъ изъ ея свиты подскакиваетъ и ловко поднимаетъ его.

— Это ея мужъ!—шепчетъ кто-то сзади насъ. Этотъ господинъ имѣетъ видъ банальнаго ловкаго лейтенанта. Но я гляжу на него лишь мелькомъ и ищу другаго... Да, и Конрадъ слѣдуетъ въ этой свитѣ за художницей. Ахъ, какъ онъ хорошъ, мой милый, какъ онъ хорошъ—лучше всѣхъ тутъ, кто вокругъ него. Я хочу встрѣтиться съ нимъ глазами, но совершенно напрасно: онъ глядитъ прямо на эту кокетливо и пестро разодѣтую маленькую женщину. Вотъ она оборачивается назадъ, говорить съ нимъ, и смѣется, обнажая при этомъ острые хищные зубки.

— Взгляните только на нашего благороднаго рыцаря, Конрада,—педсмѣивается Францъ съ тономъ торжества.—Боже, какая у него подобострастная улыбка! И такъ открыто заявлять свой варварскій вкусъ! — Посмотрите только, какъ она ему улыбается,—всякій сатиръ позавидовалъ бы похищенію такой нимфы.

Францъ не перестаетъ смѣяться и подшучивать надъ Конрадомъ. И притомъ онъ не спускаетъ съ меня глазъ, такъ что я, не желая усиливать его подозрѣній, смѣюсь ему въ

тонъ, шучу, между тѣмъ какъ на сердцѣ у меня все тяжелѣе и тяжелѣе.

Конрадъ даже ни разу не взглянулъ на меня; онъ шутить съ маленькой сѣрбкой, и въ его лицѣ появилось хорошо знакомое мнѣ выраженіе. Но только въ лицѣ его какъ будто стало больше какой-то наглости.

— Госпожа Карола,— снова заговорилъ со мной Францъ. Я оборачиваюсь и пристально гляжу на него. На его лицо набѣжала тѣнь... Ахъ, бѣдный Францъ! мы не можемъ помочь другъ другу: ни ты мнѣ, ни я тебѣ. Наконецъ, подходитъ ко мнѣ Конрадъ вмѣстѣ съ четой Древицъ.

— Милостивая государыня, позвольте вамъ представить нашу знаменитую художницу и ея супруга. Госпожа Ф. ваша коллега, прелестная барынька,— обращается онъ къ художницѣ.

— О, я не пошла дальше диллетанства,— говорю я.

— А еслибы даже и такъ. Я не принадлежу къ тѣмъ женщинамъ, которыя боятся конкуренціи,— возражаетъ иностранка со снисходительнымъ смѣхомъ въ ожиданіи комплиментовъ. Но я молчу.

— Кто привыкъ надо всѣми владычествовать, тому нечего и бояться,— говоритъ Конрадъ, глубоко заглядывая въ глаза маленькой женщинѣ.

Я была просто возмущена.

И ради этого спектакля онъ пригласилъ меня сюда? Какого же онъ мнѣнія обо мнѣ, если требуетъ отъ меня этого? Я не смѣю взглянуть на Франца, предугадывая его насмѣшливую улыбку; отъ всей души я желала бы принудить себя смотрѣть на все это, какъ на фарсъ. Я даже пошла на то, чтобы выразить художницѣ нѣсколько необходимыхъ похвалъ ея картинамъ. Она относится къ этому небрежно, называетъ громкія имена нѣсколькихъ высокопоставленныхъ лицъ и дамъ, съ которыми она находится якобы въ большой дружбѣ. Просто какая-то карикатура! И подобную личность я должна пригласить къ себѣ въ домъ?

— Нашей великой художницѣ очень интересно побывать въ вашемъ высокоуважаемомъ домѣ, госпожа Карола,— продолжалъ неумолимый Конрадъ. Онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ моего взгляда.— Я даже предупредилъ господина и

госпожу Древикъ, что они найдутъ особенно любезный пріемъ въ вашемъ домѣ.

Ну, ужъ это просто какое-то насиліе, грубость! Все кипитъ во мнѣ. Но я вынуждена согласиться: вѣдь долженъ же онъ знать, какъ я страдаю, а онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не подозрѣваетъ. Я спрашиваю, есть ли у госпожи Древикъ свободное время.

— Погодите, — отвѣчаетъ сербка, — право, я не помню хорошенько... — И она начинаетъ громко считать по пальцамъ: — Сегодня я у принцессы Гассенштейнъ, завтра — у графа Зульпъ... гмъ... развѣ послѣ завтра къ вамъ, по окончаніи оперы...

Конраду стоило бы хоть разокъ кинуть мнѣ ласковый взглядъ, а онъ, между тѣмъ, не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Онъ даже позабылъ со мной попрощаться. Сердце во мнѣ готово было разорваться и я боюсь произнести слово, чтобы не разрыдаться. Къ счастью, Францъ сегодня такой разговорчивый; онъ, не переставая, острить, шутить, смѣется. Но я чувствую, что онъ незамѣтно наблюдаетъ за мной. Онъ могъ острить сколько угодно; всѣ его *bons mots* пропадали даромъ, потому что мои мысли были совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Общество, собравшееся у меня, было очень блестящее; между моими гостями господствовало сильное оживленіе, они всѣми мѣрами заявляли, что одна только мысль быть на нашемъ вечерѣ уже привела ихъ въ хорошее расположеніе духа. Въ особенности поддерживалась въ нихъ веселость отъ ожиданія появленія знаменитой Древикъ. Наконецъ, по просьбѣ Кати, я приказала подать большую доску и кусокъ мѣлу, и каждый гость долженъ былъ напрягать свою фантазію, чтобы изобразить то, что онъ составилъ себѣ въ своемъ воображеніи относительно каждаго ожидаемаго гостя. Это вышло прелестно, и мы всѣ страшно хохотали.

Такъ было занято время, пока пришлось ждать интересныхъ гостей, такъ что большинство не особенно жалѣло объ ихъ отсутствіи. Наконецъ, появился Конрадъ и съ нимъ пикантная маленькая художница. Сегодня она была одѣта съ большимъ вкусомъ и казалась почти хорошенькой... Всѣ толпились около нея, говорили ей разныя любезности, просто

*

какъ-то пьянѣли отъ тѣхъ громкихъ именъ, которыми она такъ и сыпала. Она небрежно говорила о своихъ высокихъ произведеніяхъ, и притомъ тономъ, не допускающимъ возраженія. Конраду пришлось сидѣть за столомъ рядомъ съ этой звѣздой вечера и услуживать ей.

Тихо отдавая приказанія лакеямъ и разговаривая съ сосѣдами, я въ то же время наблюдала со своего мѣста за этой парочкой. Я видѣла, какъ они чокались стаканами; какъ ихъ головы почти соприкасались, какъ они обмѣнивались взглядами. Вотъ они шепчутся, вотъ смѣются, вотъ она связываетъ свою салфетку съ его; а онъ втыкаетъ ей въ волосы одинъ изъ цвѣтковъ, служащихъ декорацией для стола, и что-то долго возится съ этимъ, точно желая подольше прикаться къ ея шеѣ.

«Боже мой,—Боже, я, кажется, этого не вынесу».

Впрочемъ, тутъ же я стараюсь про себя извинить его тѣмъ, что съ подобной особой иное обращеніе невозможно. Бываютъ женщины, которыя признаютъ только чисто физическое отношеніе къ себѣ... Онѣ обращаются съ мужчиной, какъ съ собственностью, какъ съ вещью, и не даютъ имъ ни одной минуты образумиться. Такой точно Клеопатрой въ миньютюрѣ могла быть и эта женщина. Ахъ, но только бы этотъ мужчина, очевидно возбудившій въ ней страсть, не былъ бы моимъ любовникомъ! только мнѣ не видать этой грубой игры за моимъ собственнымъ столомъ! И притомъ хотя бы одинъ взглядъ въ мою сторону... Только, когда Францъ провозглашаетъ тостъ въ честь хозяйки, Конрадъ, оживленный, веселый, подходитъ ко мнѣ и, смѣясь, чокается со мной стаканомъ.

— Сегодня у васъ ужасно весело, госпожа Карола, — съ удовольствіемъ говоритъ онъ, но въ то же время уже опять наводитъ взглядъ въ сторону своей сосѣдки по столу, глаза которой, — глаза одалиски, — выражаютъ нѣчто очень заманчивое по адресу сосѣда съ лѣвой стороны.

— Я не нахожу особеннаго веселья, — возразила я, кидая на него умоляющій взглядъ. Но онъ не слышитъ и не видитъ, какъ мнѣ тяжело; онъ думаетъ только о своемъ минутномъ удовольствіи. Вотъ онъ снова возлѣ нея; я внимательно вслушиваюсь въ ихъ разговоры, между тѣмъ какъ мой сосѣдъ,

старый господинъ, очень хорошо рассказываетъ о придворныхъ отношеніяхъ между Георгомъ Пятымъ и его отцомъ Эрнестомъ-Августомъ.

— Я вижу, что васъ не слѣдуетъ оставлять, — слышенъ голосъ Конрада: — вы, пожалуй, заставите меня выйти на дуэль съ ассесоромъ Грауномъ, если не выберете какой нибудь другой цѣли для вашихъ очаровательныхъ глазокъ. — Отвѣтъ былъ неясный, но какъ будто въ такомъ родѣ: — сами вы поклоняетесь другимъ богамъ, а...

Мнѣ становилось все больнѣе и больнѣе на душѣ. Развѣ не могъ онъ сказать хоть одного слова, чтобы меня успокоить? Я просто готова заплакать. И зачѣмъ только пригласила я эту маленькую женщину на свой обѣдъ и не послушалась доктора, предписавшаго мнѣ полнѣйшее спокойствіе? — И вотъ мнѣ благодарность...

Наконецъ, всѣ встали изъ-за стола; одни послѣдовали за моимъ мужемъ въ его комнату; другіе пошли за нами, дамами, въ мою мастерскую. Тамъ курятъ сигары, у меня же папиросы. Я возвращаюсь опять въ столовую и встрѣчаю Конрада, идущаго изъ кабинета мужа съ сигарой въ рукѣ.

— А не помѣшаетъ искусству, если въ мастерской будетъ выкурена настоящая сигара? — со смѣхомъ спрашиваетъ онъ.

— О—о—это чистая анархія, — отвѣчаю я и тотчасъ же быстро продолжаю пониженнымъ тономъ:

— Ради бога, чтѣ ты дѣлаешь? развѣ ты не замѣчаешь, что страшно мучишь меня? Ради всего, умоляю тебя: брось эту игру съ Древикъ, по крайней мѣрѣ, у меня на глазахъ; ты меня сводишь съ ума...

Веселое выраженіе его лица сразу мѣняется на обиженное и жесткое.

— Такого рода вмѣшательства я не потерплю, — отвѣчаетъ онъ сдавленнымъ голосомъ и проходитъ мимо меня.

Я опять чувствую, что вотъ-вотъ разрыдаюсь, и должна употребить геройское усиліе, чтобы сдержаться. Я беру графинъ, наливаю полный стаканъ воды и выпиваю его залпомъ. Въ слѣдующую минуту я опять у себя, занимаю гостей, какъ ни въ чемъ не бывало, шучу, смѣюсь. Милена подходит ко мнѣ и снисходительно даетъ нѣсколько совѣтовъ насчетъ моихъ картинъ, которые я едва выслушиваю. Я холодно благо-

дарю ее, между тѣмъ какъ Конрадъ что-то подсмѣивается надъ Катей. Едва я освободилась отъ Милены, какъ Конрадъ снова возлѣ нея, играетъ ея вѣромъ, самъ поправляетъ ей прическу и подаетъ выпавшую изъ волосъ шпильку. Они исчезаютъ за какимъ-то декорационнымъ комнатнымъ украшеніемъ, и я слышу, какъ они шепчутся и хихикають... Я же хожу повсюду, какъ автоматъ, и разыгрываю любезную хозяйку.

И неужели это я, гордая красавица Карола, передъ которой всѣ преклоняются, должна вымаливать ласковый взглядъ у своего гостя? А онъ, кажется, совсѣмъ на меня и не смотреть: я для него—пустое пространство.

При прощаніи, онъ едва выговариваетъ мнѣ слово благодарности за такой пріятный вечеръ, за то общество, которое я собрала въ угоду ему, совершенно противъ своего желанія, для того лишь, чтобы почувствовать себя разстроенной и уничтоженной.

Наконецъ-то, наконецъ я одна, и въ отчаяніи охватываю свою голову обѣими руками. Почему не сказала я ему, чтобы разъ навсегда онъ не осмѣливался переступить порогъ моего дома и не искалъ бы со мной встрѣчи? Голова моя горитъ, въ горлѣ пересохло, и я нервно вздыхаю, безъ слезъ на лицѣ. Въ волненіи хожу я взадъ и впередъ по своей спальнѣ, ломаю руки, останавливаюсь передъ зеркаломъ, изъ котораго смотреть на меня блѣдное остолбенѣлое лицо какой-то медузы.

Ахъ, еслибъ я могла умереть! Мнѣ нѣтъ никакого спасенія. Я полюбила на всю жизнь: я знаю себя. Онъ растопталъ меня ногами, а я все таки люблю его; я намѣреваюсь отомстить ему презрѣніемъ, холодностью, насмѣшкой; но откуда же мнѣ взять все это? Мысль никогда его больше не увидѣть кажется мнѣ невозможной. Это было бы почти то же, еслибы я сама себя ослѣпила, лишила бы себя свѣта и воздуха, пищи и питья.

Если это состояніе продолжится, если онъ меня не любить и я его больше не увижу и не поцѣлую,—я не хочу больше и жить! Я уже представляю себя умершей; вижу, какъ блѣдный Артуръ убивается отъ горя, вижу и самого убійцу у своего мертваго тѣла... И вотъ у меня вновь льются слезы; я плачу, плачу до утра, и только въ сумерки засыпаю...

VII.

Въ теченіе недѣли ни одного извѣстія объ моемъ возлюбленномъ!

Весь міръ былъ для меня покрытъ мракомъ. Артуръ опять началъ опасаться за мое здоровье и наблюдалъ за мной, глядя на меня заботливымъ взглядомъ. Ради этого я старалась побѣждать свое горе, и наружно принимала веселый видъ въ его присутствіи. Этотъ добрякъ трогалъ и стыдилъ меня много разъ до слезъ своей преданностью. Но я не могла ему помочь, также какъ и самой себѣ.

Меня постигла неумолимая судьба; страсть снѣдала меня. Что же случилось? Художница оставалась въ Ганноверѣ еще двѣ недѣли, чтобы воспроизвести портретъ одной нашей финансовою знаменитости, а затѣмъ уѣхала.

Я все надѣялась услышать что нибудь о Конрадѣ, и совершенно напрасно. Я знала его отвращеніе къ письменнымъ объясненіямъ, и ни разу не получила отъ него ни одной строчки.

Въ нашемъ домѣ было очень тихо во все предвесеннее время и Артуру было пріятно, что я удалялась отъ общества; ему самому оно надоѣло. Я часто пускала его по вечерамъ къ себѣ, а, возвращаясь изъ театра домой, давала ему добросовѣстное критическое обсужденіе спектакля, что забавляло его гораздо больше, чѣмъ чтеніе газетныхъ реценцій.

Рисовала я прилежнѣе прежняго. Францъ теперь велъ себя довольно корректно; онъ увѣрялъ, что мой талантъ гораздо выше, чѣмъ у Древикъ, и что если я позаймусь какъ слѣдуетъ, то онъ сдѣлаетъ еще изъ меня «маленькую знаменитость». Онъ очень много говорилъ объ ней,—больше чѣмъ мнѣ хотѣлось бы слушать. Я часто чувствовала, какъ краска приливалась мнѣ къ щекамъ, когда я слышала имя Конрада вмѣстѣ съ ея именемъ; а онъ имѣлъ жестокость, какъ нарочно, все чаще и чаще соединять эти имена, устремляя при этомъ на меня пристальный взглядъ.

Окно открыто; на улицѣ дуетъ свѣжій, проникнутый солнечнымъ свѣтомъ воздухъ, но въ мою мастерскую, которая расположена на сѣверъ, солнце не проникаетъ. Мои ширмочки придвинуты къ окну; вчера я нарисовала маленькій эскизъ этого

мѣста,—часть улицы и пару освѣщенныхъ солнцемъ крышь и балконовъ.

— Прекрасно!—хвалить Францъ, наклонивъ голову и пристально вглядываясь въ рисунокъ, хотя перспектива отнюдь не безупречна... Тутъ все же чувствуется свѣжая и тонкая поэзія:—Милена Древикъ не съумѣла бы сдѣлать этого. Можно бы назвать эту картину: «Страстное ожиданіе весны», или просто «Страстное желаніе». Въ ухахъ филистера это прозвучитъ, пожалуй, слишкомъ высокопарно: какое, дескать, можетъ быть тутъ страстное ожиданіе, въ изображеніи крыши и улицы? Есть ли тутъ страсть, или нѣтъ, однако...—и при этомъ онъ проникательно заглянулъ мнѣ въ глаза, — голову прозакладываю, что вы ее испытали, моя блѣдная ундина,—проговорилъ онъ вдругъ тихо, но твердо.

— Какой, однако, у васъ забавно пристальный взглядъ!—шутливо говорю я и чувствую, какъ опять загораются яркимъ румянцемъ мои щоки и виски.

— Вы все таки испытали страсть, Карола, — еще рѣзче повторилъ онъ и его бѣлорозовое кукольное личико поблѣднѣло. Рука его вздрагиваетъ, и кисть грозитъ упасть на полъ. Мнѣ вдругъ дѣлается страшно.

— Или страсть, или что нибудь въ родѣ обманутой любви, напрасной надежды или ревности пережили вы... или что нибудь еще, ужъ не знаю, но что-то есть...

— Что за глупости вы болтаете, Францъ!—говорю я, чувствуя, что къ моему страху примѣшивается и гнѣвъ.—Я васъ очень попрошу...

— И ради кого же?—продолжаетъ онъ жалобнымъ тономъ, который меня смущаетъ и пугаетъ.—Вы страдаете ради человѣка, который этого не стѣбитъ; онъ не достоинъ развязать шнурка у вашихъ ботинокъ, — человѣкъ, который забавлялся съ этой вздорной, пустой бабѣнкой, также какъ и... Ахъ, ужъ лучше не говорить! Я смотрю глазами человѣка, который васъ любитъ годами, и уже давно, который васъ понимаетъ и былъ бы постоянно вѣренъ, носилъ бы васъ на рукахъ...

Я дрожала всѣми членами.—И вы осмѣливаетесь сказать мнѣ все это?—сердито вскрикиваю я.—Какого рода галлюцинаціями вы страдаете, это мнѣ совершенно все равно и вовсе для меня неинтересно... А что вы меня любите, это не больше,

какъ фантазія, которую вы, благодаря какому-то особому настроенію, вбили себѣ въ голову... Держитесь подальше, пока не успокоитесь; я желала бы позабыть этотъ часъ... больше я не могу ничего для васъ сдѣлать. Вы, безумецъ, только испертили наши отношенія, а мы, между тѣмъ, такъ хорошо проводили съ вами время.

Единственная моя отрада пришла къ концу, и мастерская мнѣ опротивѣла; стоило мнѣ только войти туда, какъ передо мной появлялось унылое лицо моего вѣрнаго друга.

Расположеніе ко мнѣ Франца никогда не было для меня новостью; я всегда чувствовала его, какъ нѣжную, пріятную теплоту, какъ добро, къ которому такъ привыкаешь, что не видишь необходимости за него благодарить. Иногда я пробовала представить себѣ, что въ Конрада переселилась благородная душа Франца... Греза эта была, конечно, дѣтски наивна, но зато дивно прекрасна. Въ концѣ концовъ я безнадежно страдала отъ волновавшей меня страсти, отъ напраснаго ожиданія лучшихъ дней; отъ воспоминаній, раздиравшихъ мою душу.

— Знаешь ли, Кард, на это лѣто курсъ лѣченія, пожалуй, болѣе необходимъ тебѣ, чѣмъ мнѣ? — сказалъ мнѣ однажды мой добрякъ-мужъ, со своимъ безпокойно устремленнымъ на меня заботливымъ взглядомъ. Я не рѣшалась отвѣтить ему на его добрый взглядъ. Теперь, въ моемъ горестномъ положеніи, меня мучила совѣсть за мое несправедливое отношеніе къ нему. Раскаиваться я не могла, потому что это было бы съ моей стороны лицемѣріемъ. Я хорошо знала, что при первомъ же случаѣ, не колеблясь, повторю мой проступокъ. При взглядѣ въ эти добрые, преданные глаза, я чувствовала только, что совершила большой грѣхъ, не рѣшившись покончить всякіе счеты съ этой жизнью.

И вотъ я продолжала нести свое наказаніе. Все во мнѣ было разбито, и подъ обломками прежняго счастья стоялъ нетронутымъ одинъ алтарь, на которомъ непрерывнымъ пламенемъ горѣлъ огонь моей несчастной неудовлетворенной любви. Такимъ образомъ влачила я эту грустную жизнь, терзаясь при видѣ всякаго весенняго цвѣтка, всякой птички, съ отвращеніемъ къ судьбѣ, посланной мнѣ самой на мученіе и въ тягость бѣдному мужу.

VIII.

Артуръ отправился на биржу. Я сижу у окна, съ вязаньемъ въ рукахъ, и съ книжкой передъ собой на столигѣ. Мягкій, теплый вѣтерокъ врывается въ комнату; блѣдное солнце просвѣчиваетъ сквозь облака, какъ сквозь вуаль. Я, по обыкновенію, мечтаю и спрашиваю себя: долго ли продлится еще подобное состояніе.

— Сударыня, къ вамъ господинъ Бауеръ.

Я вскакиваю точно отъ удара, сердце учащенно бьется въ груди, я врываюсь взглядомъ въ Христину. Вѣрная дѣвушка вся зарумянилась; въ ея глазахъ сверкаютъ слезы, лицо радостно сіяетъ. Ахъ, она-то уже давно угадала мое горе... Впрочемъ, теперь мнѣ не до того.

— Попросите сюда,—произношу я дрожащимъ голосомъ.

Въ слѣдующую минуту онъ уже стоитъ предо мной, такой же красивый, если даже не лучше, и какъ будто поздоровѣвшій. Я не иду ему навстрѣчу, а стою у стула и, почувствовавъ, что шатаюсь, облакачиваюсь на его спинку.

— Карола!—произноситъ онъ простосердечнымъ тономъ и раскрываетъ объятія. Я бросаюсь къ нему на шею.

— Загордилась?

Ахъ, Боже! до гордости ли тутъ? Я блаженствую; опять онъ со мной, опять онъ меня цѣлуетъ... Мы болтаемъ, никто изъ насъ не говоритъ о минувшей ссорѣ; я совсѣмъ забываю о мученіяхъ, испытанныхъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Міръ опять прекрасенъ; теперь дѣйствительно наступила весна.

— Ахъ, ты будешь смѣяться, если я тебѣ расскажу о Дре-викъ,—простодушно болтаетъ онъ, прижимаясь щекой къ моей рукѣ.—Я основательно узналъ ее: шарлатанка перваго разряда. Представь себѣ: черезъ два дня какъ она уѣхала и я уже думалъ, что избавился отъ нея, вдругъ, въ одинъ прекрасный день, она появляется передъ моей дверью, одна, безъ своего мужа, инкогнито. Она отъ него убѣжала. Невозможная особа. Она, видите ли, задумала нарисовать меня во весь ростъ, съ полинявшими персидскими коврами на заднемъ планѣ.

И это не давало ей покою ни днемъ, ни ночью. И вотъ она начала рыться въ моемъ платяномъ шкафу, разыскивая подобающій костюмъ. При этомъ я узналъ, что за такой пустякъ она хочетъ получить восемь тысячъ марокъ... суцая бездѣлица за «настоящую Древикъ». Конечно, я долженъ былъ показать себя страшно польщеннымъ, и въ награду за это былъ всячески разласканъ...

Я зажала ему ротъ рукою и просто краснѣла за бѣдную Милену, которая едва ли подозрѣвала, что есть душа, раздѣляющая ея симпатіи, и что именно этой ея соучастницѣ такъ вѣроломно сообщаютъ объ ея преданности.

И все таки меня радовало, что Конрадъ убѣдился въ ея негодности. Дѣйствительно, чего же ради я такъ мучилась? Нѣтъ, нѣтъ, лучше больше объ этомъ и не думать, не возобновлять разговора, который можетъ разсердить моего возлюбнаго, а онъ такъ милъ, такъ ласковъ сегодня. Зачѣмъ же ставить свое счастье на карту?

— Такъ, значить, ты вообще не серьезно на нее смотришь?—спрашиваю я, ища его взгляда.

Онъ притянулъ меня къ себѣ и разсмѣялся.

— Seriously... развѣ потому, что я за ней чуточку приударилъ? Эдакая комичная фигура! И какіе высокопарные аллюры! Эта мысль—нарисовать меня на фонѣ изъ персидскихъ ковровъ—не давала ей заснуть! Приходила ли тебѣ когда нибудь на умъ подобная глупость?

— Да,—сказала я,—и это вовсе не такъ глупо, какъ ты думаешь. Художника можетъ преслѣдовать подобная мысль; извѣстное сочетаніе красокъ очень сильно дѣйствуетъ на наше художническое чутье.

Онъ громко разсмѣялся и поцѣловалъ меня, держа мою голову на своей груди, такъ что я чувствовала ея колебаніе отъ смѣха. Это было уже большимъ благодѣяніемъ для меня; я съ благодарностью и удовольствіемъ прижалась къ нему.

— Любишь ли ты меня, мой дорогой? — прошептала я.

Онъ внезапно выпустилъ меня изъ своихъ рукъ.—Знаешь, чтѣ я тебѣ скажу?—суховато проговорилъ онъ, — такого рода вопросовъ я не выношу. Ради тебя и ради меня, оставь ихъ. Ты портишь мнѣ настроеніе духа. Не надо называть все по именамъ.

Послѣдняя фраза, очевидно, ему понравилась и онъ повторилъ ее нѣсколько разъ. Я была ошеломлена.

— Однако, могу я узнать, когда мы опять увидимся?—немного испуганно освѣдомилась я.

— Прійти въ воскресенье къ обѣду?—спросилъ онъ.

Прійдти ли ему? и онъ еще спрашиваетъ! Да я счастлива, что онъ со мной ласковъ и я опять могу его видѣть.

Ну, и вотъ опять жизнь получила для меня смыслъ; опять случилось то, чему я могла только радоваться, опять начались страстные ожиданія, воскресла надежда. Наша связь получила особый нѣжный, благородный характеръ.

Пылкая страсть перешла въ искреннюю, нѣжную сердечность отношеній; я была точно невѣста.

Каждое воскресенье послѣ обѣда Конрадъ сталъ бывать у насъ. Я радовалась его приходу и ждала его, какъ молоденькая дѣвочка, ожидающая своего тайнаго вѣдыхателя. Послѣ обѣда, когда Артуръ отправлялся отдохнуть въ свою комнату, наступалъ часъ, котораго я нетерпѣливо ожидала всю недѣлю, изъ-за котораго жила. Уже въ субботу, недѣля казалась мнѣ ужасно длинной; я каждую минуту подбѣгала къ своему письменному столику, чтобы излить хотя въ нѣсколькихъ строкахъ то страстное ожиданіе, которое переполняло все мое существо, и тѣмъ отчасти удовлетворить эту страсть. Я бродила, какъ во снѣ, взадъ и впередъ по комнатамъ, останавливаясь совершенно машинально передъ стѣнными часами. Теперь онъ скоро получить мое письмо; вотъ стучится къ нему почтальонъ, но дома ли еще онъ? Радуется ли моему письму, цѣлуетъ ли мое имя? А чтѣ онъ скажетъ, когда получить второе письмо? Вотъ будетъ смѣяться этотъ старый ребенокъ, но, вѣроятно, будетъ и радоваться...

Такъ проходила у меня суббота; затѣмъ наставало воскресенье. Вотъ обѣдъ оконченъ и кофе выпить. Артуръ медленно поднимается со стула. — Ну, пойду взглянуть газеты. Вы, надѣюсь, извините меня, Конрадъ?

— Разумѣется.

— Ну, и если за чтеніемъ я засну, то прошу винить въ этомъ издателя газеты... вѣдь такъ?

— Его ли одного, муженекъ?—подсмѣиваюсь я.

— А ты какъ же думаешь? — сердито возражаетъ онъ.—

Развѣ мнѣ стоитъ только лечь на софу, какъ я сейчасъ же и засыпаю?

— Нѣтъ, нѣтъ, бѣдный мученикъ.

У Артура есть маленькій капризъ, который состоитъ въ томъ, что онъ желаетъ выдавать себя за человѣка, который никогда не спитъ. Считаетъ ли онъ за стыдъ способность крѣпко спать? — ужь не знаю; но я всякій разъ пользуюсь случаемъ подразнить его за эту слабость. Я чувствую себя окончательно свободной только тогда, когда мой добрый бѣдный мужъ удаляется, оставляя насъ съ полнымъ довѣріемъ вдвоемъ. Когда онъ, уходя, цѣлуетъ меня въ лобъ за приятно проведенный обѣдъ и медленными шагами переходитъ комнату, поникнувъ головой, то мое сердце мучительно ноетъ, и я сижу съ опущенными внизъ глазами, пока онъ не скроется за дверью. А иногда я ухожу раньше и прошу Конрада прійти ко мнѣ въ мастерскую, если онъ захочетъ.

Тогда я усаживаюсь въ низенькое креслецо и прислушиваюсь. Наконецъ, отворяется одна дверь, затѣмъ другая, и я, широко раскрывая объятія, лечу навстрѣчу моему милому. Мы болтаемъ и ласкаемся другъ къ другу, цѣлуемся и опять болтаемъ. Вдругъ наступаетъ моментъ, когда мы дѣлаемся «благоразумными». Сигналомъ служитъ то, что мы отыскиваемъ пару отличныхъ папиросъ и закуриваемъ ихъ въ одно время.

— Ты слишкомъ скоро выкуриваешь мои папиросы,—говоритъ Конрадъ: — ты слишкомъ уже страстна; это надо дѣлать съ разсудкомъ.

— Ну, умѣренность у меня отсутствуетъ и это должно лежать у тебя на совѣсти,—солидно возражаю я.

— Значитъ, я долженъ быть благоразуменъ за двоихъ?—говоритъ онъ и хватается себя за курчавую голову.—Однако, я что-то не замѣчаю этого.

— И я тоже,—вѣжливымъ тономъ говорю я.

— Постой, ты можешь это поправить.

Онъ быстро вскакиваетъ съ мѣста, и я «поправляю»: мы опять цѣлуемся. Справедливость прежде всего!

Но вдругъ меня охватываетъ ужасъ, и я прижимаюсь къ его плечу. Онъ нагибается ко мнѣ и смотреть въ лицо.

— Чтó тебя такъ разстроило? И почему ты такъ поблѣднѣла?

— Ничего! — попотомъ отвѣчаю я. — Ты будешь надо мной смѣяться... Я думаю о томъ, о чемъ часто должна была бы думать. Какъ было бы невыносимо, еслибы у насъ когда нибудь измѣнились отношенія! Лучше умереть.

— Ахъ ты, дурочка! — смѣется онъ, — какъ будто не могъ бы найтись другой, который вознаградитъ тебя за это!

Я быстро отталкиваю его отъ себя и гляжу ему прямо въ глаза.

— Ты, вѣроятно, говоришь не серьезно, — грожу я ему пальцемъ, неприятно уколотая безтактной шуткой...

Но это не шутка. Онъ встрѣчаетъ мой взглядъ съ жесткимъ изумленіемъ. — Почему же я не могу говорить этого серьезно? Ты вѣдь не дѣвочка-подростокъ, которая мечтаетъ о вѣчной любви... Еслибы охлажденіе между нами и произошло, — ха! ха! — то рано еще плакать? Боже ты мой, что это еще за сантиментальности.

Я уже стою у окна, и глазами, полными слезъ, гляжу на нѣжныя бѣлыя облачка, плывущія маленькими группами по небу. Вотъ какъ онъ обо мнѣ думаетъ! Онъ все еще меня не знаетъ и, можетъ быть, никогда не узнаетъ и не пойметъ. Появилось, наконецъ, темное облачко среди моего счастья. Внезапно солнечный лучъ точно оборвался, и у моихъ ногъ образовалась необозримая, страшно зіяющая бездна, которая притягиваетъ меня къ себѣ и точно хочетъ оттащить отъ него...

— Ну, Карола! — звучитъ глубокой, нѣжный голосъ сзади меня... Я оборачиваюсь и опять кидаюсь въ его объятія. Тучки, собравшіяся на горизонтѣ моего счастья, разбѣгаются, небо опять чисто и ясно, также какъ и его милые, прелестные глаза... Ахъ Боже! стѣить ли долго сердиться? вѣдь жизнь такъ коротка! не надо слишкомъ критиковать и быть строгимъ въ воскресные дни.

Я вышиваю бумажникъ, съ большой монограммой изъ шолка и золота, который долженъ быть вложенъ въ надушонный портфельчикъ изъ юфти. Съ какимъ благоговѣніемъ я работаю надъ этими чудесно-переплетенными буквами и окружающимъ ихъ орнаментомъ! Обрадуетъ ли это его? О горе! можетъ быть, онъ его не захочетъ принять! Неужели съ самаго

начала нашей связи дарить должна только я? Не задѣнетъ ли это въ немъ самолюбіе мужчины? Не оскорбитъ ли его подарокъ отъ женщины? Вотъ чего я опасуюсь. Но вотъ моя работа готова и вполнѣ удалась. Это меня очень радуетъ; я каждый день вынимаю изъ ящика мое сокровище и люблюсь имъ, рассматривая его во всѣхъ деталяхъ. Каждую субботу я przygotowляю мой подарокъ, чтобы завтра же передать его въ мастерской моему возлюбленному, но всякій разъ у меня не хватаетъ духу, и въ воскресенье утромъ я прячу его опять въ сокровенное мѣсто. Онъ будетъ жалѣть, что самъ мнѣ никогда ничего не посмѣетъ подарить.

Но однажды я почувствовала сильное желаніе—превозмочь свою робость. Я вытащила тихонько изъ комода бумажникъ, боясь разбудить Артура, тутъ же спавшаго, скрипомъ выдвигаемаго ящика. Робко, точно ожидая большаго одолженія, въ случаѣ еслибы Конрадъ принялъ мой даръ, я всовываю бумажникъ въ руку моему милому. Сердце сильно стучить у меня въ груди... Онъ снимаетъ обертку изъ шелковой бумаги.— А, бумажникъ! Какъ это мило съ твоей стороны!—Онъ повертываетъ его во всѣ стороны и открываетъ.—И что за прелестное вышиванье... Онъ мнѣ отлично пригодится. Видишь ли, я сейчасъ же бросаю прочь свой старый бумажникъ и съ этого же дня твой прекрасный подарокъ пойдетъ въ ходъ... Ахъ ты милая, добрая Карола!

И въ награду онъ меня сердечно цѣлуетъ, а при этомъ благодаритъ и за письма, на которыя онъ не можетъ мнѣ отвѣчать.

— И что за прелестныя письма ты мнѣ пишешь!

— А нравятся ли они тебѣ, и дѣйствительно ли доставляютъ тебѣ удовольствіе, мой дорогой?

— Что за вопросъ? Само собою разумѣется.

IX.

У молодыхъ Гербертовъ было какъ-то уцѣло. Катя, не смотря на долго выдерживаемое терпѣніе, вдругъ такъ повернула дѣло, что получились самыя горестныя послѣдствія; у Манфреда, до сихъ поръ довольно замкнутаго, полились жа-

лобы на свою «загубленную жизнь» и несчастный бракъ. Болтали что-то объ «ужасной сценѣ», которую онъ устроилъ своей женѣ и отцу... Катя захватила ребенка, уложила вещи и уѣхала въ Гарцъ. Это уже запахло разводомъ. Францъ, по прежнему посѣщающій нашъ домъ и принявшій свой старый дружескій тонъ, конечно, знаетъ всѣ подробности. Но, относительно этой парочки, онъ былъ крайне остороженъ и деликатенъ, и только тогда, когда мы были съ нимъ одни, упоминалъ объ этомъ печальномъ происшествіи. И что за безуміе—изъ-за какого нибудь пустяка портить другъ другу жизнь? Такъ всегда дѣлаютъ добрые люди! Поболтаютъ о скандальномъ случаѣ, посмакуютъ со всѣхъ сторонъ и затѣмъ самымъ равнодушнымъ образомъ переходятъ къ другому.

Папа Гербертъ, конечно, былъ внѣ себя. Въ его семействѣ вдругъ разыгрываются подобныя исторіи! Его гордость, его Манфредъ такъ явно пошелъ противъ отца. Каждый день онъ обращался съ длинною рѣчью къ сыну, всячески убѣждая его поѣхать за Катей и выяснить недоразумѣніе. Но на этотъ разъ миленькій сыночекъ что-то не очень слушался папашу. Что же случилось съ этимъ человѣкомъ и на что онъ рѣшился? Всякій разъ, когда рѣчь заходила объ этомъ, я начинала браниться съ Францомъ: онъ заступался за Манфреда, а я за Катю. Я очень полюбила это странное созданіе, и была обижена, что такая славная личность не въ состояніи обуздать такого посредственнаго человѣка, какимъ былъ Манфредъ. Францъ, наоборотъ, думалъ, что главная вина лежала на молодой женщинѣ, которая со своими причудами и странностями вовсе не брала во вниманіе самолюбія супруга. Хорошенькая женщина, по его мнѣнію, должна умѣть «влюбить въ себя» мужчину, и если она не можетъ этого добиться, то не имѣетъ права на существованіе.

Мы сидѣли за десертомъ. Передъ мужчинами стояли кружки съ пильзенскимъ пивомъ. Я смѣялась надъ мнѣніемъ, только что высказаннымъ Францомъ, а Артуръ сказалъ: — Вотъ какъ, Каро! Но вѣдь теперь ты знаешь, что существуешь по праву на свѣтѣ! Зачѣмъ же насмѣшки?

Я почувствовала, что краснѣю, и взглянула съ веранды въ глубь почти потемнѣвшаго сада, чтобы не встрѣчаться глазами съ Конрадомъ.

— Тщеславный супругъ,—принужденно засмѣялась я,— какъ будто я не знаю, что уже давно стою внѣ конкурса...

— Разумѣется, ея красота безупречна въ мнѣніи парижскаго салона искусствъ, которое не подлежитъ приговору суда присяжныхъ,—сказалъ Францъ.

— Ооо! ухъ!—кричимъ мы всѣ, чувствуя комплиментъ.

— Слышите ли, Конрадъ?—проговорилъ мой мужъ,—теперь ваша очередь. Вы вполне можете конкурировать по части комплиментовъ съ этимъ благодѣромъ-диллетантомъ относительно васъ. Вы вѣдь такой «дамскій кавалеръ».

— Богъ мой, какое вамъ дано прозвище! — обратилась я къ Конраду.

Онъ самодовольно усмѣхнулся, что меня нѣсколько огорчило.

— Я думаю, что теперь можно обойтись и безъ комплиментовъ,—отвѣтилъ онъ съ напускнымъ равнодушіемъ,—тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ мы удалимся отъ главной цѣли нашего разговора. Меня, дѣйствительно, интересуеть: сойдется ли опять эта парочка? Госпожа Гербертъ приискала себѣ вовсе не вредное пристанище; на всѣхъ купаньяхъ можно свить себѣ гнѣздышко. А что было бы, еслибы мы основали тамъ маленькую ганноверскую колонію? И мы послужимъ эмблемой переселенія.

— Простите... что это: остроуміе?—спросилъ Францъ.

— Ахъ, оставьте меня въ покоѣ, пачкунъ!

— Катя была бы очень довольна, еслибы я приѣхала туда,—сказала я.—Она уже въ письмахъ сколько разъ просила объ этомъ. Конечно, это зависитъ главнымъ образомъ отъ тебя, Артуръ, если твой докторъ согласится и не будетъ имѣть ничего противъ перемѣны мѣста.

— Нисколько, мое сокровище,—кивнулъ онъ головой въ знакъ согласія. — Съ нами неразлучно будетъ и карточный столъ для ската...

— О ты, карточный тигръ!

— Животное не имѣетъ понятія о бракѣ.

— Тѣмъ опаснѣе; такимъ образомъ никто не знаетъ, чѣмъ его взять и какъ укротить.

— Боже милосердый,—вдохнулъ Артуръ,—развѣ я не пойманъ тобою и недостаточно прирученъ?!

X.

— Берегитесь, берегитесь, Карола! Вотъ ѣдетъ офицеръ...
гопъ, гопъ!

И, быстрымъ движеніемъ, кинувъ на меня лукавый взглядъ, Катя Гербертъ стягиваетъ еще больше кожанымъ поясомъ свою, на мой артистическій взглядъ, неестественно-тонкую талію. Эта осиная талія служитъ часто между нами предметомъ ссоры. Дѣйствительно, навстрѣчу намъ скакалъ стройный и ловкій лейтенантъ, въ своемъ подбитомъ ватую мундирѣ съ краснымъ воротникомъ. Я хорошо знаю, что Катя едва ли въ состояніи интересоваться этой пестрой бабочкой, въ особенности въ ея теперешнемъ положеніи. Въ этомъ изящномъ созданіи, съ тысячу всевозможныхъ причудъ, было своего рода чувство самосохраненія. Предоставленная разнымъ превратностямъ судьбы, она быстро утомилась бы, и вотъ почему искала теперь всякаго случая поразвлечься. На этомъ курортѣ она стала позволять себѣ кокетство. Между прочимъ, она забавляется ухаживаніями пѣхотныхъ офицеровъ, и такимъ образомъ время проходитъ для нея сравнительно быстро.

— Берегитесь, Катя: вы переломитесь! — подшучиваю я, кидая полный опасенія взглядъ на ея невозможную талію, — и тогда ни одинъ офицеръ вамъ ее не починить.

— Ахъ! можетъ быть, вмѣстѣ со сломанной таліей, разлетится въ дребезги и мое сердце,—говоритъ она съ меланхолической усмѣшкой.

— А правда ли, Катя, что вы вчера обѣдали вдвоемъ съ лейтенантомъ фонъ Т. въ курзалѣ? Надѣюсь, что болтаютъ вздоръ...

— Почему же бы и нѣтъ? Тайно я не могу этого продѣлывать, какъ и всякая порядочная женщина,—невозмутимо возражаетъ она.

— Вы страшно неосторожны, Катя!—укоризненно покачиваю я головой.

— Только въ этомъ пока меня и могутъ упрекнуть,—сказала она. — Впрочемъ, это очень милый господинъ. Вамъ съ мужемъ, съ Францемъ и Конрадомъ недурно было бы составить съ нами компанію; обѣдъ очень хорошъ, и тамъ есть

одинъ замѣчательный кельнеръ. очень важный и неподкупный. Вы увидите.

Она распускаетъ немножко свой поясъ.

— Вотъ такъ. Въ угоду вамъ, теперь моя талія попрежнему имѣетъ сорокъ пять сантиметровъ. Въ сущности я—натура способная на самопожертвованіе, съ тѣмъ вы, вѣроятно, согласитесь. На дняхъ этотъ пѣхотный полкъ будетъ тутъ производить разныя военныя упражненія, и это должно быть очень интересно. Въ Ганноверѣ мнѣ, конечно, нельзя было вести бивачную жизнь, но тутъ это дѣлается очень легко. Жаль, что мой малютка Володя не можетъ еще раздѣлять моего удовольствія; онъ ничего этого не понимаетъ. Не хотите ли завтра послѣ обѣда поѣхать со мной на Менсигенскую мельницу.

— Послѣ обѣда не могу, — отвѣчаю я, и чувствую, что покраснѣла.

— Ахъ, вотъ что?—спрашиваетъ она и мелькомъ изподлобья взглядываетъ на меня.—Тогда я приглашу Франца или Конрада.

— Пожалуйста, — со спокойнымъ сердцемъ отвѣчаю я, отлично зная, что если я не поѣду, то и Конрадъ откажется отъ поѣздки. Въ десять часовъ мы оба уходимъ гулять въ лѣсъ, выбираемъ какойнибудь живописный, укромный уголокъ и наслаждаемся природой; надъ нами шумятъ зеленыя верхушки деревьевъ, слышится пѣнье птичекъ, а листву золотитъ яркое солнце. Артуръ знаетъ про эти прогулки. Послѣ обѣда, когда мужчины идутъ къ нему играть въ карты, онъ иногда спрашиваетъ объ этомъ. Но до чего хороши эти прогулки, какъ онѣ полны юношескаго счастья,—объ этомъ знаю только я да мой милый...

Идея устроить экскурсію изъ Ганновера въ это южное мѣстечко—оказалась великолѣпной. Центръ компаніи составляемъ мы съ Артуромъ. Мы заняли около «Шведскаго лѣса» огромное, роскошное помѣщеніе, куда къ тремъ часамъ послѣ обѣда собирается маленькая мужская и дамская компанія. Мужчины садятся за карты; дамы же занимаются музыкой, болтаютъ, смѣются и проводятъ время еще веселѣе, еще оживленнѣе, чѣмъ въ нашемъ ганноверскомъ салонѣ. Къ нашему дому проходить изъ сада короткая, но широкая аллея. Тамъ

мы сидимъ по вечерамъ подъ дико разросшимися кустарниками, которые иногда задѣваютъ насъ своими вѣтками по лицу. Мы любуемся на звѣзды и прислушиваемся къ гармоніи звуковъ, доносящихся до насъ отовсюду. На столѣ стоитъ какое нибудь виноградное вино или кувшинъ съ ананасной шипучкой и постепенно опоражнивается. Разговоры и смѣхъ становятся оживленнѣе. На иныхъ изъ гостей холодный напитокъ навѣваетъ меланхолическое настроеніе.

Вонь опять какая-то парочка шепчется и смотреть на звѣзды; слышенъ тихій, стыдливый смѣхъ, заглушенный крикъ и шорохъ. Отъ розъ и жасминовъ разносится по всему саду одуряющій ароматъ. Наконецъ, гости какъ-то недовольно расходятся. Всѣмъ хотѣлось бы еще посидѣть и поболтать лишній часокъ. Я беру лампу и провожаю своихъ друзей; затѣмъ ставлю ее на садовый столикъ и болтаю еще нѣсколько времени у воротъ. Конрадъ уходитъ обыкновенно послѣднимъ; его, конечно, надо тоже проводить. Мы бродимъ съ нимъ по садику рука въ руку, плечомъ къ плечу, затѣмъ останавливаемся и губы наши сливаются въ горячемъ, долгомъ поцѣлуѣ. Но вотъ изъ-за дома вдругъ выплываетъ мѣсяцъ, вѣжливый и блѣдный, окруженный звѣздною діалемой. Отъ потемнѣвшаго лѣса повѣяло какимъ-то зноемъ и тоской; еще одинъ поцѣлуй... До завтра!—шепчу я.

— Жду тебя къ десяти часамъ, къ тому мѣсту, гдѣ стоятъ два буковыхъ дерева,—говоритъ онъ. Я провожаю его взглядомъ, но его фигура скоро скрывается въ окружающей тьмѣ.

— Какъ я счастлива, Боже, какъ я счастлива! Когда я вспоминаю тѣ горькія минуты, которыя мнѣ пришлось пережить, — то я дрожу за прочность своего блаженства, своей любви...

XI.

Наконецъ, начались въ полѣ военныя упражненія. Съ нашего излюбленнаго мѣстечка въ лѣсу мы слышимъ команду офицеровъ, сигналы горнистовъ, звуки флейтъ и барабанный бой. Однажды, къ нашему ужасу, мы во время прогулки наткнулись на группу солдатъ, которые прятались за какой нибудь выступъ, затѣмъ вдругъ кидались на какого-то вообра-

жаемаго врага, съ громкимъ крикомъ: «ура»! Между ними видно красивое оживленное лицо лейтенанта, который энергично приказываетъ своимъ людямъ что-то, для меня непонятное; голосъ его пресѣкается отъ волненія, глаза горять. Просто смѣхъ! Мы должны уже были разыскивать себѣ другое мѣстечко для отдыха; но и тутъ судьба продолжала насъ преслѣдовать. Барабанщики и флейтисты упражняются вблизи насъ въ подаваніи сигналовъ и въ маршировкѣ. Наши уши просто болятъ отъ этой гремящей военной музыки. Но я и мой возлюбленный весело относимся къ этому безпокойству. Конрадъ даже разъ подозвалъ проходящихъ мимо музыкантовъ и подарилъ имъ по сигарѣ.

— Какой ты добрый!—говорю я. То, чего я совсѣмъ не замѣчаю въ другихъ, то самое я спѣшу поставить въ величайшую заслугу Конраду. Онъ смѣется; его, очевидно, радуетъ мой восторгъ. Надъ нами шумятъ вѣтки склонившихся деревьевъ: звенятъ зяблики и овсянки, звучитъ насмѣшливая, переливчатая пѣснь желтаго дрозда.

— Ну, а теперъ мы позавтракаемъ, — говоритъ мой дорогой другъ съ торжествующей миной, и добродушно вытаскиваетъ изъ кармана какой-то таинственный пакетикъ.—Отгадай-ка, чтѣ тутъ у меня завернуто!

Я начинаю отгадывать, причемъ болтаю всевозможныя глупости:

— Это вѣрно лягушка или, можетъ быть, въ пакетѣ завернуты соловьиные языки или кильки; наконецъ, даже палочки ванили?—Онъ со смѣхомъ развертываетъ бумажку и вынимаетъ великолѣпный персикъ желтовато-зеленый, съ прелестными красными щочками въ пушку.

— Ахъ! — съ восторгомъ вскрикиваю я. Въ такое время, здѣсь, — въ Германіи, — и вдругъ такой персикъ! Онъ рассказываетъ, что одинъ его пріятель прислалъ ему цѣлый ящикъ этихъ фруктовъ изъ Мерана. Я съ жадностью уничтожаю его подарокъ, а онъ съ восхищеніемъ глядитъ на меня.

— Завтра ты опять получишь персикъ, — утѣшающимъ тономъ общается онъ, когда я, покончивъ съ лакомымъ фруктомъ, жалобно показываю ему пустую руку.

И дѣйствительно, на слѣдующій день, этотъ великолѣпный завтракъ повторяется. На этотъ разъ мы выбрали менѣе уеди-

ненное мѣсто. Только что успѣла я откусить кусочек моего превосходнаго персика, какъ въ кустахъ сзади насъ зашеле-стѣло, вѣтви раздвинулись, и передъ нами появилась жалкаго вида женщина, вся въ лохмотьяхъ, съ ребенкомъ на рукахъ, а рядомъ съ ней бѣжалъ бѣлоголовый, босоногій мальчуганъ.

— Глянь-ка, мамка! — сказалъ онъ, указывая на насъ своимъ грязнымъ пальчикомъ: — вонъ мужикъ съ бабой!

— Молчи! — кричитъ на него мать. Но Конрадъ полѣзъ въ карманъ и позвалъ женщину. Она стоитъ, не рѣшаясь подойти къ намъ.

— Эй, малецъ! Отдай-ка это своей мамкѣ, — говоритъ Конрадъ, протягивая мальчику марку. Тотъ удивленно смотритъ на нее.

— Мамка, что это? Пфенигъ или талеръ, — кричитъ малютка и въ прыжку бѣжитъ къ женщинѣ.

Она беретъ деньги и лицо ея покрывается густымъ румянцемъ.

— О, не! — говоритъ она съ сомнѣнiемъ. И вдругъ внезапная радость дѣлаетъ ея преждевременно состарившееся лицо помолодѣвшимъ.

Она быстро прячетъ монету въ карманъ и бормочетъ: «премного благодарна!» — Затѣмъ она поспѣшно удаляется, какъ будто боясь, что великодушный господинъ раздумаетъ и отниметъ у нея назадъ, совсѣмъ неожиданно свалившееся къ ней, богатство.

— Ты лучший, добрѣйшiй человекъ во всемъ мiрѣ! — шопотомъ говорю я Конраду, который съ чувствомъ внутренняго удовлетворенiя смотритъ вслѣдъ удаляющимся. — Ты осчастливилъ людей на цѣлый день.

Пока я собиралась еще дальше распространяться въ своихъ похвалахъ, какъ вдругъ послышалось новое восклицанiе: — Мамка! Гансъ! — и мимо насъ пробѣжала десятилѣтняя дѣвочка, спѣша догнать удалявшуюся группу.

— Поди-ка сюда, дитя! — обращаюсь я къ дѣвочкѣ, которая внезапно останавливается, засовывая въ ротъ свой испачканный землею пальчикъ. А затѣмъ говорю Конраду: — Мнѣ хочется хоть какому нибудь существу оказать что нибудь прiятное: ты не разсердишься на меня, если я дамъ этой дѣвочкѣ половину моего персика?

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ,—одобрительно кивнулъ онъ.

Я подзываю малютку къ себѣ. Она, точно подъ вліяніемъ гипноза, бессмысленно приближается ко мнѣ, устремивъ на меня огромные черные глаза; я протягиваю къ ней руку съ персикомъ.—Это что за фруктъ?—спрашиваю я какъ можно ласковѣе. Ребенокъ молчитъ и отходитъ прочь, продолжая все тѣмъ же взглядомъ смотрѣть мнѣ въ лицо. Я вообще не особенно ловка съ дѣтьми, а въ особенности съ тѣми, которые не принадлежать къ привилегированному сословію.

Конфузливо улыбаясь, поглядываю украдкой на Конрада; онъ улыбается, забавляясь неловкостью обѣихъ сторонъ, не знающихъ, какъ подойти одна къ другой. Его насмѣшливая улыбка задѣваетъ меня. Тогда я быстро разламываю на двѣ половинки персикъ: одну половинку сую ребенку, другую кладу къ себѣ въ ротъ и кричу дѣвочкѣ, словно она глухая:

— Попробуй-ка, это очень вкусно! — Послѣ нѣкотораго колебанія, она схватываетъ персикъ и поспѣшно откусываетъ кусочекъ, все оглядываясь на меня.—Попробуй-ка еще разъ!—ободряю я маленькую дурочку. Но Конрадъ, наконецъ, вступается:—Ну, дѣтка, уходи-ка теперь! Надо дать чтонибудь и Гансу!

Тотчасъ же наша гостыя бѣжитъ въ лѣсную чащу и кричитъ:

— Гансъ! Гансъ! мамка!—И все дальше и дальше слышится ея голосокъ, а эхо слабо повторяетъ его.

Я блаженно смотрю на Конрада.

— Ну, теперь они всѣ довольны и счастливы,—говорю я.— Хотя бы счастье это длилось одинъ день, а все же оно—счастье.

Но вдругъ я вздрогнула и схватилась за его плечо.—Но вѣдь бываетъ же такъ, что счастье никогда не прекращается; не такъ ли, мой милый?

Онъ безмолвно пожимаетъ мнѣ руку. Какъ охотно спросила бы я его сейчасъ: «Любишь ли ты меня»? Но я не смѣла спросить, потому что онъ не перевариваетъ этого слова. Станный человекъ! Какъ будто счастье можетъ улетѣть отъ того, что его называютъ по имени. Напрасно пробую я образумить себя. Желаніе услышать это слово изъ его устъ становится все горячѣе, все настоятельнѣе. Можетъ быть, ему

противно это слово: вѣдь бываютъ же подобнаго рода идиосинкразіи! Мнѣ припоминается, что въ дѣтствѣ я сама не любила произносить нѣкоторыхъ словъ и всячески избѣгала ихъ въ разговорѣ. Но какимъ образомъ человѣкъ съ такимъ чутьемъ могъ ненавидѣть слово: любовь? Сегодня онъ такъ весель— давай-ка попробую спросить его.

(Продолженіе будетъ).

Кошмаръ.

Исторія тускло встаетъ передъ взоромъ,
Рисуя бывшее, какъ памятный сонъ,
И крошка-планета изъ мрака времени
Выходитъ, пылая стыдомъ и позоромъ,
Какъ старый преступникъ, дѣтми заклеименъ.
Нѣтъ счета ошибкамъ, нѣтъ мѣры для нихъ!
Мнѣ слышится смѣхъ чьихъ-то устъ воскресенныхъ,
И видятся лица страдальцевъ сраженныхъ,
И скорбные лики страдальцевъ святыхъ.
О, крошка-планета, стыдися за нихъ!
Мнѣ кажется, будто нелѣпнымъ пожаромъ
Охвачено сердце несчастныхъ людей,
И крадется гдѣ-то великій злодѣй
И въ Авеля мечегъ тяжелымъ ударомъ,—
Единымъ размахомъ кончая съ пожаромъ,
Съ тоскою по небу, съ миллиономъ скорбей.
И мрачно исторія водить перстами
По огненнымъ буквамъ тяжелыхъ страницъ,
И видятся въ сумракѣ очерки лицъ,
Изнѣзанныхъ сталью, избитыхъ кнутами,
Со всею неправдою злыхъ небылицъ.
Скорѣй бы проснуться отъ сна роковаго,
Осилить кошмаръ, не поддаться врагу,
Откинуть повязки, опомниться снова—
И видѣть людей ужь на томъ берегу...

Н. Т.

КАКЪ ИЗДАЮТСЯ ЯКОВЫ „РУССКІЯ“ ГАЗЕТЫ?

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1898 года, во время торжествъ по случаю открытія памятника графу М. Н. Муравьеву, мнѣ случилось провести нѣсколько дней въ Вильнѣ, гдѣ мое вниманіе невольно заинтересовано было громаднѣйшими афишами-простынями, красовавшимися на всѣхъ улицахъ города, въ магазинахъ, гостинницахъ и т. п.

— Что это бенефисъ какойнибудь предстоитъ въ театрѣ?— спросилъ я, зная, что провинціальныя антрепренеры любятъ щеголять передъ публикой сажеными и широковъщательными афишами, расклеиваемыми по улицамъ.

— Нѣтъ, это не бенефисъ. Развѣ вы не знаете? У насъ завелась новая русская газета; это и есть объявленіе объ ея изданіи...

Новая *русская* газета! Нужно ли говорить, какимъ важнымъ событіемъ являлся для Вильны, — гдѣ до сего времени имѣется только одна русская газета, да и та, не могущая существовать безъ правительственной субсидіи, — новый *русскій* печатный органъ? Какой это великій культурный шагъ, какой отраднѣйшій сюрпризъ къ торжественно праздновавшейся тогда 100-лѣтней годовщинѣ рожденія графа М. Н. Муравьева и къ открытію ему памятника!..

Я не повѣрилъ сначала своимъ ушамъ, но вотъ передо мною афиша-простыня, принятая мною за антрепренерскую рекламу, на которой крупными буквами значилось:

«Съ 15 ноября сего 1898 года будетъ выходить въ г. Вильнѣ новая газета «Сѣверо-Западное Слово», независимая, большая, ежедневная, политическая, литературная, промышленно-комерческая газета для всего Сѣверо-Западнаго края. Новая газета — какъ значилось далѣе въ афишѣ-простынѣ — ставить себѣ

цѣлью способствовать духовному просвѣщенію и матеріальному процвѣтанію края», причѣмъ присовокуплялось: «въ основаніе изданія положенъ значительный фондъ, вчетверо превышающій стоимость всякаго провинціального изданія. Обеспечивъ навсегда предпріятіе, редакция нашла возможнымъ, на первыхъ же порахъ, поставить изданіе въ такія исключительно-выгодныя для подписчиковъ условія, въ которыхъ никогда еще, насколько извѣстно, сразу не выступала ни одна газета... Появленіе перваго ежедневнаго независимаго органа мысли въ краѣ составитъ эпоху въ культурно-экономическомъ его развитіи: это лучшее пробужденіе самочувствія въ мѣстномъ обществѣ».

Подъ афишей значились слѣдующія подписи: «Отвѣтственный редакторъ-издатель *Г. Е. Ключковскій* (предсѣдатель парижскаго историческо-археологическаго общества, пожизненный членъ французскаго астрономическаго общества, дѣйствительный членъ Спб. славянскаго общества, дѣйствительный и почетный членъ нѣсколькихъ другихъ ученыхъ обществъ и учреждений), 2-й издатель князь *Д. Ил. Шаховской*. Редакторы отдѣловъ: проф. *Э. И. Егоровъ* и докторъ философіи *А. Н. Юревичъ*».

Нужно ли говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали всѣ русскіе въ Вильнѣ 15-ое ноября 1898 г., когда долженъ былъ выйти первый номеръ новой, казалось бы, столь солидно поставленной, «независимой», т. е. русской газеты? Сознаюсь—я остался даже на нѣсколько лишнихъ дней въ Вильнѣ, чтобы дожидаться выхода этого перваго номера...

Наконецъ, 15-е ноября наступило и... и какъ разочаровало оно всѣхъ обрадовавшихся новой независимой русской газетѣ! Прочтя первый номеръ ея, всѣ мы испытали такое чувство, какъ бы насъ кто обдалъ ушатомъ холодной воды...

— Какимъ это образомъ новая «независимая русская газета» оказывается копіей старыхъ, зависящихъ отъ кагала, анти-русскихъ газетъ?—удивлялись одни.

— Дѣйствительный членъ славянскаго и «нѣсколькихъ» другихъ обществъ оказывается на дѣлѣ не болѣе, какъ услужливымъ членомъ виленскаго еврейскаго кагала! — пожимали плечами другіе.

Недоумѣній, подозрѣній и догадокъ было высказано, ко-

нечно, множество, но все это были только недоразумѣнія, только подозрѣнія и догадки, совершенно бездоказательныя и основанныя лишь на стоустой молвѣ.

Но вотъ, наконецъ, всё дѣло разъяснилось: стоустая молва подтвердилась документально. По одному своему частному дѣлу вышеупомянутый дѣйствительный членъ славянскаго и «нѣсколькихъ» другихъ обществъ и отвѣтственный редакторъ-издатель «Сѣверо-Западнаго Слова» Т. Е. Ключковскій предъявилъ виленскому окружному суду формально заключенный и явленный у нотариуса договоръ между нимъ и евреемъ, содержаниемъ аптекарскаго склада въ Вильнѣ, Борухомъ Сегалемъ. Согласно этому договору, прочитанному (чего, конечно, совсѣмъ не ожидали ни г. Ключковскій, ни Борухъ Сегаль) въ засѣданіи суда 1 іюня текущаго года, отвѣтственный редакторъ-издатель «Сѣверо-Западнаго Слова» г. Ключковскій оказывается *подставнымъ лицомъ* и является *de facto* лишь рабомъ кагала; дѣйствительнымъ же собственникомъ газеты и ея фактическимъ — негласнымъ — редакторомъ состоитъ упомянутый еврей Борухъ Сегаль.

Вотъ этотъ любопытный и характерный документъ, показывающій, какъ издаются иныя русскія газеты, и разъясняющій, отчего онѣ преисполнены такихъ нѣжныхъ симпатій къ евреямъ:

«Вильно, 1899 года, февраля 4 дня. Г. Ключковскій, оставаясь поминально редакторомъ и издателемъ «Сѣверо-Западнаго Слова», передаетъ всё свои права еврею Боруху Сегально на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Всѣ доходы по изданію означенной газеты, во всѣхъ видахъ и *независимо отъ порядка и способа ихъ полученія*, поступаютъ въ непосредственное и исключительное распоряженіе и пользованіе Сегалья;

2) Всѣ расходы по изданію газеты несетъ Сегаль, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему предоставляется и исключительное право производить эти расходы;

3) Ключковскій неправѣ безъ согласія Сегалья заключать какіе либо договоры или обязательства касательно изданія «Сѣверо-Западнаго Слова» и входитъ съ кѣмъ либо въ какія нибудь по сему предмету соглашенія;

4) На Сегалья возлагается отчетность доходовъ и расходовъ

по изданію, которую онъ ведетъ самъ или при посредствѣ особаго кассира по его выбору и найму;

5) Каждой изъ сторонъ принадлежитъ безусловное право контроля доходовъ и расходовъ всѣми имѣющимися въ распоряженіи сторонъ способами;

6) *Въ видѣ платы за уступленныя права на получение доходовъ по изданію, Сегаль уплачиваетъ Ключковскому по 200 рублей въ мѣсяцъ и, сверхъ того, въ пользу Ключковскаго поступаетъ часть прибыли,* согласно § 7 сего договора. Въ случаѣ временнаго прекращенія изданія по распоряженію правительства, мѣсячные платежи, за все время пріостановки, производятся въ половинномъ размѣрѣ, т. е. по 100 рублей въ мѣсяцъ;

7) По истеченіи каждаго договорнаго года, не позже 1 марта, Сегалемъ или по его порученію составляется балансъ доходовъ и расходовъ, причѣмъ въ число послѣднихъ включается ежемѣсячная плата Ключковскому, установленная § 6, и а) въ случаѣ прибыли до 2,400 руб. таковая поступаетъ въ пользу Сегалья, а сверхъ этой суммы—дѣлится сторонами пополамъ; б) въ случаѣ же дефицита, таковой ложится долгомъ на доходы по изданію на слѣдующій годъ. Исключеніе составляетъ дефицитъ за первый годъ буде таковой окажется, который не переносится долгомъ на слѣдующій годъ, а возмѣщается Сегалю лишь по прекращеніи изданія, въ случаяхъ, указанныхъ § 11 въ порядкѣ, установленномъ § 12 сего договора;

8) Всѣ условленные настоящимъ договоромъ платежи производятся или лично Ключковскому, или вносятся на его имя въ одно изъ банковыхъ учрежденій г. Вильны;

9) Передача правъ и обязательствъ по сему договору другимъ лицамъ возможна лишь съ обоюднаго согласія сторонъ;

10) Въ случаѣ нарушенія одною изъ сторонъ сего договора, а равно въ случаѣ отказа Ключковскаго отъ подписи пропущеннаго цензурою нумера газеты, договоръ этотъ становится для другой стороны неісполнительнымъ и сторона виновная платитъ неустойку въ размѣрѣ 10,000 рублей;

11) Срокъ сего договора предѣленъ въ 12 лѣтъ, считая со дня заключенія сего договора, въ теченіе каковаго онъ сохраняетъ обязательную силу, какъ для сторонъ, такъ и для правопреемниковъ ихъ. До истенія сего срока договоръ пре-

кращается: а) въ случаѣ, указанномъ въ § 10, б) въ случаѣ совершеннаго прекращенія изданія по распоряженію правительства и в) въ случаѣ односторонняго, за 2 мѣсяца впередъ, заявленія Сегалья о нежеланіи его продолжать договорныя отношенія;

12) По истеченіи договорнаго срока, а равно во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ прекращенія договора, производится балансъ доходовъ и расходовъ, въ число коихъ включается какъ долгъ, перенесенный съ предъидущаго отчетнаго года, такъ и платежи Ключковскому за текущій отчетный годъ, а равно дефицитъ за первый договорный годъ; а съ прибылью поступается согласно § 7 сего договора; дефицитъ же Ключковский долженъ возмѣстить Сегалю;—1

13) Подлинный договоръ долженъ находиться у Сегалья, а копія у Ключковского».

Итакъ, «независимая» газета, «духовное просвѣщеніе и матеріальное процвѣтаніе» края, «значительный фондъ, навсегда обезпечивающій изданіе», русскій редакторъ-издатель, членъ славянскаго и нѣсколькихъ другихъ обществъ и учреждений, второй издатель—русскій князь, два профессора-сотрудника, а въ тѣни всего этого—жидъ Борухъ Сегаль, въ качествѣ полновластнаго хозяина и газеты, и ея номинальнаго редактора-издателя г. Ключковскаго ¹⁾, получающаго отъ него 200 рублей въ мѣсяць жалованья и лишеннаго—даже подъ страхомъ потери и этихъ 200 рублей, и еще 1,000-ой неустойки,—права наложить свое редакторское veto на какую нибудь изъ статей, которыми г. Сегаль пожелаетъ уснащать *свою* газету!.. Не правда ли прентересный маскарадъ?

Зачѣмъ же, однако, понадобится такой маскарадъ?—спросить читатель.

А за тѣмъ же самымъ, за чѣмъ надобятся такіе маскарады и при покупкѣ евреями имѣній въ Западномъ краѣ: евреи не имѣютъ права по закону пріобрѣтать въ западныхъ губерніяхъ имѣнія, но они прекрасно пріобрѣтаютъ ихъ при помощи подставныхъ русскихъ лицъ, дающихъ жидамъ за деньги свое имя

¹⁾ Само собою разумѣется, что отчетныя имена князя Д. И. Шаховскаго и профессоровъ Э. И. Егорова, А. Н. Юрьевича требовались только для предварительной рекламы и то какъ же исчезли, какъ только начался еврейскій маскарадъ.

для обмана правительства и для обхода закона! Также точно еврей не можетъ получить права на изданіе газеты ¹⁾, но онъ, однако, преисправно издаетъ и даже редактируетъ (см. § 10 договора) «русскава гажета», при помощи подставнаго русскаго лица и путемъ обмана правительства, давшаго право на изданіе и редактированіе газеты не жиду, а русскому, который и является *номинально* передъ правительствомъ «редакторомъ-издателемъ» ея...

Если такой маскарадъ почитается преступнымъ въ землевладѣніи и влечетъ за собою конфискацію имѣнія, приобрѣтеннаго евреемъ на имя подставнаго русскаго лица, то во столько же преступнѣе является онъ въ изданіи газеты, во сколько вреднѣе должно быть вліяніе евреевъ на поприщѣ живаго печатнаго слова...

Я могу указать на фактъ, что по распоряженію нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ Сѣверо-западнаго края (напримѣръ, 2 участка дисненскаго уѣзда виленской губерніи) въ волостныхъ правленіяхъ получается, вмѣсто «Виленскаго Вѣстника», «Сѣверо-Западное Слово». Такимъ образомъ, замаскированная русскимъ именемъ, еврейская газета проникаетъ въ глубину народныхъ массъ, оказывая на нихъ самое зловредное вліяніе.

Допустимо ли такое явленіе? Казалось бы, что нѣтъ.

Но вотъ самый интересный вопросъ: въ одной ли только Вильнѣ практикуется такой маскарадъ? Не «обезпечили» ли себя и другія «русскія» газеты такимъ же договоромъ, какимъ обезпечило себя «Сѣверо-Западное Слово»? Не оттого ли вся почти наша печать—юдофильская?..

А. Липранди.

¹⁾ Въ той же самой Вильнѣ нѣсколько евреевъ хлопотали уже объ этомъ но потерпѣли фіаско.

Гумбертъ, король Италиі.

Гумбертъ, король Италиі.

(Съ портретомъ).

16 (29) іюля, въ городѣ Монцѣ, произошло печальное событіе, взволновавшее собою весь образованный міръ. Жертвою гнуснаго убійства палъ итальянскій король Гумбертъ I, сынъ Виктора-Эммануила, объединившаго Италію и создавшаго изъ нея первоклассное европейское государство. Король Гумбертъ принималъ участіе въ раздачѣ премій на гимнастическихъ упражненіяхъ и въ 10 часовъ вечера сѣлся уже въ свой экипажъ, когда невѣдомый убійца выстрѣлилъ въ него три раза изъ револьвера. Бюлетень докторовъ, осматривавшихъ трупъ умершаго короля, установилъ: 1) рану въ концѣ сердечнаго мускула, 2) рану въ лѣвомъ плечѣ и 3) рану у третьяго ребра. Всѣ эти раны признаны безусловно-смертельными.

Каковы бы ни были политическія ошибки Гумберта (присоединеніе къ тройственному союзу, развитіе милитаризма и экономическій упадокъ страны, обремененной непосильными налогами на содержаніе огромной арміи), но безвременная кончина вызвала къ нему всеобщія симпатіи, какъ въ объединенной Италиі, такъ и въ остальной Европѣ, — тѣмъ болѣе, что тяжесть этихъ ошибокъ падала главнымъ образомъ на отвѣтственные парламентскія министерства (г-на Криспи по преимуществу), руководившія внѣшней и внутренней политикой страны.

Погибшій въ Монцѣ король принадлежалъ къ популярному въ Италиі Савойскому дому, подъ покровительствомъ котораго долго назрѣвала и, наконецъ, обратилась въ совершившійся фактъ идея о политическомъ единствѣ Апеннинскаго полуострова. Дѣдъ короля Гумберта, Карль-Альбертъ, въ самомъ началѣ движенія, охватившаго Европу въ 1848 г., далъ 4 марта свободную конституцію своимъ подданнымъ. Когда движеніе это перешло въ активную попытку освободить Италію

отъ чужеземнаго ига, Карль-Альбертъ объявилъ войну Австріи, державшей въ своихъ когтяхъ сѣверную Италію. Неудачная война эта лишила его трона, на который и вступилъ въ 1849 г. его сынъ Викторъ-Эммануиль (Re Galantuomo), соединившій Италію, послѣ двухъ счастливыхъ войнъ, и сдѣлавшійся народнымъ любимцемъ.

Какъ личность, король Гумбертъ отличался своею доступностью, лойяльностью и рыцарскимъ благородствомъ характера—отличительными чертами этого королевскаго дома, по крайней мѣрѣ, въ послѣднихъ его представителяхъ. Относясь всегда съ особеннымъ вниманіемъ къ голосу общественнаго мнѣнія, почившій король оказывалъ большое уваженіе къ представителямъ журналистики. «Не будь я королемъ, я хотѣлъ бы быть журналистомъ»,—говорилъ онъ одному американскому корреспонденту. На придворныхъ празднествахъ журналисты всегда пользовались благоволеніемъ короля и онъ весьма охотно бесѣдовалъ съ ними. На одномъ изъ такихъ празднествъ военные гости окружили буфетные столы, къ которымъ журналисты никакъ не могли добраться. Король шутливо замѣтилъ проголодавшимся офицерамъ: «*Взятіе этой крѣпости вы могли бы предоставить журналистамъ*, которымъ придется отсюда поѣхать въ редакціи и на телеграфныя станціи для составленія и отпрвленія отчетовъ, тогда какъ мы еще имѣемъ время поужинать».

Нѣтъ сомнѣнія, что крайнее развитіе анархическихъ ученій, жертвою которыхъ сдѣлался итальянскій король,—ученій, отрицающихъ вмѣстѣ съ государственными началами и самыя элементарныя основы общественной морали,—побудитъ европейскія правительства къ какимъ нибудь общимъ солидарнымъ мѣрамъ противъ нихъ. Съ политической свободой эти ученія не имѣютъ ничего общаго и соприкасаются развѣ съ іезуитизмомъ или талмудизмомъ—въ ихъ стремленіи оправдывать всякія средства для достиженія какихъ-то химерическихъ цѣлей.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Европейско-китайская война.—Что преслѣдуютъ русскіе въ Китаѣ? — Необходимость исправленія русскихъ границъ. — Чего домогается Европа въ Китаѣ?—Подвиги вѣмцевъ. — Рѣчь Вильгельма II при отправленіи войскъ на Дальній Востокъ.—Самостоятельность китайской цивилизаціи.—Поведеніе Англии въ Китаѣ и ея заигрываніе съ Японіей и Соединенными Штатами.—Авансы англійскихъ газетъ по адресу Россіи.—Убіиство короля Гумберта I и покушеніе на жизнь шаха персидскаго. — Необходимость солидарной борьбы всѣхъ государствъ съ анархизмомъ. — Процессъ д-ра Живнаго. — Официально засвидѣтельствованная эксплуатація евреями угро-руссовъ.—Прусская политика по отношенію къ полякамъ.

Битвы и сраженія въ Китаѣ продолжаютъ. Официальной войны еще нѣтъ, но сраженія есть и земля обогрена человѣческой кровью. Россіи объявлена война однимъ китайскимъ вице-королемъ, но, по совершенно понятнымъ причинамъ, русское правительство не могло принять этого вызова, сдѣланнаго не императорскимъ китайскимъ правительствомъ, а всего какимъ-то вице-королемъ.

На этотъ протестъ русскаго правительства китайцы не обратили вниманія и отвѣтили бомбардированіемъ Благовѣщенска. Волею-неволею пришлось русскому правительству двинуть войска въ предѣлы Битая, чтобы очистить пограничную мѣстность отъ кигайскихъ боксеровъ и союзныхъ съ ними китайскихъ солдатъ. Шагъ за шагомъ русскій солдатъ идетъ впередъ, пробивая себѣ дорогу пушкою и штыкомъ. На своемъ пути ему приходится имѣть дѣло уже не съ однимъ кигайскимъ сбродомъ, но съ регулярнымъ китайскимъ войскомъ, обученнымъ европейскими инструкторами и снабженнымъ европейскимъ оружіемъ: крупновскими пушками, пулемѣтами Максима и Гочкиса и маузеровскими ружьями. Услужливые пѣльцы и англичане старательно обучали кигайцевъ военной дисциплинѣ и не менѣе усердно снабжали ихъ европейскимъ оружіемъ, съ цѣлью—на границахъ Россіи создать поступательному движенію русскаго народа твердый и непоколебимый оплотъ. Но

русскому солдату приходилось одерживать побѣды и не надъ одними китайскими полчищами.

Славшіяся крѣпости, Сахалинъ, Айгунъ, Чухъ-чунъ, Харбинъ и др., вооруженныя крупновесными батареями, не остановили русскаго солдата.

Мы не отрицаемъ, что событія въ Китаѣ роковымъ образомъ двигаются впередъ гигантскими шагами, требуя отъ Россіи строгаго и внимательнаго къ себѣ отношенія. Въ Китаѣ мы имѣемъ дѣло не съ мятежемъ, подавить который можно и съ ограниченными силами, но съ правильно организованнымъ народнымъ возстаніемъ, которое потребуетъ отъ насъ значительнаго напряженія и крупныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ жертвъ, и которое можетъ продолжиться не мѣсяцы, а цѣлыя годы.

Это заставляетъ насъ теперь же серьезно подумать о тѣхъ мѣрахъ и средствахъ, которыя мы должны принять, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Возбуждая вопросъ о характерѣ настоящихъ волненій въ Китаѣ, «Новое Время» совершенно основательно видитъ въ нихъ не одно возстаніе противъ европейцевъ, не одинъ мятежъ противъ имперской власти, но глубокія внутреннія усобицы туземныхъ народныхъ партій, которыя не скоро улягутся въ какія нибудь взаимныя соглашенія.

«Сообразно съ этимъ,—говоритъ газета,—намъ приходится опредѣлять и свой образъ дѣйствій. Во что бы то ни стало добиваться въ Манчжуріи успокоенія — значило бы обречь себя на цѣлыя годы столкновеній съ ордами мятежниковъ разныхъ наименованій. Протяженіе манджурской желѣзной дороги — двѣ слишкомъ тысячи верстъ, т. е. болѣе чѣмъ отъ Петербурга до Тифлиса! Охранять эту линію малыми отрядами—хотя бы въ общей сложности въ 20—30 тысячъ человекъ—значило бы не охранять ее совсѣмъ, но только напрасно жертвовать людьми. Собрать же на линіи такія силы, чтобы въ каждомъ данномъ мѣстѣ было достаточно войскъ для отраженія всякаго скопища, могущаго тамъ явиться,—это потребовало бы цѣлыхъ армій, и тогда выгоднѣе прямо объявить войну Китаю. Оборона безъ нападенія прямо невысказана. Атакать—безспорно лучшая защита. Пассивно обороняясь на манджурской линіи, мы и черезъ полгода были бы на ней такими же гостями, какими были до сихъ поръ. Объявивъ же войну, мы каждую занятую область присоединяли бы къ своимъ владѣніямъ навсегда и организовали бы ее сообразно своимъ нуждамъ. Но для этого надо объявить войну Китаю, что ни съ какой стороны никого на Руси не соблазняетъ».

При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, намъ нужно прежде всего опредѣлить средства, которыя мы можемъ употребить для улаженія кризиса на Дальнемъ Востоцѣ, и по этимъ средствамъ опредѣлить цѣль и намѣтить задачи для нашихъ силъ.

Границы наши съ Китаемъ, идущія около Монголіи и Маньчжуріи, представляютъ изъ себя кривую линію протяженіемъ около 5,000 верстъ. Очевидно, что нѣтъ никакой физической возможности защитить ихъ отъ китайцевъ. Особенно опасна наша граница съ Маньчжуріей, проходящая по лѣвому берегу р. Амура. Маньчжурія, примыкая къ правому берегу этой рѣки, съ 15 мил. жителей, всегда пользовалась особымъ вниманіемъ со стороны китайскаго правительства по двумъ причинамъ: во-первыхъ, въ Китаѣ царитъ династія, ведущая свой родъ изъ Маньчжуріи, а, во-вторыхъ, китайцы отлично сознаютъ стратегическое значеніе этой провинціи на случай войны съ Россіей. Эта провинція давно уже колонизировалась китайцами, снабжена лучшимъ войскомъ и оружіемъ, и на ея территоріи построены ружейные, пушечные и пороховые заводы.

Для усиленія военныхъ средствъ Маньчжуріи, китайцами были созданы укрѣпленные пункты на нашей границѣ въ Палитунѣ, Ехо и Хунчунѣ, вооруженные даже орудіями Круппа большого калибра. Въ недавнее время рѣшено было обратить въ укрѣпленный лагерь г. Гиринь, гдѣ находятся по европейски устроенные арсеналъ и пороховой заводъ. Планъ лагеря былъ составленъ специально командированными въ Маньчжурію нѣмецкими офицерами. Кромѣ того, предполагалось устроить здѣсь 10 отдѣльныхъ фортовъ, вынесенныхъ на окрестныя возвышенности. Въ виду того, что въ Маньчжуріи соединены наиболѣе благоприятныя условія для развитія военныхъ операцій съ китайской стороны и сосредоточенія въ ней значительнаго числа войскъ, — постепенное увеличеніе ихъ и заботы объ улучшеніи ихъ качествъ не могутъ быть оправдываемы ни требованіями обороны, ни мѣстными нуждами. Созданіемъ передовыхъ постовъ въ Санъ-Сянѣ, Нингутѣ и Хунчунѣ было обнаружено желаніе имѣть опорные пункты непосредственно на границѣ Уссурійскаго края. Дабы рѣшительнѣе препятствовать попыткамъ русскихъ пароходовъ подниматься по рѣкѣ, подъ Санъ-Синомъ было устроено загражденіе, съузвившее ея теченіе, и для обороны его воздвигнуть фортъ на палитунской позиціи, вооруженной крупповскими орудіями.

Невольно является вопросъ:—какъ же намъ уберечь нашу границу отъ нападеній Китая? Вопросъ серьезный, сложный и вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ нашей жизни и цѣлости нашихъ дальнихъ окраинъ.

По нашему мнѣнію, лучшимъ разрѣшеніемъ этого вопроса является перенесеніе границы. Но куда же ее перенести?

Рѣка Амуръ,—какъ и всякая судоходная и большая рѣка,—не можетъ быть границей. Это понятно и не требуетъ разъясненій. Когда одинъ берегъ принадлежитъ одному государству, а другой—другому, то возможны — даже въ мирное время — всевозможныя недоразумѣнія и столкновенія. Очевидно, у насъ съ Китаемъ должна быть болѣе прочная

граница. Такою границею можетъ быть—со стороны Монголіи—пустыня Гоби и Шамо, а со стороны Манджуріи—южные отроги хребта Хингана. При такомъ рѣшеніи вопроса, у насъ съ Китаемъ является дѣйствительная, а не фиктивная граница.

Пустыня Гоби и Шамо непроходима вообще,—она проходима только для вьюковъ, — слѣдовательно, она какъ для насъ, такъ и для китайцевъ, является безопасною границею. Если же мы проведемъ прямую линію отъ южныхъ отроговъ Хингана до нашего Портъ-Артура, то у насъ получится граница протяженіемъ не болѣе 500 верстъ. Эта граница представляетъ изъ себя для насъ, русскихъ, и выгоды, и невыгоды. Выгода состоитъ въ томъ, что у насъ получается пограничная линія съ Китаемъ не въ 5,000 верстъ, какъ теперь, а въ какихъ нибудь 500 верстъ. Очевидно, послѣднюю границу легче защищать, тѣмъ болѣе, что отроги Хингана даютъ возможность легко укрѣпить ихъ. Невыгода въ томъ, что, перенеся границу на югъ, мы должны включить въ свои предѣлы территорію съ народонаселеніемъ въ 15—17 мил. Но что лучше: имѣть ли эти 15—17 мил. жителей, съ которыми у русскихъ есть торговые и экономическія связи, внутри русскихъ предѣловъ или имѣть ихъ на необозримой границѣ въ пять тысячъ верстъ? По нашему мнѣнію, лучше ихъ имѣть внутри своихъ предѣловъ, чѣмъ на границѣ. Мы не должны забывать, что наше Забайкалье и Амурская область безъ Монголіи и Манджуріи, по многимъ причинамъ, не могутъ обойтись. Недавно закончившая свои работы комісія, высочайше учрежденная подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря А. Н. Буломзина, съ цифрами въ рукахъ доказала, что забайкальскій казакъ и крестьянинъ въ Монголіи и Манджуріи набираетъ сѣна около 75% по отношенію къ своему собственному сѣну.

У читателя явится вопросъ: но вѣдь Монголія и Манджурія не наши? Да, онѣ, дѣйствительно, не наши. Но онѣ должны быть нашими. Разрушеніе манджурской дороги, тысячи русскихъ жизней, которыя падутъ на поляхъ Китая, колоссальные расходы по перевозкѣ войскъ и пр. должны же быть возмѣщены Китаемъ. Китай, конечно, можетъ эти сотни милліоновъ возмѣстить деньгами. Но лучше для насъ, если онъ возмѣститъ ихъ Монголіей и Манджуріей. Повторяемъ, для насъ Монголія и Манджурія—жизненный вопросъ. Если не теперь, то позднѣе мы должны добиваться ихъ присоединенія къ своимъ владѣніямъ. Лучше теперь, чѣмъ позже.

Конечно, подобному рѣшенію вопроса воспротивится Европа. Ей невыгодно наше усиленіе на Дальнемъ Востокѣ. Но это не должно насъ пугать. Вѣдь интересы Европы и Россіи въ Китаѣ совершенно различны. Европа добивается раздѣла Китая въ интересахъ своей торговли и промышленности; мы же добиваемся совершенно другаго.

Правда, нѣкоторыя иностранныя газеты приписываютъ Россіи агрес-

сивный характеръ въ Китаѣ. Нѣкоторые органы англійской прессы даже обвиняютъ Россію въ намѣреніи завладѣть Пекиномъ и сѣверной частью китайской имперіи.

По словамъ лондонской газеты «Globe», Россія едва ли найдетъ болѣе удобный случай завоевать Пекинъ. Она только ожидала возможности дѣйствовать отдѣльно отъ другихъ державъ. Несомнѣнно, что прибытіе въ Пекинъ русскихъ войскъ ранѣе войскъ другихъ державъ и завладѣніе городомъ было бы блестящимъ успѣхомъ русской политики, и этимъ подвигомъ русское вліяніе достигло бы наивысшихъ размѣровъ, — такихъ размѣровъ, которыхъ оно не достигло бы даже дипломатическимъ искусствомъ. Многіе факты доказываютъ, что русское правительство тайно желаетъ покорить Китай (!): оно одно возстало противъ отправки сильной японской арміи; что же касается Ли-Хунъ-Чанга, то Россія можетъ вполне рассчитывать на него для содѣйствія русскимъ цѣлямъ.

Но всѣмъ уже давно стало извѣстно, насколько можно довѣрять англійской прессѣ. Намъ Пекинъ не нуженъ, хотя мы уже и взяли его, но Монголія и Манджурія намъ полезны. Европа преслѣдуетъ въ Китаѣ только экономическіе интересы. Она все ввозитъ въ Китай: и опиумъ, и пушки, и гнилые ситцы, и пр. За послѣднее же время европейцы особенно старательно ввозили оружіе въ Среднюю имперію. На этомъ поприщѣ особенно отличались англичане, такъ что китайцы, теперь сражающіеся съ ними ихъ же оружіемъ, могутъ сказать имъ: «твоемъ добромъ да тебѣ же челомъ». Не безъ основанія, нѣкоторыя газеты утверждаютъ, что главными виновниками нынѣшнихъ событій въ Китаѣ являются нѣмцы и англичане.— «Echo des Mines et de la Metallurgie» считаетъ главными виновниками нынѣшней войны въ Китаѣ сэра Роберта Харта и лорда Чарльза Бересфорда. Журналъ увѣряетъ, что ему достоверно извѣстно слѣдующее: сэръ Робертъ Хартъ пропустилъ черезъ таможи и занесъ въ статистическія книги 1,250 пушекъ завода Менцель и 47 батарей одного французскаго завода, всего—болѣе чѣмъ 1,500 пушекъ, которыми можно вооружить армію въ 400,000 человекъ. Онъ пропустилъ, кромѣ того, около 500,000 ружей Маузера и 150.000,000 патроновъ къ нимъ, не говоря о громадномъ количествѣ холоднаго оружія и всякаго рода матеріала, предназначеннаго для арсеналовъ. «Развѣ не его было дѣло, — спрашиваетъ «Echo», — кричать на всѣхъ перекресткахъ, что Китай вооружается и что происходитъ нѣчто, изъ ряда вонъ выходящее? Что касается Бересфорда, то онъ самъ, въ своей книгѣ: «Распаденіе Китая», рассказываетъ, что въ бесѣдѣ съ генераломъ Чжень-Чи онъ старался доказать этому китайцу необходимость организовать и вооружить громадную армію. Генералъ просилъ его письменно изложить проектъ, и «я это сдѣлалъ», говоритъ онъ. Онъ представилъ записку, въ которой указывалъ, какъ

организовать армию въ 200,000 человекъ съ резервомъ въ 400,000 Англія,—продолжаетъ авторъ статьи, Франсисъ Лоръ,—разсчитывала прогнать Европу изъ Китая съ помощью національной арміи; но китайцы посмѣялись надъ нею же и затѣяли войну, когда у нея были заняты руки въ Трансваалѣ. Но вина съ нея этимъ не снимается».

Нѣмецкія газеты идутъ еще дальше въ обвиненіи англичанъ. «Нашъ Нашг» убѣждены, что и нынѣшнее возстаніе въ Китаѣ — дѣло рукъ Англіи.

«Надо помнить, — говоритъ газета, — что возстаніе ограничивается съ-вернымъ Китаемъ, который болѣе или менѣе находился до сихъ поръ подъ вліяніемъ Россіи, и что новое правительство, созданное этимъ возстаніемъ, уже ведетъ войну противъ Россіи, тогда какъ англійское правительство, съ самаго начала тормозившее своевременныя дѣйствія державъ противъ «Большаго Кулака», еще и теперь проявляетъ поразительное спокойствіе въ виду возстанія, какъ будто оно вполне увѣрено въ мирномъ поведеніи провинцій, находящихся въ сферѣ его вліянія. Изъ исторіи извѣстно, что Англія въ международныхъ осложненіяхъ всегда умѣла либо мѣшать мирному теченію вещей, либо ради своихъ политическихъ цѣлей даже возбуждать или эксплуатировать возстанія (Болгарія, Армения, Бритъ и т. д.). Поэтому нетрудно предположить, что если возстаніе «Большаго Кулака» поднято и не Англіей, то она воспользовалась имъ, чтобы устранить правительство, подчиненное русскому вліянію, не заботясь о томъ, въ силахъ ли она будетъ подавить потомъ вызванныхъ ею духовъ. Подобной политикѣ можно смѣло ждаты отъ кабинета Салисбюри-Чемберлена».

Хороши и подвиги нѣмцевъ въ Китаѣ! Недавно въ нѣмецкихъ газетахъ помѣщено письмо нѣмецкаго солдата, описывающее жизнь нѣмецкой колоніи въ Бiao-Шау.

«Въ одно прекрасное утро,—пишетъ онъ,—наша компанія отправилась на изслѣдованія. Мы прошли двѣ деревни и затѣмъ прибыли въ городъ Тсимо, гдѣ мы расположились на стоянку въ храмѣ съ идолами, спаружи города. Онъ былъ полонъ богами и мы нашли ихъ очень полезными въ качествѣ столбовъ и повѣсили на нихъ наши койки. Китайцы толпились и съ изумленіемъ смотрѣли на это помѣщеніе, которое мы выбрали своей ночной квартирой. Они, конечно, ожидали, что боги отомстятъ за оскорбленіе, нанесенное имъ германскими дьяволами, и уничтожатъ насъ въ теченіе ночи. Но мы выспались отлично; ихъ безжества вовсе не тревожили насъ дурными снами, и мы двинулись бодрыми въ путь рано утромъ».

По поводу этого любопытнаго отрывка одна нѣмецкая же газета спрашиваетъ:

«Что сказали бы наши берлинскіе знатоки и изслѣдователи религій,

еслибы китайцы взяли у Германіи провинцію въ «аренду» и ихъ солдаты повѣсили свои кровати на фигурахъ христіанскихъ святыхъ въ нашихъ приходскихъ церквяхъ? Развѣ это письмо, напечатанное въ полуофициальномъ германскомъ журналѣ, не объясняетъ намъ, почему простой китаецъ проявляетъ такую ненависть къ европейскимъ цивилизаторамъ?»

Нѣмецкая печать сильно занята разъясненіемъ и коментированіемъ послѣдней рѣчи императора Вильгельма II, съ которой онъ, какъ съ напутствіемъ, обратился 27 іюля н. ст. въ Бремергафенѣ къ отправляющимся въ Китай германскимъ войскамъ. Коментаріи германской печати главнымъ образомъ относятся къ слѣдующему мѣсту:

«Когда встрѣтитесь съ врагомъ, то помните: пощады не давайте, плѣнныхъ не берите и такъ дѣйствуйте своимъ оружіемъ, чтобы *черезъ 1000 лѣтъ ни одинъ китаецъ не смѣлъ косо посмотрѣть на нѣмца*. Откройте путь цивилизаціи разъ навсегда!»

«Berliner Tageblatt» и другія нѣмецкія газеты утверждаютъ, что смыслъ словъ императора таковъ: «Когда встрѣтитесь съ врагомъ, то знайте, что не будетъ пощады, плѣнныхъ не будутъ брать, дѣйствуйте такъ своимъ оружіемъ, чтобы черезъ 1000 лѣтъ... и т. д.

«Kölnische Zeitung» прибавляетъ даже слово «Euch» (вамъ): «не будетъ вамъ пощады» и т. д.

По словамъ нѣкоторыхъ органовъ, императоръ сказалъ:

«Подтвердите старую прусскую доблесть, выкажите себя христіанами въ перенесеніи страданій. Пусть честь и слава сопутствуютъ вашимъ знаменамъ и вашему оружію! Вашей храбростью и дисциплиной явите примѣръ всему міру. Вамъ извѣстно, что вамъ придется сражаться противъ хитраго, храбраго, хорошо вооруженнаго, жестокаго врага. Когда вы будете передъ нимъ, то помните, что вамъ нечего ждать отъ него пощады; онъ плѣнныхъ не беретъ. Сражайтесь такъ, чтобы въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ ни одинъ китаецъ не осмѣлился косо посмотрѣть на нѣмца. Будьте храбры и дисциплинированы. Да будетъ съ вами благословеніе Божіе. Молитвы цѣлаго народа съ вами. Мои пожеланія слѣдуютъ за вами, за каждымъ изъ васъ. Откройте цивилизаціи путь разъ навсегда. Теперь вы можете отправиться въ путь. Прощайте, товарищи!»

Берлинская «Kreuz-Zeitung» протестуетъ противъ того, что въ рѣчи императора были вставлены слова, которыхъ онъ не могъ произнести.

«Нѣкоторые увѣряютъ,—говоритъ газета,—что императоръ приказалъ германскимъ солдатамъ не давать никому пощады и не брать никого въ плѣнъ. Между тѣмъ, императоръ указалъ лишь своимъ войскамъ на жестокость китайцевъ, которые никого не щадятъ и всѣхъ избиваютъ. Опытомъ доказано, что армія, производящая жестокости, сильно страдаетъ отъ нарушеній дисциплины. Затѣмъ, то соображеніе, что недостойно христіа-

нина совершать жестокости, подобныя жестокостямъ, совершаемымъ въ Китаѣ, показываетъ, что императоръ не могъ произнести приписываемыхъ ему словъ».

Съ своей стороны, газета «Berliner Neueste Nachrichten» замѣчаетъ, что, само собой разумѣется, германскіе солдаты никогда не будутъ убивать сдающагося и безоружнаго врага, даже еслибы въ его рядахъ находились китайскіе убійцы.

Берлинская «National Zeitung» пишетъ:

«Въ Китаѣ нашимъ солдатамъ придется сражаться съ очень жестокимъ, предательскимъ и лукавымъ врагомъ. Но это не освобождаетъ ихъ отъ обязанности оставаться добрыми христіанами и цивилизованными людьми, и не дозволяетъ имъ отплачивать за зло такимъ же зломъ».

Мы не имѣемъ, конечно, возможности рѣшить: были ли произнесены означенныя слова Вильгельмомъ II, или нѣтъ? Но одинъ тотъ фактъ, что правительственный телеграфъ, противъ всякаго обыкновенія, передалъ содержаніе рѣчи императора въ официальной редакціи со значительнымъ замедленіемъ, поздно ночью, съ пропускомъ именно тѣхъ фразъ, которыя вызвали такое удивленіе и протестъ даже въ Германіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ рѣчи императора было сказано что-то такое, чего телеграфъ не рѣшился передать...

Европа смотритъ на Китай и китайцевъ, какъ на людей низшей расы, какъ на какихъ-то дикарей Вандименовой земли. Съ европейской точки зрѣнія, китаецъ, конечно, не цивилизованъ и не культуренъ. Но нельзя же все и всѣхъ мѣрять на свой аршинъ! Въ Китаѣ есть своя культура и притомъ культура значительно старше европейской. Мы, европейцы, можемъ не признавать достоинствъ этой культуры, но игнорировать ея, даже въ своихъ собственныхъ интересахъ, не имѣемъ права. Цивилизація Китая носитъ самостоятельный и устойчивый характеръ. Даже евреи, съ которыми тщетно борется Европа въ теченіе тысячелѣтій, въ Китаѣ успѣли давно ассимилироваться.

«Бѣлая раса думаетъ, что она призвана исключительно царить надъ землею. Китай пережилъ двадцать иноплеменныхъ нашествій, и каждый разъ наши побѣдители сливались съ нами или погибали. *Мы поглотаемъ и евреевъ, безсильныхъ у насъ,* тогда какъ вы съ своими парламентами, прогрессомъ, грознымъ оружіемъ, книгопечатаніемъ, не можете съ ними справиться и все болѣе и болѣе подпадаете подъ ихъ вліяніе въ печати, въ торговыхъ и правительственныхъ сферахъ»...

Такъ говоритъ, по словамъ авглійской газеты, одинъ проживающій въ Лондонѣ ученый китаецъ, глубоко сочувствующій движенію на своей родинѣ и, узнавъ близко жизнь въ Европѣ, еще болѣе утвердившійся въ своихъ симпатіяхъ. Едва ли общезвѣстно, когда и при какихъ обстоятельствахъ появились евреи въ этой странѣ съ полумиллиарднымъ насе-

леніемъ, обратившей вниманіе всего міра своимъ, несомнѣнно серьезнымъ и грознымъ движеніемъ, исходъ котораго предугадать трудно.

Во время Тита, сына Веспасіана, когда онъ разрушилъ Іерусалимъ Китай управлялся императоромъ Минчъ-Ти изъ чтимой въ странѣ династїи Ханъ. Въ это время много семействъ, бѣжавшихъ изъ Палестины, переселилось въ Китай. Въ VII вѣкѣ еврейскія общины въ Китаѣ были, по словамъ доктора Мартера, такъ велики, что назначено было надъ ними особое управленіе. Затѣмъ ихъ число все увеличивалось, приходя съ торговыми караванами. Въ XIV вѣкѣ евреи достигли вліянія въ странѣ; было даже одно назначеніе еврея на высокій военный постъ. Синагога въ Кай-фунгъ, нѣсколько разъ разрушавшаяся, однако, была вновь возстановляема, и самъ императоръ, желая оказать явное покровительство, съ своей стороны пожертвовалъ сумму для постройки ея. Въ началѣ XVII вѣка еврейская община находилась уже въ полномъ упадкѣ, такъ какъ среди населенія выдержаннаго, трезваго, трудолюбиваго и земледѣльческаго она не находила приложенія своимъ специальнымъ эксплуататорскимъ склонностямъ. Кай-фунгскіе жидаы соблюдали субботу, праздновали праздникъ Пасхи, скниін завѣта и др. Браки заключались лишь между еднновѣрцами. Въ 1850 году еврейская община была уже въ самомъ жалкомъ видѣ. Раввиновъ уже давно не было и не въ одномъ поколѣніи забытъ былъ совсѣмъ еврейскій языкъ. Во время возстанія тайпинговъ, когда, между прочимъ, возникло гоненіе и на евреевъ, они окончательно ступшевались, разсѣялись и слились съ населеніемъ. Одннъ вѣнскій богатый еврей-докторъ Мартенъ посѣтилъ въ 1881 году Тай-фунгъ, и тогда остатки еврейской общины составляли только 300—400 душъ. Евреи занимались мелкой ручной и разносной торговлей, также торговлей старымъ платьемъ и подержанными косами,—такъ какъ въ Китаѣ носятъ и искусственныя косы. Немногіе портняжничали, дѣлали обувь, были мѣвялами. *Ни одинъ не занимался земледѣліемъ.* («Избранное племя» считаетъ это занятіе ниже своего достоинства!). Они уже не собирались для богослуженія, носили китайскіе костюмы и косы, говорили почти исключительно по китайски. Многіе пережились на китаанкахъ и вѣкоторые только съ грѣхомъ пополамъ вспоминали о своихъ праздникахъ и обрядахъ, которые такъ ревниво соблюдались прежними поколѣніями.

Но хотя на жидахъ надѣтъ уже китайскій костюмъ и косы,—семитическій типъ рѣзко сохраняется, и ихъ тотчасъ можно узнать среди толпы природныхъ китайцевъ. И въ то время, какъ въ Европѣ, дѣйствительно, евреи приобрѣтаютъ все болъшую силу, какъ напримѣръ, въ Австріи и Италїи, — гдѣ почти вся печать въ ихъ рукахъ и давленіе капитала все глубже пролагаетъ имъ путь въ глубь народной жизни,—или во Франціи, гдѣ, не смотря на усиленіе націоналистовъ, весь воен-

ный штабъ уже переполненъ дрейфусистами—въ это время Китай, дѣйствительно, ихъ поглотилъ и обезличилъ.

Англія въ китайскомъ вопросѣ не знаетъ, къ какому берегу пристать. Сначала она заигрывала съ Японіей и Соединенными Штатами, милостиво предоставляя имъ право вытаскивать для нея каштаны изъ огня. Но когда эти государства не поддались на заигрыванія «коварнаго» Альбіона, Англія начала вести переговоры съ китайцами, прикидываясь ихъ другомъ. Но и здѣсь дѣло не выгорѣло. Теперь англійскія газеты расточаютъ любезности по адресу Россіи. Въ Англіи начинаютъ раздаваться голоса въ пользу соглашенія съ Россіей...

Въ одномъ изъ вліятельныхъ органовъ англійской печати—«Fortnightly Review»—появилась статья за подписью извѣстнаго публициста, подписывающагося псевдонимомъ «Diplomaticus», въ которой авторъ укоряетъ британскихъ министровъ—лорда Розберри и лорда Салисбюри—въ крупныхъ политическихъ промахахъ. Они—эти министры—подорвали зарождавшееся было соглашеніе съ Россіей на Дальнемъ Востокѣ.

«Лордъ Розберри подорвалъ основы всей нашей политики на Дальнемъ Востокѣ и положилъ начало новому фазису, который принесъ свои печальные плоды въ видѣ теперешняго боксерскаго взрыва и его несчастныхъ послѣдствій. Становясь на сторону Японіи, мы отказались отъ принципа нераздѣльности Китая и уничтожили зарождавшееся соглашеніе съ Россіей. Слишкомъ мало извѣстно, какое горькое чувство противъ насъ вызвалъ этотъ поступокъ въ Россіи. Наше предпочтеніе дружбы полувиллизованнаго микадо дружбѣ царя; отказъ примѣнить къ Японіи принудительную систему, примѣненную нами при аналогичныхъ обстоятельствахъ въ 1878 году къ Россіи; подозрѣнія, что мы намѣреваемся возбуждать недоразумѣнія между Россіей и Японіей съ цѣлью удить рыбу въ мутной водѣ, не могли не вызвать общаго негодованія въ С.-Петербурѣ!»

Англія всегда начинаетъ каяться, когда ей туго приходится... Но это покаяніе едва ли кого изъ русскихъ введетъ въ обманъ. Въ теченіе вѣковъ Англія обманывала Россію, и нужно цѣлое столѣтіе, чтобы у русскаго народа исчезло естественное недоверіе къ Англіи.

Изъ Китая перенесемся въ Европу. Здѣсь много своихъ нуждъ и задачъ, надъ которыми европейскимъ народамъ нужно серьезно подумать. Умы европейскихъ народовъ и правительствъ сосредоточены на Китаѣ,—на его раздѣлѣ и обузданіи. Но въ Европѣ есть не менѣе опасный врагъ, борьба съ которымъ должна быть поставлена на первую очередь.

Врагъ этотъ—анархизмъ, повергшій въ трауръ Италію... Въ настоящее время итальянскій народъ оплакиваетъ трагическую кончину своего короля. Король Гумбертъ представлялъ собою своеобразнаго демократа на

тронѣ. Онъ пользовался широкою популярностію не только въ высшихъ классахъ общества, но и въ низшихъ. Брестьяне боготворили его. Они называли его своимъ королемъ — «мужицнымъ королемъ». Съ момента вступленія на престолъ, онъ всегда тяготился своимъ высокимъ положеніемъ и гордился званіемъ *римскаго гражданина*.

Его политика не всегда отвѣчала народнымъ желаніямъ, но она была всегда искренна и честна. Его несчастіе состояло въ томъ, что онъ легко поддавался вліянію окружающихъ его лицъ. Криспи былъ его злой геній, толкавшій короля то въ объятія Англіи, то въ объятія «тройственного союза»... Несчастливая война съ Абиссиніей явилась, какъ результатъ вліянія Англіи; непомерные расходы по перевооруженію итальянской арміи были результатомъ тройственного союза. «Авантюры въ Китаѣ», надѣлавшія въ свое время много шума, были сдѣланы также подъ вліяніемъ Англіи и Германіи. Да и теперь Италія послала десантъ для защиты одного итальянца-парикмахера, проживающаго въ Тянь-Зинѣ... Политическія увлеченія короля Гумберта дорого стоили Италіи!

Но, не смотря на всѣ неудачи, Гумбертъ со свойственною ему энергіею неуклонно стремился къ поддержанію престижа дорогой ему родины и всѣми силами старался возстановить финансовое равновѣсіе страны. Какъ любилъ свою родину покойный король Гумбертъ I, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ окрестностяхъ Неаполя случилось землетрясеніе, королю Гумберту доложили, что болѣе 2,000 семействъ осталось безъ крова и потеряло отъ этого страшнаго бѣдствія все свое имущество.

Король прежде всего спросилъ:

— Сколько человекъ погибло?

Министръ, докладывавшій ему объ этомъ несчастіи, замялся:

— Точно сказать не могу, ваше величество, но думаю, что немного.

Король Гумбертъ, строгая внѣшность котораго и безъ того казалась всегда суровою, нахмурилъ свои густыя брови.

— Что вы называете немного?—спросилъ онъ министра.

— Человекъ пятьдесятъ, не болѣе.

Король вскочилъ со своего мѣста.

— Это вы называете немного?—крикнулъ онъ и немедленно отдалъ приказаніе отправить на мѣсто катастрофы двадцать врачей съ хирургическими инструментами и врачебными приспособленіями.

Въ тотъ же день король Гумбертъ I самъ отправился изъ Рима въ Неаполь и лично присутствовалъ при извлеченіи изъ-подъ груды развалинъ труповъ погибшихъ.

Видѣсть съ королемъ Гумбертомъ отправилась на мѣсто землетрясенія и супруга его, королева Маргарита. При нихъ происходили раскопки раз-

важинъ. Король и королева, оба обходили всѣхъ больныхъ и пострадавшихъ отъ землетрясенія и лично присутствовали при устройствѣ временнаго лагеря для оставшихся безъ крова послѣ землетрясенія.

Когда Криспи предложилъ королю Гумберту, I открыть во всей странѣ подписку въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія, король отвѣчалъ:

— Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы единственнымъ подписчикомъ въ пользу пострадавшихъ былъ король Гумбертъ I.

При этомъ король отпустилъ изъ личныхъ своихъ средствъ 200,000 лиръ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія.

Въ 1886 году, въ Италіи появилась холера. Цѣлыя мѣстности объаты были этой ужасной эпидеміей. Среди жителей распространилась паника, вслѣдствіе чего холера принимала все большіе и большіе размѣры.

Король Гумбертъ I отправился въ Неаполь, — въ самое гнѣздо заразы, — посѣщалъ всѣ госпитали, переполненные больными, и лично ободрялъ здоровыхъ. Когда кто-то изъ министровъ замѣтилъ королю, что онъ рискуетъ самъ заразиться, находясь въ центрѣ эпидеміи, Гумбертъ отвѣтилъ:

— *Самая ужасная зараза—это равнодушіе къ несчастію родимы; я не хочу и вамъ не совѣтую заражаться этой болѣзью.* — Эти золотыя слова гражданина-короля не умрутъ въ исторіи савойскаго дома.

Личнымъ мужествомъ своимъ король Гумбертъ I разсѣялъ охватившую итальянцевъ панику, и эпидемія вскорѣ начала утихать и прекратилась.

Убийца короля Гумберта—анархистъ Бресси (или Бреши). Почему онъ рѣшился убить своего короля?—это остается загадкой. На допросѣ онъ заявилъ, что пріѣхалъ въ Монцу,—городъ, гдѣ былъ убитъ король,—со специальною цѣлью убить короля. Когда его спросили, что побудило его къ такому поступку, безумецъ отвѣчалъ: «король представляетъ собою главу институціи, которая не отвѣчаетъ моимъ убѣжденіямъ» (хотя и соответствуетъ убѣжденіямъ цѣлаго народа). По его словамъ, противъ короля Гумберта существовалъ вполне организованный заговоръ. Одинъ изъ анархистовъ, не принадлежащій къ активной партіи, заявилъ, что въ Парижѣ состоялось недавно собраніе анархистовъ, на которомъ былъ брошенъ жребій для выбора убійцы короля Гумберта.

Преступныя дѣйствія анархизма, проявившіяся за послѣднее время довольно часто, должны обратить на себя серьезное вниманіе. Смѣлость и нахальство анархистовъ не знаютъ предѣловъ. Императрица австрійская Елизавета убита анархистомъ Луккени, Сицило стрѣляетъ въ принца Уэльскаго, Бресси убиваетъ короля Гумберта, въ Парижѣ стрѣляютъ въ шаха персидскаго... И все это творить дикая шайка, ставящая свои личныя «убѣжденія» выше желаній народа и элементарныхъ требованій гуманности.

Послѣдній подвигъ анархизма, направленный противъ шаха персидскаго, былъ лишень уже всякаго человѣческаго смысла. Что такое представлялъ собою для бѣсноватаго безумца повелитель Персія? Какіе мотивы, хотя сколько нибудь реальные, могли быть у него для этого покушенія? Очевидно, нѣтъ и не могло быть.

Тяжело, однако, народамъ жить подъ гнетомъ такихъ случайностей, потрясающихъ до глубины души всякаго неозвѣрлага человѣка. Пора принять серьезныя мѣры для борьбы съ этой зоологической разновидностью. Пора, наконецъ, перестать давать анархистамъ убѣжище и покровительственно относиться къ нимъ, какъ доселѣ дѣлали это Англія и Швейцарія. Анархисты—это «буйные сумашедшіе», не принадлежащіе ни къ какой серьезной политической партіи, мѣсто для которыхъ должно быть отведено въ особыхъ пріютахъ съ кожаными рубашками, а не среди здравомыслящихъ людей, воспитанныхъ въ христіанской цивилизаціи, а не въ талмудическомъ или анархическомъ человѣконенавистничествѣ. Впрочемъ, въ современной европейской жизни трудно и разобрать, гдѣ кончается талмудистъ и начинается анархистъ...

Австрія никакъ не можетъ успокоиться. Тамъ идетъ упорная борьба населяющихъ эту страну народностей. Венгрія борется съ австрійскими нѣмцами, славяне—съ тѣми и другими. Въ борьбѣ обыкновенно страсти берутъ перевѣсъ надъ разсудкомъ, умъ затемняется, воля слабѣетъ. Это замѣчается какъ у отдѣльныхъ личностей, такъ и у цѣлыхъ народовъ. Въ борьбѣ со славянами австрійскіе нѣмцы не останавливаются ни передъ чѣмъ; для нихъ всѣ средства дозволительны. Въ разгарѣ страстей они забыли даже про свою «конституцію», которою обыкновенно похваляются. По австрійской конституціи, подданнымъ этой имперіи разрѣшается свобода вѣроисповѣданія, свободный переходъ изъ одной религіи въ другую и даже полное безвѣріе. Но, очевидно, эти конституціонныя «права» писаны не для славянъ. Послѣднимъ разрѣшается переходить въ какую угодно религію, даже въ еврейскую и магометанскую; но въ какую религію они отнюдь не могутъ перейти—это въ православіе. Наше вѣроисповѣданіе считается у австрійскихъ нѣмцевъ революціоннымъ и преступнымъ. Каждый славянина, перешедшаго въ православіе, предають суду!

«19-го іюля—какъ пишутъ въ «Новомъ Времени»,—въ Вѣнѣ начался процессъ извѣстнаго проповѣдника православія среди чеховъ д-ра К. И. Живнаго, арестованнаго мѣсяцъ назадъ на собраніи чешскаго политическаго общества въ Вѣнѣ по обвиненію въ «оскорбленіи величества».

Процессъ этотъ едва ли выяснитъ, въ чѣмъ собственно заключается настоящая вина д-ра Живнаго. За оскорбленіе величества его судятъ уже второй разъ и при совершенно одинаковыхъ условіяхъ. Въ 1887 году

онъ былъ арестованъ и судился за рѣчи въ томъ же политическомъ обществѣ, гдѣ, благодаря его страстной проповѣди въ пользу возвращенія чеховъ къ кирилло-меоидевскому исповѣданію, нашлось много желающихъ воссоединиться съ православіемъ. Въ тотъ разъ, послѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія, *Живный былъ оправданъ присяжными*. Но процессъ достигъ своей цѣли: православное движеніе среди вѣнскихъ чеховъ затормозилось; что же касается Живнаго, то даже и благопріятно окончившійся политическій процессъ, со связанными съ нимъ въ Австріи послѣдствіями, подорвалъ его блестящую вначалѣ карьеру и матеріальное благосостояніе. Вскорѣ онъ долженъ былъ пріостановить изданіе посвященной выясненію славяно-нѣмецкихъ отношеній газеты «Парламентеръ» и, покинувъ Вѣну, возвратиться на родину—въ Моравію. Здѣсь три года назадъ онъ былъ вновь судимъ за оскорбленіе католической религіи въ рѣчи о кирилло-меоидевской вѣрѣ на народномъ «таборѣ» и, за неимѣніемъ уликъ, приговоренъ только къ двухнедѣльному заключенію. Когда вскорѣ послѣ того у него умерла маленькая дочь, то, для острастки принявшихъ православіе чеховъ, Живному было рѣшительно отказано въ христіанскомъ погребеніи младенца, какъ православнаго, не смотря на то, что даже въ наиболѣе подверженныхъ клерикальнымъ вліяніямъ австро-венгерскихъ земляхъ православныхъ хоронятъ на одномъ кладбищѣ съ католиками, какъ напримѣръ, въ Загребѣ.

Недавно д-ръ Живный вновь переселился въ Вѣну и держалъ нѣсколько рѣчей среди сочувствующихъ православію рабочаго чешскаго населенія австрійской столицы. Этого было достаточно для того, чтобы австрійскія власти еще разъ попытались сдѣлать энергичнаго проповѣдника окончательно безвреднымъ для католицизма. Недавнія изгнанія изъ Австріи протестантскихъ германскихъ пасторовъ, проповѣдниковъ пароля: «Прочь отъ Рима!» есть явленіе одного порядка съ арестованіемъ Живнаго, и характеризуетъ австрійскую «религіозную терпимость» и дѣйствительную цѣнность австрійскаго закона о «свободѣ вѣроисповѣданій». Если въ послѣднее время нѣсколько такихъ австрійскихъ нѣмцевъ перешли въ лютеранство и старокатоличество, то это объясняется только весьма энергичной пропагандой и крупной матеріальной поддержкой изъ сосѣдней Германіи. Православіе въ Австріи, какъ извѣстно, не находится въ столь благопріятныхъ условіяхъ, и для вѣнскихъ православныхъ чеховъ потеря единственнаго интеллигентнаго вождя составитъ весьма чувствительную утрату.

Что касается самаго предмета обвиненія, то всякій мало-мальски посвященный въ австрійскія условія знаетъ, что обвиненіе въ «оскорбленіи величества»—ничто иное, какъ весьма удобное, но весьма сомнительнаго свойства оружіе противъ всякаго, чѣмъ либо навлекшаго на себя немилость властей, австрійскаго подданнаго.

Позволительно усомниться, чтобы д-ръ Живной,—юристъ и опытный демократ,—могъ позволить себѣ, дѣйствительно, перейти предѣлы ораторской осторожности. Но обвиненіе въ оскорбленіи величества, хотя бы и неосновательное, есть вѣрное средство засадить хоть на время въ тюрьму, подорвать матеріальное положеніе и нравственное значеніе человѣка, котораго, какъ австрійскаго подданнаго, нѣтъ возможности безъ дальнѣйшихъ околнчностей выслать за границу по примѣру германскихъ пасторовъ.

Судъ призналъ д-ра Живнаго виновнымъ въ оскорбленіи величества и приговорилъ къ 6-ти-мѣсячному тюремному заключенію. Вотъ вамъ и свобода вѣроисповѣданій на жидовской подкладкѣ!

Въ сѣверо-восточной Венгріи, къ востоку отъ словаковъ, живетъ около 380 тыс. русскихъ (малорусскаго племени). Это несчастное русское племя терпитъ страшную нужду и... выселяется въ Америку.

Вотъ какими красками, по сообщенію корреспондента, рисуется положеніе этого несчастнаго края.

«Угорскіе русскіе болѣе, чѣмъ какое либо другое изъ славянскихъ племенъ,—погибающее племя, хоть мадьяризація и не гнететъ ихъ такъ, какъ словаковъ. Тутъ дѣйствуетъ другая причина—еврейская работа, которая достаточно краснорѣчиво и безпристрастно изображена лицомъ, заслуживающимъ, въ данномъ случаѣ, полного довѣрія. Лицо это—д-ръ Эганъ, посланный мадьярскимъ правительствомъ для изученія на мѣстѣ экономическаго положенія угорскихъ русскихъ и для выработки мѣръ помощи имъ. Эганъ, прежде всего, обратился къ изученію сѣверной части Бережской «столицы», сосѣдней съ Галиціей; послѣ этого онъ предложилъ правительству проектъ о надѣлѣ населенія хорошимъ рабочимъ скотомъ, о надѣлѣ земель, объ основаніи потребительныхъ и кредитныхъ обществъ—для спасенія отъ еврейской лихвы»...

Когда человѣкъ пріѣзжаетъ на Мункачевскую станцію, говоритъ далѣе д-ръ Эганъ, его тотчасъ окружаетъ 10—15 евреевъ, голодныхъ, безработныхъ, жаждущихъ поживиться и нажиться. Точно также на улицѣ, въ гостинницѣ приходится встрѣчаться съ этими людьми опаснаго вида, готовыми на все за деньги. Малые мѣстечки края — образецъ добрыхъ нравовъ; если потеряешь въ 8 час. утра свой кошелекъ съ деньгами, то въ 2 часа уже найдешь его у мѣстной полиціи. Зато въ большихъ относительно городахъ, *идтъ много евреевъ*, крадутъ денежный мѣшокъ, сданный въ контору отеля перваго разряда при 20 — 30 свидѣтеляхъ. Кражи и разбои случаются почти ежедневно — и виновный обычно не отыскивается. Преслѣдованіе кражъ и разбоевъ почти невозможно, ибо судебные чины опасаются мщенія и убійства. Таково положеніе дѣлъ не только въ Мункачевѣ, но и въ Мармарошской Сиготы, въ Ужгра-

дѣ, почти во всемъ краѣ, и изъ года въ годъ все хуже и хуже. Разбойническая банда работаетъ, члены ея извѣстны—и нѣтъ никакой помощи! Не остается ничего другаго, какъ слѣдующее: правительство должно по одиночкѣ распросить всѣхъ пришельцевъ: откуда онъ? кто такой? чѣмъ живетъ? Всякій, кто не докажетъ честной профессіи, долженъ быть немедленно удаленъ.

Въ третьихъ, Эганъ проектируетъ устройство специальной государственной полиціи, которая веда бы надзоръ во всемъ русскомъ краѣ.

Интересны приведенные д-ромъ Эганомъ случаи явнаго еврейскаго «разбоя». Еврей Іегеръ изъ Буковца *52 раза судился за лжеву*. Нѣкто Паникуличъ, 18 лѣтъ тому назадъ, занялъ у него 10 гульд. по 25 проц. Долгъ росъ страшно, такъ что чрезъ нѣсколько лѣтъ дошелъ уже до 168 гульд.; по соглашенію этотъ долгъ уменьшенъ былъ до 90 гульд., когда должникъ уже заплатилъ, впрочемъ, значительную часть его; послѣ уплаты 47 гульд. изъ этого долга въ 90 гульд., Паникуличъ обязанъ заплатить еще 77 гульд.; однимъ словомъ, *чрезъ 18 лѣтъ 10 гульд. выросли въ 292*. Нѣкто Попеличъ занялъ у того же еврея, 20 лѣтъ тому назадъ, 10 гульденовъ; кромѣ того, покупалъ у него въ лавкѣ разный товаръ. Чрезъ 4 года они рассчитывались; долгъ дошелъ до 100 гульденовъ, и Попеличъ обязался платить за него 25 проц.; въ теченіе 8 лѣтъ онъ заплатилъ 200 гульд. процентовъ, но Іегеръ сталъ съ него выискивать судомъ еще 150 гульд.; послѣдовало соглашеніе на 145 гульд., въ теченіе слѣдующихъ 6 лѣтъ Попеличъ заплатилъ еще 192 гульд., но жидъ требуетъ съ него снова 145 гульденовъ!..

Насиліе и подкупъ царятъ во всей силѣ: крестьянамъ евреи общаются по 5—25 гульд., священникамъ по 200—2,000 гульд., чтобы тѣ голосовали противъ государственныхъ мѣропріятій, вредныхъ для жидовъ. Въ одномъ общинномъ собраніи одинъ изъ членовъ своимъ голосомъ рѣшилъ отклоненіе какого-то предложенія д-ра Эгана; послѣ онъ оправдывалъ свое поведеніе тѣмъ, что *евреи анонимно погрозили ему смертью въ послѣдующую же ночь (?)*. Въ одинъ приходъ былъ присланъ помощникъ мѣстному больному священнику; евреи грозили смертью этому новоприбывшему, который былъ вынужденъ ночевать въ каморѣ у стражника; д-ръ Эганъ потомъ держалъ, на казенный счетъ, охрану у жилища этого пастыря церкви (!).

Христіанскихъ священниковъ приходится уже караулить отъ жидовской ненависти. Какъ видно, недаромъ австрійскій императоръ носитъ титулъ «короля іерусалимскаго».

Таковы данныя, сообщенныя о дѣятельности жидовъ въ Угорской Руси официальнымъ лицомъ. Трудно только вѣрить въ успѣшность рекомендуемыхъ имъ мѣръ къ устраненію зла. Виѣсто мѣръ полицейскаго пресѣченія и устрашенія, мадыарское правительство должно вооружить

самый народ—должно дать ему хорошую народную школу, просвѣщенных и народных учителей и священниковъ, какъ настоящую народную интеллигенцію; только тогда принесутъ надлежащую пользу и мѣры къ поднятію матеріальнаго благосостоянія. Но развитіе мадьярскаго національнаго шовинизма не позволяетъ надѣяться на принятіе правительствомъ указанныхъ мѣропріятій!.. Ужели же пропадетъ этотъ маленький обломокъ великаго русскаго народа, ужели никто не подастъ ему руку помощи?

Мы ничего не можемъ прибавить къ этимъ интереснымъ даннымъ, сообщеннымъ д-ромъ Эганомъ. Можемъ только рекомендовать эти факты вниманію нашей жидовской и жидовствующей прессы. Впрочемъ, эти органы и безъ насъ знаютъ всѣ прелести жидовской эксплуатаціи и все таки отмалчиваются... Ротъ имъ основательно заклепали жидовскими сребренниками.

И въ Пруссіи славянскому племени не легче живется. Въ послѣднее время, на познанскихъ полякахъ сыплются новыя бѣды. Недавно офиціозныя «Berliner Politische Nachrichten» возвѣстили новую войну противъ поляковъ, которые должны-де почувствовать на себѣ всю силу Пруссіи.

Повидимому, угрозы эти начинаютъ сбываться; {по крайней мѣрѣ, познанскія газеты уже сообщаютъ, что по распоряженію министра просвѣщенія во всѣхъ городскихъ школахъ Познани отмѣнено польское преподаваніе закона божія за исключеніемъ лишь перваго класса. Одновременно отмѣняется обученіе польскому чтенію и письму, которое было дозволено полякамъ-католикамъ. Распоряженіе это будетъ распространено и на всю Познанскую провинцію. Готовится также распоряженіе, въ силу котораго полякамъ будетъ запрещено покупать земельную собственность. Въ послѣднее время, эта мѣра отчасти уже проводится на практикѣ безъ всякаго закона. При раздѣлѣ большихъ помѣщичьихъ имѣній, поляки, приобретающіе себѣ участки, не получаютъ отъ мѣстнаго ландрата дозволенія строиться на купленной землѣ и вслѣдствіе этого принуждены уступать ее нѣмцамъ колонистамъ. Въ западной Пруссіи положеніе мѣстнаго польскаго населенія еще тяжелѣе. Судъ наказываетъ свидѣтелей за незнаніе нѣмецкаго языка тюремнымъ заключеніемъ отъ двухъ до пяти дней. Недавно одинъ польскій крестьянинъ приговоренъ былъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію за «недостатокъ прусскаго патріотизма», — своеобразное преступленіе, за которое весьма часто подвергаютъ наказанію польскихъ журналистовъ, подводя ихъ непатріотическій образъ мыслей подъ понятіе «grober Unfug», т. е. грубаго нарушенія приличія.

Въ отвѣтъ на новыя притѣсненія, познанская печать робко замѣ-

часть, что полякамъ ничего не остается больше, какъ опереться на «болѣе широкія славянскія основы» (давно бы пора!), благодаря чему ихъ силы удесятерятся. Недурно бы и въ самомъ дѣлѣ полякамъ признать силу этихъ «славянскихъ основъ» и применить къ нимъ. Доселѣ поляки шли противъ этихъ основъ, къ своей собственной гибели. Они всегда были на Руси во враждѣ съ русскими, въ Австріи—во враждѣ съ чехами и малороссами. Они всего больше льнули къ нѣмцамъ—и пожинаютъ плоды этой нѣжной дружбы! Можетъ быть, недалеко то время, когда поляки пойдутъ рука объ руку со всѣми славянами противъ своихъ враговъ. И въ этомъ только союзѣ будутъ признаны ихъ народныя славянскія права. Но для этого имъ надо поступиться нелѣпыми архаическими фантазмагоріями о «Польшѣ отъ моря до моря». Этихъ морей полякамъ никогда уже больше не увидать...

НОВЫЯ КНИГИ.

Казенная продажа вина. Изданіе Главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Спб. 1900 г.

Казенная продажа вина или, — какъ принято называть ее, «винная монополія», — при введеніи своемъ, не вездѣ встрѣтила сочувственный откликъ. Многіе порицали мысль, чтобы правительство занималось продажей вина — и поэтому предсказывали реформѣ самую печальную участь. Другіе же стояли за винную монополію, видя въ ней единственное средство «отрезвить» спившагося русскаго крестьянина, и пророчили ей блестящую будущность. Но какъ первые, такъ и вторые имѣли для своихъ сужденій болѣе теоретическую, чѣмъ практическую почву, ибо въ ихъ распоряженіи былъ слишкомъ ничтожный матеріалъ, чтобы изъ него дѣлать какіе либо опредѣленные выводы. Основаніемъ для сужденій какъ порицателей, такъ и панегиристовъ были отдѣльные, частные случаи и факты.

Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія названной книги, предназначенной удовлетворить вполне назрѣвшей потребности въ обществѣ — *выяснить основныя начала винной монополіи, способъ ея осуществленія и достигнутые результаты.* «Существованіе такой потребности, между прочимъ, — какъ совершенно справедливо говорится въ предисловіи къ названной книгѣ, — усматривается изъ той смутности представленій о монополіи, которая встрѣчается даже среди лицъ, стоящихъ далеко выше обыкновенной публики и которая можетъ быть объяснена лишь недостаточностью свѣдѣній о дѣйствительныхъ задачахъ осуществленнаго теперь преобразованія».

Принципъ винной монополіи — если не уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, ослабить народное пьянство, которое, будучи само по себѣ нравственнымъ и физическимъ зломъ, вмѣстѣ съ тѣмъ медленно, но неизбежно подтачиваетъ экономическое благосостояніе народа и тѣмъ ослабляетъ внутреннюю его силу. Министерство финансовъ смотритъ на винную монополію не какъ на выгодное предпріятіе, но и какъ на задачу поднять экономическое благосостояніе русскаго народа. Поэтому винная реформа поставлена въ соприкосновеніе со множествомъ вопросовъ, не имѣющихъ прямого фискальнаго значенія.

Рядомъ съ винной монополіей работаетъ попечительство о народной трезвости. Предпріятія этого попечительства обширны. Повсюду, гдѣ вводится винная монополія, оно устраиваетъ: а) чайныя и столовыя, б) ночлежные пріюты, в) читальни и библіотеки, г) книжные склады, д) публичныя народныя чтенія, е) воскресные и вечерніе классы, ж) зрѣлища, з) народные пѣвческіе хоры и оркестры, и) народныя гулянья и проч.

Въ теченіе 5 лѣтъ своего существованія, винная монополія обращала и обращаетъ на себя вниманіе. Но говорить о результатахъ ея дѣйствія, — т. е. о прекращеніи или уменьшеніи пьянства, — пока еще преждевременно. Это понятно. Пьянство русскаго народа существуетъ цѣлыя столѣтія, тысячи неблагоприятныхъ условій — экономическихъ и нравственныхъ — въ теченіе вѣковъ способствовали неумѣренному потребленію алкоголя среди русскаго народа. Нужны многіе годы, чтобы этотъ недугъ русскаго народа если не окончательно исчезъ, то значительно уменьшился. Необходимы болѣе благоприятныя условія для народной жизни, чтобы народъ пересталъ видѣть въ водѣ единственное «утѣшеніе» во всѣхъ своихъ горестяхъ и единственное развлеченіе во всѣхъ своихъ радостяхъ. Наше министерство финансовъ вполне сознаетъ, что одно урегулированіе продажи питей не можетъ отрезвить русскаго народа, поэтому оно принимаетъ и другія мѣры къ отученію нашего крестьянина отъ кабака.

Разбираемая нами книга даетъ читателю безпристрастный матеріалъ, касающійся того, что сдѣлано министерствомъ финансовъ въ интересахъ уменьшенія пьянства и что надлежитъ сдѣлать дальше. Еще съ болѣею безпристрастностью оно говоритъ о тѣхъ недочетахъ, которые имъ замѣчены при введеніи и функционированіи этой монополіи. Мало того, оно не идетъ по стопамъ нашихъ «казенныхъ учреждений», не имѣющихъ обыкновенія знакомить общество съ ходомъ своихъ работъ.

Министерство финансовъ чутко прислушивается къ голосу общества и періодической печати. Въ вышеназванной книгѣ читатель найдетъ богатый матеріалъ для ознакомленія съ общественнымъ мнѣніемъ по отношенію къ винной монополіи. Здѣсь собраны отзывы не только благоприятные, но и неблагоприятные, и критически относящіяся къ ней.

Мы сожалѣемъ, что размѣры библиографической замѣтки не позволяютъ болѣе подробно ознакомить читателя съ этимъ выдающимся трудомъ ¹⁾.

А. Гурьевъ. Записка о промышленныхъ банкахъ. Спб. 1900 г.

Промышленный кризисъ, охватившій за послѣднее время значительное количество нашихъ предпріятій, невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе

¹⁾ Мы надѣемся, въ одной изъ ближайшихъ книгъ нашего журнала, помѣстить особую статью о винной монополіи. Вопросъ этотъ заслуживаетъ самаго серьезнаго и внимательнаго къ нему отношенія.

общества. Міровой фактъ «перепроизводства капиталовъ» и пониженія— вслѣдствіе этого—суднаго процента, какъ извѣстно, распространилъ свое дѣйствіе и на Россію. Публика стала стремиться къ болѣе выгодному помѣщенію своихъ капиталовъ, чѣмъ въ государственныя процентныя бумаги. Такимъ выгоднымъ помѣщеніемъ явилось промышленное предпріятіе. Соблазнъ огромныхъ барышей, реализуемыхъ нашею промышленностью за стѣною таможеннаго тарифа, былъ слишкомъ великъ. Публика набросилась на дивидендныя бумаги, началась отчаянная биржевая игра,— и получилась призрачная картина обильнѣйшей капиталами страны, въ которой рискованный дивидендный доходъ капитализируется изъ 5, даже изъ 4,5%, тогда какъ въ этой же странѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ такого процента нельзя было развѣстять вполнѣ вѣрныя правительственныя или гарантированныя правительствомъ бумаги!

Развитію ажіотажа въ публикѣ много содѣйствовали наши комерческіе банки. Они явились посредниками между денежною публикою и промышленными антрепризами. Они не довольствовались ролью маклеровъ, но искусственно муссировали экономическія предпріятія ради собственныхъ выгодъ. Наши банки задались цѣлью искусственно «созидать» долгосрочныя промышленныя капиталы изъ притекающихъ къ нимъ краткосрочныхъ оборотныхъ средствъ. Благодаря широкой системѣ выдачи огромныхъ ссудъ подъ дивидендныя бумаги, промышленное помѣщеніе капиталовъ сдѣлалось ареною дѣятельности, имѣющей мало общаго съ дѣйствительнымъ намѣреніемъ помѣстить свободный капиталъ на долгій срокъ. Къ биржевой игрѣ привлечена была безкапитальная или малокапитальная публика, вкладывавшая въ биржевую игру на промышленныхъ цѣнностяхъ свои послѣднія средства.

Финансированіе промышленныхъ предпріятій комерческими банками существуетъ, правда, и на западѣ. Но тамъ оно осуществляется особыми спеціальными финансовыми организаціями (синдикатами, трестами и пр.). Тамъ существуетъ *долгосрочный кредитъ*, который даетъ возможность спокойно, не спѣша, производить операціи, поддерживать предпріятія въ трудныя для нихъ годы. Для этого необходимы громадныя собственные банковскіе капиталы. И, дѣйствительно, мы видимъ, что нѣмецкіе банки обладаютъ огромными собственными капиталами, обеспечивающими имъ вполнѣ солидную и спокойную базу для дѣятельности.

Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ въ нашихъ банкахъ. Ихъ «собственные капиталы» весьма незначительны и совершенно не соотвѣтствуютъ огромности принимаемыхъ ими на себя операцій по финансированію предпріятій. На 1 янв. 1899 г. основные капиталы всѣхъ нашихъ акціонерныхъ банковъ комерческаго кредита составляли всего 185 мил. рублей. Запасныя и резервыя капиталы, достигающіе 85 мил. руб., почти совершенно нельзя принимать во вниманіе, ибо они не могутъ служить учредительскому

дѣлу. Главнѣйшія средства, которыми оперируютъ наши банки, составляются изъ частныхъ вкладовъ, болѣе чѣмъ втрое превышающихъ основные капиталы банковъ.

Такимъ образомъ, финансовая организація нашихъ коммерческихъ банковъ совершенно не соотвѣтствуетъ условіямъ полезнаго для страны участія въ учредительскомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, участие это силою вещей все болѣе и болѣе прогрессируетъ, и развитіе нашей промышленности становится въ тѣсную связь съ дѣятельностью нашихъ банковъ. При помощи широкаго окольного кредита, они производятъ фактивное размѣщеніе бумагъ, совершенно не заботясь о дальнѣйшихъ судьбахъ предпріятія. При малѣйшей заминкѣ на денежномъ рынкѣ, они стараются спихнуть эти предпріятія со своихъ рукъ, совершенно не заботясь объ ихъ поддержкѣ. При этомъ страдаютъ не столько интересы самихъ банковъ, сколько интересы публики и промышленныхъ предпріятій. Публика пострадала, довѣрившись банку, который, — какъ оказывается, — злоупотребилъ ея довѣріемъ; промышленныя предпріятія въ свою очередь страдаютъ, потому что не получаютъ поддержки отъ финансировавшихъ ихъ банковъ. Послѣдніе же не поддерживаютъ ихъ потому, что они сами оперируютъ на *чужіе капиталы*, ввѣренные имъ на краткій срокъ, такъ какъ у нихъ самихъ нѣтъ долгосрочнаго кредита.

Чтобы положить конецъ неосновательному «грюндерству» за счетъ довѣрчивой публики, г. Гурьевъ предлагаетъ организовать промышленныя банки, которые опирались бы главнѣйшимъ образомъ на собственные капиталы; привлеченіе же постороннихъ средствъ допустить лишь на долгосрочныхъ условіяхъ и притомъ лишь подъ реальныя обезпеченія.

Онъ совершенно правильно замѣчаетъ, что самостоятельные, правильно организованные, промышленныя банки наиболѣе способны обслуживать интересы вновь возникающихъ промышленныхъ предпріятій. Только *самостоятельные промышленныя банки*, работающіе на собственные капиталы и постороннія средства, приобретаемые путемъ выпуска долгосрочныхъ (облигаціонныхъ) обязательствъ, могутъ солиднымъ образомъ браться за учредительство промышленныхъ предпріятій.

Желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ организаціей промышленнаго кредита мы отсылаемъ къ названному брошюрѣ, дѣльно и толково составленной. Не подлежитъ сомнѣнію, что промышленный кредитъ положитъ предѣлъ нашему грюндерству и принесетъ значительную пользу нашимъ промышленнымъ предпріятіямъ. А то, въ настоящее время, всѣ банки окружены сплошною стѣною грюндеровъ и фиктивныхъ векселедателей, и сквозь эту стѣну не прорвется ни одинъ изъ серьезныхъ предпринимателей, нуждающихся въ финансированіи своихъ дѣлъ.

В. Арефьевъ. Описаніе Сибири. Очерки для народнаго чтенія. Вып. I. Географическое положеніе и природа Сибири. Томскъ. 1900 г.

Мы, русскіе, владѣемъ Сибирью почти цѣлыхъ три столѣтія, и за такой продолжительный періодъ времени почти не знаемъ нашей обширной колоніи. Правда, о Сибири достаточно написано, но это написанное давно уже устарѣло; притомъ же большинство матеріаловъ, касающихся Сибири, напечатано въ мало распространенныхъ журналахъ и официальныхъ Отчетахъ, пользованіе которыми не для всѣхъ доступно.

За послѣдній десятокъ лѣтъ, интересъ къ Сибири въ русскомъ обществѣ значительно возросъ, особенно съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги и съ усиленной колонизаціей этой отдаленной окраины. Если для интеллигентнаго читателя не такъ еще трудно найти печатныя свѣдѣнія о Сибири, то для простаго человѣка, малограмотнаго, — какимъ обыкновенно является нашъ крестьянинъ, — почти нѣтъ возможности ознакомиться съ тою страной, куда онъ сотнями тысячъ ежегодно переселяется. У насъ есть нѣсколько книжекъ о Сибири, написанныхъ спеціально для народа, но въ большинствѣ случаевъ онѣ представляютъ собой крайне плохія компіляціи.

Лежащая передъ нами книга г. Арѣфьева, спеціально предназначенная для народа, восполняетъ до нѣкоторой степени существующій пробѣлъ въ народной литературѣ о Сибири. Авторъ, не мудрствуя лукаво, знакомитъ читателя съ географическимъ положеніемъ Сибири и ея природою. Онъ довольно подробно описываетъ сибирскія рѣки, озера и болота, знакомитъ съ существующими на нихъ рыбными промыслами и сбытомъ рыбы. Далѣе авторъ знакомитъ съ хлѣбородными равнинами Сибири и съ тамошней системою хлѣбопашества, а также съ горными и лѣсными промыслами.

Не смотря на свою сжатость и краткость, книга является довольно цѣннымъ вкладомъ въ народную литературу о Сибири, а по простотѣ изложенія вполне доступна пониманію малограмотнаго крестьянина. Можно надѣяться, что и остальные выпуски этой книги будутъ отличаться тѣми же достоинствами, какъ и первый выпускъ.

Цѣна книги (30 коп.) немного велика для нашего бѣднаго крестьянина. Но это касается уже издателя книги г. Макушина. Желательно было бы, чтобы послѣдующіе выпуски были болѣе дешевыми.

В. Заболотный. Опытъ къ рациональному разрѣшенію вопроса: Что такое война? (Философскій эскизъ на почвѣ субъективизма). Варшава, 1900 г.

Война, говорятъ, рождаетъ героевъ, но оказывается, что война, кромѣ героевъ, рождаетъ еще и компіляторовъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что компіляція — своего рода хищничество, воровство, заграбание жара чужими руками. Но съ этимъ едва ли можно согласиться. Хорошая компіляція заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, полного уваженія и вниманія. Умѣлый, хорошій компіляторъ — это большой кладъ для публики: его

можно сравнить съ пчелою, которая выбираетъ нектаръ изъ тысячъ цвѣтовъ и сноситъ его въ одну ячейку, гдѣ чрезъ нѣкоторое время получается хорошій медъ. Но это умѣлый компиляторъ. На него можно положить, что вмѣстѣ съ нектаромъ онъ не принесетъ какой либо ядовитой жидкости. Вѣдь и нѣкоторые цвѣты даютъ ядовитый нектаръ!

Англо-трансваальская война, а затѣмъ европейско-китайская война породили нѣсколько брошюръ, въ которыхъ доказывается нѣсколько странная мысль, что война настолько свойственна и необходима человѣчеству, что безъ нея никоимъ образомъ нельзя обойтись. Авторы этихъ брошюръ удивительно похожи другъ на друга, конечно, не по фizioноміи, а въ методахъ работы. Оправданіе своей идеи,—т. е., что война присуща и необходима человѣчеству,—они обыкновенно начинаютъ искать съ самыхъ отдаленныхъ временъ...

Г. Заболотный также не чуждъ этого метода. Онъ во что бы то ни стало хочетъ доказать естественность и необходимость войны. Онъ ведетъ свои доказательства съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Въ его очеркѣ есть слѣдующія главы: «Борьба людей въ доисторическую эпоху», «Борьба людей въ эпоху историческую», «Борьба среди животныхъ», «Борьба въ царствѣ флоры» и пр.

Всѣ защитники войны обыкновенно начинаютъ съ доисторической эпохи, продолжаютъ религіозными взглядами на войну языческихъ народовъ и оканчиваютъ христіанской эпохой. Но въ христіанской эпохѣ они опираются не на евангеліе, не на мнѣнія учителей церкви, какъ болѣе компетентныхъ въ данномъ случаѣ лицъ, а на мнѣнія ученыхъ людей. У этихъ защитниковъ войны есть еще одна общая черта: всѣ они смѣшиваютъ *борьбу за жизнь* и *войну*, напр., *за трансваальское золото и алмазы*. Борьба за жизнь понятна и необходима, но далеко не всѣ войны происходятъ на почвѣ борьбы за существованіе. Тысячи войнъ велись и ведутся по совершенно другимъ причинамъ. Были войны просто по капризу государей, по вліянію ихъ любовницъ... и пр. Если теперешняя англо-трансваальская война понятна съ точки зрѣнія боюровъ, дѣйствительно защищающихъ свою родину, свое право на человѣческое существованіе, то она совершенно непонятна и не простительна для англичанъ, гонящихся за торгашествомъ и купеческими барышами. Вѣдь эти «рыжіе черти» (какъ называютъ ихъ въ колоніяхъ) защищаютъ не родину, которой никто не угрожалъ, а воюютъ изъ-за золота, алмазовъ и каменноугольныхъ копей.

Впрочемъ, вышеназванный очеркъ г. Заболотнаго прочтется читателемъ охотно и притомъ не безъ пользы. Авторъ умѣло и опытною рукою сгруппировалъ матеріалъ по данному вопросу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ далъ ему своеобразную, не лишнюю остроумія, окраску.

ОТГОЛОСКИ.

(Корреспонденція «Наблюдателя»).

I.

Евреи-корреспонденты.

Милостивый Государь

Г-нъ Редакторъ!

Одно изъ хорошихъ послѣдствій дѣла Дрейфуса — это разоблаченіе еврейской этики и еврейскихъ идеаловъ въ міровой прессѣ. Въ дѣлѣ защиты своего единовѣрца еврейскіе и еврействующие публицисты, безъ сомнѣнія, зашли слишкомъ далеко и, увлеченные чрезмѣрнымъ усердіемъ не по разуму, наивно раскрыли свои карты передъ изумленнымъ міромъ... Дѣйствительно, то, что открылось за громкими словами: «либерализмъ», «прогрессъ», «свобода» и «справедливость», оказалось отсутствіемъ всякихъ принциповъ, полнымъ духовнымъ нигилизмомъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Теперь можно уже констатировать то отвращеніе, которое возбудило въ умахъ честныхъ людей недостойное жонглированье вышеперечисленными великими и святыми принципами, на дѣлѣ совершенно недоступными для еврейской «вумственности»; здѣсь, какъ и въ торговлѣ, эти принципы послужили жидамъ только матеріаломъ для выгодной купли-продажи, а также простымъ надувательскимъ средствомъ для эксплуатаціи наивныхъ «гоевъ» и возведенія себя на высокой пьедесталь.

Какъ нарочно, англо-трансваальская война, — представляющая собой грабительскій набѣгъ на чужую собственность, предпринятый англійскими боксерами-евреями, — еще болѣе отгѣнила настоящій смыслъ дрейфусизма. И здѣсь также пресса силится доказать правоту англійскихъ притязаній и выдвигаетъ впередъ все тѣ же принципы: правды и справедливости. Въ этомъ случаѣ, однако, христіанскіе народы не попали на удочку: общій взрывъ негодованья, пронесшійся надъ Европою грозной бурей, сбавилъ неслыханное нахальство поклонниковъ золотого тельца. Я могу привести ха-

ракетный эпизодъ, иллюстрирующій отношеніе евреевъ къ этой войнѣ. Въ самомъ началѣ войны,—сейчасъ послѣ деклараціи Чемберлена въ палатѣ депутатовъ,—мнѣ пришлось встрѣтить еврейскаго корреспондента, восторженно выразившаго свое поклоненіе передъ Чемберленомъ, котораго онъ называетъ «наслѣдникомъ Гладстона» (?) и гениальнѣйшимъ политикомъ. Нѣсколько недѣль спустя, послѣ первыхъ побѣдъ боэровъ и выраженного прессой всей Европы полнаго неодобренія войны,—мой собесѣдникъ сразу перемѣнилъ тонъ и сталъ уже «либерально» поругивать англичанъ. Теперь же, послѣ англійскихъ побѣдъ и малодушнаго молчанія Европы, онъ опять принялся возвеличивать англичанъ, Чемберлена, и доказывать правоту и благодѣянія этой войны въ пользу «цивилизациі». Вотъ вамъ живой примѣръ тѣхъ перемѣнъ, которымъ подвергаются еврейскія «убѣжденія» въ опѣнкѣ событій. Можно принять за правило, что еврейскій публицистъ руководится единственнымъ принципомъ: быть на сторожѣ и держать носъ по вѣтру. Въ честномъ публицистѣ такая нотка можетъ возбудить развѣ одно омерзенеіе...

Вотъ почему нужно удивляться необъяснимому факту, что всѣ наши русскія газеты почти поголовно вручаютъ судьбу своихъ заграничныхъ свѣдѣній пристрастнымъ перьямъ еврейскихъ «скоропандентовъ», составляющихъ, напр., въ Парижѣ настоящій «жидовскій синдикатъ», направленный противъ всего истинно-русскаго, ядовито искажающій политическія событія выгодною для себя окраской и, подъ охраною званія «русскихъ журналистовъ», проникающій во всѣ сферы, извращая передъ французами истинный характеръ всего происходящаго въ Россіи.

Если же между ними находится случайно русскій корреспондентъ, то онъ, какъ по сговору, изолируется, подвергается навітамъ и настоящему «бойкотированію» и «обструкціи» въ исполненіи своихъ обязанностей.

Извѣстно, напр., что корреспонденту «Новаго Времени» г. Божину, замѣнившему г. Яковлева, едва удалось попасть на процессъ Дрейфуса въ Реннѣ, такъ какъ синдикатъ судебной прессы въ Парижѣ находился въ рукахъ жидовъ, тщательно удалявшихъ изъ залы суда, гдѣ судился знаменитый капитанъ, всѣхъ журналистовъ, подозрѣваемыхъ въ несочувствіи къ герою дрейфусовской эпопеи.

Характерна въ этомъ отношеніи карьера г. Яковлева, нынѣ благополучно помѣщающаго свои корреспонденціи въ другой, вновь возникшей газетѣ, уже успѣвшей зарекомендовать себя безцеремоннымъ увѣреніемъ, что еврейскій вопросъ созданъ-де въ Россіи не антипатією всего народа, а капризомъ высшей власти...

Нужно только удивляться дѣйствительно той изворотливости въ убѣжденіяхъ, какими обладаетъ названный корреспондентъ. Не говоря уже о началѣ его карьеры, діаметрально противоположной послѣдующимъ убѣжде-

ніямъ, ему удалось утвердиться въ «Новомъ Времени», гдѣ въ продолженіе 15 слишкомъ лѣтъ онъ занимался удивительной эквилибристикой, благодаря которой, скрѣпя сердце, сумѣлъ угодить требованіямъ русскаго національнаго органа. Конечно, если ближе приглядѣться къ сути того, что писалъ въ это время г. Яковлевъ, то не откроешь ничего другаго, кромѣ переливанья изъ пустаго въ порожнее, а главное—шитаго бѣлыми нитками восхваленія разныхъ временно власть имущихъ французскихъ дѣятелей, цѣль котораго ясно проглядываетъ изъ-за этого якобы «идейнаго» усердія. Результатомъ такого восхваленія явился фактъ выбора г. Яковлева въ синдикаты иностранной прессы. вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ этого виднаго положенія, значеніе г. Яковлева въ его собственныхъ глазахъ приняло гомерическіе размѣры. Какъ вѣкій Юпитеръ, онъ позволялъ или не позволялъ болѣе скромнымъ собратьямъ входъ въ стѣны парламента, смотря по своему личному усмотрѣнію. Такимъ образомъ, экс-либеральный г. Яковлевъ ввелъ въ нравы свободной прессы чисто бюрократическіе и притомъ совершенно произвольные порядки. вмѣстѣ съ этимъ параллельно росло самомнѣніе корреспондента. Появлялись какія-то «сочиненія» его, на французскомъ языкѣ, которыя, по недостаточному знанію имъ этого языка, подвергались предварительному исправленію профессиональными корректорами. Такимъ образомъ, выплыли на свѣтъ божій воспоминанія о Тургеневѣ, за которыя наврядъ ли великій писатель поблагодарилъ бы своего случайнаго пріятеля-интервьюера. Корреспонденціи свои г. Яковлевъ, въ то же время, превратилъ въ настояція обѣденныя меню, такъ какъ чуть ли не въ каждой изъ нихъ онъ докладывалъ о своихъ гастрономическихъ сеансахъ въ обществѣ министровъ или литературныхъ и политическихъ свѣтилъ. За эти «литературныя» услуги г. Яковлевъ, кромѣ выгоды положенія, получалъ прекрасное жалованье и чуть ли не пенсію.

Наступило дѣло Дрейфуса и въ ту минуту, когда газета ожидала отъ своего корреспондента усиленной работы, г. Яковлевъ съѣжился и завялъ, какъ виноградный листъ, подъ предлогомъ, что убѣжденія (!) его не позволяютъ ему писать объ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, около трехъ лѣтъ онъ оставался только прикомандированнымъ къ «Новому Времени», получая, впрочемъ, жалованье и терпя «за правду».

Это комическое «мученичество», наконецъ, кончилось и г. Яковлевъ отказался отъ пріютившей его газеты.

Какъ человѣкъ «передовой и прогрессивный», онъ опять «сжегъ то, чему поклонялся», и, отрясая прахъ отъ прежней редакціи, побѣдоносно перекочевалъ въ молодую газету, въ которой видитъ, конечно, зарю новыхъ дней...

Дѣйствительно, съ отличительной чертой хамелеона, онъ уже запѣлъ въ юной газеткѣ новыя пѣсни или, вѣрнѣе, давно задержанные противъ

вои извѣстные космополитическіе мотивы. Точно сбросивъ несносный намордникъ, онъ вздохнулъ полной грудью и въ первыхъ же корреспонденціяхъ представился во всей красѣ своего истиннаго облика...

Тотъ, кто нѣсколько знакомъ съ меню желиберальной еврейской кухни, могъ бы заранѣе продиктовать въ этомъ духѣ корреспонденціи о всякой злобѣ дня.

Все, что дорого каждому гражданину, любящему свое отечество; все, что заставляетъ биться сердце того, кто чувствуетъ органическую связь съ родиной и ея прошлымъ; все, что одѣивается и понимается душой и не исчисляется одними деньгами—все это подвергается шуткѣ, а если нѣтъ остроумія, то грубому площадному надѣвательству. Въ дѣлѣ Дрейфуса ли, въ верховномъ ли судѣ противъ Деруледа, въ преслѣдованіи ли религиозныхъ орденовъ, топчутся въ грязь патріотизмъ, религія и армія: все, что такъ ненавистно жидовскому націонализму и вавилонскому талмуду. Вѣковыя вѣрованія, которыми живетъ каждая христіанская нація, ея надежды, ея порядки, все, что утѣшаетъ ее и помогаетъ ей жить,—все это разрушается, пачкается, оплевывается... Подъ перомъ этихъ *журналистовъ* громкія слова: «прогрессъ, свобода, цивилизація, правда и справедливость» принимаютъ образъ какихъ-то дикихъ фурій, какихъ-то разрушительныхъ стихій, призваніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы поколебать вѣковые общественные устои. И еслибы еще эти ветхозавѣтные пророки, дѣйствительно, представляли собой «мучениковъ за идею», безорыстныхъ борцовъ за идеаль, въ погонѣ за которыми они забываютъ о самихъ себѣ... Нѣтъ! это все самые практичныя людишки, въ полномъ смыслѣ «буржуа», прежде всего думающіе о гонорарѣ, о даровомъ мѣстечкѣ въ театрѣ и о выгодномъ помѣщеніи своихъ литературныхъ мастурбацій. Всякая похвала какому нибудь артисту или политическому дѣятелю оплачивается натурой или кушемъ; въ крайнемъ случаѣ—обѣдомъ или иной услугой.

Въ дрейфусистамъ «высокой марки» можно причислить и г. Семенова (alias Семеновскаго), корреспондента еврейскихъ «Новостей». Писанія г. Семенова имѣютъ, впрочемъ, то качество, что они неспособны задерживаться ни въ чьей головѣ и проходятъ безпрятственно сквозь организмъ, какъ доброе слабительное. Если «сочиненія» г. Яковлева могутъ еще кого вѣбуть возмутить, то г. Семеновъ,—что бы онъ ни писалъ,—остается въ разрядѣ «скоропандентовъ», о которыхъ никто не помнитъ, хотя бы ихъ всѣ читали. Какъ говорятъ, г. Семеновъ—человѣкъ замяточный и если ломаетъ копыя «за правду и справедливость», то только для компаніи, а, можетъ быть, изъ дилетантства.

Русскій корреспондентъ московской газеты «Курьеръ» г. Биштокъ—горячій ратникъ за «правду и справедливость», весьма юркій и, можно сказать, всезнающій и вездѣсущій. Его типичное лицо іудейскаго

типа нѣсколько разъ изображалось въ группахъ корреспондентовъ въ процессѣ Дрейфуса. Что пишетъ г. Бинштокъ въ «Курьерѣ», о томъ знаютъ москвичи; но, даже не читавъ его корреспонденцій, можно представить себѣ «духъ» этихъ сообщеній еврейско-московскаго органа.

Такимъ образомъ, кромѣ «Новаго Времени», положительно всѣ наши газеты, не только въ Петербургѣ, но и въ провинціи, обзавелись «спеціальными» еврейскими корреспондентами... Эта статистика любопытна уже потому, что она указываетъ, въ чьихъ рукахъ находится наша пресса... Крайне ошибочно думать, что корреспондентъ является какимъ-то автоматическимъ инструментомъ, сообщающимъ только о томъ или другомъ фактѣ. Всякій общественный фактъ освѣщается различнымъ образомъ. Очень часто тотъ или другой фактъ, въ политической или общественной жизни, происходитъ прямо вразрѣзъ общественному мнѣнію. Объяснить это читателю — составляетъ обязанность корреспондента. Но если онъ находитъ это невыгоднымъ для своихъ гешефтовъ, то онъ «замалчиваетъ» фактъ. Это и составляетъ главную характеристику еврейскихъ корреспонденцій, какъ и вообще всей еврейской прессы, о чемъ нерѣдко говорилъ уже «Наблюдатель». Трудно себѣ представить, до какихъ тонкостей доходятъ эти господа въ проведеніи своихъ симпатій и въ достиженіи своихъ особенныхъ цѣлей.

Съ шумомъ и трескомъ, — словомъ, съ полнымъ хоромъ всѣхъ «іери хонскихъ трубъ», — начинается корреспонденція о «великомъ принципѣ народнаго представительства», или о «святости призванія ученаго», или о «благѣ народномъ», а затѣмъ начинается детальное изложеніе того или другаго конкретнаго случая. Вдругъ подвергается имя непременно кончающееся на—зонъ, или вообще взятое изъ ботанической или минеральной лексикологии, и этотъ «зонъ», обвиняемый въ какомъ нибудь мошенническомъ или иномъ некрасивомъ проступкѣ, оказывается пострадавшимъ за «правду и справедливость». Въ итогѣ вся корреспонденція написана для «объленія» или прославленія своего единовѣрца. При этомъ все, что могло бы повредить общему впечатлѣнію, безцеремонно выкидывается изъ корреспонденціи и читатель имѣетъ передъ глазами біографію генія или праведника, о которомъ до сего времени никто не слыхалъ, но о которомъ «завтра заговоритъ вся Европа и Америка». Корреспонденція большею частью проглатывается читателемъ безъ всякой критики и онъ развѣ только замѣтитъ про себя: «вотъ, подите-же, опять выдающійся страдалецъ—и все жидъ». Что и требовалось доказать! Но читатель, который внимательно прочтетъ такую «скоропанденцію» и раскинетъ немножко умомъ: для чего она писалась, да сравнитъ достигнутый результатъ со средствами, на него употребленными, не можетъ не возмутиться или не расхохотаться. Онъ замѣтитъ, въ чемъ заключается фокусъ этихъ писаній, и за громкими фразами усмотритъ чисто *ремесленный на-*

смыслъ, благодаря которому эти фразы склеиваются вмѣстѣ для пущаго эффекта.

Другая особенность этихъ корреспонденцій — ихъ отдаленность отъ дѣйствительной жизни. Въ нихъ нѣтъ ни сердца, ни души, которыя замѣняются бездарнымъ сарказмомъ («жидовскимъ хихиканьемъ» надъ лежащимъ) и потугами на великодушіе. Безъ мѣры хвалятся только дѣятели-юдофилы. Но только что этотъ дѣятель исчезъ въ политическомъ водоворотѣ, онъ уже втаптывается въ грязь и новый кумирь, также съ жидовскимъ обликомъ, возводится на пьедесталь.

Говорятъ, что въ англійской, французской и германской прессѣ корреспонденты также евреи. Это отчасти вѣрно, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ у насъ. Эти страны не такъ «оболванены», какъ мы, сладостью еврейскихъ запѣваній. А главное: общественное развитіе, будучи гораздо выше нашего, никогда не позволитъ редактору газеты идти на буксиръ еврейскаго космополитизма. Корреспондентъ не можетъ не пѣть подъ лудку редакціи; а газета, чтобы существовать, не можетъ не быть національной. Я говорю, главнымъ образомъ, объ Англии и Германіи. Да и во Франціи, если есть газеты пресмыкающіяся и космополитическія, то есть и такія, какъ напр., «Libre Parole», «Intransigeant», «Patrie», которыя на своихъ столбцахъ вознаграждаютъ полностью за все то, что чинилось въ «Aurore», «Siècle» и другихъ газетахъ. Общественное сознание заставляетъ евреевъ хотя до нѣкоторой степени, быть націоналистами — и вотъ почему еврейское ярмо тамъ все же легче, чѣмъ у насъ. Оберегая русское населеніе отъ еврейскаго плѣна «чертою осѣлости», наше правительство вполне сознаетъ эту особенность нашего положенія. Въ сожалѣнію, черезъ эту черту осѣлости слишкомъ легко проскакивали въ послѣднее время болѣе юркіе сыны израиля. Что касается нашей прессы, то они совѣтъ ее заполонили...

N.

Парижъ. 10 авг. (нов. ст.).

II.

Ожидовленный Кіевъ.

Больно, грустно и тяжело сознаться, что Кіевъ, — *мать городовъ русскихъ*, — въ настоящее время совершенно ожидавленъ и находится въ цѣпкихъ рукахъ этого, якобы «гонимаго», іудейскаго племени. Тяжело, очень тяжело для истинно русскаго человѣка признать фактъ ожидавленія Кіева, такъ гордо называемаго во всѣхъ хрестоматіяхъ и учебникахъ «колыбелью христіанства» на Руси! Однако волей-неволей приходится убѣждаться, что мы, русскіе, все еще стыдимся признать свое національное

достоинство и отдаемъ себя на посмѣшище и на поруганіе жидовскаго кагала. Число жидовъ въ Кіевѣ съ каждымъ днемъ все возрастаетъ и возрастаетъ. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, евреевъ въ нашемъ городѣ насчитывается уже до 30 тысячъ!!

Особенно много жидовъ живетъ въ предмѣстьѣ Деміевка, на Подолѣ (здѣсь вся торговля находится въ рукахъ жидовъ) и затѣмъ въ селеніи Никольская слободка, на лѣвомъ берегу Днѣпра (за Цѣпнымъ мостомъ). Всякій пріѣзжающій въ Кіевъ диву дается: откуда взялось столько жидовъ? Въ Одессѣ и Вильнѣ масса сыновъ Израиля, но и въ Кіевѣ ихъ немало. Стоитъ только выйти на любую изъ улицъ нашего города, какъ вы сейчасъ же натолкнетесь на жидовскіе магазины и увидите цѣлыя скопища евреевъ, снующихъ возлѣ биржи ¹⁾).

А на Александровской улицѣ, на Подолѣ, все рѣшительно магазины принадлежатъ жидамъ, которые хозяйничаютъ здѣсь въ полномъ смыслѣ слова: надуваютъ, обмѣриваютъ и обвѣшиваютъ ненавистныхъ имъ «гоевъ». Все частныя банки, банкирскія и мѣняльныя конторы, все акціонерныя и иныя имъ подобныя предпріятія, все торговые дома, все ремесленныя учрежденія—находятся подъ непосредственною властью жидовъ. Для того чтобы жить въ Кіевѣ, многіе жида (даже съ университетскимъ образованіемъ) зачисляются въ списки кровельщиковъ, токарей, стекольщиковъ и т. п. Полиція устраиваетъ облавы по квартирамъ евреевъ съ цѣлью проверки документовъ, но, къ сожалѣнію, мѣра эта не приводитъ къ желаемымъ результатамъ. Жида ухитряются надувать даже полицію.

Большинство врачей въ Кіевѣ—жида и не стѣсняются рекламировать себя самымъ нахальнымъ образомъ. Къ великому удивленію, надо сказать, что мѣстное общество врачей не допускало до сихъ поръ въ свою среду коллегъ-евреевъ. Чѣмъ объяснить ихъ появленіе?—трудно сказать! Особенно много въ Кіевѣ жидовъ-дантистовъ. Въ прошломъ году, въ университетѣ св. Владиміра было выдано 219 свидѣтельствъ на званіе дантистовъ. Мы просматривали фамиліи и—увы!—ни одной русской: жидовскія, жидовскія и жидовскія...

Какъ ни странно, а, между тѣмъ, жида пролѣзли даже въ профессуру. По крайней мѣрѣ, въ нашемъ университетѣ числится приватъ-доцентомъ нѣкій «молодой ученый», принявшій православіе, а ранѣе заявлявшій себя самымъ преданнымъ сыномъ Израиля. Среди студентовъ большимъ вліяніемъ пользуются опять таки жида, которые пускаются въ комерцію, излавая лекціи и наживая на этомъ гешефтмахерствѣ большія деньги. Въ театральномъ мірѣ тоже первенствуютъ жида. По крайней мѣрѣ, почти вся «русская» драматическая труппа Н. Н. Соловцова состоитъ (за рѣдкимъ исключеніемъ) изъ жидовъ-артистовъ. Для того чтобы не

¹⁾ По распоряженію генералъ-губернатора, эта еврейская толкотня на людныхъ мѣстахъ формально воспрещена полицейскимъ порядкомъ.

быть голословнымъ, приведу ихъ фамиліи — спеняческія и настоящія. Вотъ они: Степановъ (Ашкинази), Леонидовъ (Вольфензонъ), Крамской (Гешихтеръ), Багровъ (Топоръ), Гриневъ (Каменичный); затѣмъ идутъ Глѣбова, Кондорова и др. Все это или жиловки или выкрестки!

Блюстителеми женскихъ гимназій тоже состоятъ жида. Такъ напр., Гершко Розенбергъ числится блюстителемъ женской фундуклеевской гимназіи. Существуетъ у насъ литературно-художественное общество и оно большею частью заполнено жидами, которые здѣсь получаютъ должности... казначеевъ.

Періодическая печать—тоже въ рукахъ жидовъ. Въ Кіевѣ издаются три газеты: «Кіевлянинъ», «Кіевское Слово» и «Кіевская Газета». Всѣ онѣ, конечно, насквозь пропитаны чеснокомъ, и если имѣютъ во главѣ русскихъ редакторовъ, то, разумѣется, для ширмы и проформы. Даже «Кіевлянинъ»—старѣйшая газета—и та на сторонѣ якобы «гонимаго» израиля. По крайней мѣрѣ, когда въ «Наблюдателѣ» появилась корреспонденція изъ Кіева о томъ, что въ опекуны надъ русскимъ семействомъ назначенъ жидъ, то «Кіевлянинъ» счелъ нужнымъ доказывать, что въ указанномъ фактѣ *нѣтъ ничего возмутительнаго, ибо зачастую евреи бываютъ гораздо лучше русскихъ*. Ну, а еслибы христіанинъ назначили опекуномъ надъ еврейскимъ семействомъ? Какую пѣсню запѣли бы тогда жида?! Въ «Кіевскомъ Словѣ» тоже возсѣдаютъ жидки-«пышатели», которые проводятъ свои спеціальныя свзгляды... Съ нѣкоторыхъ поръ, въ этой газетѣ сталъ писать «злободневные» фельетоны «старикъ» (настоящее имя сего *пышателя*—Сруль Миркинъ). Раньше онъ подписывался псевдонимами: «Наблюдатель» (?!) «С. Лидинъ», «Мефистофель» и всячески старался выгораживать жидовъ и воспѣвать имъ днѣирамбы.

Теперь же Сруль Миркинъ (бывшій аптекарскій помощникъ) измѣнилъ свое направленіе и сталъ писать—*horribile dictu!*—противъ жидовъ. Чѣмъ объяснить подобное поведеніе фельетониста,—трудно себѣ объяснить. Мнѣ кажется, что черезъ нѣсколько времени Сруль Миркинъ снова перейдетъ на сторону евреевъ. «Нѣжное къ нѣжному». Развѣ для такихъ «стариковъ» составляеть особенный трудъ—мѣнять убѣжденія!!

«Кіевская Газета» существуетъ всего первый годъ и хотя еще не успѣла совсѣмъ оживиться, но не избѣгнетъ сей участи, ибо ее издаетъ антрепренеръ драматическаго театра Н. Н. Соловцовъ, хотя самъ русскій человѣкъ, но зато весьма уважающій жидовъ и уже находящійся въ ихъ лапахъ. Заправилою у Соловцова состоитъ жидъ, который, собственно говоря, ведетъ всѣ финансовыя дѣла кіевского антрепренера и издателя «Кіевской Газеты». Существовала у насъ еще газета «Жизнь и Искусство», издававшаяся жидами-капиталистами: Лазаремъ Бродскимъ, а потомъ Янкелемъ Розенбергомъ, которые не жалѣли денегъ, лишь бы проводить свои идеи и всячески глумиться надъ ненавистными имъ «гоями»

Пока сіи жида давали деньги, «Жизнь и Искусство» издавалась, но вотъ редакторъ-издатель М. Е. Краинскій не поладилъ съ жидами—тѣ прекратили давать субсидію. «Жизнь» такимъ образомъ была предоставлена собственнымъ силамъ, но не выдержала и... «смертью прекратила животь свой». И такъ вездѣ! Странно, однако, слышать отъ русскихъ людей мнѣніе, будто бы жить безъ жидовъ невозможно?

Такъ ли это?! Не пора ли намъ очнуться отъ этого кошмара? Русскіе люди давно уже могли познать ту истину, что жида никакой пользы не приносятъ и не могутъ принести, такъ какъ они заботятся лишь о набиваніи собственного кармана, а до народнаго блага имъ нѣтъ никакого дѣла.

Насколько жида ненавидятъ «Наблюдатель», можно судить изъ того, что въ рѣдкихъ библіотекахъ его можно достать.

Однажды я несъ книгу «Наблюдателя». Встрѣчаетъ меня на дорогѣ «интеллигентный» жидъ.—Что это вы несете?—спрашиваетъ овъ.—«Наблюдатель»,—отвѣчаю я.

Интеллигентный жидъ такъ и шарахнулся отъ меня въ сторону, точно я показалъ ему скорпіона.

— Какъ! Вы образованный цаловѣкъ и вдругъ читаете такого зурнала! Такъ знайте же, что гашпадинъ Пятковскій — самый ненавистный цаловѣкъ!! Стидно, стыдно читать «Наблюдатель». Наси никогда и въ руки не берутъ такого изданія.

Такъ разсуждалъ интеллигентный жидъ о «Наблюдателѣ». Сколько ни приходилось мнѣ послѣ этого бесѣдовать съ жидами—все они держались того же самаго мнѣнія о нашемъ журналѣ.

Насколько жида ненавидятъ «гоевъ», настолько же и «гон» отвѣчаютъ имъ взаимностью. «Коею мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ».

Иллюстраціей этого можетъ служить слѣдующій фактъ. Какъ-то разъ по Крещатику шелъ разнощикъ и продавалъ литографированные портреты Дрейфуса.

— Купите, господа, знаменитаго (!) Дрейфуса!—Бъ разнощику подошелъ молодой человекъ.

— Покажи-ка мнѣ твоего жиды Дрейфуса,—сказалъ онъ.

Разнощикъ вынулъ изъ портфеля портретъ. Молодой человекъ вертѣлъ-вертѣлъ портретъ Дрейфуса въ рукахъ, а затѣмъ взялъ да и плюнулъ ему въ лицо.

— Что вы, баринъ, дѣлаете?—заоралъ разнощикъ.—Вы мнѣ испачкали портретъ!

— А, — сказалъ молодой человекъ, — испачкалъ? Хорошо! Сколько стѣнитъ эта рожа?

— 30 копѣекъ.

— На тебѣ 60, — сказалъ онъ и съ этими словами еще разъ плю-

*

нулъ въ изображеніе «знаменитаго» капитана. Жиды, бывшіе свидѣтелями этой сцены, возмущались поведеніемъ молодаго юдофоба и послали по его адресу проклятій и ругательства.,.

—Ъ.

III.

Письма издадека ¹⁾.

Появляясь впервые на страницахъ «Наблюдателя», считаю не лишнимъ прежде всего предварить читателей, что я не состою пока ни въ одной изъ мѣстныхъ партій, которыхъ и въ странѣ каторги и ссылки имѣется порядочное количество, и не числюсь членомъ ни одного изъ многихъ «обществъ», ученыхъ и неученыхъ, а потому могу относиться вполне безпристрастно къ совершающимся вокругъ меня событіямъ; во вторыхъ, заявляю, что до сѣдыхъ волосъ я не былъ причастенъ къ литературѣ и во всю свою жизнь послалъ всего одну корреспонденцію въ редакцію когда-то очень для меня симпатичнаго органа, куда затѣмъ далъ себѣ слово никогда больше не корреспондировать, какъ потому, что редакція въ тотъ разъ слишкомъ безцеремонно обошлась съ моимъ первенцомъ.—изъ котораго вмѣсто херувима, какимъ онъ представлялся его созлателью, вышелъ какой-то несчастный уродецъ съ обрубленными руками и ногами и съ приплюснутой головой,—такъ и оттого, что помянутый органъ, еще очень недавно такой живой и отзывчивый, за послѣднее время до того потускнѣлъ и выдохся, что ни единымъ словомъ не

¹⁾ Эту корреспонденцію мы получили при слѣдующемъ письмѣ:

Милостивый Государь Александръ Петровичъ.

Лѣтъ 25 тому назадъ, судьба забросила меня въ Царство польское, куда я попалъ на службу совсемъ молодымъ человѣкомъ и гдѣ изъ яраго сторонника равноправности, во чтобы то ни стало, всѣхъ племенъ и языковъ русскаго царства обратился въ убѣжденнаго противника жидовства:—слишкомъ ужъ близко и часто приходилось наблюдать тотъ громадный вредъ, который жиды приносятъ человѣчеству. Теперь я совершенно раздѣляю взглядъ редакціи «Наблюдателя» на еврейскій вопросъ и потому, рѣшившись заняться корреспондированіемъ, остановилъ свой выборъ на Вашемъ журналѣ, тѣмъ болѣе, что и Сибирь, не входящая въ «черту еврейской осѣлости», кишмя-кишитъ жидами, которые попали сюда преимущественно не по доброй волѣ и, благодаря присутствію имъ ловкости, пронырливости, неразборчивости въ средствахъ къ достиженію цѣли, а—главное—благодаря нажитымъ капиталамъ и принятію многими изъ нихъ христіанства, забрали здѣсь значительную силу.

Если, прочитавши прилагаемую корреспонденцію, Вы признаете ее интересною для «Наблюдателя», то не откажитесь помѣстить на страницахъ Вашего журнала въ полномъ или сокращенномъ видѣ.

обмолвливается по жизненнымъ и глубоко затрогивающимъ интересы общества вопросамъ, какъ, напр., вопросъ еврейскій; въ-третьихъ, наконецъ, могу увѣрить, что я не принадлежу къ числу сильно расплодившихся здѣсь жидовъ и «жидовствующихъ» (чѣмъ и объясняется мой псевдонимъ). Не имѣя ровно ничего противъ племени евреевъ, изъ котораго вышли Берне, Гейне и Лассаль, и въ которомъ и теперь встрѣчаются (съ сожалѣнію, не особенно часто) свѣтлыя и гуманныя личности, — я глубоко ненавижу «жидовство» съ присущими ему нахальствомъ, пристрастіемъ ко внѣшнимъ благамъ и неразборчивостью въ выборѣ средствъ для ихъ достиженія, съ его, вообще, матеріализмомъ въ самомъ узкомъ и подломъ значеніи этого слова.

Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, приступаю къ корреспонденціи.

Въ Иркутскѣ мнѣ пришлось вѣхъать зимою, въ холодное декабрьское утро. Морозъ доходилъ до 30 градусовъ. Поѣздъ только что миновалъ длинный деревянный мостъ, переброшенный черезъ давно уже покрытую льдомъ рѣку Иркутъ, и медленно поползъ по берегу Ангары. Свистокъ, звонокъ—и онъ останавливается у небольшой каменной станціи, построенной при самой рѣкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, у подошвы невысокой горы. «Иркутскъ!»—возглашаютъ кондуктора, двери открываются, и изъ теплыхъ вагоновъ выходятъ на морозный воздухъ пассажиры, одѣтые въ пальто, шубы, рогонды, дохи или закутанные въ лохмотья. Гдѣ же городъ? — Вопросъ этотъ задаютъ многіе, въ первый разъ пріѣзжающіе сюда. Очутившись (черезъ двери на противоположной сторонѣ станціи) на улицѣ, прибывшій видитъ предъ собою покрытыя снѣгомъ и окутанныя густымъ туманомъ горы. «Городъ—на другой сторонѣ Ангары»,—объясняютъ знающіе. Пріѣзжій оборачивается, но не видитъ ни рѣки, ни города: предъ нимъ и за нимъ, направо и налѣво, лишь плотная стѣна тумана, черезъ которую едва замѣтна спина нанятаго извозчика. Но вотъ проглянуло солнце, туманъ разсѣялся, и предъ взоромъ изумленнаго пассажира, ѣдущаго черезъ деревянный понтонный мостъ, разстилается широкая рѣка, а на ней пароходъ съ двумя баржами, разсѣвающій зеленоватыя прозрачныя волны. Какъ же это такъ? Поѣздъ только что перѣхалъ черезъ закованный въ ледъ Иркутъ, а тутъ—баржи и пароходъ. Дѣло въ томъ, что Ангара, благодаря быстрому теченію, замерзаетъ обыкновенно въ концѣ года, а часто и въ январѣ, а потому навигація на ней прекращается лишь въ декабрѣ, когда земля давно уже покоится подъ бѣлымъ саваномъ, давно уже трещать лютые морозы и давно всѣ сибирскія рѣки покрыты толстымъ слоемъ льда. По другую сторону рѣки, сейчасъ же за мостомъ, раскинулся Иркутскъ. Ярко горятъ подъ лучами солнца главы многочисленныхъ церквей, бѣлѣтъ по набережной рядъ каменныхъ домовъ и видѣются, покрытыя снѣгомъ, довольно правильныя улицы и обширныя площади. Вообще въ ясный зимній день го-

родъ со своими широкими улицами, большими площадями и съ нѣсколькими красивыми сооруже́ніями,—изъ которыхъ особенно выдаются: соборъ, лежащее противъ него промышленное училище, въ здании котораго не стыдно было бы помѣститься и университету, горное училище, дума, театръ, музей, только что отстроенное отдѣленіе Государственнаго банка и нѣсколько частныхъ домовъ,—производитъ довольно благопріятное впечатлѣніе, не смотря на преобладаніе деревянныхъ одноэтажныхъ и двухъэтажныхъ построекъ, на безконечно длинныя между ними деревянные заборы и на деревянные же, по сторонамъ улицъ, тротуары. Увы! это лишь въ свѣтлый зимній день, когда улицы покрыты бѣлою пеленою снѣга. Не то бываетъ весною, лѣтомъ и осенью. Въ городѣ нѣтъ ни одной мощеной улицы, ни одной мощеной площади, и потому въ сухое время стоитъ тучами пыль, а въ дождливое — непролазная грязь, изъ которой мѣстами торчатъ хвостъ, уши и лапы часто валяющихся на улицахъ и площадяхъ труповъ кошекъ или собакъ, погибшихъ отъ разныхъ причинъ, или завязшія калоши отважныхъ пѣшеходовъ. Такіе милье порядки послужили какъ-то хроникеру мѣстной газеты матеріаломъ для довольно остроумной замѣтки, озаглавленной «Слухи» и гласящей, между прочимъ ¹⁾:

«Благодаря обильно перепадавшимъ за послѣднее время дождямъ, улицы города превратились въ сплошныя болота, на которыхъ появились кулики и не рѣдкость встрѣтить дикую утку. Въ виду этого, въ публику былъ пущенъ слухъ, что будто охотники во множествѣ появились на улицахъ города и производятъ на нихъ стрѣльбу... Дума хорошо сдѣлаетъ, если соберетъ особую комисію, поручивъ ей выработать проектъ правильной охоты на улицахъ; можно будетъ разбить городъ на охотничьи участки, — и мѣста, обильныя дичью, какъ, напр., Большая улица и всѣ Солдатскія, сдавать въ аренду дороже, чѣмъ, напр., Петрушину гору, гдѣ попадаются одни бекасы, да и то рѣдко... Далѣе сообщаемъ о возникновеніи въ Иркутскѣ еще одного крупнаго дѣла: какой-то предприимчивый англичанинъ, на дняхъ пріѣхавшій въ городъ, желаетъ заняться на улицахъ розысками и добываніемъ обывательскихъ калошъ, увязнувшихъ въ грязи. Въ успѣхъ предпріятія онъ увѣренъ. Общество это будетъ устроено на акціяхъ, располагаетъ массой агентовъ и однимъ, спеціально приглашеннымъ для этой цѣли, водолазомъ».

Это, положимъ, *слухи*, но вотъ дѣйствительный фактъ, рассказанный въ томъ же номерѣ газеты:

«На 5-ой Солдатской улицѣ два гимназиста, шедшіе на дняхъ въ гимназію, увязли въ грязи и ихъ вытаскивали извозчики. Тамъ же одинъ господинъ, силясь вытащить изъ грязи ногу, выдернулъ ее изъ... са

¹⁾ «Восточное Обозрѣніе», № 210 за 1899 г.

пога и, сдѣлавъ нѣсколько антраша съ однимъ чулкомъ, кое-какъ добылъ сапогъ».

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно! Анти-санитарное состояніе города, расположеннаго въ мѣстности съ хорошимъ климатомъ, плохо отзывается на здоровьѣ его обитателей, почему болѣзненность и смертность между послѣдними, особенно весной и осенью очень велики. Если къ изложенному прибавить грязь во дворахъ и квартирахъ, спускъ нечистотъ и свалку навоза въ Ангару, скудное керосиновое освѣщеніе (исключеніе составляютъ нѣсколько магазиновъ и двѣ гостиницы, освѣщаемыя электричествомъ) и невозможное состояніе деревянныхъ тротуаровъ, на которыхъ въ темную ночь легко вывихнуть или даже сломать себѣ ноги,—то о внѣшней фizioноміи «столицы Сибири» будетъ, кажется, сказано достаточно, и можно перейти къ обзорѣню болѣе интересной внутренней стороны здѣшной жизни.

Въ Иркутскѣ издается—кромѣ официальныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей» — частная ежедневная газета; имѣются: отдѣлъ Географическаго общества съ прекраснымъ музеемъ, въ аданіи котораго изрѣдка читаются публичныя лекціи, общество пособія переселенцамъ, общество врачей, общество по устройству народныхъ чтеній (иногда съ туманными картинами, музыкою и пѣніемъ), общество попеченія о начальномъ образованіи общества вспомошествованія учащимъ и учившимъ въ иркутской губерніи, общество для оказанія пособія учащимся въ Сибири, музыкально-драматическое общество, мужская и женская гимназіи, женская прогимназія женскій институтъ, промышленное училище, горное училище, духовная семинарія, учительская семинарія, юнкерское училище, подготовительная къ кадетскому корпусу школа, нѣсколько городскихъ и начальныхъ училищъ, нѣсколько библиотекъ, изъ которыхъ лучшая — городская, театръ съ драматической и оперной труппами.

Изъ этого еще неполнаго перечня каждый вправѣ вывести заключеніе, что умственная жизнь въ Иркутскѣ бьетъ ключемъ. Она и бьетъ, пожалуй, ключемъ, только... только изъ ключа-то не всегда вытекаетъ свѣтлая и прозрачная, какъ кристаллъ, вода, а очень часто сочитается мутная, грязная жидкость, и большая часть учреждений, служащихъ признакомъ культурности, въ Иркутскѣ, — какъ и въ другихъ городахъ и всякъ нашихъ—носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то случайности, оторванности отъ дѣйствительности, чего-то искусственнаго, не вызваннаго потребностями самой жизни. Общая же картина этой жизни поражаетъ наблюдателя своею отсталостью, тьмою и дикостью... Правъ ли я въ этомъ отношеніи, или нѣтъ,—читатель увидитъ изъ слѣдующихъ моихъ корреспонденцій; теперь же позволю себѣ: 1) сказать пару словъ о волнующемъ весь городъ, начиная съ интеллигенціи и кончая неграмотнымъ просто народьемъ, «китайскомъ вопросѣ» и 2) описать, подъ свѣжимъ впечатлѣ-

ниемъ только что совершенной поѣздки на Байкаль переѣздъ чрезъ это чуть ли не величайшее въ мірѣ прѣсное озеро.

Впрочемъ, китайскій вопросъ, также какъ и сама Небесная имперія, настолько обширенъ и сложенъ, что о происходящихъ теперь въ Среднемъ царствѣ событіяхъ слѣдуетъ (какъ о мертвыхъ: *aut bene aut nihil*) или ничего не говорить или сказать очень много, и потому отмѣчу лишь, что вспыхнувшее въ сосѣдней имперіи волненіе, принявшее столь широкіе размѣры, возбудило въ интеллигентныхъ слояхъ крайнее изумленіе и упреки въ недалновидности по адресу европейской дипломатіи, проморганшей такое серьезное движеніе, а въ простонародѣ—озлобленіе къ проживающимъ здѣсь въ изобиліи и смущеннымъ сынамъ Небесной имперіи, закрывшимъ всѣ свои лавки и выселяющимся изъ города на родину. Кромѣ того, у насъ ходитъ масса злобѣщихъ слуховъ, въ родѣ взятія китайцами Благовѣщенска, избѣженія христіанъ въ Бяктѣ и появленія «Большихъ кулаковъ» чуть ли не въ окрестностяхъ Иркутска... Нѣсколько дней тому назадъ, часть квартирующаго здѣсь батальона неожиданно была куда-то отправлена изъ города ночью, и на слѣдующее же утро стали говорить, что китайцы подбираются къ Байкалу съ цѣлю овладѣть ледоколомъ и желѣзною дорогою и тѣмъ затруднить полвозку войскъ на Амуръ.

Не столько для провѣрки этихъ совершенно невѣроятныхъ слуховъ, сколько для осмотра ледокола, на спускѣ котораго мнѣ пришлось присутствовать ровно годъ тому назадъ и на которомъ я рассчитывалъ переѣхать чрезъ Байкаль, отправился я на «Святое море». Но, увы! расчетъ мой не оправдался: съ 8-го іюля, по случаю перевозки войскъ, прекращенъ приемъ пассажировъ на ледоколъ, и переѣздъ пришлось совершить на частномъ пароходѣ.

На Байкаль можно попасть тремя путями: во-первыхъ, по желѣзной дорогѣ; во-вторыхъ, на лошадяхъ и, въ-третьихъ, на пароходѣ. Пассажирскіе поѣзда отправляются съ недавняго времени ежедневно и—какъ это дѣлается у насъ сплошь и рядомъ—въ самое неудобное для публики время: въ 12 часовъ 15 минутъ ночи, а прибываютъ въ Баранчики,—лежащій уже на Байкаль конечный пунктъ желѣзнодорожной вѣтки длиной въ 60 верстъ,—въ 2 часа 55 минутъ ночи. Такимъ образомъ, пропадаетъ цѣлая ночь, особенно если принять во вниманіе, что опаздываніе составляетъ хроническое явленіе сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ, что вагоны обыкновенно бываютъ биткомъ набиты пассажирами и что станціи чрезвычайно тѣсны, такъ что весьма часто не только прилечь, но и присѣсть рѣшительно невозможно. Поѣздка на лошадяхъ, не говоря объ ея дороговизнѣ, тоже не представляетъ большихъ удобствъ, особенно на перекладныхъ и въ жаркій лѣтній день. Вотъ причины, по которымъ я предпочелъ третій путь, благо на дняхъ установлены пароходствомъ Нѣм-

чинова правильные рейсы по Ангарѣ и чрезъ Байкаль, съ отходомъ пароходовъ изъ Иркутска три раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, средаммъ и пятницаммъ. Въ послѣднюю среду, 19 іюля, я усѣлся на «Сибиряка», отвалившаго отъ пристани ровно въ 9 часовъ утра, съ акуратностью рѣдкою для нѣмчиновскихъ пароходовъ, прославившихся своею неисправностью. День выдался чудесный: небо совершенно безоблачно, нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка и зеркальную поверхность Ангары бороздятъ лишь волны, поднимающіяся отъ вращенія пароводныхъ колесъ. «Сибирякъ» медленно ползетъ противъ быстрого теченія, то придерживаясь праваго берега, то по среднѣмъ рѣки, лавируя между безчисленными островами и островками, покрытыми мелкимъ кустарникомъ и поблекшею зеленью; то, наконецъ, около лѣваго берега, параллельно съ вьющеюся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ рѣки желѣзною дорогою. Послѣдняя почти все время идетъ по самому берегу стремительной Ангары, у подошвы невысокихъ горъ, то одѣтыхъ отъ основанія до вершины густымъ лѣсомъ и лиловыми цвѣтами, то совершенно голыхъ и каменистыхъ... Часовъ около шести вечера, горы какъ будто обрываются, и взорамъ открывается огромная водная поверхность. Это—Байкаль, изъ котораго вытекаетъ красавица Ангара и за которыми синѣютъ гряды довольно высокихъ зубчатыхъ горъ. Гладкая поверхность озера походить на зеленовато-синее прозрачное стекло, чрезъ которое, на глубинѣ даже нѣсколькихъ саженой, ясно видно дно. Пароходъ пристаеетъ сначала къ растянувшемуся по самому берегу Байкала, — тоже у подошвы лѣсистой невысокой горы, — селу Лиственничному; а затѣмъ, по заходѣ солнца, перевозитъ пассажировъ на противоположную сторону, къ желѣзнодорожной станціи «Баранчики» («Байкаль» тожь). Здѣсь ожидаетъ другой нѣмчиновскій же пароходъ морской конструкціи «Теодосій», весь залитый электрическимъ свѣтомъ и въ тихую темную ночь представляющій довольно эффектное зрѣлище. Каюты его, особенно I класса, отдѣланы даже съ нѣкоторою роскошью; но, расположившись на ночь въ одной изъ нихъ, мнѣ пришлось убѣдиться, что сибирскія грязь и нечистоплотность, — въ видѣ замѣчательно крупныхъ блохъ, положительно осѣпающихъ пассажира, — отлично мирятся и съ роскошью, и съ электрическимъ свѣтомъ. Утромъ, чуть свѣтъ, «Теодосій», принявъ прибывшихъ съ поѣздомъ изъ Иркутска офицеровъ и военныхъ докторовъ, влущихъ на Амуръ, отвалилъ отъ Баранчиковъ и пошелъ на перерѣзъ Байкала. Поднялся незначительный вѣтерокъ, по озеру пошли «бѣляки» и нѣкоторыхъ изъ пассажировъ начало «мутить». Самый переѣздъ не представляетъ ничего интереснаго: сначала замѣтны подернутыя туманомъ прабрежныя возвышенности, а затѣмъ, кромѣ сѣрыхъ чаекъ, сѣраго на этотъ разъ неба да сѣрыхъ же съ бѣлыми гребнями волнъ, ровно ничего не видно, пока часа черезъ четыре снова не вырисовываются горы, тянущіяся по другому берегу Байкала. Пароходъ пристаеетъ къ Мысовой, около

знаменитаго «ковша», всё бока котораго, обитые деревянными щитами, поломаны ледоколомъ, съ трудомъ—особенно въ бурную погоду—попадающимъ въ неудобно расположенную вилку и безпрестанно тыкающимся въ нее носомъ...

Виновникъ же такого разрушенія, ледоколъ «Байкаль», какъ разъ стоитъ въ узкомъ «ковшѣ» и собирается чрезъ четверть часа уходить въ Баранчичи, почему пришлось ограничиться только самымъ поверхностнымъ его осмотромъ. Это—громадный, длиною свыше 40 и шириною болѣе 8 саженьей, четырехтрубный пароходъ съ машинами въ 3,750 индикаторныхъ силъ, съ водоизмѣщеніемъ въ 3,470 тоннъ и съ приспособленіями для ломки и рѣзки самаго плотнаго льда. На нижней палубѣ ледокола уложены рельсы. Приближаясь къ берегу, «Байкаль» упирается ими въ рядъ проложенныхъ на молъ рельсовъ, которые временно скрѣпляются съ пароходными рельсами и по которымъ локомотивъ подаетъ и выводитъ съ ледокола вагоны, чтобы доставить ихъ на желѣзнодорожную станцію, лежащую въ верстѣ отъ пристани. Надъ «вагоннымъ» отдѣленіемъ устроены каюты: въ носовой части — царскія комнаты и каюты I класса, отдѣланныя почти съ такою же роскошью, какъ и царскія, а въ задней — каюты 2-го и 3-го классовъ и, наконецъ, верхняя палуба представляетъ площадку для пребыванія и прогулки пассажировъ, не желающихъ сидѣть въ каютахъ. Кромѣ описаннаго гиганта, предназначеннаго для перевозки чрезъ «Святое море» цѣлыхъ поѣздовъ, въ настоящее время достраивается въ Лиственничномъ второй ледоколъ «Ангара» по тому же типу, какъ и «Байкаль», но значительно меньшихъ размѣровъ и безъ приспособленія для перевозки вагоновъ. Говорятъ, что къ концу текущаго мѣсяца «Ангара» будетъ совершенно готова и тотчасъ послѣ спуска на воду начнетъ совершать рейсы по Байкалу.

Зловѣщіе слухи о паденіи Благовѣщенка и о появленіи китайскихъ мятежниковъ въ Бялтѣ и окрестностяхъ Иркутска, разумѣется, не подтвердились. Правда, часть внезапно отправленнаго изъ Иркутска отряда расположилась лагеремъ въ Массовой, на берегу Байкала, гдѣ по паркету, ведущему къ пристани ледокола, постоянно разгуливаетъ часовой, и правда, что китайцы продолжаютъ обстрѣливать Благовѣщенскъ, не встрѣчая съ нашей стороны серьезнаго отпора, за невозможностью переправить (по недостатку перевозочныхъ средствъ) значительное войско на китайскую сторону Амура...

Обратный путь черезъ Байкаль пришлось совершить на другомъ нѣмчиновскомъ, но уже совершенно не комфортабельномъ пароходѣ «Александръ Невскій», доставившемъ пассажировъ въ Баранчичи, гдѣ снова пришлось пересѣсть на «Сибиряка», отвалившаго отъ пристани въ 5 часовъ тихаго, яснаго утра и быстро направившаго свой бѣгъ по быстрому теченію Ангары. Только что выглянувшее солнце озарило своими ласковыми лу-

чами и зеркальную поверхность рѣки, и прибрежныя горы, и вьющуюся по самому берегу «головоломную» желѣзную дорогу, и то ея роковое мѣсто, съ лежащимъ на боку исковерканнымъ локомотивомъ и обломками только что разбитыхъ вагоновъ, гдѣ за нѣсколько лишь дней, въ ночь съ 20-го на 21-е юля, случилась катастрофа съ человѣческими жертвами. На 24-й верстѣ отъ Байкала, около станціи Михалево, обвалилась гора и обваломъ засыпало путь. Шедшій изъ Иркутска пассажирскій поѣздъ № 4 наскочилъ, благодаря темнотѣ, на загородившую путь массу земли; паровозъ сошелъ съ рельсовъ и спустился по уклону къ Ангарѣ; тендеръ, багажный и почтовый вагоны, а также одинъ изъ вагоновъ 3-го класса, разбились. Бѣ счастью, машинистъ успѣлъ дать контръ-паръ; иначе за паровозомъ могли бы спуститься съ насыпи и даже свалиться въ Ангару всѣ, безъ исключенія, вагоны, биткомъ набитые пассажирами, и число жертвъ не ограничилось бы, какъ теперь, двумя убитыми (въ ихъ числѣ несчастный машинистъ) и нѣсколькими изувѣченными...

А вѣдь катастрофа, пожалуй, и не произошла бы, еслибы пассажирскіе поѣзда по 60-ти-верстной вѣточкѣ отправлялись не ночью, а днемъ...

24 юля, въ 12 часовъ дня, прибылъ въ Иркутскъ вновь назначенный сюда генераль-губернаторомъ, генераль-лейтенантъ Пантелеевъ.

Не-мидѣ.

Иркутскъ, 26 Юля 1900 г.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Задачи образованія молодого поколѣнія.—Необходимость выработки національнаго характера въ русской школѣ.—Финляндцы, волнующіеся по поводу послѣднихъ распоряженій правительства.—Новый продовольственный уставъ.— Меліоративный кредитъ. — Откровенный взглядъ сахарозаводчика на наше сахарное дѣло. — Допущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи.—Неудовлетворительность нашего предварительнаго дознанія.

Цѣлый годъ на страницахъ русскихъ періодическихъ изданій разбирается вопросъ о преобразованіи нашихъ среднеучебныхъ заведеній. Ненормальность существующаго типа средней школы — у всѣхъ на глазахъ. Ее всѣ видятъ, всѣ знаютъ. Если эти недостатки и ненормальности нашей средней школы были для кого незамѣтны, то развѣ только исключительно для лицъ, вѣдающихъ и имѣющихъ въ своихъ рукахъ среднее образованіе. Родители же нашей учащейся молодежи и сама молодежь давно уже тяготились учебными порядками и программами нашихъ школъ. Ученики, подъ бременемъ классицизма, болѣютъ и чахнутъ; нѣкоторые изъ нихъ выбрасываются изъ гимназій за малоуспѣшность по древнимъ языкамъ. Но еще болѣе ученики страдали и мучились при одной мысли, что тѣ «классики», на которыхъ они просиживаютъ лучшіе годы своей жизни, для жизни-то совсѣмъ не нужны, что упорное отстаиваніе классицизма требуется не жизнью, не дѣйствительными потребностями, а упорствомъ въ отстаиваніи старыхъ ошибокъ. Съ момента введенія классицизма въ курсъ нашихъ гимназій, настойчиво пропагандированнаго М. Н. Катковымъ и не менѣе настойчиво проведеннаго въ подлежащихъ сферахъ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстымъ, онъ не пользовался у насъ симпатіями и съ перваго же момента вызвалъ повсемѣстный протестъ. Но эти протесты до самаго послѣдняго времени были «гласомъ вопіющаго въ пустыни». Министерство народнаго просвѣщенія не обращало вниманія на эти протесты...

Но всему бываетъ конецъ. Насталъ конецъ и молчанію нашего министерства народнаго просвѣщенія. Оно, наконецъ, рѣшилось нарушить свое олимпійское спокойствіе... собрало комисію изъ опыт-

ныхъ педагоговъ для рѣшенія вопроса: что же нужно сдѣлать съ нашей классической школой, чтобы она удовлетворяла насущнымъ требованіямъ жизни? Опытные педагоги работали надъ переустройствомъ нашей средней школы, но результатовъ этой работы пока не видно. Слѣдовательно, вопросъ о преобразованіи нашей классической школы еще не рѣшенъ, а можетъ быть, — чего Боже избавь! — рѣшеніе этого вопроса будетъ отложено еще на неопредѣленное время. Родители съ душевнымъ трепетомъ опять должны будутъ ждать того счастливаго времени, когда наша классическая школа будетъ реформирована.

Повидимому, разрѣшеніе этого вопроса еще не назрѣло... Это, во-1-хъ, видно изъ того, что опытные педагоги, проработавъ надъ этимъ вопросомъ цѣлый годъ, оставили его нерѣшеннымъ, открытымъ; во-2-хъ, изъ того, что среди авторовъ записокъ относительно желательныхъ измѣненій въ учебномъ планѣ и въ программахъ гимназій нѣтъ полнаго единства въ рѣшеніи этого вопроса. Но среди всѣхъ этихъ нерѣдко разнорѣчивыхъ мнѣній слышится одна нота, — присущая всѣмъ авторамъ, — это то, что наша школа *не національна*. Классическая школа, — разсуждаютъ противники нынѣшней школы, — съ преподаваніемъ древнихъ языковъ, есть школа нѣмецкая, чуждая русскому духу, вдвинутая насильственными мѣрами въ русскую жизнь, а потому она не только не можетъ дать благихъ результатовъ, но положительно вредна. Что же именно противно русскому духу въ нашей гимназій? Въ отвѣтъ на этотъ, ребромъ поставленный, вопросъ разногласій не слышится: слишкомъ много въ гимназіяхъ уроковъ по древнимъ языкамъ и слишкомъ мало по языку отечественному.

Діагнозъ болѣзней нашей школы, — какъ видитъ читатель, — поставленъ единогласно и рѣшительно. Разъ поставленъ діагнозъ, — не такъ уже трудно найти средства къ излѣченію отъ этого недуга. Въ системѣ лѣченія также разногласій почти не замѣчается. Почти всѣ въ одинъ голосъ совѣтуютъ — убавить число уроковъ по древнимъ языкамъ и прибавить уроковъ по русскому языку и словесности. Многіе не на шутку думаютъ, что, съ прибавкою уроковъ по русскому языку и русской словесности, наши среднія учебныя заведенія сдѣлаются національными, а наши учащіеся будутъ проникнуты истиннымъ національнымъ чувствомъ и патриотизмомъ. Рѣшеніе, — какъ видитъ читатель, — самое простое и болѣе чѣмъ легкое.

По мнѣнію «Спб. Вѣдомостей», «школа содѣйствуетъ или не содѣйствуетъ развитію національнаго чувства у учащихся совершенно независимо отъ числа уроковъ по древнимъ языкамъ, и прибавкой

нѣсколькихъ уроковъ по русскому языку и русской исторіи—бѣды не устранить. Что же дѣлать? Смыѣмъ думать, что, не изгоняя изъ гимназіи древнихъ языковъ, можно было бы иными мѣрами достигать благопріятныхъ до извѣстной степени результатовъ. Національное чувство можетъ воспитаться только путемъ широкаго и по возможности непосредственнаго знакомства съ отечествомъ, какъ въ его историческомъ развитіи, такъ и въ положеніи его въ настоящее время. Поэтому всѣ усилія, всѣ труды учителей и воспитателей должны быть направлены къ тому, чтобы дать ученикамъ знакомство съ отечествомъ въ той мѣрѣ, въ которой это можетъ быть сдѣлано въ теченіе гимназическаго курса. Путей, ведущихъ къ этой конечной цѣли, можно указать немало. Начнемъ съ преподаванія исторіи въ гимназіяхъ. Прибавкой урока по этому предмету рѣшительно ничего нельзя достигнуть, но совершенно необходимо полное измѣненіе программы преподаванія исторіи въ томъ смыслѣ, чтобы русская исторія заняла центральное мѣсто въ изученіи исторіи Европы, для чего, въ свою очередь, необходимы и новыя учебники исторіи, въ которыхъ излагалась бы исторія и русская, и общеевропейская, но историческій матеріалъ былъ бы расположенъ совершенно иначе. Въ равной степени необходимымъ считаемъ мы, чтобы учащіеся были возможно полнѣе ознакомлены съ русской литературой, но и этого достигнуть прибавкой лишняго урока невозможно. Нужно совершенно другое, а именно безусловно необходимо устройство для учениковъ старшихъ классовъ литературныхъ бесѣдъ, на что уже много разъ указывалось нашими выдающимися педагогами. Наряду съ литературными бесѣдами (бесѣды по поводу реферата одного изъ учениковъ, подъ руководствомъ учителя) желательны ученическіе литературные вечера и приученіе учащихся къ декламации, что вполне доступно для учениковъ всѣхъ возрастовъ; наконецъ, нужно организовать разумное и плодотворное чтеніе учениками книгъ изъ ученической бібліотеки. Напрасно стали бы говорить, что для всего этого у учениковъ нѣтъ свободнаго времени; и теперь ученики читаютъ немало, но читаютъ зря, что попадетъ подъ руку, безъ надлежащаго выбора, безъ руководства учителя. Не у учениковъ нѣтъ времени для чтенія, а нѣтъ его у учителя; а потому учителей необходимо поставить въ возможность давать меньшее число уроковъ. Разумно составленная ученическая бібліотека и разумное пользованіе ею могутъ принести учащимся громадную пользу,—причемъ само собою разумѣется, что въ бібліотекѣ необходимы произведенія нашихъ лучшихъ писателей-беллетристовъ; затѣмъ—лучшія сочиненія по исторіи Россіи и, наконецъ, возможно большее число біографій выдающихся русскихъ лю-

дей. Весьма полезными сочли бы мы, далѣе, доступныя для пониманія учениковъ чтенія (лекціи) преподавателей о разныхъ событіяхъ русской исторіи, о разныхъ сторонахъ русской жизни, о явленіяхъ русской природы и т. п. съ картинами при помощи волшебнаго фонаря. Достаточно было бы на первое время трехъ-четырехъ такихъ лекцій въ теченіе учебнаго года. Особенно полезно было бы, чтобы такія лекціи приурочивались къ памятнымъ въ исторіи нашего отечества событіямъ, или къ чествуемымъ всей Россіей лицамъ (какъ напримѣръ, въ этомъ году Суворовъ). Особенное значеніе придаемъ мы знакомству учащихся съ мѣстными достопримѣчательностями, съ памятниками старины, достигнуть чего весьма нетрудно; наконецъ, той же цѣли развитія національнаго чувства могли бы содѣйствовать правильно организованныя экскурсіи; поѣздки по Россіи уже и теперь устраиваются въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ. Какъ полезна, напримѣръ, могла бы быть поѣздка учащихся въ Москву, какое впечатлѣніе могъ бы произвести на юные воспримчивыя умы осмотръ достопримѣчательностей нашей первопрестольной столицы подъ руководствомъ свѣдущаго лица».

Нѣтъ сомнѣнія, что предлагаемыя «Спб. Вѣдомостями» мѣры могутъ содѣйствовать развитію и укрѣпленію національнаго чувства учащихся. Знакомство съ родиной, съ родной исторіей и отечественной литературой—это громадный стимулъ для того, чтобы наша школа сдѣлалась національной. Но, по нашему мнѣнію, дѣло не въ одномъ этомъ. Можно знать прекрасно исторію своей родины, можно быть хорошо освѣдомленнымъ съ отечественной литературой и отечественными писателями и не быть проникнутымъ національнымъ духомъ. Количество фактовъ изъ отечественной литературы и родной исторіи не можетъ сдѣлать юношу патриотомъ. Нашъ народъ, конечно, страшно уступаетъ любому даже недоучившемуся гимназисту въ знаніи родной исторіи и литературы. А, между тѣмъ, этотъ народъ славится и своимъ непосредственнымъ націонализмомъ, и патриотизмомъ. Наши некрасовцы, переселившіеся въ Турцію сто лѣтъ тому назадъ, не только не потеряли своего типа, но и не ослабла въ нихъ любовь къ родинѣ, — къ родинѣ, въ которой не нашлось и мѣста для ихъ предковъ... Очевидно, дѣло здѣсь не въ знакомствѣ съ родиной и не въ хорошемъ знаніи родной исторіи и литературы.

По мнѣнію «Церковнаго Вѣстника», въ національной школѣ должно быть отведено почетное мѣсто корифеямъ нашей литературы, но все же не это по преимуществу должно придать нашей школѣ національную окраску.

«Главной созидательной силой въ исторіи русскаго народа была

вѣра православная; она составляетъ и до сихъ поръ душу его жизни,—она проникаетъ всецѣло его мировоззрѣнiе и бытъ; она охраняетъ его отъ національнаго обезличенiя, и она—основной залогъ его самобытнаго развитiя и культурнаго преуспѣянiя. Такимъ образомъ, при образованiи русскаго юношества, «во главу угла» должно быть положено полное и глубокое наученiе вѣры православной, какъ главнаго элемента національно-русскаго мировоззрѣнiя и усвоенiе учащимися нравственно-практическихъ стихiй православiя, какъ онѣ опредѣлились исторически, — въ качествѣ руководящихъ началъ въ ихъ послѣдующей дѣятельности. Для достиженiя этихъ цѣлей, будущая школа должна будетъ выдѣлить въ составѣ своихъ наукъ и приподнять надъ другими законъ божiй. Кромѣ основательнаго изученiя и глубокаго усвоенiя того учебнаго матеріала по закону божiю, который значится въ программахъ о теперешней школѣ, національная школа, которой мы чаемъ, требуетъ и расширенiя программы. Расширенiе это должно замѣнить всего коснуться исторiи отечественной церкви. Русскому православному юношѣ, который въ школѣ готовится быть строителемъ народнаго блага, основательно нужно ознакомиться съ тѣмъ фундаментомъ, на которомъ предстоитъ ему строить. Такимъ образомъ, откроется необходимость, на урокахъ исторiи русской церкви, сблизить и породнить юношу душевно съ великими iерархами нашей церкви, имѣвшими попеченiе не только о церкви, но и о возрастанiи силы государственной, ознакомить съ жизнью и дѣятельностью наиболѣе чтимыхъ угодниковъ, уяснивъ народно-воспитательное значенiе славныхъ нашихъ обителей; познакомить съ просвѣтительными трудами выдающихся миссiонеровъ, внѣдрить въ ихъ сознанiе и сердце тѣ многочисленныя событiя въ исторiи нашего отечества, которыя непрекаемо доказываютъ, что «чудомъ Божиимъ строилась Русская земля» и т. дал.; будетъ также нужна подробнѣе освѣтить и гангрену на нашемъ церковно-народномъ тѣлѣ—расколъ и сектантство; безъ сомнѣнiя, окажется весьма благопотребнымъ ознакомить учащихся и съ Палестиновѣдѣнiемъ въ виду нашего постепеннаго и живаго общенiя съ Востокомъ. Для большаго углубленiя національнаго самосознанiя въ отношенiи религіозномъ,—почувствуется нужда ввести учащееся юношество въ большее пониманiе духа и характера обитающихъ въ нашемъ отечествѣ представителей инославiя и иновѣрiя. Поскольку общественное богослуженiе составляетъ одну изъ существенныхъ стихiй православно-русской жизни, м. б., школа національная предъявитъ широкiя требованiя относительно ознакомленiя съ богослуженiемъ; м. б., найдено будетъ потребнымъ, чтобы каждый юный, находящiйся въ

школѣ, православный христіанинъ могъ принимать участіе въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Съ рѣшеніемъ же программы и съ выдѣленіемъ изъ ряда другихъ предметовъ закона божія, какъ основнаго и для будущей національной школы характернаго, — въ ней должно будетъ прибавить уроковъ по закону божію».

Но это возможно, конечно, только тогда, когда наши законоучители будутъ на высотѣ своего призванія, когда они не только «проходятъ курсъ», «спрашиваютъ» и «ставятъ отмѣтки», но когда они являются истинными и добрыми учителями и наставниками... Только тогда ученіе ихъ плодотворно, когда они находятъ въ сердцахъ и умахъ учащейся молодежи искреннее сердечное довѣріе. Только при этомъ условіи, повторяемъ, «ученіе» ихъ будетъ записано на скрижаляхъ дѣтскаго сердца, и оно будетъ основой разумной жизни.

Высочайшій манифестъ отъ 7 (20) іюня текущаго года о введеніи русскаго языка въ правительственныя сферы Финляндіи до сихъ поръ еще вызываетъ въ финскихъ политиканствующихъ сферахъ безконечныя толки. Финляндцы не хотятъ примириться съ этимъ актомъ, въ высшей степени желательнымъ и замѣчательнымъ съ государственной точки зрѣнія, видя въ немъ нарушеніе (?) какихъ-то правъ и привилегій финскаго народа.

По словамъ «Финляндской газеты», редакція «Nya Pressen», выпуская послѣдній (172) номеръ газеты, «помѣстила въ немъ передовую статью: «*Правовыя точки зрѣнія*», въ которой еще лишній разъ подчеркивается то особое, специальное значеніе, которое стараются придать въ своихъ толкованіяхъ финляндскіе политики отдѣльнымъ мѣстамъ высочайшаго манифеста 9 февраля 1816 г., объ именованіи императорскаго правительствующаго совѣта финляндскимъ сенатомъ».

Названная статья, большая часть которой занята текстомъ манифеста, начинается такъ:

«По завершеніи той исполинской войны, которая закончилась сверженіемъ Наполеона съ престола Франціи и въ нѣсколько десятилѣтій еще разъ пересоздала судьбы Европы, незабвенный монархъ Финляндіи и Россіи Александръ I снова получилъ возможность обратить свое вниманіе и свои заботы на внутреннія дѣла различныхъ земель, входившихъ въ составъ его государства. Руководимая просвѣщеніемъ и гуманностью, политическая мудрость его не изменила себѣ и на этотъ разъ, и въ отношеніи Финляндіи особенно торжественно выразилась въ рѣшеніи даровать тогдашнему финляндскому правительствующему совѣту положеніе, равное съ тѣмъ, ка-

кое занимали высшія присутственныя мѣста Россіи и только что возстановленнаго Царства польскаго. Рѣшеніе приведено было въ исполненіе высочайшимъ объявленіемъ 9 (21) февраля 1816 г., которое, не смотря на скромное наименованіе: «Объявленіе», на самомъ дѣлѣ было манифестомъ глубочайшаго государственно-правоваго значенія».

При этомъ газета, приведя полностью текстъ манифеста 9 февр. 1816 г., присовокупляетъ такое замѣчаніе:

«Уже первое положеніе этого замѣчательнаго акта, гдѣ первый государь Финляндіи объявляетъ, что благоденствіе края сего всегда составляло одинъ изъ пріятнѣйшихъ предметовъ его желаній и попеченій—вызываетъ въ мысли множество сопоставленій, а въ числѣ слѣдующихъ положеній нѣтъ ни одного, которое не давало бы повода къ комментаріямъ столь же интереснымъ, какъ и поучительнымъ. Однако, по разнымъ, отчасти легко понятнымъ причинамъ, мы не хотимъ останавливаться на нихъ, а укажемъ лишь на чрезвычайно вѣское слово великодушнаго императора-великаго князя, возложеніи на сенатъ заботы о гражданскомъ управленіи странов. независимо какой либо другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными монаршей Его воли». Далѣе идетъ толкованіе этого мѣста. «Этими словами,—говоритъ «Nya Pressen»,—которымъ во всѣхъ затрогиваемыхъ ими случаяхъ слѣдуетъ придавать рѣшающее значеніе, Александръ I признаетъ, что какъ власть монарха, такъ и та доля ея, которая удѣлена сенату, ограничена закономъ. Другими словами, онъ признаетъ, что когда та или другая мѣра явно противорѣчитъ велѣніямъ закона, ни монархъ, ни, именемъ монарха, сенатъ не имѣетъ права принимать такую мѣру»...

«Мораль этихъ словъ,—поясняетъ «Финляндская Газета»,—писанныхъ все еще подъ вліяніемъ того же недовольства редакціи состоявшимся высочайшимъ повелѣніемъ о введеніи въ дѣлопроизводство сената и другихъ учрежденій русскаго языка,—одна: какія либо измѣненія въ учрежденіи сената представляютъ нарушеніе высочайшихъ словъ, сказанныхъ въ 1816 г., и потому являются незаконными (кому предоставлено рѣшать, законна или незаконна мѣра—газета не говоритъ). Такимъ образомъ, какъ будто, устраняется всякая возможность совершенствованія законовъ, соответственно дѣйствительнымъ потребностямъ времени».

По мнѣнію газеты, положеніе о сенатѣ 1809 г. «не остается безъ измѣненій». «Финлянд. Газета» заключаетъ свою замѣтку слѣдующими строками:

«Введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство, поскольку это касается сената, является дальнѣйшею мѣрою усовершенствованія

внутренней организации сената, принятой въ цѣляхъ общегосударственной пользы, и нѣтъ сомнѣнiя, что опытъ времени и дѣйствительныя потребности вызовутъ еще и другія, новыя измѣненiя и дополненiя въ учрежденiи сената».

Финляндцы какъ до изданiя манифеста 7 (20) iюня 1900 г. долго начали интриговать противъ этого акта, такъ и послѣ изданiя его всѣми средствами тормозили его обнародованiе. Газета «Свѣтъ» передаетъ содержанiе «Hutvudstadsbladet», объясняющей, почему именно запоздало почти на двѣ недѣли обнародованiе въ официальныхъ финляндскихъ газетахъ высочайшаго манифеста о введенiи общегосударственнаго языка въ переписку финляндскихъ учреждений.

«Когда манифестъ былъ переданъ на обсужденiе (?) общаго собранiя сената,—только пять сенаторовъ высказалось за его обнародованiе, а пятнадцать настаивали на всеподданнѣйшемъ представленiи, что и было «единогласно» принято всѣмъ собранiемъ. Это представленiе, вмѣстѣ съ протоколомъ засѣданiя, а также съ прошенiями нѣкоторыхъ сенаторовъ объ отставкѣ, были представлены на высочайшее благовозрѣнiе. Гельсингфорская газета отмѣчаетъ въ своемъ разсказѣ, что всеподданнѣйшiй по сему докладъ былъ сдѣлать министромъ статсъ-секретаремъ единолично; сенаторъ Тудееръ не могъ получить аудiенци. Зато сенаторъ Тудееръ долженъ былъ имѣть многократныя совѣщанiя съ министромъ статсъ-секретаремъ и генералъ-губернаторомъ. Всемиловнѣйшее рѣшенiе его величества состояло въ томъ, что обнародованiе было повелѣно исполнить».

Затѣмъ, на состоявшемся 23 iюня (по возвращенiи изъ Петербурга сенаторовъ Тудеера и Энеберга) вторичномъ голосованiи, изъ 20 собравшихся шесть по прежнему не соглашались подать голосъ за обнародованiе; два сенатора не участвовали въ голосованiи, ссылаясь на поданiя ими просьбы объ отставкѣ, а остальные двѣнадцать высказались за обнародованiе.

По поводу этихъ голосованiй, «Свѣтъ» совершенно правильно замѣчаетъ:

«Если сенатъ созывается для обнародованiя закона, то въ этомъ случаѣ онъ является лишь «исполнительнымъ» органомъ, и входитъ въ оцѣнку утвержденного уже окончательно монархомъ узаконенiя—его компетенци не подлежитъ и подлежать не можетъ. Иначе было бы допущено существованiе въ имперiи,—притомъ въ незначительной ея части,—«четвертой» государственной власти! Въдъ финляндскiе фантазеры, какъ извѣстно, считаютъ «второю» государственною властью—сеймъ, «третьею»—они еще недавно провоз-

гласили «прессу»; сенату значить остается лишь «четвертое» мѣсто и «четвертая» доля въ управленіи «государствомъ финляндскимъ».

«Будетъ время, когда финляндцы сознаютъ, гдѣ правда, и сами жестоко осудятъ тѣхъ, которыхъ теперь они готовы вѣнчать лаврами героевъ; они поймутъ, что руководители современнаго политическаго ихъ движенія не обладали ни тактомъ, ни выдержкой, ни даже простою дальновидностью, вызывая лишь напрасное раздраженіе и осложненіе въ такихъ вопросахъ, которые совершенно естественны и логичны, и не должны были бы вызывать ни малѣйшихъ недоразумѣній».

Финляндскіе политики не оставили безъ протеста и другой высочайшей манифестъ отъ 3 февр. 1899 г. Въ «Финляндской Газетѣ» приводится въ высшей степени интересная документальная исторія тщетной и неумѣстной борьбы финляндскаго сената противъ признанія названнаго манифеста закономъ для Финляндіи.

Сенатъ продолжалъ добиваться отмены этого закона. Когда обстоятельства настоящаго дѣла были представлены на высочайшее благовоззрѣніе, то его императорскому величеству благоудно было усмотрѣть въ немъ неумѣстныя домогательства и поставить императорскому финляндскому сенату «на видъ» его неправильное въ настоящемъ случаѣ поведеніе.

Депутатія, отправленная въ Петербургъ сеймомъ, какъ извѣстно, не была принята. Тогда земскіе чины прибѣгли къ слѣдующему небывалому приему. Они совершенно самовольно, безъ малѣйшихъ законныхъ основаній, внесли на сеймъ распубликованный уже законнымъ порядкомъ манифестъ 3-го февраля, подвергли его своему собственному разсмотрѣнію и постановили, — какъ это значитъ въ ихъ всеподданнѣйшемъ отзывѣ отъ 27-го мая 1899 года, — что этотъ «манифестъ и принадлежащія къ нему основныя положенія, какъ изданныя безъ согласія земскихъ чиновъ и вообще внѣ порядка, установленнаго основными законами (?) края, не могутъ имѣть силы закона въ Финляндіи».

Причину такого поведенія предсѣдатель дворянскаго сословія объяснилъ такъ: «Земскіе чины сейма рѣшили черезъ депутатію... довести до свѣдѣнія его величества объ установленномъ финляндскими основными законами порядкѣ изданія дѣйствующихъ въ Финляндіи законовъ, но такъ какъ его императорскому величеству благоудно было всемилостивѣйше объявить, что эту депутатію онъ не приметъ, то земскіе чины были вынуждены принять на обсужденіе вышеупомянутой манифестъ»...

Правила для дѣятельности земскихъ чиновъ изложены въ сеймовомъ уставѣ 1869 г., который не даетъ рѣшительно никакого

права депутатамъ финскаго народа входить, во-1-хъ, въ обсужденіе законоположенія, уже утвержденного высочайшею властью, а во-2-хъ—касаться положенія, опредѣляющаго порядокъ изданія законовъ общегосударственнаго значенія. Все, что касается дѣлъ международныхъ и общегосударственныхъ, по естественному порядку вещей въ имперіи, изъято изъ вѣдѣнія финляндскихъ учреждений и сейма, компетенція которыхъ не можетъ, конечно, распространяться за предѣлы финляндскихъ губерній. Поэтому поступокъ земскихъ чиновъ сейма 1899 года является совершенно безпримѣрнымъ въ исторіи края.

Какъ сообщаетъ «Финл. Газета», «въ своей неизсякаемой милости государь императоръ, не желая, чтобы впредь подобныя отступленія повторялись, высочайше соизволилъ, при открытіи сейма 1900 г., предуказать, что «всякія сужденія, уклоняющіяся къ предметамъ общаго государственнаго значенія, не должны быть допускаемы. Подобныя сужденія на послѣднемъ чрезвычайномъ сеймѣ внесли въ умы населенія тягостныя и напрасныя опасенія. Повтореніе ихъ поселить сомнѣніе относительно соответствія сеймоваго законодательства современнымъ обстоятельствамъ». На этомъ пока остановилось дѣло по поведенію двухъ послѣднихъ сеймовъ (т. е. 1899 и 1900 гг.). Депутатія съ адресомъ также не была принята его величествомъ, но и здѣсь въ неисчерпаемой милости своей государь императоръ повелѣть соизволилъ объявить депутатамъ, что не сердится на нихъ, и что они, возвратясь домой, могутъ дать своему ходатайству законное направленіе».

Впослѣдствіи массовый адресъ, представленный черезъ губернаторовъ генералъ-губернатору, былъ направленъ къ министру статсъ-секретарю. Узнавъ теперь содержаніе адреса, его императорское величество соизволилъ собственноручно начертать слѣдующую резолюцію:

«Адресъ оставляю безъ послѣдствій. Ходатайство нахожу неумѣстнымъ, такъ какъ манифестъ 3-го февраля касается общегосударственнаго, а не мѣстнаго законодательства».

Недавно обнародованныя «Временныя правила по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей» освобождаютъ земство отъ одной изъ самыхъ важныхъ отраслей его дѣятельности. Общее попеченіе о народномъ продовольствіи, по новому узаконенію, остается по прежнему предметомъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, но кореннымъ образомъ видоизмѣняется характеръ мѣстнаго надзора и завѣдыванія дѣломъ продовольствія. По прежнимъ правиламъ о народномъ продовольствіи, все завѣды-

ваніе продовольственными операціями находилось, въ земскихъ губерніяхъ, въ рукахъ земствъ, которые завѣдывали также губернскими продовольственными капиталами и наблюдали за хлѣбными запасами и продовольственными капиталами сельскихъ обществъ. Теперь заботы о продовольственной организаціи возлагаются исключительно на администрацію, которой содѣйствуютъ сельскія начальства и участковыя попечительства. Земское же самоуправленіе будетъ участвовать въ обсужденіи продовольственныхъ вопросовъ чрезъ свои исполнительные органы, которые, въ лицѣ членовъ управъ, будутъ во всемъ своемъ составѣ входить въ совѣщательные органы учреждений, завѣдывающихъ продовольственнымъ дѣломъ.

Законодательному санкціонированію этихъ «Временныхъ правилъ» предшествовали весьма оживленные толки и въ обществѣ, и въ печати.

Вопросъ:—нужно ли освободить земство отъ народнаго продовольствія?—долго волновалъ русское общество. Печать, при рѣшеніи и выясненіи этого вопроса, проявила рѣдкое единодушіе. Лишь два только органа: «Гражданинъ» и «Московскія Вѣдомости» высказались за освобожденіе земства отъ продовольственнаго дѣла; остальные же органы высказались въ пользу сохраненія за земствомъ продовольственныхъ операцій.

Мы не будемъ говорить о томъ, что сдѣлало земство въ интересахъ народнаго продовольствія. Это извѣстно всемъ. Мы напомнимъ только, что земство приняло изъ рукъ крѣпостной Россіи лишь слабыя попытки на организацію продовольственной помощи населенію. Наряду и одновременно съ продовольственнымъ дѣломъ, земство приняло на себя и много другихъ не менѣе важныхъ и серьезныхъ заботъ о народномъ благѣ. Оно энергично принялось за реформу стараго продовольственнаго дѣла. Оно работало, изыскивало мѣры къ улучшенію этого дѣла, и если въ тяжелые неурожайные годы обнаружались въ этомъ дѣлѣ какіе либо дефекты, то въ этомъ не вина земства.

Земство на своемъ пути всегда встрѣчало массу всевозможныхъ препятствій и преградъ. Оно ежегодно возбуждало массу ходатайствъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя являлись безусловно необходимыми для успѣшнаго хода его заботъ по обезпеченію народнаго продовольствія. Но эти ходатайства не всегда встрѣчали сочувственный откликъ въ высшихъ сферахъ.

Устраненіе земскихъ учреждений отъ продовольственнаго дѣла даетъ «Недѣль» основаніе усомниться въ его рациональной постановкѣ и успѣшномъ развитіи.

Съ отказомъ отъ пользованія общественною силою земства, дѣло

переходить въ руки учреждений, поглощенныхъ массою административныхъ и судебныхъ обязанностей, для которыхъ продовольственные заботы явятся добавочнымъ занятіемъ во время ихъ досуга. Стало быть, понадобятся особенныя старанія, чтобы дѣло сохраняло тотъ живой интересъ, какой оно имѣло при обсужденіи земскими собраніями, всегда привлекавшими къ себѣ общее вниманіе, и не обратилось въ закрытую безгласную очередную работу сборныхъ коллегій, отъ которыхъ вообще мало осталось благоприятныхъ преданій. Съ другой стороны, завѣдывающіе дѣломъ учрежденія нуждаются въ достаточной самостоятельности и устойчивости направленія. Земство, какъ представитель мѣстнаго неизмѣняющагося общества, могло отличатся извѣстнымъ постоянствомъ, тогда какъ, напр., губернскія по земскимъ дѣламъ присутствія больше подчиняются личному вліянію своихъ предсѣдателей, со смѣною которыхъ нерѣдко мѣняются и руководящіе взгляды. Эта сторона дѣла достаточно обрисовалась въ лѣтописи сенатскихъ отмѣнъ губернскихъ постановленій и въ различіи отношеній къ продовольственному дѣлу въ разныхъ губерніяхъ. Между тѣмъ, въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ продовольственное, особенно нужна устойчивая система.

Интересно будетъ, какъ установится отношеніе къ дѣлу самихъ обществъ? Когда сельскіе запасы будутъ передвигаться изъ одной части губерніи въ другую, при трудности повѣрки ихъ возврата по качеству, и администрація войдетъ въ расчеты съ каждымъ отдѣльнымъ заемщикомъ, дѣло въ значительной мѣрѣ потеряетъ характеръ общественнаго хозяйства и обратится въ повинность. Если при этомъ утратится въ немъ общественная заинтересованность, то ее придется восполнять административной силой; и тутъ тоже многое скажетъ опытъ.

Впрочемъ, новые органы, призванные вѣдать продовольственное дѣло, находятся въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ земство, принявшее въ свои руки народное продовольствіе изъ рукъ крѣпостной Россіи. Почва теперь расчищена, дѣло налажено.

Другой вопросъ, волновавшій за послѣднее время и общество, и печать—это меліоративный кредитъ. Новую организацію этого кредита нужно считать совершившимся фактомъ, такъ какъ рѣшеніе государственнаго совѣта по этому вопросу на дняхъ утверждено высочайшею властью.

Это новое въ Россіи дѣло, носившее временный характеръ, превращено въ дѣло съ постоянной организаціей.

Теперь размѣръ этого кредита равняется 1 мил. рублей, но министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ предоставлено ежегодно входить съ представленіемъ въ государственный со-

вѣтъ о размѣрѣ суммы, необходимой на увеличеніе этого фонда. Вообще развитіе этого кредита у насъ идетъ туго и медленно. Къ марту 1899 года было роздано меліоративныхъ ссудъ всего только 225,052 руб. Изъ нихъ 123 тыс. руб. были отпущены на обводнительныя и осушительныя работы, а 102 тыс. — исключительно на плодководство. Новыми правилами меліоративныя ссуды распределены на слѣдующія 10 рубрикъ:

- 1) Осушительныя, обводнительныя и оросительныя работы, 2) укрѣпленіе береговъ рѣкъ, овраговъ и сыпучихъ песковъ, 3) гѣсоразведеніе, 4) разведеніе плодовыхъ садовъ, виноградниковъ и хмѣльнянковъ, 5) расчистку неудобныхъ земель, 6) устройство хуторскихъ хозяйствъ во владѣльческихъ имѣніяхъ и усадебной осѣдлости при расселеніи крестьянъ въ предѣлахъ ихъ надѣльныхъ земель, 7) сооруженіе подваловъ для выдерживанія вина, устройство винодѣлень и приобрѣтеніе винодѣльческаго инвентаря, а также приборовъ и приспособленій для огневой сушки плодовъ, 8) возведеніе хлѣбныхъ амбаровъ, скотныхъ дворовъ, конюшенъ, ригъ, сушиленъ и хмѣлесушиленъ, 9) устройство сооружаемыхъ для переработки продуктовъ собственнаго хозяйства сельско-хозяйственныхъ заведеній: маслобоенъ, сыроваренъ, маслодѣленъ, мельницъ, крупорушекъ и лѣсотехническихъ производствъ, и 10) приобрѣтеніе племеннаго скота. Ссуды на гѣсоразведеніе выдаются на срокъ не свыше 30 лѣтъ, а на прочія улучшенія — не свыше 20 лѣтъ. По ссудамъ на укрѣпленіе береговъ рѣкъ, овраговъ и сыпучихъ песковъ взимается 2 проц., а по ссудамъ на прочія улучшенія — 4 проц. Ссуды выдаются земствамъ, землевладѣльцамъ и сельскимъ обществамъ. По сообщенію «Извѣстій Министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ», къ посредничеству между лицами, желающими получить ссуду изъ меліоративнаго кредита, министерствомъ земледѣлія привлечено земство. Въ объясненіе необходимости этого посредничества, министерскій органъ говоритъ, между прочимъ, что, при сосредоточеніи меліоративно-ссудныхъ операцій исключительно въ самомъ центральномъ управленіи, мелкіе хозяева, особенно изъ далекихъ уголковъ провинціи, въ большинствѣ уклонялись бы отъ обращенія къ кредиту изъ опасенія продолжительныхъ хлопотъ, траты средствъ и т. п. Между тѣмъ, еслибы мѣстныя земства приняли на себя въ этомъ дѣлѣ посредничество и популяризовали бы въ своихъ районахъ свѣдѣнія о значеніи и условіи меліоративнаго кредита, то о какихъ либо неудобствахъ или стѣсненіяхъ по исходатайствованію ссудъ не могло бы быть и рѣчи, такъ какъ земскія управы являлись бы тогда болѣе доступными органами въ разрѣшеніи ссудъ.

Новыя правила о меліоративномъ кредитѣ открываютъ теперь большій просторъ для всякаго рода сельско-хозяйственныхъ улучшеній, но жаль, что платимый по ссудамъ процентъ оставленъ, какъ и прежде, въ 4% годовыхъ, и только по ссудамъ на укрѣпленіе береговъ рѣкъ, овраговъ и сыпучихъ песковъ ростъ будетъ взиматься въ размѣрѣ 2% годовыхъ. Если по обыкновенно-долгосрочнымъ ссудамъ изъ Дворянскаго банка установлено 3½%, то было бы вполнѣ справедливо установить такой же процентъ и по меліоративнымъ ссудамъ на сельско-хозяйственныя улучшения. Было бы также желательно, чтобы та медленность, съ которою доселѣ разбирались ходатайства частныхъ лицъ, отошла въ область преданій. За послѣдніе два года, изъ 410 просьбъ, поступившихъ въ министерство о ссудахъ, рассмотрѣно было только 269, а 141 находились въ производствѣ.

Конечно, кредита въ 1 мил. на земледѣльческую Россію крайне мало. Но тутъ важнѣ первый шагъ, важно начало. Теперь у нашего землевладѣльца и земледѣльца есть хоть маленькая надежда на улучшеніе своихъ истощенныхъ полей, на пополненіе своихъ хозяйствъ улучшеннымъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Лишь бы только не было канцелярскихъ проволочекъ и ненужныхъ формальностей въ полученіи этихъ ссудъ.

Наше земледѣліе и землевладѣніе, которымъ занимаются болѣе 90% русскаго народа, до сихъ поръ еще не пользовалось должнымъ вниманіемъ со стороны высшихъ сферъ. Заводская же и фабричная промышленность—любимое наше дѣтище, для котораго мы создаемъ высокія таможенныя пошлины и всѣми мѣрами покровительствуемъ ему. Но это искусственно-вскормленное дѣтище разбухло, разжирѣло, и теперь еще болѣе и болѣе требуетъ поддержки и помощи...

Наша сахарозаводская промышленность, для которой у насъ создана нормировка въ производствѣ сахара, ложится тяжелымъ бременемъ на русскій народъ. Для нашего крестьянина сахаръ еще слишкомъ дорогъ, тогда какъ нашимъ сахаромъ англичане откармливаютъ своихъ свиней. На русскихъ рынкахъ русскій сахаръ продается отъ 4 руб. 50 коп. за пудъ, но тотъ же самый русскій сахаръ на англійскихъ рынкахъ продается отъ 1 руб. 20 коп. до 1 р. 40 к. Кому же выгодна эта нормировка?

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. Сѣверянинъ приводитъ свою поучительную бесѣду съ однимъ южнорусскимъ сахарозаводчикомъ:

«Недавно,—пишетъ г. Сѣверянинъ,—я встрѣтился въ одномъ сахарозаводчикомъ. Поздравляю его съ ожидаемымъ богатымъ уро-

жаемъ свеклы. Въ отвѣтъ онъ грустно улыбается. «Не знаю ужъ,—говорить,—какъ вамъ сказать, что для насъ теперь лучше: урожаемъ или неурожаемъ». Я попросилъ объясненія. «Да видите ли, чтобы выработать столько сахара, сколько моему заводу, по нормировкѣ, свободно въ Россіи продать разрѣшается, мнѣ довольно 150—160 тысячъ берковцевъ свеклы, а у меня ея нынче, быть можетъ, 210—220 тысячъ будетъ. Въ поле ее не бросишь. Вѣдь даже не выкопанная, въ землѣ, она копѣекъ 50 за берковецъ себѣ стоитъ. Ну, вотъ и потянешься ее переработать всю, а вѣдь это опять большой расходъ. Изъ лишнихъ-то 60—70-ти тысячъ берковцевъ, я 75—80 тысячъ пудовъ сахара получу. Тысячъ 18 я долженъ, какъ «неприкосновенный запасъ», держать, ну, а съ остальными-то 60-ю тысячами пудовъ я куда дѣнусь? А они вѣдь себѣ 105—115 тысячъ рублей стоятъ! Ну и потащишь ихъ за границу». И сахарозаводчикъ началъ мнѣ высчитывать, что при продажѣ за границу онъ, по крайне мѣрѣ, пятиалтынный или двугривенный на пудъ терпитъ убытка. Доводы его показались мнѣ настолько убѣдительными, что я началъ уже проникаться его взглядами, когда мнѣ вспомнилось, что такое, на первый взглядъ, абсурдное положеніе вещей, при которомъ хозяинъ можетъ пострадать отъ урожая, вызвано той самой нормировкой, о которой въ столь недавнемъ прошломъ сами же сахарозаводчики и хлопотали. Я высказалъ свои мысли собесѣднику. Онъ только рукой махнулъ. «Да развѣ мы, новые сахарозаводчики, хлопотали? Хлопотали кievскіе магнаты! У нихъ земли-то ужъ поистощены; такихъ урожаевъ свеклы, какъ у насъ, трудно ждать; свекла хуже нашей, да въ значительной части и не со своихъ полей, а отъ плантаторовъ. Въ случаѣ чего, онъ и цѣну за свеклу плантатору понизить можетъ—тому съ ней все равно дѣться некуда. Такъ для большихъ-то кievскихъ заводовъ нормировка, можетъ быть, и выгодна, а мы отъ нея рады бы избавиться». «Ну, если такъ, то почему же вы объ этомъ не кричите во всеуслышаніе»? «Подождите, можетъ быть, скоро и закричимъ!» «Но чего же вы хотѣли бы для вашего завода»? — «А хотѣлъ бы я, во-первыхъ, чтобы нормировку уничтожили, а, во-вторыхъ, чтобы акцизъ съ сахара сняли. А то, помилуйте, двѣ пятыхъ цѣны продукта вы, потребители, вѣдь за акцизъ платите! Спустите намъ налогъ съ 1 руб. 75 коп. ну хоть до полтинника съ пуда, да уничтожьте нормировку,—такъ мы вамъ съ барышемъ сахаръ вмѣсто 4 руб. 50 коп. за 3 руб. 20 коп. продавать будемъ и черезъ пять лѣтъ въ Россіи разойдется его не 36, а 80 милліоновъ пудовъ. И казна въ большихъ убыткахъ не осталась бы!» «Такъ, по вашему мнѣнію, слѣдовательно, мы, обыватели, переплачиваемъ за сахаръ

вдвое противъ его дѣйствительной стоимости даже не для поддержанія «сахарной промышленности», а для поддержанія старыхъ кievскихъ заводовъ? — «Конечно, только для нихъ, да для заводовъ, гдѣ техническая сторона дѣла плохо поставлена, да еще для рафинеровъ!»

Съ своей стороны, г. Сѣверянинъ полагаетъ, что надежды трезво смотрящихъ впередъ сахароваровъ на огромное развитіе внутренняго употребленія сахара, при пониженіи его цѣны, вполне основательны. Какъ велика потребность въ дешевомъ сладкомъ вкусовомъ веществѣ, лучше всего показываетъ ростъ потребления сахарина. Въ 1899 году его привезли къ намъ вдвое больше, чѣмъ въ 1898. Положимъ, что количество это еще не велико и составляетъ всего 3,500 пудовъ; но если мы примемъ во вниманіе, что вкусовой эффектъ сахарина въ 500 разъ сильнѣе сахара, то окажется, что даже такое небольшое количество этого, негоднаго съ точки зрѣнія физиолога, суррогата замѣнило на рынкѣ около $1\frac{3}{4}$ милліона пудовъ сахара и, по замѣчанію «Кіевлянина», лишило казну трехъ милл. руб. акциза. Но не съ однимъ сахариномъ приходится сталкиваться гг. сахарозаводчикамъ. По сообщенію той же газеты, они ополчились даже на крахмалъ и ходатайствовали объ обложеніи соответствующимъ налогомъ крахмально-паточнаго производства; но эта блестящая идея, къ счастью, не нашла поддержки въ Петербургѣ, и столь важное для многихъ мелкихъ хозяйствъ средней Россіи крахмальное дѣло пока не пострадаетъ отъ вождельній сахарныхъ королей.

Мы не разъ уже говорили о цѣломъ рядѣ крупныхъ судебныхъ ошибокъ, выяснившихъ съ достаточною очевидностью всю односторонность нашего слѣдственнаго производства. Особенно рельефно выразились судебныя ошибки слѣдственнаго производства въ дѣлахъ Болдыревой и братьевъ Скитскихъ. Русская пресса давно уже высказалась за необходимость допущенія защиты къ предварительному слѣдствію. Противъ всякаго ожиданія, въ числѣ противниковъ допущенія защиты оказался органъ министерства юстиціи, который находитъ, что организація защиты на предварительномъ слѣдствіи, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, немислима. Какіе же мотивы въ защиту своего мнѣнія приводитъ органъ министерства? Недостатокъ защитниковъ, — по словамъ этого органа, — особенно тяжело отразится на интересахъ провинціальной публики, такъ какъ послѣдняя, въ виду недостаточности въ провинціи патентованныхъ адвокатовъ, вынуждена будетъ довольствоваться услугами подпольной адвокатуры.

«Дѣйствительно, патентованныхъ адвокатовъ у насъ еще сравнительно мало, — совершенно резонно замѣчать «Судебная Газета» — и число ихъ не только не дошло до нормы, но меньше числа лицъ судебного вѣдомства, благодаря чему, особенно въ провинціи, большинство уголовныхъ дѣлъ вѣдается ходатаями. Но не слѣдуетъ при этомъ забывать, что этотъ недостатокъ представителей присяжной адвокатуры — скорѣе искусственный, чѣмъ естественный, и объясняется препятствіями, созданными временными правилами. Въ каждомъ округѣ имѣются десятки помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, давно уже отбывшихъ свой срокъ, но не принятыхъ, по независящимъ отъ нихъ причинамъ, въ сословіе; имѣется масса дипломированныхъ юристовъ, которымъ совершенно закрытъ доступъ въ адвокатуру. Коитингентъ профессиональныхъ дипломированныхъ защитниковъ легко можетъ быть увеличенъ, если этого пожелать, и притомъ лицами, нравственные качества которыхъ стоятъ на высотѣ предъявляемыхъ къ адвокатурѣ требованій. Но если даже и предположить, что коитингентъ этотъ все таки окажется недостаточнымъ и придется допустить къ защитѣ на предварительномъ слѣдствіи всѣхъ, кому законъ не возбраняетъ ходатайства по чужимъ дѣламъ, т. е. всѣхъ ходатаевъ, подпольныхъ адвокатовъ, то и тогда выгоды новаго института перевѣсятъ весь вредъ, который можетъ отъ этого произойти. Прежде всего, такая защита существуетъ и теперь, но не открыто признанная и правильно организованная, а подпольная, приносящая громадный вредъ. Подсудимый находитъ себѣ защитника, какъ только поступить въ тюрьму, въ лицѣ своихъ товарищей, и слѣдователи-практики отлично знаютъ, съ какими трудностями соединяется борьба съ подсудимымъ, если только онъ успѣетъ записаться совѣтами и опытностью товарищей. Если же подсудимый успѣваетъ записаться еще и особымъ ходатаемъ — въ лицѣ отставленнаго отъ службы полицейскаго или другаго чиновника, то истина по большей части достигается слѣдователемъ цѣною долгой и трудной борьбы или же совершенно исчезаетъ подъ влияніемъ искусныхъ маневровъ ходатая. При гласной защитѣ, эти маневры ходатая менѣе опасны, — ихъ можно предотвратить, ихъ можно отражать, такъ какъ знаешь, съ чѣмъ имѣешь дѣло. Ходатаи, пожалуй, и будутъ сбивать слѣдователей, запутывать слѣдствіе и усложнять его, но, въ концѣ концовъ, въ дѣлѣ, которое производится гласнымъ путемъ, при тѣхъ средствахъ, которыя предоставляются закономъ для выясненія истины, эта истина можетъ быть обнаружена въ интересахъ закона и подсудимаго. При всей массѣ возможныхъ подвоховъ, и ходатай все таки можетъ охранять интересы подсудимаго, направлять слѣдствіе на вѣрный путь и

помочь выясненію истины. Нечего и говорить о томъ, какую громадную услугу слѣдствію окажетъ защита въ лицѣ представителей присяжной адвокатуры, отъ которыхъ нельзя уже ожидать подвоховъ и маневровъ съ цѣлью сбить слѣдователя съ вѣрнаго пути. И нужно думать, что съ допущеніемъ защиты на предварительномъ слѣдствіи естественно увеличится и число защитниковъ изъ представителей новой адвокатуры, такъ какъ создастся новая и весьма плодотворная область адвокатской дѣятельности, къ которой многіе приложатъ свои силы». Не нужно забывать, что у насъ есть большой контингентъ силъ, не находящихъ теперь примѣненія въ судѣ, но которые могутъ быть отлично приспособлены къ новой дѣятельности. Это—кандидаты на судебныя должности, которые въ настоящее время влачатъ жалкое существованіе, тратя свои силы на канцелярскую переписку и веденіе реестровъ. Кроме того, въ послѣдніе годы молодыми представителями адвокатуры организуется бесплатная юридическая помощь населенію, члены которой охотно примутъ на себя веденіе уголовныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакого основанія бояться допущенія защиты на предварительномъ слѣдствіи. Защита будетъ лучшимъ помощникомъ слѣдователя и предотвратитъ немало ошибокъ, которыя слишкомъ тяжело отражаются на обвиняемыхъ и колеблютъ достоинство правосудія.

Судебныя дознанія, производимыя людьми совершенно къ тому неподготовленными: заковымы являются наши полицейскіе чины, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. «Вѣстникъ Европы» выступаетъ съ проектомъ учрежденія особой *судебной полиціи* для производства дознаній, составляющихъ основу предварительнаго слѣдствія. По мнѣнію журнала, только эта мѣра можетъ упорядочить постановку дознаній, которыя теперь лишь тормозятъ слѣдствіе. Осуществленіе этой мѣры не представляетъ особыхъ затрудненій.

«Функція судебной и общей полиціи разграничить нетрудно: достаточно постановить, что къ розыскамъ и другимъ неотложнымъ дѣйствіямъ чины общей полиціи приступаютъ только тогда, когда нѣтъ на лицо чиновъ полиціи судебной. Помощь общей полиціи можетъ понадобиться лишь настолько, насколько и всякому другому учрежденію или должностному лицу; никакихъ особыхъ усложненій или недоразумѣній при этомъ ожидать нельзя. Исполнять требованія судебной полиціи общая полиція должна была бы на тѣхъ же основаніяхъ и въ той же мѣрѣ, какъ и всякія другія законныя требованія. Учрежденіемъ судебной полиціи было бы достигнуто во всякомъ случаѣ единство разслѣдованія, невысказанное при раздѣ-

леніи его между органами двухъ различныхъ вѣдомствъ. Зависимость чиновъ судебной полиціи отъ прокурорскаго надзора была бы дѣйствительная, а не номинальная; они не имѣли бы ни возможности оправдывать свои упущенія или медленность занятіями, возложенными на нихъ прямымъ начальствомъ, ни надежды на защиту и поддержку со стороны этого начальства. Посвятивъ себя исключительно разслѣдованію преступныхъ дѣяній, они могли бы приобрести въ этой сферѣ такую опытность, которая рѣдко дается работою мимоходомъ и между прочимъ».

Правда, комисія по пересмотру судебныхъ уставовъ проектировала другую мѣру для упорядоченія полицейскихъ дознаній, именно специализацію труда въ видѣ учрежденія должностей «старшаго урядника», на котораго будетъ главнымъ образомъ возложено производство дознаній. По мнѣнію журнала, мѣра эта не достигнетъ цѣли, такъ какъ старшій урядникъ, подчиненный наравнѣ съ другими полицейскому начальству, не будетъ состоять въ исключительномъ распоряженіи прокурорскаго надзора и не будетъ заниматься однимъ только производствомъ дознаній. Та самая сумма, которую комисія предлагаетъ ассигновать на содержаніе старшихъ урядниковъ, могла бы быть обращена на содержаніе судебно-полицейскихъ чиновъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства юстиціи и свободныхъ отъ всякихъ другихъ обязанностей, кромѣ производства розысковъ и дознаній; увеличить ее слѣдовало бы лишь въ той мѣрѣ, въ какой это потребовалось бы для учрежденія судебной полиціи не только въ уѣздахъ, но и въ городахъ. Никакихъ «крупныхъ затратъ», слѣдовательно, образованіе судебной полиціи не потребовало бы, а прокурорскій надзоръ получилъ бы въ ея лицѣ помощниковъ, если и не особенно развитыхъ, то усердныхъ и опытныхъ.

Необходимо, чтобы производящій предварительное дознаніе былъ подготовленъ къ отправленію этихъ функцій, такъ какъ отъ умѣнія хорошо вести дознаніе, зависитъ судьба осужденнаго. Наша же полиція къ этому совершенно не подготовлена. Учрежденіе судебной полиціи вызывается самою жизнью и интересами не только виновныхъ, но и самого общества.

Ф О Н О Г Р А Ф Ъ.

(Фельетонъ «Наблюателя»).

И С М Ъ Х Ъ, И Г О Р Е.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Война на дальнемъ Востокѣ. — Наши быстрые успѣхи и взятіе Пекина русскими войсками. — Замѣшканный прусскій фельдмаршалъ. — Что будетъ онъ дѣлать въ Китаѣ? — Новый переворотъ въ Сербіи. — «Сердце на тронѣ». Уволенный въ чистую отставку сербскій главнокомандующій. — Его дурная привычка «ходить по лужамъ крови въ охотничьихъ сапогахъ». — Ожидаемая амнистія раджакаламъ и примиреніе съ королевой Наталіей. — Возстановленіе добрыхъ отношеній между Сербіей и Россіей. — Еврейскіе сборы въ Палестину. — Захватятъ ли съ собою сіонисты вавилонскій талмудъ? — Несовмѣстимость талмудизма съ какимъ бы то ни было государственнымъ строемъ. — Откуда взять рабовъ для еврейскихъ «морейне»? — Два слова объ одесскихъ безпорядкахъ и воспоминаніе о крестьянскихъ бунтахъ.

I.

Въ оны дни, когда совсѣмъ не «просвѣщенные» и не «культурные» китайцы выступали на военное поле, они устранили своихъ враговъ видомъ огромныхъ картинъ, на которыхъ изображались всевозможныя чудища, готовые ринуться на неприятельское войско, и, кажется, даже сами переряжались въ драконовъ и гигантскихъ змѣй. Эту первобытную систему они пробовали еще примѣнять и въ послѣдней войнѣ съ японцами, окончившейся для нихъ, какъ извѣстно, полнымъ пораженіемъ. Ни намалеванныя, ни замаскированныя «страшила» не напугали европеизированное японское воинство, и пришлось уже прибѣгать къ другимъ средствамъ борьбы.

Однимъ изъ этихъ средствъ, въ настоящей войнѣ съ евро-

пейскими союзными войсками, для китайцевъ послужили усердно-распускавшіеся слухи о томъ, что вся дорога къ Пекину залита водою и что по ней нельзя, будто бы, ни пройти, ни проѣхать; что въ укрѣпленныхъ мѣстахъ по дорогѣ къ столицѣ Небесной имперіи сидятъ по европейски вооруженные гарнизоны, и что въ самомъ Пекинѣ и воокрѣ него движется «тьма темъ» регулярныхъ китайскихъ войскъ, готовыхъ умереть до послѣдняго солдата за цѣлость и благополучіе своего отечества. Этимъ слухамъ охотно вѣрили не только газеты, но и сами союзныя войска, все выжидавшія «подкрѣпленій» и откладывавшія свой приступъ къ Пекину.

Китайскій драконъ оказался, однако, совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ его малевали сыны Небесной имперіи, — сначала на своихъ батальныхъ картинахъ, а потомъ на гостеприимныхъ газетныхъ столбцахъ. Взятіе Тянь-Цзиня международными войсками, подъ главнымъ начальствомъ русскаго генераль-майора Стесселя, и поголовное бѣгство храбрыхъ китайцевъ, защищавшихъ городъ, уже подорвали довѣріе къ силѣ китайскихъ полчищъ и къ слухамъ объ ихъ несмѣтномъ количествѣ. Затѣмъ послѣдовало взятіе другой укрѣпленной позиціи, Янгъ-Цзуна, въ 12 верстахъ отъ Тянь-Цзиня. Послѣ этого удара, союзныя войска уже безостановочно гнали передъ собою, такъ называемыя, «лучшія военныя силы» китайцевъ (вмѣстѣ съ «большими кулаками», которыхъ русскіе солдаты прозвали уже «большими дураками»), не давая имъ времени передохнуть и укрѣпиться на какой нибудь новой позиціи. Европейскія войска горѣли, уже нетерпѣніемъ спасти своихъ, запертыхъ въ Пекинѣ, соотечественниковъ, положеніе которыхъ снова становилось опаснымъ. Лазутчики давали знать, что принцъ Туанъ (глава ненавистниковъ Европы) отдалъ въ Пекинѣ приказаніе убивать всѣхъ, кто выказываетъ хоть чѣмъ либо сочувствіе европейцамъ. По его распоряженію, мятежники возобновили обстрѣливаніе посольствъ, и онъ же воспретилъ доставлять осажденнымъ продовольствіе, намѣреваясь уморить ихъ съ голоду. Словомъ, уже готовы были повториться всѣ ужасы недавней осады, пережитой посланниками и укрывшимися въ посольствахъ иностранцами. «Мы еще держимся — телеграфировалъ въ послѣдній разъ отъ 28 іюля (11 августа) французскій посланникъ Пшонъ, — и надѣмся, что союзныя войска

выручать насъ не позже 1 (14) августа». Въ виду такого положенія, по истинѣ критическаго, на бивакѣ подѣ Янгъ-Цзуномъ было рѣшено ускорить во что бы то ни стало освобожденіе посольствъ и продолжать наступленіе безостановочно. На полпути между Янгъ-Цзуномъ и Ма-Тоу, въ мѣстечкѣ Хе-Сіу, китайцы сосредоточили всѣ свои лучшія манджурскія войска, съ очевидною цѣлью дать здѣсь генеральное сраженіе, но и тутъ они не выдержали натиска союзныхъ силъ и бѣжали со всѣхъ позицій. Союзники даже совсѣмъ не ожидали такого слабаго сопротивленія. Впрочемъ, лазутчики уже предупредили ихъ, что китайцы не перестанутъ отступать, что ихъ регулярныя войска, а съ ними и «большіе кулаки», совсѣмъ приуныли и перестали повиноваться своему начальству Ихъ сопротивленіе непріятелю подѣ Янгъ-Цзуномъ было уже гораздо слабѣе, чѣмъ подѣ Пей-Цзангомъ, а въ Хе-Сіу «лучшія силы» дали уже тылъ послѣ незначительной перестрѣлки. Съ незначительными потерями союзники, долго задерживаемые англичанами (кстати, не они ли и распространяли слухи о непроходимости дорогъ къ Пекину, о несмѣтныхъ силахъ китайцевъ и пр., чтобы, пользуясь этой проволочкой, завладѣть въ свою пользу Шанхаемъ, съ помощью подкупленнаго вице-короля?) подступили къ китайской столицѣ съ восточной стороны и взяли ее 1 (14) августа, какъ и считалъ необходимымъ для спасенія посольствъ французскій посланникъ Пишонъ. Къ слову о Пишонѣ, не мѣшаетъ припомнить, что онъ, — одинъ изъ всѣхъ европейскихъ дипломатовъ, — предупредалъ во-время свое правительство о враждебномъ настроеніи умовъ въ Китаѣ и о возможности революціонныхъ дѣйствій; другіе же посланники совсѣмъ не предвидѣли наступавшей опасности, а баронъ Кеттелеръ, воображая себя на потсдамскихъ улицахъ, распорядился въ Пекинѣ, какъ въ прусскомъ городѣ... Эта близорукость европейской дипломатіи, не видящей ничего дальше посольскихъ дворцовъ, заставила уже говорить о себѣ всю прессу, и возникло благое предположеніе — посылать на Востокъ не вылощенныхъ чиновниковъ, знакомыхъ только съ европейскими салонными нравами, а людей, хорошо знакомыхъ съ языками, съ исторіей и бытомъ восточныхъ народовъ. Заведя сношенія съ мѣстнымъ обществомъ во всѣхъ его слояхъ, а не съ одними китайскими мандаринами, такого рода посоль-

ства, вѣроятно, не проморгали бы такого крупнаго явленія, какъ послѣднее народное возстаніе, несомнѣнно поддержанное и китайскимъ правительствомъ.

Покуда русскіе генералы Стессель и Леневицъ, во главѣ своихъ и международныхъ войскъ, брали Тянь-Цзинь и Пекинъ, — прусскій фельдмаршалъ Вальдерзеэ, назначенный номинально, съ согласія державъ, «придавать единство» движенію союзныхъ отрядовъ, еще не собрался выѣхать изъ Берлина, хотя и держитъ уже въ своихъ рукахъ пожалованный ему императоромъ Вильгельмомъ, на прощанье, фельдмаршальскій жезлъ...

Что касается до сѣвера Китая, гдѣ китайцы портили нашу желѣзную дорогу въ предѣлахъ Манджуріи, то и тамъ блестящіе успѣхи сопровождаютъ повсюду движеніе русскихъ войскъ. Теперь уже почти вся русско-китайская линія находится въ нашихъ рукахъ и быстро поправляется. Прусскому фельдмаршалу, кажется, нечего будетъ и дѣлать ко времени его появленія въ китайской столицѣ... Все дѣло уже покончено, главнымъ образомъ, нашими руками. Полагать надо, что это важное обстоятельство будетъ принято въ расчетъ и при дальнѣйшихъ переговорахъ съ китайскимъ правительствомъ. За территоріальными приобрѣтеніями намъ гоняться нечего; но разъ уже мы взялись за постройку желѣзной дороги въ Манджуріи, намъ слѣдуетъ обезопасить ее отъ неожиданныхъ нападеній. Одной денежной пени за произведенныя разрушенія тутъ мало. Земля, по которой пройдетъ эта дорога, должна быть русскою и находиться подъ охраною русскихъ укрѣпленныхъ мѣстъ.

II.

Давно ли въ Сербіи верховодилъ «опереточный король» Миланъ, давно ли толкалъ ее въ австрійско-жидовскую кабалу, ссорилъ съ Россіею, — ея естественной покровительницей и союзницей, только что избавившей эту славянскую страну отъ турецкихъ пашей и баши-бузуковъ? Давно ли онъ, съ варварствомъ истиннаго баши-бузука, травилъ друзей Россіи, такъ называемыхъ «радикаловъ» съ Пашичемъ во главѣ, томилъ ихъ въ какихъ-то собачьихъ канурахъ подъ названіемъ тю-

ремь, истязалъ въ этихъ инквизиціонныхъ застѣнкахъ, лишаль здоровья, имуществва и гражданской чести? Давно ли?!

И вотъ, словно по мановенію жезла волшебницы-феи произошла въ Сербіи полная перемѣна декорацій. «Главномандующій» сербскою арміею, имѣвшій скверную привычку «ходить по кровавымъ лужамъ въ охотничьихъ сапогахъ» (по его собственному циническому выраженію), уволенъ въ чистую отставку... кажется, даже безъ пенсіи; у австрійскихъ жидовъ вытянулись и безъ того длинные носы, а на всю Сербію рассыпались щедрые солнечные лучи, достигая и до тѣхъ тю, ремь, гдѣ отсиживаютъ еще срокъ своего заключенія гонимые радикалы...

Въ одномъ изъ прекрасныхъ стихотвореній М. Л. Михайлова (переводномъ или оригинальномъ, не помню) мать венгерскаго графа, утѣшая сына, приговореннаго австріяками къ казни, обѣщаетъ ему добиться милостивой аудіенціи у императора и испросить смягченія участи осужденнаго. При этомъ она говоритъ:

...слезами, воплемъ и мольбой

Я сердце разбужу на тронъ.

Не исполнилась, однако, надежда старухи-матери и, чтобы поддержать энергію въ сынѣ передъ казнью, она условнымъ знакомъ обманула его, посуливъ издали помилованіе...

Страдалицу-Сербію, гибнущую на милановскомъ эшафотѣ, по счастью, не пришлось и обманывать; на сербскомъ тронѣ, дѣйствительно, проснулось человеческое сердце—и разбудила его женщина, болѣе молодая, чѣмъ венгерская графиня. Еще бывши невѣстой, теперешняя сербская королева Драга Машина убѣждала короля въ ложномъ направленіи его внутренней и внѣшней политики, въ страшномъ вредѣ, приносимомъ Сербіи варварскимъ деспотизмомъ Милана, и эти убѣжденія дѣйствовали на сердечной почвѣ гораздо внушительнѣе, чѣмъ на почвѣ официальной. Изъ брака короля Александра его отецъ Миланъ хотѣлъ сдѣлать какой-то политическій гешефтъ и навязать сыну въ спутницы жизни какую нибудь нѣмецкую принцессу, сторонницу австро-сербскаго содружества. Но откуда взялась энергія у слабодушнаго короля, безъ возраженія подписывавшаго прежде приговоры о смерти и заточеніи, подносимые ему милановскими клеветами,—и онъ всталъ во весь

*

рость предъ изумленнымъ папашей, приглашая его совѣтъ убраться изъ Сербіи.

Какъ и почему произошла вся эта политическая исторія на романической подкладкѣ, объ этомъ довольно подробно повѣствовалъ самъ молодой король корреспонденту парижской газеты «Figaro».

«Со всѣхъ сторонъ—говорилъ король—меня *принуждали* вступить въ бракъ. Всякій государственный мужъ имѣлъ для меня превосходную невѣсту, но я всегда отказывался, такъ какъ въ подобныхъ дѣлахъ необходимо слѣдовать только голосу сердца. Всякій хотѣлъ навязать мнѣ жену по своему вкусу: то блондинку, то брюнетку, то родовитую, то богатую, между тѣмъ какъ мнѣ казалось, что *я одинъ компетентенъ произвести выборъ*. Я хотѣлъ самъ избрать себѣ спутницу жизни (при этихъ словахъ, король нѣжно посмотрѣлъ на свою невѣсту). Мое единственное желаніе заключается въ томъ, чтобы та, которая рядомъ со мной будетъ сидѣть на сербскомъ тронѣ, была женщина, которую я люблю и уважаю отъ всего сердца. *Я хотѣлъ выбрать себѣ жену, которая меня понимаетъ*, которая обладаетъ житейскимъ опытомъ и способна перенести всѣ трудности, всѣ заботы моего положенія. *Народъ нисколько не враждебно относится къ этому союзу*, хотя мое рѣшеніе и называли государственнымъ переворотомъ».

Продолжая свое интервью съ корреспондентомъ весьма пространенной газеты, король охарактеризовалъ мимоходомъ и отношеніе къ его женитьбѣ со стороны навязаннаго ему Миланомъ министерскаго персонала. «Кабинетъ, покинувшій меня,—сказалъ онъ,—хотѣлъ сыграть со мной плохую шутку. Онъ обошелся со мной неслыханнымъ образомъ. 22 іюля (нов. ст.) я прозвалъ министровъ и сообщилъ имъ свое рѣшеніе: объявить о помолвкѣ. Я пригласилъ ихъ на завтракъ. Двухъ министровъ не хватало. Послѣ засѣданія совѣта, они отправились въ домъ моей невѣсты. Предчувствуя ихъ намѣреніе, я немедленно отправился туда же и засталъ только ея брата, который, послѣ долгихъ убѣжденій, рассказалъ мнѣ, что сестра его *скрылась* у подруги».

Эту подробность г-жа Драга Машина, присутствовавшая при интервью, дополнила слѣдующею чертою: «Оба министра пришли просить меня («просить честию?») удалиться и *предупре-*

дить осложненія въ интересахъ страны (какъ фальшиво звучать эти громкія слова въ устахъ милановскихъ палачей!). Поэтому я и скрылась, но я должна была отнестись съ уваженіемъ къ волѣ короля, который пожелалъ, чтобы я вернулась въ свою квартиру».

Характеризуя новое положеніе вещей, созданное его рѣшимостью въ брачномъ вопросѣ, молодой король выразился слѣдующимъ образомъ: «Прѣжнее министерство нарушило присягу. Положеніе серьезно, но не опасно. Всѣ поймутъ, что я имѣю право и обязанъ обезпечить свое личное счастье, не спрашивая мнѣнія у моихъ родителей или у кого либо другаго. Разногласія, существовавшія въ династіи, создали двусмысленное положеніе, вредно отражавшееся на интересахъ страны. Только тогда въ Сербіи установится прочная политика, когда *личныя и семейныя интриги будутъ совершенно устранены*. Я сожалею, что мнѣ пришлось разойтись съ родителями изъ-за этого вопроса, но мнѣ нечего спрашивать ихъ мнѣнія, потому что въ этой сферѣ я хочу быть полновластнымъ хозяиномъ. Мой бракъ принесетъ странѣ спокойствіе. Что касается внѣшней политики, то я хочу сохранить дружескія отношенія со всѣми державами и въ этомъ моя свадьба ничего не измѣнитъ. Нѣкоторые государи уже прислали мнѣ свое поздравленіе».

Всего дороже, конечно, для сербскаго короля вниманіе русскаго царя, который изъявилъ даже согласіе прислать своего представителя на эту свадьбу.

И внутри страны рѣшительная позиція, принятая королемъ Александромъ, привлекла къ нему симпатіи народа и образованнаго общества.

Въ правительственной сербской газетѣ приведена цѣликомъ рѣчь, произнесенная королемъ на представленіи ему студенческой депутаціи, поздравлявшей его съ помолвкой. Вотъ эта, во многихъ отношеніяхъ, замѣчательная рѣчь. «Я радъ,—отвѣчалъ король на студенческое привѣтствіе,—что вы первыми явились ко мнѣ, такъ какъ я вижу въ васъ будущее Сербіи. *Вы молоды и я молодъ—будемъ вмѣстѣ работать для блага народа*. Я увѣренъ, что вы лучше всѣхъ поймете этотъ бракъ. Посмотрите на эти дворцы, въ которыхъ я родился и выросъ. *Въ нихъ никогда не слышался искренній смѣхъ, не раздавалась тѣсня сердца, но когда здѣсь пѣлись пѣсни, тогда народъ плакалъ и*

рыдалъ. Въ этихъ стѣнахъ кишели сплетни и интриги, какъ холодныя змѣи. А знаете ли противъ кого они направлялись? Противъ сербскаго народа. Подъ такими впечатлѣніями я выросъ и мою душу отравили этими интригами. Но я больше не могу: моя грудь не выдерживаетъ такой тяжести. Сердце мое воспламенилось любовью и я хочу, наконецъ, быть счастливымъ и довольнымъ; я хочу, чтобы счастливымъ и довольнымъ былъ и мой народъ. Я, по желанію многихъ лицъ, смѣнялъ министровъ и дѣлалъ много непопулярныхъ поступковъ, но теперь всему этому наступилъ конецъ, и въ Сербіи будетъ совсѣмъ иное. Меня самыми дерзкими способами склоняли къ отказу отъ этого брака (объ одномъ изъ этихъ «способовъ» сказала выше сама молодая королева)—склоняли именно тѣ лица, которыя убѣждали меня, что студенты-революціонеры. Однако, теперь я убѣжденъ, что это неправда. Я благодарю васъ за поздравленія и прошу передать мой привѣтъ остальнымъ вашимъ товарищамъ, которымъ расскажите все то, что слышали сейчасъ отъ меня».

И студентамъ пришлось передавать въ своихъ кружкахъ дѣйствительно необычайную рѣчь, съ какою едва ли когда нибудь обращался государь къ молодому поколѣнію своего народа! Искренность и теплота этого обращенія невольно подкупаютъ въ пользу короля и заставляютъ смотрѣть снисходительно на вольныя и невольныя прегрѣшенія царственнаго юноши. Разъ эти прегрѣшенія признаны всенародно,—возвратъ къ нимъ становится почти невозможенъ. Не поздоровится, конечно, отъ этого честнаго признанія тѣмъ дворцовымъ опричникамъ, которые стремились сдѣлать изъ своего короля какого-то послушнаго манкена безъ воли и сердца, давно уже отучившись сами отъ всякихъ благородныхъ и безкорыстныхъ человѣческихъ побужденій. Эти интриганы,—какъ удаленный съ позоромъ изъ Сербіи шансонетный герой, такъ и оставшіеся еще въ ней его рабочіе прислужники,—будутъ, конечно, скригѣть зубами на юнаго короля, не стерпѣвшаго ихъ вмѣшательства даже въ личную его жизнь и положившаго конецъ ихъ царствію; но народъ, о благѣ котораго онъ вспомнилъ, и молодая интеллигенція, къ содѣйствію которой такъ чистосердечно обратился, охотно поддержать его добрыя начинанія и защитить отъ гнусныхъ происковъ людей, не имѣющихъ за душою ни одного честнаго

убѣжденія, ни одного искренняго слова. Сердце сердцу вѣсть подасть.

Чтобы загладить преступленія отца, а вмѣстѣ с ъ тѣмъ возобновить добрыя отношенія къ своей матери, королевѣ Наталіи, ея сынъ проэктируетъ уже полную амнистію всѣмъ невинно-пострадавшимъ радикаламъ, что сразу привлечетъ на его сторону сочувствіе наиболѣе популярной политической партіи въ Сербіи. Генераль Груичъ,—давнишній сербскій посланникъ въ Петербургѣ, грубо уволенный Миланомъ,—возвращается къ своему дипломатическому посту, который онъ занималъ съ такимъ достоинствомъ и пользою для обѣихъ славянскихъ странъ. Политическое согласіе съ Россіей восстановлено.

III.

Еврей-талмудисты, кажется, не шутя собрались осчастливить Европу — своимъ отбытіемъ въ Палестину. «Скатертью дорога!» только и можно сказать имъ на прощанье. По крайней мѣрѣ, петербургскіе «сіонисты» (сторонники основанія отдѣльнаго еврейскаго царства) заявили уже на послѣднемъ сіонистскомъ конгрессѣ, что отъ словъ они перешли къ дѣлу и собрали уже солидную сумму — около полутора милліона рублей — на приобрѣтеніе палестинской территоріи и на издержки переселенія. Эта сумма собрана по большей части *одними русскими евреями*; но она, по всей вѣроятности, возвысится до огромныхъ размѣровъ, если въ такой патріотической «кладчинѣ» примутъ участіе жиды австрійскіе, французскіе и англійскіе.

Впрочемъ, «отъ добра добра не ищутъ», и англійскіе евреи, отлично поладившіе съ Джонъ-Булемъ,—вѣроятно, вслѣдствіе сродства душъ, питающихъ одинаковую любовь къ золотому тельцу, — слышать не хотятъ о такой поголовной эмиграціи. Англійскіе джентльмены моисеева закона, возставая противъ сіонизма, говорятъ въ унисонъ, что сіонисты, выставляющіе евреевъ, *какъ отдѣльную и обособленную націю*, только подтверждаютъ основательность обвиненій, высказываемыхъ анти-семитами, и даже оправдываютъ ихъ. Другими словами, англійскіе джентльмены моисеева закона, оставаясь въ душѣ сынами

израиля и надѣвая на себя, какъ маску, «показную національность» (счастливое выраженіе статута «Всемирнаго израильскаго союза»), не желаютъ только раскрывать передъ всѣмъ свѣтомъ свои крапленныя карты и надѣются продолжать подъ сурдинку свою игру «съ болванами». Они претендуютъ на сіонистовъ только за излишнюю откровенность. Также точно отозвались на сіонистскія приглашенія и нѣкоторые прусскіе и французскіе раввины, счастливо проживающіе среди эксплуатируемыхъ ими гоевъ.

Но мы одобряемъ сіонистовъ именно за эту прямоту и откровенность, при всемъ нашемъ несочувствіи къ сущности талмудическаго ученія, которое сдѣлало изъ библии такую же точно фальсификацію, какъ иезуитизмъ—изъ христіанской религіи. Сіонисты заявляютъ, безъ лжи и оговорокъ, что они принадлежатъ къ «еврейской національности» и не желаютъ носить никакой другой національной маски. Евреи, по талмуду, составляютъ *прирожденную общечеловѣческую аристократію*; они—дѣти самого божества и оскорбленіе еврея въ этой аристократической привилегіи есть «оскорбленіе величества». Дальше этихъ геркулесовыхъ столбовъ племенная манія идти не можетъ... Другимъ же народамъ человѣческая наружность дана только для того, чтобы евреямъ «не противно было принимать отъ нихъ рабскія услуги». Но они несомнѣнно должны рабствовать передъ евреемъ, которому въ гоимской средѣ и принадлежать,—такъ сказать, по естественному праву,—всѣ выдающіяся общественныя положенія и—главное—все имущество гоя. Сіонисты имѣютъ мужество признавать всѣ эти національныя претензіи еврейства и, видя, что эти претензіи отнюдь не уживаются ни съ какимъ европейскимъ государственнымъ строемъ, ищутъ счастливыхъ условий для ихъ практическаго осуществленія на особой спеціально-еврейской территоріи. Сіонисты предвидятъ, что, не смотря на ловкую поддѣлку подлинныхъ завѣтовъ талмуда и приспособленіе ихъ къ общепринятой христіанской морали; не смотря на «страхи іудейскіе» и на захватъ кагальною силою всѣхъ жизненныхъ артерій государственнаго организма,—тяжелый гнетъ, висящій надъ европейскими націями, приведетъ къ вулканическому взрыву, въ которомъ погибнуть безразлично всѣ «прирожденные аристократы», начиная отъ банкира и кончая послѣднимъ

гешефтмахеромъ. Вотъ на этотъ фатальный случай они и заботятся дать еврею какойнибудь уголокъ на своей собственной національной территоріи...

На этой территоріи — будь она хоть самая маленькая — сіонисты и пробуютъ создать очагъ самостоятельнаго еврейства.

Но кто же, однако, въ этомъ проектируемомъ сіонистскомъ государствѣ, состоящемъ подъ сюзеренною властью турецкаго султана, — кто будетъ исполнять такъ называемыя «черныя работы»: заниматься постылымъ для еврея землепашествомъ и тяжелыми, требующими физическаго труда, ремеслами? Вѣдь «прирожденные аристократы» куда какъ не любятъ ковыряться въ землѣ, быть каменщиками, кузнецами, плотниками и рудокопами! Еще меньше у нихъ охоты защищать свое отечество съ оружіемъ въ рукахъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ переселяться массами въ новую «обѣтованную землю», какъ бы она ни называлась — Палестиною, Аргентиною или какънибудь иначе, — еврейскимъ главарямъ придется захватить съ собою, въ цѣпяхъ или безъ цѣпей, какуюнибудь человѣческую разновидность низшей расы или заарканить ее на новомъ мѣстѣ переселенія. Тогда «прирожденный аристократъ» будетъ *работать*... только на биржѣ, въ банкѣ, въ министерствѣ, въ парламентѣ или въ редакціяхъ, а добывать за него хлѣбъ, копать каналы, строить хоромы, извлекать минеральныя богатства изъ нѣдръ земли, ухаживать за скотомъ и вывозить всякія нечистоты будетъ уже необрѣзанный пасынокъ природы... Ему же, этому гою или пасынку природы, должна быть навязана, — ну, хоть по найму, какъ въ англійской арміи, — и обязанность проливать свою кровь для защиты еврейской территоріи. Чистокровный талмудистъ не возьмется за эту роль, а развѣ лишь пристроится къ интендантскому обозу. И будетъ это еврейское государство, даже имѣя свою территорію, висѣть на воздухѣ. «Нѣтъ! — разсуждаютъ сытые и довольные сыны израиля, благополучно присосавшіеся къ чужой территоріи — лучше ужъ поживемъ въ гостяхъ, у гоя за пазухой. Оно и теплѣй, и привольнѣе. А до общаго катаклизма еще далеко. Да, наконецъ, мы, евреи, народъ смышленный и въ критическую минуту можемъ прикинуться чѣмъ угодно. Авось и гроза пройдетъ мимо»...

IV.

Настоящей, серьезной грозы для евреевъ пока еще нѣтъ; но она приближается и ея признаки становятся все тревожнѣе и замѣтнѣе. Въ Сѣверной Америкѣ не пускають съ кораблей русскихъ евреевъ; румынскіе жиды также не пользуются ничѣмъ гостепрѣимствомъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ ползуть восвояси; во Франціи еврейскій вопросъ, послѣ дѣла Дрейфуса, обострился до послѣдней степени и, кажется, тамъ не обойдется безъ крутыхъ репрессалій; вообще «сѣдобный» циклъ для еврейской саранчи сокращается все больше да больше. Милліонная масса людей, лѣзущая, — вопреки всѣмъ правиламъ государственной экономіи, — въ «посредники» между спросомъ и предложеніемъ труда, между трудомъ и капиталомъ, истощивъ всѣ источники производства, начинаетъ уже пожирать другъ друга, какъ пауки въ банкѣ. Примѣръ такого самопожиранія въ нашемъ Сѣверо-западномъ краѣ приводился уже въ одной изъ провинціальныхъ хроникъ «Наблюдателя» (№ 6), и въ Могилевѣ жидовская разбойничья банда («хевря»), въ своихъ подвигахъ грабежа и изнасилованія, не щадила уже и еврейскихъ женщинъ...

Въ Одессѣ, до краевъ переполненной евреями, послѣдніе не приговорены еще судьбой ко взаимному пожиранию, но періодически повторяющіеся въ городѣ уличные «безпорядки» свидѣлствуютъ настоятельно о какомъ-то *органическомъ недугѣ*, котораго нельзя устранить одними внѣшними паллятивными мѣрами. Ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ своевольная расправа, конечно, не можетъ быть допущена и одесскіе буяны потерпятъ заслуженное ими наказаніе, но изъ-за этихъ бурныхъ вспышекъ, — самая періодичность которыхъ указываетъ на присутствіе глубоко скрытыхъ и неустраненныхъ причинъ, — выдвигается опять таки на сцену неотвязный «еврейскій вопросъ», который начинаетъ уже тяготить коренное населеніе чуть ли не во всѣхъ мало-мальски людныхъ русскихъ городахъ (въ этой же книгѣ журнала читатели найдутъ свѣдѣнія объ осадѣ Вязьмы жидами; а раньше сообщалось о такой же *осадѣ* Петербурга, Кіева, Харькова и многихъ другихъ большихъ городовъ).

Въ Одессѣ можно прямо опредѣлить ту вулканическую почву, на которой происходятъ опасные взрывы, нарушающіе спокойствіе во всемъ городѣ. Этотъ вулканъ называется «толкучкой», и хотя помѣщается номинально «на рубежѣ города», но въ дѣйствительности находится вовсе не гдѣ нибудь на далекой окраинѣ, а *въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ пунктовъ городской сутолоки*, возлѣ Молдаванки, за которой слѣдуетъ Бугаевка и обѣ виѣстѣ превышаютъ своею обширностью площадь самаго города, хотя, по какому-то недоразумѣнію, считаются его предмѣстьями. Отдѣляется Молдаванка отъ города длинной изогнутой улицей, называемой Старо-портофранковской. Улица эта—нѣчто въ родѣ московской Садовой. Какъ Садовая въ сущности еще не дѣлитъ Москвы, такъ и Старо-портофранковская не раздѣляетъ Одессы. И до Старо-портофранковской, и за ней простирается *все та же Одесса*. Разница только въ томъ, что мѣстное городское управленіе себѣ на умѣ: оно относится матерински къ Іудессѣ и какъ мачиха—къ Молдаванкѣ. Въ городѣ—хорошія мостовыя, порядочные тротуары, газовое освѣщеніе, а на Молдаванкѣ хоть глазъ коли и прескверная мостовая, поливаемая только дождемъ. На Молдаванкѣ живетъ преимущественно народъ небогатый и мастеровщина; здѣсь значительно преобладаетъ элементъ русскій; еврей же—мелкіе торговцы и ремесленники (занимающіеся, по всей вѣроятности, болѣе чѣмъ сомнительными ремеслами). Бугаевка—продолженіе той же Молдаванки и носить тотъ же колоритъ. Отъ площади, на которой расположилась толкучка, пошли радіусами нѣсколько улицъ и между ними Тираспольская. Конецъ Тираспольской улицы, примыкающей къ толкучкѣ, носитъ характеръ петербургскаго Апраксина переулка и отчасти набережной Фонтанки: здѣсь на панеляхъ, въ особенности по вечерамъ и по праздникамъ, вѣчно снуютъ черно-рабочіе и камешники; одни отъ бездѣлья грызутъ сѣмечки, другіе собираются въ группы и держать совѣтъ, какъ бы и гдѣ выпить. Тутъ же, къ концу Тираспольской, въ двухъ шагахъ отъ толкучки, примыкаетъ пользующаяся недоброй славой въ Одессѣ и на всемъ югѣ *Кривая* улица, сплошь усянная домами непотребства («ремесло» особенно любимое евреями). Разгулъ идетъ здѣсь и ночью, и днемъ... Кстати, недалеко отъ толкучки протянулся и Щепной переулокъ съ

домами, содержимыми такими же «честными и безупречными» еврейками, как Стыся К. въ Гомелѣ и Черниговѣ (см. «Отголоски» въ № 7 «Наблюдателя»). Когда происходили въ Одессѣ антиеврейскіе беспорядки въ 80-хъ годахъ, буйныя толпы, быстро сомкнувшись у толкучки и разгромивъ ее, спѣшили направиться на Кривую, гдѣ и начинали разгромъ проституціонной комерціи: каждый изъ вольныхъ общниковъ этой дружины срывалъ свою злобу и месть на улицѣ терпимости. Все имущество гнусныхъ притоновъ не похищалось (очевидно, никто не хотѣлъ «марать рукъ»), но истреблялось или выбрасывалось на улицу громами, и мостовая въ скорѣйшемъ времени обращалась въ мягкое пуховое ложе отъ разрываемыхъ на части пуховиковъ, перинъ и подушекъ. Если еще прибавить къ этой «смѣтѣ», что вся площадь толкучки и идущія къ ней улицы кишмя-кишатъ разными питейными заведеніями еврейскихъ же содержателей, — то станетъ вполне понятно, почему всѣ уличныя беспорядки зарождаются именно здѣсь и переходятъ на другія смежныя улицы.

«Сама по себѣ — говорить одесскій корреспондентъ «Новаго Времени» (№ 8771) — одесская толкучка всегда готова дать толчокъ для уличныхъ скандаловъ, которые, какъ прежде, такъ и 16 іюля, вдругъ приняли такіе ужасающіе размѣры, что потребовали участія войскъ для ихъ подавленія. Пустой, малозначущій инцидентъ вдругъ разрастается въ цѣлое народное движеніе. Примѣры прошлаго краснорѣчиво и убѣдительно говорятъ, — кому надлежитъ вѣдать, — что одесская толкучка должна быть преобразована и оздоровлена. По адресу одесской толкучки и всѣхъ безобразій ея, немало ратовалъ покойный издатель-редакторъ «Новороссійскаго Телеграфа» М. П. Озмидовъ ¹⁾, но все это невпрокъ и толкучка живетъ и благоденствуетъ по старому: каковой она была 10—15 лѣтъ назадъ, такую же она остается и теперь. Это, въ своемъ родѣ, удѣльное *еврейское княжество* въ еврейскомъ царствѣ Одессы. Всѣ эти комерсанты толкучки — безъ

¹⁾ Въ отместку за эти изобличенія жидовства, одесскій кагалъ, при продажѣ имущества Озмидова, какъ извѣстно, устроилъ такъ, что его огромный домъ пошелъ за безцѣнокъ, въ уплату долговъ, а вдова (урожденная Неволина) умерла, чуть не нищая, въ петербургскихъ меблированныхъ комнатахъ...

исключенія еврей; наглость и безцеремонность ихъ со всякимъ имѣвшимъ несчастіе попасть въ ея нѣдра, не имѣеть границъ. *Оскорбленія, насмѣшки, такъ и посылаются на его голову со всѣхъ сторонъ*; въ этомъ отношеніи толкучка дѣйствуетъ крайне солидарно, да и не удивительно: солидарность евреевъ во всякомъ ихъ столкновеніи съ «гоемъ» засвидѣтельствована давно и повсюду, гдѣ только гнѣздятся сыны израиля. Поэтому русское населеніе Одессы такъ и ненавидитъ эту толкучку; потому-то такъ часто тамъ и повторяются столкновенія, завершающіяся такъ ужасно».

Къ этимъ мѣстнымъ свѣдѣніямъ объ источникѣ и центрѣ буйной заразы въ Іудеесѣ другія газеты прибавляютъ болѣе конкретное указаніе, что на этой именно толкучкѣ распродалъ свои ненужныя вещицы какой-то солдатикъ, отправлявшійся въ походъ на Дальній Востокъ, а еврей-торгашъ, посулившій жалкіе гроши за эту рухлядь, кончилъ тѣмъ, что хотѣлъ со-всѣмъ ужь даромъ отобрать ее. За обиженного вступилась подвыпившая толпа (вдобавокъ къ обсчитыванію, еврей пустилъ въ дѣло и свои кулаки, что сильно напоминаетъ моголиевскія сцены)—и сыръ-боръ загорѣлся по всей линіи...

Когда у насъ заходитъ рѣчь о полицейскихъ безпорядкахъ въ мѣстахъ сосредоточенія еврейскихъ элементовъ, наша жидовская и жидовствующая пресса, закрывая глаза на глубокіе корни талмудической заразы, тычетъ обыкновенно пальцами на грубое нарушеніе уличнаго благочинія, а реббе Нотовичъ вопіеть, кромѣ того, на темы: неприкосновенности домашняго очага и свободы религіозной совѣсти (какъ будто въ этихъ погромахъ преслѣдуется религія, а не житейскіе подвиги евреевъ!) При этомъ нерасположеніе нашего народа къ жидамъ объясняется исключительно его невѣжествомъ, всяческими пороками и неутомимой охотою къ грабежу. Виновата, словомъ, только одна сторона. Послушать этихъ іудейскихъ соловьевъ,—такъ придется невольно усомниться даже въ нашемъ историческомъ правѣ на существованіе... То ли дѣло, еслибы въ русскомъ государствѣ верховодили и насаждали сѣмена талмудическихъ добродѣтелей «цивилизованные», «культурные», «непорочные» и «безсребренные» жидаы. Совсѣмъ вѣдь иначе сложилась бы и русская исторія, къ наивысшему процвѣтанію еврейскихъ толкучекъ и домовъ терпимости!

Я живо помню время освобожденія крестьянъ въ Россіи и тѣ мрачныя краски, которыми наши крѣпостники описывали умственный и нравственный уровень «сиволапаго мужика». Эти краски припасались съ давнихъ поръ, чтобы запугивать правительство и расхолаживать его энергію на благія попытки эмансипаціи. Въ «Вѣстникѣ Европы» только что напечатанъ любопытный дневникъ (1818 г.) А. А. Тучкова, посвятившаго свою жизнь идеѣ освобожденія. Беремъ оттуда слѣдующія строки: «Смѣло можно сказать, что *напрасно думаютъ о русскихъ крестьянахъ, что они варвары* безо всякаго просвѣщенія, что *они преданы почти весь пьянству* и не чувствуютъ вреда, происходящаго отъ сего пагубнаго порока; что они, *получивъ однажды свободу, не въ состояніи будутъ употреблять ее на что либо полезное*, и что тогда *размножится число людей, преданныхъ всякимъ порокамъ, особливо же грабежъ и разбой*. Наконецъ, напрасно говорятъ, что теперь — *золотое время* спокойствія и тишины, благодаря власти помѣщиковъ... Не думайте, чтобы крестьяне не видѣли своего порока (пьянства): они чувствуютъ его и тѣмъ еще бѣднѣе достойны сожалѣнія. Не отъ одного крестьянина слышалъ я, что кабаки ихъ разоряютъ, что государственныя подати для нихъ еще не такъ велики и что съ нихъ собираютъ гораздо большій оброкъ — деньги, которыя они платятъ за вино».

Закабаленіе кореннаго русскаго населенія еврейскимъ кагаломъ будетъ почище всякаго крѣпостнаго права (членъ совѣта государственнаго крестьянскаго банка, С. Н. Неклюдовъ, даже прямо приравнивалъ экономическое и нравственное порабощеніе сѣверо-западныхъ крестьянъ къ татарскому игу) — и вотъ, въ оправданіе этой кабалы, мы видимъ повтореніе тѣхъ же стереотипныхъ доводовъ, что и во времена крѣпостничества: и невѣжество и пьянство, и грабежъ... Только эта иноплеменная и иновѣрная кабала идетъ еще глубже физическаго закрѣпощенія и извращаетъ коренныя основы государственнаго и народнаго быта. На ставку тутъ ставится не только экономическая свобода, но и нравственное благополучіе. Жидъ не только *разоряетъ* и угнетаетъ, но *вывѣтриваетъ душу* русскаго крестьянина, деморализуя его всяческими способами.

И если мы дожили, наконецъ, послѣ многолѣтнихъ ожиданій, до свѣтлой зари освобожденія крестьянъ отъ крѣпост

ныхъ цѣпей, то рано или поздно распадется и хитро сфабрикованное еврейское ярмо.

Безсильные и грубые порывы самоуправства только отдаляютъ, а не приближаютъ время правильнаго рѣшенія еврейскаго вопроса, какъ пугачевскій бунтъ отодвинулъ на сто лѣтъ крестьянскую свободу. Тѣмъ не менѣе историческая и божеская правда не теряетъ своей силы и нисходитъ въ міръ послѣ всякихъ случайныхъ ошибокъ и увлеченій...

Ефимъ Простосердовъ.

Вопль іудея.

«Сидягомъ и плакатомъ»...

Дрейфуса дѣло измѣнило!
Голубчика прогнали вонъ,
Какъ мы ни напрягали силы,
Какъ ни радѣль синедріонъ.

Режі хотѣли мы ухлопать
За «противленіе властямъ»,
Но грибъ и тутъ пришлось намъ слопать:
Вальдѣкъ не справился... о срамъ!

И какъ въ помѣстные дворяне
Ни лѣзли мы въ самой Руси—
Страна вопила вся заранѣ:
«Господь отъ дьявола спаси»!

И въ предводители дворянства
Теперь ужъ «нашимъ» не попастьъ,
Хоть мы и набралися чванства,
Свою разинувъ алчно пасть.

Попался бъ мужичокъ намъ въ руки
Со всей земелькой и добромъ;
Жидовской не избѣгъ бы муки
И билъ бы за нее жъ челомъ.

Молва идетъ, что и въ ремѣсла
Намъ двери скоро позапрутъ;
Тогда мы, препоясавъ чресла,
Откроемъ въ Палестину путь!

Ицко Соломоновъ.

На Дальнемъ Востокѣ.

Китай бунтуеть и грозитъ!
«Стальной щетиною сверкая»,
Весь свѣтъ теперь уже спѣшить
Сразиться съ дерзостью Китая.

Но мучить насъ одинъ вопросъ:
«Культуры» этой въ чемъ задача?
Чтобы ввозъ опія возросъ
Въ страну стenanія и плача?!

Чтобы оружемъ англичанъ
«Небесный сынъ» калѣчилъ русскихъ,
А ошалѣлый богдыханъ
Надѣлъ мундиръ гусаровъ прусскихъ?!

Князь Tenerифскій.

Ростовщигу.

«Не то бѣда, что ты полякъ...
Костюшко—ляхъ, Мицкевичъ ляхъ».

А. Пушкинъ.

Не то бѣда, что ты еврей:

Лассаль и Гейне—юдеи;

Но то бѣда, что ты *халдей*

И въ самой жизни, и въ идеѣ.

Не-талмудистъ.

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

С.-Петербургскій Попечительный Комитетъ о сестрахъ Краснаго Креста, въ виду событій на Дальнемъ Востокѣ, приглашаетъ всѣхъ бывшихъ слушательницъ подготовительныхъ курсовъ Краснаго Креста заявить лично или письменно Общинѣ Св. Евгеніи (Пески, Старорусская, 3) о мѣстѣ жительства и о готовности явиться по первому требованію Комитета.

Пріемъ на подготовительные курсы Краснаго Креста при С.-Петербургскомъ Попечительномъ Комитетѣ Краснаго Креста, по примѣру прежнихъ лѣтъ, назначенъ съ 20-го августа. Прошенія слѣдуетъ направлять въ Общину Св. Евгеніи (Пески, Старорусская, 3) на имя Предсѣдательницы Комитета.

ПО СЛУЧАЮ ВСЕМІРНОЙ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ

ВЫПУЩЕНЫ

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА

КРАСНАГО КРЕСТА

Продаются: въ Главномъ Управленіи (Инженерная, 9) и въ лучшихъ магазинахъ.

Складъ: въ Попечительномъ Комитетѣ, Пески, Старорусская, 3.

СОДЕРЖАНІЕ № 8-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

	Стран.
I. «Во тьмѣ невѣжества». (Очеркъ изъ недавняго прошлаго). Д. Федорова.	9
II. Осень жизни. Стихотвореніе А. Круглова.	44
III. Гигіена и ея значеніе въ жизни человѣка. (Къ вопросу о необходимости введенія гигиены въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Д. Райскаго	45
IV. Мечта. Стихотвореніе Ѳ. Сологуба	64
V. Несчастливая находка. Разсказъ К. Максимова.	66
VI. Францъ фонъ-Зикингенъ. (Страничка изъ исторіи Великой реформаціи). Б.	89
VII. Разочарованіе. Стихотвореніе Г. Арищенки.	107
VIII. Пионерки. (Романъ въ трехъ частяхъ, Марсея Превд).	108
IX. Овидій. Стихотвореніе С. Минцлова.	205
X. Провинціальная жизнь. X.	206
XI. Житейскій маскарадъ. Стихотвореніе К.	229
XII. Поздняя исповѣдь. Романъ Лео Гильдена. (Съ нѣмецкаго).	231
XIII. Кошмаръ. Стихотвореніе Н. Т.	297
XIV. Какъ издаются якобы «русскія» газеты? А. Дипранди.	298
XV. Гумбертъ I, король Италіи. (Съ <i>портретомъ</i>).	305

Современное Обзорѣніе.

XVI. Политическая хроника	1
XVII. Новыя книги.	19
XVIII. Отголоски. (Корреспонденція «Наблюдателя»).	25
XIX. Наши внутреннія дѣла.	42
XX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «И смѣхъ, и горе». (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова.	61
2) Стихотворенія: Ицки Соломонова, Князя Тенериф- скаго и Не-Талмудиста.	78
XXI. Объявленія.	1

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

NOV 19 1954
CANCELLED
CHARGE

